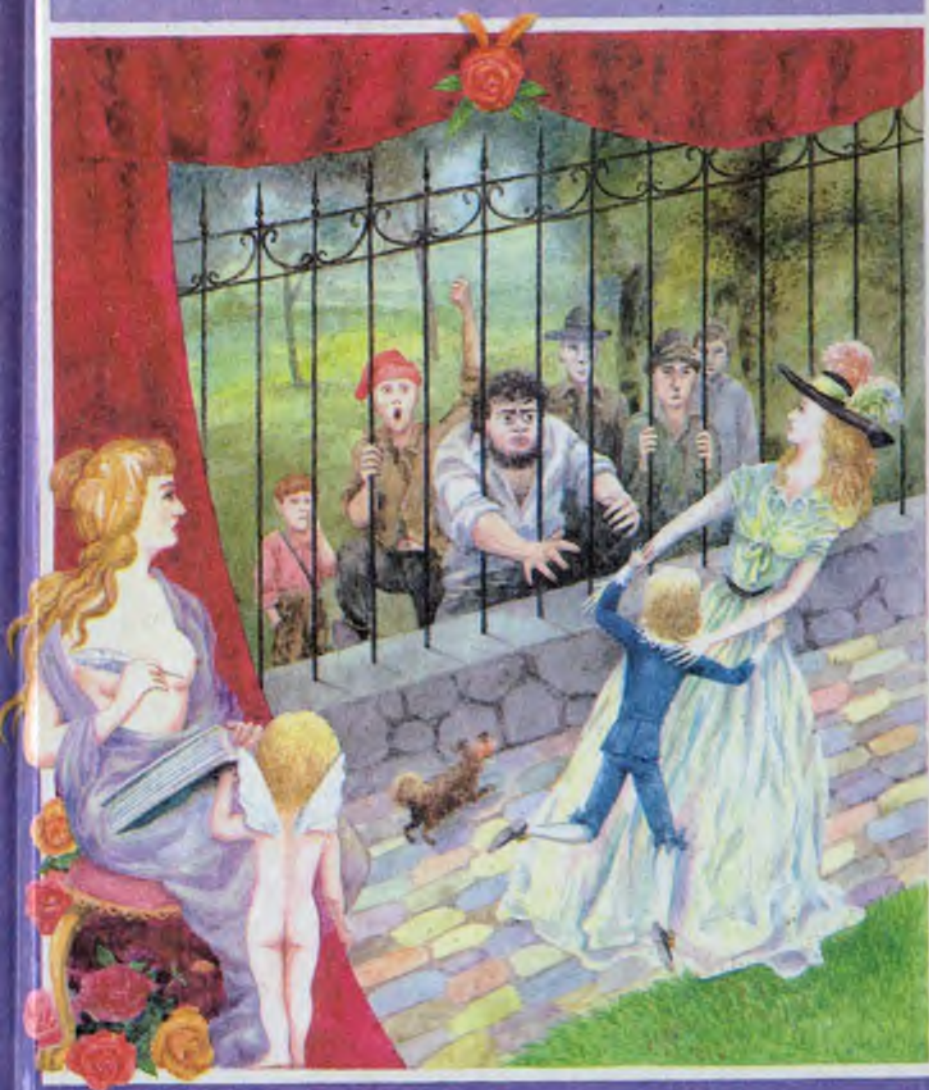

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ МОНАРХОВ

Л. Мюльбах

ТРАГЕДИЯ КОРОЛЕВЫ

(по изданию
А. А. Каспари)

Таллинн «Folium»

Казань «Элко-С»

1994

ББК 84. 3Фр
М98

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАГЕДИЯ КОРОЛЕВЫ

Глава I. Счастливая королева	3
Глава II. Принцесса Аделаида	11
Глава III. Трианон	19
Глава IV. Ожерелье королевы	30
Глава V. Дружья и враги	38
Глава VI. Процесс	44
Глава VII. Дурное предзнаменование	60
Глава VIII. Перед венцом	70
Глава IX. Открытие генеральных штатов	78
Глава X. Наследие дофина	82
Глава XI. Король Людовик XVI	88
Глава XII. Пятое октября 1789 года	95
Глава XIII. Ночь ужаса	106
Глава XIV. В Париж!	115
Глава XV. Мама-королева	122
Глава XVI. В Сэн-Клу	144
Глава XVII. Мирабо	153
Глава XVIII. Революция в театре	167
Глава XIX. От 20-го июня до 10-го августа 1792 года	187
Глава XX. Узники Тампля	206
КОРОЛЬ БЕЗ ТРОНА	221

СЧАСТЛИВАЯ КОРОЛЕВА

Это было тринадцатого августа 1785 года. Королева Мария Антуанетта уступила наконец мольбам своих горячо любимых подданных и, покинув на один день великолепный Версаль и свой милый Трианон, появилась в Париже, чтобы показаться народу, познакомить его с новорожденным сыном, которым она подарила короля и французский народ двадцать пятого марта, и в соборе Норт-Дам получить от духовенства благословение, а от представителей Парижа - поздравления.

Прекрасная, очень любимая королева встретила восторженный прием. Она въехала в Париж в открытом экипаже, окруженная своими тремя детьми, и все, кто узнавал ее, радостно приветствовали ее и торопились следовать за ней до самого собора, на пороге которого ее встретило высшее духовенство, с кардиналом Луи де Роганом во главе, чтобы тожрественно внести ее в дом Царя царей.

Мария Антуанетта приехала совсем одна; ее сопровождали только гувернантка "детей Франции", герцогиня Полиньяк, да нормандка-кормилица, державшая на руках второго сына короля, Людовика Карла, герцога Нормандского.

На заднем сидении, рядом с королевой, сидели ее старшие дети: старшая дочь короля ее королевское высочество, мадам* Тереза, и дофин Людовик, предполагаемый наследник Людовика XVI.

- Поезжай в Париж, дорогая Антуанетта, - сказал своей супруге добродушный король, - доставь моим добрым гражданам эту радость! Покажи им наших детей и прими выражения их восторга за то счастье, которым ты подарила меня и их. Я не еду с тобой, чтобы не делить твоего триумфа. Поезжай и наслались этим часом счастья!

Когда королева вышла из собора, вся площадь представляла собой волнующееся море, бурно плескавшееся и гнавшее свои темные волны в прилежавшие к площади улицы, чтобы наполнить весь Париж своим радостным шумом и грозным всплеском. Весь Париж приветствовал в этот час не королеву, но прекрасную женщину, счастливую мать, которая, подобно матери Гракхов, не имела других спутников, других защитников, кроме своих сыновей, не имела другой придворной дамы, кроме своей дочери, на плечо которой положила руку, являясь во всем блеске королевского и материнского величия. И весь Париж, явившийся приветствовать королеву, женщину и

* Титул, отличавший старших теток, старших сестер и старших дочерей короля.

мать, потрясал воздух дружными, радостными, восторженными криками:

- Да здравствует королева! Да здравствует Мария Антуанетта! Да здравствуют красавица-мать и прекрасные дети Франции!

Эти крики, эти радостные лица и горящие глаза в свою очередь воодушевляли королеву. К ее щекам также прилила кровь, ее глаза также засверкали. Она встала в экипаже и движением, полным невыразимой грации, взяв у кормилицы ребенка, подняла его высоко кверху, чтобы показать его парижанам. При этом маленькая шляпка, приколотая сбоку к ее напудренной прическе, съехала ей на затылок, а прекрасные руки, высоко державшие ребенка, обнажились до локтя, так как кружевные рукава спустились на плечи. Тогда восторг толпы обратился в настоящий фанатизм.

- Что за женщина! Какова красавица! - слышались отдельные голоса, - какие чудные руки! Какой прелестный затылок!

Яркая краска залила лицо Марии Антуанетты. Похвалы женщине пробудили в ней королеву; она поспешно передала дитя кормилице и, опустившись на подушки экипажа, поправила шляпку и кружевную мантилью, после чего приказала кормилице:

- Скажите кучеру, чтобы он ехал скорее!

Та поспешила дернуть за шнурок и передать это приказание.

- Ну, Тереза, - с улыбкой обратилась королева к дочери, - разве не отрадно, что наш добрый народ так радостно приветствует нас?

Семилетняя принцесса, с недовольным видом покачав гордой головкой, воскликнула:

- Мама, эти люди кажутся такими грязными и гадкими... Я не люблю их...

- Молчи, дитя, молчи! - прошептала королева, страшась, как бы толпа, тесно обступавшая коляску, не услышала неосторожных слов ребенка.

Ее опасения были не напрасны: какой-то блузник с красным лицом и маленькими пронзительными черными глазками понял слова юной принцессы и, бросив на нее злобный и угрожающий взгляд, произнес:

- Мадам нас не жалует, потому что мы грязны и некрасивы; но и мы вероятно казались бы чистенькими и хорошенькими, если бы могли разрядиться и разъезжать в важных каретах. Но мы должны работать и мучиться, чтобы платить подати; а если бы мы не платили их, то нашему королю и его семье не приходилось бы гордиться блеском да богатством. Мы бедны потому, что работаем на него!

- Прошу вас, - коротко сказала ему королева, - простить мою дочь: она - еще дитя и не понимает, что говорит. Родители научат ее любить добрый, трудолюбивый народ и быть ему благодарным за его любовь, мосье.

- Я - вовсе не мосье, - грубо возразил блузник, - я - просто бедный мастер, сапожник Симон, и больше ничего!

- В таком случае, мессир Симон, я прошу Вас принять от моей дочери изображение ее отца и выпить за наше здоровье, - сказала королева, кладя в руку дочери луидор, причем шепнула ей: - дай ему!

Принцесса поторопилась исполнить приказание матери и положила блестящий золотой в протянутую к ней широкую, грязную руку. Толстые, костлявые пальцы сапожника сжали ее ручку и не выпускали.

- Вот так маленькая ручка, - насмешливо сказал он, - а что стало бы из таких пальчиков, если бы им пришлось работать?

- Мама! - испуганно вскрикнула принцесса, - вели этому человеку отпустить мою руку! Мне больно!

Сапожник громко расхохотался и, выпустив руку, злобно сказал:

- Ага! Принцессе больно уже от одного прикосновения рабочей руки! Вам лучше бы держаться подальше от нас и никогда не являться среди народа!

- Поезжайте же скорее! - громко и повелительно сказала кучеру королева.

Он ударил по лошадям, и народ, толпившийся у самого экипажа и, затаив дыхание, слушавший разговор королевы с сапожником, с боязливymi криками и визгом бросился в разные стороны от взвившихся на дыбы коней.

Экипаж поехал крупной рысью, и королева снова улыбалась и ласково кивала народу, который уже снова с энтузиазмом приветствовал ее, восторгаясь ее красотой и милотидностью ее детей.

А сапожник Симон все еще стоял на прежнем месте, насмешливо скаля зубы, и смотрел вслед королевскому экипажу.

Чья-то рука опустилась на его плечо, и язвительный, дрожащий голос спросил его:

- Вы любите эту австриячку, мессир Симон?

Сапожник быстро обернулся. Перед ним стоял какой-то странно искривленный и сторбившийся человек с неестественно большой головой, плохо подходившей к узким плечам; весь его вид произвел такое впечатление на Симона, что он громко расхохотался.

- Вы находите меня безобразным, не так ли? - спросил незнакомец, стараясь также засмеяться, но вместо смеха получила гримаса, растянувшая его неестественно огромный рот

с толстыми, бесцветными губами от уха до уха и показавшая два ряда отвратительных, длинных зеленоватых зубов. - Вы находите меня страшно безобразным? - повторил он, так как хохот сапожника стал еще громче.

- Я нахожу Вас очень странным, - сказал Симон, - если бы я не слышал, что Вы говорите по-французски и не видел, что вы ходите на двух ногах, как все мы, то я подумал бы, что Вы - та громадная жаба, о которой я недавно читал в сказке.

- Да я и есть та самая жаба из сказки, - со смехом подтвердил незнакомец, - я только на сегодня нарядился человеком, чтобы посмотреть на австриячку с ее отродьем. Позволю себе еще раз спросить Вас: любите ли Вы эту австриячку?

- Нет, убей меня Бог! Не люблю! - с жаром воскликнул сапожник.

- А почему бы Богу убивать Вас за это? - быстро возразил незнакомец. - Что же, Вы думаете, уж такое огромное несчастье, если не любишь австриячку?

- Нет, собственно говоря, я этого не думаю, - задумчиво возразил сапожник, - перед Богом-то это - не грех, а вот перед людьми - грех, за который платят долгим и тяжелым заключением в тюрьме, а так как я люблю свободу, то и остерегаюсь рассказывать чужим людям, что именно я думаю.

- Вы любите свободу? - воскликнул незнакомец, - дайте мне свою руку и позвольте поблагодарить Вас за это прекрасное слово, брат мой!

- Ваш брат? - с изумлением повторил сапожник, - я не знаю Вас, а Вы так себе, здорово живешь, называете себя моим братом?

- Вы сказали, что любите свободу, а потому я и приветствую в Вас брата. Все, любящие свободу, - братья, так как признают эту добрую и милостивую мать, которая не делает различия между своими детьми и любит их всех совершенно одинаково, хотя бы один назывался графом, а другой - ремесленником. Перед матерью-свободой все мы равны и все - братья.

- Это звучит красиво, - возразил сапожник, - только беда в том, что это - неправда. Если все - братья, то почему же король ездит в золоченой карете, а я, в качестве сапожника, потея гащусь на своих вороных - на собственных подошвах?

- Король - не сын свободы! - яростно воскликнул незнакомец, - он - сын деспотизма, оттого и хочет унижить до полного рабства своих врагов, сынов свободы! Неужели мы всегда будем терпеть это? Неужели не захотим наконец подняться из праха и унижения?

- Ну, конечно, если бы мы могли, то очень захотели бы этого! - с грубым смехом воскликнул Симон, - Да вот все дело в том, что мы не можем! Король имеет власть держать нас в

цепях, а прекрасная дама-свобода, о которой Вы говорите, что она - наша мать, преспокойно позволяет, чтобы ее сынов держали в рабстве и унижении.

- Она только временно допускает это, - возразил незнакомец громким, визгливым голосом, - но она уже готовит день возмездия и смеется над теми, кого она хочет низвергнуть и которые сами безустанно работают над своей гибелью!

- Что за ерунду Вы говорите! - засмеялся сапожник.

- Да, они сами роют себе яму, но не видят этого, потому что богиня, желая погубить их, сделала их слепыми. Разве Ваши умные глаза не видят, как эта австриячка усердно работает над своим собственным саваном?

- Королева никогда не работает, - со смехом возразил Симон, - она заставляет работать свой народ.

- А я говорю Вам, что она работает! Я уверен, что она соткала уже порядочный кусок своего савана; у нее есть милые друзья, которые помогают ей в этом, например герцог де Куаньи. Вы знаете, кто такой герцог де Куаньи?

- Ей Богу, не знаю! Я при дворе не бываю и незнаком со всякой придворной дрянью!

- Вы правы, там все - дрянь! - с отвратительным смехом подхватил незнакомец, - и я хорошо знаю это; ведь я к сожалению не могу, как Вы, сказать, что не бываю при дворе: я попал туда, но мое удаление оттуда наделяет больше шума, чем мое появление. А герцог де Куаньи вот кто: он - один из трех главных возлюбленных австрийской султанши.

- Да, это презабавно! - сказал сапожник, - какой Вы потешный чудак! Так у королевы есть возлюбленные?

- Да ведь Вы слышали, что сказал герцог Безанваль, когда австриячка невестой выехала в Париж: "Смотрите, мадам, эти сотни тысяч парижан - это все Ваши обожатели!". Вот она и хочет, чтобы слова герцога оправдались. Подождите, и до Вас дойдет очередь! И Вы будете нежно прижимать к губам ручку прекрасной австриячки!

- Будьте уверены, - сердито сказал Симон, - что я так крепко сжал бы ее, что на ней навеки остался бы след! Ну, а кто же два ее другие возлюбленные?

- Второй - прекрасный Адемар, дурак, пустомеля и фат. Но он красив и умеет веселиться, а наша королева любит смеяться и вообще порядочная гуляка; про это всякий знает, особенно со времени ноктурналий на дворцовой террасе.

- Ноктурналии? Это что такое?

- Эх, Вы, невинное дитя! Так называются ночные прогулки, которые наша королева устраивала по ночам, при лунном свете, на дворцовой террасе в Версале. Да, да! Превеселое было время! Железные решетки парка не запирались, и возлюбленный народ мог свободно гулять вместе с королевой при лунном

сиянии и звуках музыки, скрытой в кустах. Спросите-ка красавца унтер-офицера уланского полка; он расскажет Вам, как сам сидел там на скамейке между двумя прелестными женщинами в белых платьях и хохотал с ними так, что животики надорвал! Он расскажет Вам, как Мария Антуанетта умеет смеяться и какие знатные шуточки можно выкидывать с ее королевским величеством!

- Эх, хотелось бы мне познакомиться с ним, да чтобы он рассказал мне все это! - произнес Симон, сжимая кулаки. - Во всяком случае меня радует, когда я слышу что-нибудь дурное про австриячку, потому что я ненавижу ее так же, как и всю придворную дрянь. С чего они рядятся да чванятся, когда мы должны работать и мучиться с восхода до заката? Я думаю, что и сам я ничем не хуже короля, и моя жена была бы так же красива, как королева, если бы носила такие же красивые платья да разъезжала в золотых каретах! Почему они знатны, а мы нет?

- Я Вам скажу почему: потому что мы позволяем им считать себя какими-то богами, перед которыми народ, или, как они говорят, - чернь, должна стоять на коленях! Но... терпение! Терпение! Наступит час, когда народ принудит их самих стоять на коленях и молить о помиловании! Но милости они не добьются: они понесут наказание!

- Ух, хотел бы я, чтобы это время уже наступило и чтобы я видел, как их накажут! - сказал сапожник.

- Это, милый мой, зависит от Вас самих. Вы можете приложить руку к тому, чтобы это время пришло скорее.

- Но что я могу сделать? Скажите! Я на все готов.

- Вы можете помочь точить нож, чтобы он потом хорошо резал, - со злой усмешкой сказал незнакомец. - Нечего смотреть на меня с таким удивлением, брат мой! В добром, старом Париже уже много таких точильщиков, и, если Вы хотите примкнуть к нашему обществу, приходите сегодня вечером ко мне; я познакомлю Вас с нашим кружком.

- Где же Вы живете и как Вас зовут? - спросил сапожник, сгорая от нетерпения.

- Я живу в конюшнях графа д'Артура, а зовут меня Жан Поль Марат.

- В конюшне! Честное слово, я не думал, что Вы - рейткнехт или кучер! Удивительный, должно быть, вид, когда Вы сидите на лошади!

- Вы думаете, что жабе это не к лицу? Вы правы, брат Симон! Но я с лошадьми не имею никакого дела: я лечу конюхов, добрый брат Симон, и могу уверить Вас, что доктор я довольно искусный и починил уже не одного конюха и жокея, так как заведующий конюшнями милого графа д'Артура имеет привычку прибегать к бичу. Итак, Вы можете придти ко мне

сегодня не только для того, чтобы я ввел Вас в хорошее общество, но и в том случае, если Вы больны. Я лечу братьев из народа даром, так как братья не должны брать друг с друга деньги. Прощайте, жду Вас! Да, вот еще что: так как мегера, охраняющая мое жилище, не знает Вас, то наверное скажет Вам, что меня нет дома; поэтому вот Вам наш лозунг: свобода, равенство, братство. Прощайте!

Марат отвратительно осклабился, кивнул сапожнику и быстро, несмотря на то, что хромотал, направился через площадь к ратуше. Симон смотрел ему вслед, забавляясь этой комичной фигурой в высокой черной шляпе, как вдруг ему пришла в голову одна мысль, и он поспешно догнал уходившего.

- Ну, что такое? - спросил Марат, опуская руку в карман, - разве я что-нибудь забыл? Платок у меня в кармане, также и кусок хлеба, составляющий мой завтрак.

- Вы забыли назвать мне третьего возлюбленного австриячки, а я, должен Вам признаться, собираюсь сегодня зайти в свой клуб и очень хотел бы рассказать там обо всем этом. Такая миленькая историйка про австриячку произведет в клубе сенсацию.

- О, это радует меня! - сказал Марат, улыбаясь во весь рот, - очень мило, что у Вас есть клуб, в котором с удовольствием слушают такие рассказы насчет королевы и двора, и для меня будет истинным удовольствием снабжать Вас такими историйками для Вашего клуба. Ведь очень полезно знакомить милый, добрый народ с тем, что делается в Версале и в Сэн-Клу.

- А что такое бывает в Сэн-Клу? - спросил Симон, - ведь это - только старый, забытый замок короля?

- Будьте уверены, что теперь там опять будет очень оживленно! Наш обожаемый король подарил его своей супруге, чтобы она там устроила себе гарем больших размеров, так как Трианон для нее недостаточно велик. Да, да, прекрасный замок французских королей, величественный Сэн-Клу, отданы теперь австриячке в полное и наследственное владение. И знаете, что она сделала? Она велела прибить у ворот доску, на которой написано, под какими условиями можно народу входить в парк Сэн-Клу.

- Это не ново! - с нетерпением перебил Симон, - такие объявления существуют во всех королевских садах: именем короля запрещается портить сады и сходить с дорожек.

- А в Сэн-Клу написано: "Именем королевы"! Так и написано: "Именем королевы"! Значит, у нас не только один король сидит на шее со своими приказами и указами, но еще явилась новая властительница Франции, которая предписывает нам законы! "Именем королевы"! Ведь это выходит государство в государстве! Трианона ей мало, теперь ее руки захватили уже Сэн-Клу! Она уже делает новое покушение на

народ, завоевывает новую аренду для действий и так мало-помалу захватит в свои сети всю Францию!

- Это низко, постыдно! - воскликнул Симон, потрясая кулаками.

- И это, брат мой, еще далеко не все! До сих пор мы видели в королевских дворцах людей, унижившихся до рабской службы, одетых в обезьяньи костюмы - ливрею короля; но в Сэн-Клу все служащие носят ливрею королевы, так что, войдя в парк, Вы очутитесь уже не во Франции, а в австрийской провинции, где иноземка может устраивать себе гарем и выдумывать свои собственные законы, и так, что добродетельный и благородный народ не может даже возмущаться!

- Народ еще не знает об этом, брат Марат, - с жаром возразил Симон, - ему еще неизвестны все выходки королевы!

- Так расскажите ему! Повторите в своем клубе все то, что я рассказал Вам, и поставьте слушателям в обязанность распространять все услышанное среди своих друзей.

- О, так мы и сделаем! - весело заявил Симон. - Только Вы все еще не называли мне третьего возлюбленного королевы.

- Это - де Безанваль, генерал-инспектор швейцарской гвардии, генерал-лейтенант армии, командор ордена Святого Людовика. Видите, стоит быть возлюбленным королевы: это помогает возвышаться. Пока жив был порочный король Людовик Пятнадцатый, Безанваль был только полковником швейцарской гвардии и лишь изредка принимал участие в оргиях, происходивших в Версале; теперь королева возвысила его. Теперь Сэн-Клу и Трианон - арены пиршеств Марии Антуанетты, и генерал Безанваль - первый у нее заправил. Ну, теперь Вы знаете все, что хотели, не так ли?

- Да, благодарю Вас, - ответил Симон. - Надеюсь, сегодня вечером Вы мне еще что-нибудь расскажете: Ваши истории крайне занимательны!

- Расскажу; ведь королева старается, чтобы для таких рассказов всегда находился новый материал. Но сейчас у меня к сожалению нет больше времени.

- Знаю, знаю! Вас ждут больные! Прощайте! До вечера.

Симон быстро свернул в одну из ближних улиц. Марат смотрел ему вслед со злой и торжествующей улыбкой.

- Так! Так! - пробормотал он, - вот каким путем вербуются борцы за свободу. Из этого сапожника выйдет хороший солдат, а своими рассказами он еще завербует нам целую роту. Торжествуйте, гордые Бурбоны! Воображайте себя в безопасности в своих раззолоченных замках, окруженных швейцарской гвардией! Придет день, когда маленький, безобразный, презираемый Марат, которого теперь никто не знает и который, словно ядовитая крыса, ползает в Вашей конюшне, выступит против Вас, и Вы, испуганные, дрожащие, падете во

прах. Не проходит дня, чтобы мы не вербовали новых борцов, новых воинов в нашу народную армию, а эта наивная, безалаберная Мария Антуанетта облегчает нам нашу задачу. Из ее детских выходов, немножко вывернув их и перевернув, легко выкраиваются постыднейшие пороки и бессовестнейшие преступления. А насчет переворачивания я - мастер! Эй, красавица-королева! У тебя для защиты твои швейцарцы, которым ты платишь, а у меня - только один солдат, которому мне притом не нужно платить, это - клевета! И этот солдат победит всю твою швейцарскую гвардию и всю твою армию. Ведь на земле нет такого войска, которое могло бы бороться с клеветой... Ура! Да здравствует моя союзница - клевета!

II

ПРИНЦЕССА АДЕЛАИДА

На обратном пути в Версаль королева была очень молчалива, и все старания герцогини Полиньяк разогнать тучи, омрачившие чистый, ясный лоб Марии Антуанетты, остались тщетными. Бряцание оружия швейцарской гвардии, приветствовавшей возвращение королевы, вывело ее из глубокой задумчивости; она устремила взор на ребенка, лежавшего на коленях кормилицы, потом схватила его на руки и, крепко прижав его к груди, тихо сказала:

- Ах, дитя мое! Милое дитя мое! О, если бы тебе всю жизнь пришлось слышать только такие радостные приветствия, какими встретил сегодня Париж твой первый выезд, и никогда не слышать больше таких слов, какие говорил этот ужасный человек!

Королева забыла, что стоит в экипаже, что ее шталмейстер и лакеи ждут у открытой дверцы, а стража все еще стоит под ружьем. Герцогиня Полиньяк решила напомнить своей августейшей подруге, что надо выйти из коляски. Мария Антуанетта очаровательно улыбнулась и, легко выпрыгнув из экипажа, быстро взбежала с ребенком на руках на лестницу. Придворные дамы, состоявшие при особах принцессы Терезы и дофина, увезли своих воспитанников. Кормилица и две статс-дамы королевы спешили за ней, неодобрительно качая головой. Вместо того, чтобы в последней передней отпустить своих дам, Мария Антуанетта прошла прямо в свои покои и заперла за собой двери.

- Что же нам делать? - с недоумением спросили дамы дежурного камергера, но тот только пожал плечами.

- Придется ждать, - сказала маркиза де Мальм, - может быть, ее величество соблаговолит вспомнить о нас и дозволит нам удалиться!

- А если королева забудет про нас, нам придется простоять здесь весь день, пока ее величество будет разыгрывать в Трианоне свои пастушеские комедии, - возразила принцесса Шимэ.

- Разумеется, - подхватил граф де Кастино, - сегодня в Трианоне как раз праздник, и очень возможно, что мы простоим здесь весь день, подобно статуям жен Лота.

- Нет, вот где наше освобождение, - шепнула маркиза де Мальи, указывая на экипаж, показавшийся вдали, у решетки Версаля - Вчера в интимном собрании у графа Прованского было решено, что принцесса Аделаида еще раз попытается образумить ее величество и внушить ей, что приличествует и что не приличествует королеве Франции.

В это время карета дочери Людовика XIV, тетки короля, въехала на дворцовый двор. Впереди скакали два пикера, на запятках стояли два лакея, а на каждой подножке паж в роскошном костюме. Карета остановилась перед подъездом, предназначенным только для членов королевской фамилии, и из нее вышла дама с бесформенной фигурой и угрюмым, изрытым оспой лицом, на котором не выражалось ничего, кроме холодного высокомерия и гордого равнодушия. Тяжело опираясь на плечо пажа, она начала медленно подниматься по летнице. Предшествовавший ей скороход постучал длинным жезлом в двери первой приемной и громким голосом провозгласил:

- Мадам Аделаида!

Лакей повторил его доклад и отворил дверь второй приемной; там доклад был повторен собственными камер-лакеями королевы и так достиг наконец до комнаты, в которой находилась Мария Антуанетта.

Королева слегка вздрогнула и по ее ясному лицу пробежала тень неудовольствия. Она обняла и нежно поцеловала герцогиню Полиньяк и сказала:

- Уходите, дорогая моя, будьте готовы ехать со мной в Трианон, как только мадам Аделаида, то есть мадам угрюмость, оставит меня. Королеве придется потерпеть полчаса, но зато Мария Антуанетта отправится потом со своей милой Жюли в Трианон и проведет там счастливо полдня с мужем и друзьями.

- Чтобы наградить этих друзей бездной блаженных воспоминаний, - добавила молодая герцогиня, грациозно наклоняясь для поцелуя над рукой королевы, а затем направилась на половину "детей Франции".

Двери распахнулись, и две статс-дамы войдя сделали положенные реверансы. Затем, приблизившись на один шаг, снова поклонились, склонили головы и в один голос доложили: "Мадам Аделаида!" - после чего встали по обеим сторонам дверей. Принцесса переступила порог; за ее спиной виднелись

две ее фрейлины, камергер, гофмейстер, пажи и два шталмейстера королевы; все они оставались в первой приемной.

Стоя посреди комнаты, Мария Антуанетта чуть-чуть улыбалась этому изобилию почета, окружавшего появление принцессы королевского дома.

Мадам Аделаида сделала несколько шагов, но так как королева не двинулась ей навстречу, как она ожидала, то ее лицо омрачилось.

- Я, может быть, некстати? - спросила она с кисло-сладкой улыбкой. - Королева вероятно собирается в Трианон, куда, как я слышала, уже отправился король?

- Ваше высочество уже слышали об этом? - улыбаясь спросила королева. - Я изумляюсь, какой еще тонкий слух у Вашего высочества; не то что мои молодые уши, которые не слышали громкого шума, произведенного приездом Вашего высочества. Я радостно приветствую неожиданное появление любящей и благосклонной тетушки.

Каждое из слов, несмотря на сопровождавшую их очаровательную улыбку, колело принцессу, словно иглой; упомянув о "все еще остром" слухе принцессы, королева задела разом и ее возраст, и ее необыкновенное любопытство, противопоставив им свою молодость и свое равнодушие к тому, что говорят.

- Угодно ли Вашему величеству сделать мне честь побеседовать со мной? - спросила принцесса, чувствуя себя не в силах бороться с племянницей язвительными, но любезными словами.

- Я очень рада, - весело ответила королева, - от Вашего высочества вполне зависит сделать эту беседу интимной или публичной.

- Я прошу полчаса интимной беседы, - сказала мадам Аделаида.

Королева жестом отпустила своих дам, а затем, обратясь к дверям приемной, громко сказала:

- Господин шталмейстер, экипаж для поездки в Трианон должен быть готов через полчаса!

Королева и принцесса остались одни.

- Сядем, если Вашему высочеству угодно, - сказала королева, указывая госте на кресло и опускаясь на простой стул. - Вам угодно что-то сказать мне? Я готова слушать.

- Дай Бог, мадам, чтоб Вы не только выслушали мои слова, но и приняли их к сердцу! - со вздохом сказала принцесса.

- Если они заслуживают этого, я конечно приму их к сердцу, - с улыбкой воскликнула королева.

- Непременно заслуживают, так как касаются спокойствия, безопасности и чести нашего семейства! Но прежде всего позвольте мне исполнить поручение моей благородной и на-

божной сестры, мадам Луизы, которая прислала Вам это письмо с просьбой прочесть его в моем присутствии, - и, вынув из ридикюля запечатанный пакет, принцесса протянула его королеве.

- Прошу извинить меня, - сказала Мария Антуанетта, не затрагиваясь до письма, - но несколько лет тому назад Вы уже передавали мне письмо от мадам Луизы, уважаемой настоятельницы монастыря кармелиток; я приняла и прочла его, но тогда же дала себе слово не принимать больше от нее ни одного письма. Поэтому будьте добры, возвратите письмо его автору.

- Знаете ли Вы, мадам, что этим отказом Вы наносите оскорбление принцессе крови? - строго спросила принцесса.

- Я знаю только то, что письмо, присланное мне тогда принцессой Луизой, было оскорблением, нанесенным королеве Франции, а я кочу избавить государыню от вторичного оскорбления. Притом содержание этого письма вероятно подобно первому: упреки, советы, оскорбления.

- Содержание и должно быть то же самое, так как причины, вызвавшие письмо, к сожалению также те же самые!

- А, Ваше высочество знакомы с его содержанием? Значит, Ваши слова вознаградят меня за то, что я не прочла письма. Очевидно уважаемая настоятельница оторвалась от молитв за упокой души усопшего родителя, чтобы немного заняться земными делами, прислушиваясь к клевете мадам Аделаиды или графа Прованского, или кардинала де Роган, или вообще какого-нибудь врага королевы Франции?

- К клевете? - гневно сверкнув глазами, повторила принцесса, - дай Бог, чтобы дело шло только о клевете, а не о фактах, которые огорчают и беспокоят всех нас и заставляют droжать за королеву Франции!

- О, - сказала Мария Антуанетта со спокойной улыбкой, еще более раздражившей принцессу, - я и не знала, что Вы, Ваше высочество, так нежно заботитесь обо мне!

- И я не знала, мадам, что Ваше легкомыслие доведет Вас до оскорбления всех законов, обычаев, этикета! Вы делаете это с презрением тех, кто все может, с необузданной ревностью ребенка, играющего с огнем и не понимающего, что раздутое им пламя уничтожит прежде всего его самого. Мадам, я приехала к Вам, чтобы в последний раз предостеречь Вас!

- Слава Богу! В последний раз! - воскликнула королева.

- Заклинаю Вас, мадам! Ради Вашего супруга, ради Ваших детей изберите другой путь! Оставьте стезю зла, по которой Вы стремитесь к гибели!

Веселое, ласковое выражение сбежало с лица королевы; она приняла серьезный, гордый, царственный вид и громко произнесла:

- Мадам, до сих пор я слушала Ваши язвительные филиппики* со спокойствием невинного и помнила, что мы обязаны относиться с уважением к старшим и что старости свойственно осуждать все, что делает молодежь. Но Вы взываете ко мне именем всего, что дорого моему сердцу; поэтому говорите! Что такое приводит Вас в такое отчаяние?

- Ваше безграничное легкомыслие, Ваша непростительная близорукость, Ваша расточительность, Ваше вмешательство в политику, Ваша...

Но тут Мария Антуанетта прервала эту тираду звонким, веселым смехом.

Последний озлобил принцессу больше всякого словесного укола и она с жаром продолжала:

- Да, Вы легкомысленно воображаете, что жизнь королевы - сплошной ясный летний день, который надо провести в пении и веселье! Танцуя и веселясь, Вы упадете в пропасть! Вы развлекаетесь удовольствиями, вместо того чтобы, как подобает королеве Франции, проводить время в уединении, серьезных размышлениях и делать благодеяния! Вы - расточительница, так как раздариваете государственную казну своим любимцам, кавалерам и дамам своего кружка, которые поддерживают Ваше легкомыслие, потому что извлекают из него выгоду! Одна семья Полиньяк поглощает двадцатую часть государственных доходов! Вы страстно любите наряжаться и даже не считаете унижительным для своего королевского достоинства проводить целые часы в совещаниях с портнихами! Вы позволяете причесывать свою голову мужчине, который потом этими же руками, которыми он прикасался к волосам королевы, причесывает парижских дам, делая им такие же прически, какие носит сама королева. И что это за прически? И что за названия! "Утренний туалет королевы!". "Гнездышко любви Марии Антуанетты!" Да, дошло до того, что моды носят имя королевы, и им придают непристойный смысл! Все мужья, все почтенные матери в отчаянии, потому что их дочери и супруги только и занимаются Вашими нарядами. Ваша страсть рядиться, Ваше кокетство, Ваши неслыханные празднества, к которым Вы даже привлекли короля, старшего сына церкви и святейшего отца...

- О каких празднествах Вы говорите? - прервала королева.

- О тех, которые на соблазн всех людей дают в Трианоне, где королева превращается в пастушку и позволяет своим фрейлинам одеваться так же, как и она, и обращаться с ней, как с равной, а король, очарованный прелестями своей супруги и развращенный ее кокетством, забывает свое королевское

---

* Речи знаменитого оратора Демосфена, направленные против Филиппа Македонского, ныне - всякая обличительная речь.

достонство. И эта королева, вечно хохочущая, подражающая блязнию коз и коров в своих неприличных играх, еще решается разыгрывать государственного человека, замещает государственные должности своими любимцами, а король - только послушное орудие ее воли!

- Мадам! - воскликнула королева, поднимаясь со стула с пылающими гневом глазами, - это уже слишком, Вы переходите границы, которые обязательны даже для принцессы крови. Я дозволила Вам критиковать мою внешнюю жизнь, но не позволяю касаться моих отношений к королю и моей личной чести. Предлагаю Вам назвать моих, как Вы говорите, любимцев, и если между ними найдется хоть один, который может похвалиться чем-либо большим, нежели просто милостивое отношение королевы к своему подданному, то попрошу Вас назвать этого человека королю и просить расследовать дело. Да, благодарение Богу! У меня есть друзья, которые уважают меня и готовы положить за меня жизнь, но никто и никогда не посмеет утверждать, что у Марии Антуанетты когда-нибудь был любовник! Мой единственный возлюбленный - король, мой супруг, и, с Божьей помощью, единственным он и останется. Я имела счастье внушить любовь своему супругу, и вот это-то мне и не могут простить благородные принцессы, мои тетки, граф Прованский и весь двор. Да, король простил своей жене, что она - австриячка, что ее навязала ему политика его предшественника, и полюбил ее, а я приняла его любовь. Король любит меня, вот почему я ему ближе, чем его тетки, вот почему я - его советчица и первое доверенное лицо. И этого мне никогда не простят. Да, прошло время, когда король благосклонно слушал жалобы мадам Аделаиды на то, что я нарушаю правила этикета; когда мадам Луиза надеялась раздавить меня своими добродетелями, а графу де Ламарш было дозволено обвинять королеву за то, что она со своими статс-дамами ходила в парк смотреть восход солнца. Теперь король уже не слушает советов мадам Аделаиды. Я знаю, что граф Прованский сочиняет эпиграммы и памфлеты на свою невестку, на свою королеву, и распространяет их по всему Парижу. Знаю, что в его салонах собираются все враги Марии Антуанетты и что там точат на меня оружие. Но берегитесь, как бы это оружие не обратилось против Вас самих! Это Вы вредите государству, Вы колеблете королевский трон! Ведь Вы показываете французскому народу, что для Вас более нет ничего святого, что можно кидать грязью в королевский трон! Вы сами хороните монархию, забывая то, что, преследуя австриячку, Вы преследуете королеву, государыню, и что Вы - ее подданные! Поэтому Вы - преступники, Вы - изменники!

- Мадам! - воскликнула принцесса - мадам! Каким языком Вы говорите!..

- Языком женщины, защищающейся против клеветницы!
- ответила королева, - языком, каким королева должна говорить со своей подданной! Нет! Будьте любезны, не отвечайте мне! Больше нам не о чем говорить. Прощайте, карета уже жлет меня. Обещаю Вам не рассказывать королю об этом новом оскорблении; обещаю Вам забыть его и простить.

Мария Антуанетта слегка наклонила голову и с гордым спокойствием вышла из комнаты.

Принцесса Аделаида смотрела ей вслед с выражением глубокой ненависти и даже до того забылась, что погрозила рукой в сторону той портьеры, за которой скрылась благородная фигура королевы.

- Я-то уж не забуду и не прошу, - пробормотала она, - я отомщу этой дерзкой женщине, которая смеет грозить мне, противодействовать мне и называть себя моей государыней, повелительницей! Австриячка - повелительница французской принцессы крови? Мы ей покажем, где границы ее власти и границы Франции!

Королева покинула принцессу с гордо поднятой головой, но, очутившись в другой комнате, со стоном опустилась на стул, и слезы ручьем полились из ее глаз.

- Ах, Кампан, Кампан! Что только пришлось мне выслушать! - горестно воскликнула она, - в каких выражениях смеют эти люди обращаться к королеве Франции!

Мадам Кампан, первая камерфрау Марии Антуанетты, поспешно подошла к ней и, опустившись перед нею на колени, прижала ее безжизненно повисшую руку к своим губам, после чего прошептала своим кротким голосом:

- Ваше величество, Вы плачете? Разве Вы хотите дать принцессе случай узнать, что ей удалось заставить королеву Франции плакать и портить слезами свои прекрасные глаза?

- Нет, этого удовольствия я ей не доставлю, - быстро оправившись, сказала королева, - она хотела оскорбить меня, но я вернула ей ее оскорбление.

- Ваше величество изволили оскорбить принцессу? - испуганно повторила мадам Кампан.

- Да, - с торжествующим выражением подтвердила Мария Антуанетта, - я оскорбила ее, чтобы напомнить ей, что я - королева Франции, а она - моя подданная. Я сказала ей, что, клевета на королеву, она становится государственной изменницей.

- О, Боже! Боже! - воскликнула мадам Кампан, - этого она никогда не забудет Вам! С этих пор она будет непримиримым врагом Вашего величества и ничем не пренебрежет, чтобы Вам отомстить!

- Пусть мстит! - сказала королева, лицо которой уже начало проясняться, - я не боюсь ни ее, ни ее сообщников;

любовь моего мужа и моя ненависть защитят меня. Да и что она может сделать мне? Только клеветать на меня! Никто не поверит ее лжи.

- Ваше величество не знаете, как зол свет, - с печальным вздохом возразила мадам Кампан. - Ваше величество полагает, что добрые люди не могут быть трусами, и низкие - отважными, и не подозреваете, что дурным людям очень легко дурно настроить общественное мнение, тогда как людям честным часто не хватает мужества бороться с этим. Общественное мнение - это чудовище, которое и судит, и наказывает: оно сильнее келой армии, неуомолимее смерти.

- Я не хочу его, - гордо сказала Мария Антуанетта. - оно так же опустит передо мной голову, как лев перед непорочной девственницей. На мне нет никакой вины; я была верна королю даже тогда, когда он еще не любил меня; как же я могла бы изменить его любви теперь, когда он - отец моих детей?.. Ну, довольно об этом! Пойдемте, Кампан, королева должна скорее перерядиться в счастливую женщину!

Камерфрау, вздыхая и качая головой, последовала за королевой в уборную.

- Долой эти королевские уборы! - сказала Мария Антуанетта, поспешно снимая пышную робу, - дайте мне белое платье и газовый платок!

- Ваше величество, Вы опять желаете появиться в простом ситцевом костюме? - со вздохом спросила мадам Кампан.

- Разумеется! Ведь я отправляюсь в свой милый деревенский Трианон! Знаете, Кампан, король обещал мне целую неделю проводить со мной всякий вечер в Трианоне среди природы и уединения; значит, король целую неделю будет кородем только до полудня, а после полудня будет превращаться в мельника в деревне Трианон! Видите, мне необходимо одеть простое бумажное белое платье, хотя мадам Амелаида и упрекает меня за мои костюмы и даже поддержала жалобы лионских фабрикантов шелка, уверяя, что я ношу и ввожу в моду белые бумажные материи и только для того, чтобы поддержать австрийскую торговлю и сделать удовольствие своему брату, императору Иосифу. Ну, скорее, Кампан! Мне белое платье!

- Прошу прощения, Ваше величество, но я должна позвать обеих камерюентфер при гардеробе.

- Боже мой, Кампан! Неужели я всегда должна носить эти цепи? Разве Вы не можете сами одеть на меня платье?

- Гардеробные дамы не простыли бы мне этого, Ваше величество; уж разрешите позвать их!

- Ну, делайте, как хотите! Я за все вознагражу себя в Трианоне! - со вздохом сказала королева.

Через четверть часа она вышла из своих покоев совершенно преобразенная: белое платье с воланом не скрывало ее стройных форм; вместо неуклюжего длинного корсажа со шнуром, на ней был легкий сборчатый лиф, опоясанный голубым шарфом, концы которого грациозно свешивались с левого бока. Широкие рукава, обшитые узкими кружевами, и газовая косынка, накинутая на плечи, не скрывали красоты ее изящных белых рук и шеи. Огромная прическа уступила место локонам, падавшим на красивый, твердый затылок и благородные плечи. Королева несла на руке, на широкой голубой ленте, большую круглую соломенную шляпу. Вместо перчаток на ней были черные ажурные митенки. С раздумявшимся лицом, горящими глазами и очаровательной улыбкой на губах, олицетворяя собой веселость, невинность и легкомыслие, Мария Антуанетта вышла в гостиную, где ее уже ждала герцогиня Полиньяк, бывшая в совершенно таком же костюме.

- Идемте, Жюли! - воскликнула королева, взяв герцогиню под руку, - покинем этот мир и отправимся в рай!

- Ах, я боюсь рая! - со смехом ответила молодая женщина, - я боюсь змея, но больше за свою обожаемую королеву, чем за себя!

- Боже мой, Жюли! - вздохнула королева, - зачем Вы все зовете меня этим титулом, когда мы одни? Нас никто не слышит, забудьте же хоть немножко этикет.

- Ваше величество, - смеясь возразила герцогиня, - ведь мы в Версале, а стены здесь имеют уши.

- Правда! - воскликнула королева, - это извняет тебя. Пойдем же скорее, Жюли, пойдем туда, где нас будут слышать природа да Господь Бог!

Они вышли из двора по маленькой боковой лестнице. Королева легко впорхнула в ожидавший их экипаж и радушно протянула подруге руку, чтобы помочь ей.

- Скорее! - крикнула она кучеру, - мчитесь, словно у лошадей есть крылья! Я хотела бы лететь!

Ш

ТРИАНОН

Горячие кони действительно летели, как птицы. Когда экипаж остановился у решетки Трианона, королева выпрыгнула из него легче газели, как молоденькая девушка, у которой еще нет ни забот, ни печалей, и прежде чем лакей успел распахнуть перед ней обе половинки ворот, она быстро скользнула в калитку.

- Вебер, - сказала она почтительно склонившемуся перед ней камердинеру, говоря тем мягким немецким языком, кото-

рым известно австрийское произношение, - Вам не для чего провожать нас. Воспользуйтесь свободой, как мы пользуемся ею. Если встретите его величество, скажите, что я пошла к мельнице и, если его величеству угодно, буду ожидать его там. Пойдем, Жюли, теперь я, слава Богу, не королева, а такая же простая смертная, как и все. Посмотри, дорогая, как все здесь ясно и свободно от земного праха! Здесь даже небо другого цвета: оно синее и ясное, как глаз Божий.

- Вы, Ваше величество, на все смотрите особенными глазами, - смеясь сказала герцогиня Полиньяк.

- Опять "Ваше величество"! Так ты меня вовсе не любишь? Зачем ты зовешь меня этим холодным именем!

Герцогиня нежно поцеловала Марию Антуанетту.

- Прошу помиловать меня и обещаю ни единым словом не нарушать мечтаний моей дорогой подруги в этом ее раю. Вы простили меня, Мария?

- От всей души, Жюли! А теперь смотри, наш домик уже виднеется вдаль. Побежим туда! Кто скорее? Если ты прибежишь первая, я дам тебе то место в моей швейцарской гвардии, которого ты просила для какого-то офицера. Ну, начинай! Раз!..

- Нет, Мария, - возразила герцогиня, - так нельзя: если Вы прибежите первая, то что же я дам Вам?

- Поцелуй, сердечный поцелуй, Жюли! Ну, вперед! Раз, два, три!

Королева помчалась по аллее. Шляпа свалилась ей на затылок, голубые ленты развевались по ветру, и если бы принцесса Аделаида или гофмейстера ее величества видели ее в эту минуту, они пришли бы в ужас. Сама же королева вовсе не думала о неловкости своей выходки.

- Скорее! Скорее! - кричала она и скоро оставила далеко за собой свою подругу. Когда дворец был уже совсем близко, она остановилась и, вернувшись к герцогине, сказала: - не старайся Жюли, я во всяком случае выиграла.

- Да я и не хотела выиграть, - ответила герцогиня, - чтобы не показаться корыстной. - Вы поступили несправедливо, Мария Антуанетта: Вы так хотите, чтобы никто в Трианоне не помнил, что Вы - королева Франции, но сами не забываете этого, потому что назначили со своей стороны огромный приз, а с моей - ничтожный. Вы сами заставили меня проиграть, Мария! Ведь Вы знаете, что я не корыстна.

- Знаю и потому я так люблю тебя, Жюли. Прости меня, дорогая, я была неправа! Теперь заплати же мне свой проигрыш - поцелуй.

- Только не здесь, Мария! Все двери и окна открыты и все общество уже собралось. Мне будут слишком завидовать!

- Пусть завидуют! Пусть все знают, что Жюли де Полиньяк - моя лучшая, любимейшая подруга, что после мужа и детей я люблю ее больше всех на свете, - и, обвив руками шею герцогини, королева нежно поцеловала ее.

- Видели? - спросил барон де Безанваль Адемара, с которым играл в трик трак в салоне, - королева изображает картину нежной дружбы.

- Я желал бы видеть эту группу высеченной из мрамора, - улыбаясь ответил Адемар, - это - дополнение к Оресту и Пиладу.

- Но которая же из двух служит дополнением к Пиладу, преследуемому фуриями и змеями? - спросила из-за своих плеч мадам де Марсан.

- Конечно королева, - воскликнул граф де Водрейль, сидевший за клавесином и разбиравший новое музыкальное произведение, - королева - это Орест в юбке; фурия - это три тетушки-принцессы, а змеи - простите меня, мадам! - Змеи - это все парижские дамы, кроме Вас, здесь присутствующих.

- Вы злы, граф, - сказала мадам де Марсан, - если бы нас здесь не было, то Вы и нас причислили бы к змеям?

- Если бы я причислил Вас к змеям, то для того, чтобы меня изгнали из рая вместе с Вами, - смеясь ответил граф. - Но тише! Идет королева!

Мария Антуанетта вошла с раздурявшимся от бега лицом, со спутанными волосами, со сбившейся на бок шляпой! Нет, это была не королева, а только Мария Антуанетта, веселая молодая женщина, которая ввела здесь у себя обычай, чтобы никто не вставал при ее появлении и не прекращал своих занятий: игр, вышивания или других работ. Только граф де Водрейль поднялся со своего стула, потому что королева обратилась к нему.

- Что Вы играли, граф? - спросила Мария Антуанетта.

- Прошу снисхождения, - с легким поклоном ответил граф, - тонкий слух Вашего величества конечно уже угадал композитора; это совсем новое произведение, и я позволил себе переложить его в четыре руки, так что, если Ваше величество пожелали бы...

- Давайте! - перебила Мария Антуанетта, - попробуем сейчас же! - Она нетерпеливо сдернула с нежных, белых рук черные перчатки и села рядом с графом на приготовленный уже стул, но тотчас же боязливо спросила: - только не слишком ли это трудно для меня?

- Для королевы Франции нет ничего трудного!

- Но для дилетантки Марии Антуанетты очень многое трудно, - со вздохом возразила королева. - Однако попробуем!

Она легко и искусно заиграла басовую партию; но, чем дальше продолжалась музыка, тем серьезнее становилось ее

лицо: в глазах светилось воодушевление, щеки побледнели. Вдруг посреди страстной мелодии она замолкла и взволнованная поднялась с места.

- Только Глюк мог написать это! - воскликнула она. - это - его музыка, божественная музыка моего великого учителя.

- Ваше величество - положительно великая музыкантша! - с удивлением сказал де Фодрейль. - Вы - идеальная ученица великого маэстро. Да, это написал Глюк, это - увертюра к его новой опере "Альцест". Он прислал мне ее из Вены, чтобы я представил ее на усмотрение Вашего величества и чтобы чудные звуки снискали автору покровительство королевы.

- Звуки говорили не с королевой, они говорили ее сердцу, - тихим, растроганным голосом возразила Мария Антуанетта. - Это для меня привет с моей родины, как и привет от моего учителя, величайшего композитора Европы. Но Глюк не нуждается ни в чьем покровительстве. Благодарю Вас, граф, Вы доставили мне большую радость. Но с той минуты, как я узнала, что это произведение создано гением Глюка, я уже больше не решаюсь играть его без подготовки, потому что испортить его произведение хотя бы только одной неверной нотой считаю оскорблением величества. Теперь же, дорогие гости, пойдёмте на ферму, где, надеюсь, мы встретим короля. Господа, приглашайте дам!.. Мы отправимся на ферму, кто с кем хочет и разными путями.

Все мужчины бросились к королеве, желая получить честь сопровождать ее; она поблагодарила их и подала руку старшему из них, барону де Безанваль.

- Мы пойдем через английский парк, - сказала королева, когда они вышли в сад, - я велела проложить через него новую дорожку, которая приведет нас прямо на ферму... Но кто идет там? - и она указала рукой на высокую, стройную мужскую фигуру, появившуюся на террасе

- Это - герцог де Фронсак, Ваше величество!

- Ах, Боже мой! Он наверное опять пришел жаловаться, и опять начнется неприятное разбирательство!

- Угодно Вашему величеству, чтоб я отослал его, сказав, что здесь Ваше величество не даете аудиенции?

- Ах, нет! - вздохнула королева, - он принадлежит к числу моих врагов, а со своими милыми врагами мы должны обращаться в сто раз любезнее, чем с друзьями.

Фронсак подошел с почтительным поклоном и произнес:

- Я пришел просить у Вашего величества аудиенции.

- Вы уже получили ее, и притом очень торжественную: мы находимся в тронном зале Самого Господа Бога, а балдахинном служит небесный свод. Итак, герцог, что привело Вас ко мне?

- Государыня, я пришел жаловаться!

- На меня конечно? - с гордой улыбкой сказала королева.

- Я пришел жаловаться и отстаивать свои права, - продолжал герцог. - Его величество король милостиво назначил меня генерал-интендантом всех королевских театров и поручил мне надзор за ними.

- Меня это нисколько не касается, - прервала королева, - это - Ваше дело.

- Но, Ваше величество, есть один театр, который ускользает из моего ведения, и я вынужден настоятельно просить, чтобы этот королевский театр был также вверен мне и находился под моей ответственностью.

- Не понимаю, о каком новом театре вы говорите? - холодно сказала королева.

- Я говорю о Трианоне, о новом театре Вашего величества! В нем есть постоянная сцена, как во всех театрах, в нем дают комедии и водевили; как главный смотритель за всеми королевскими театрами, я обязан смотреть и за этим театром.

- Вы забываете одно, герцог, что Трианон мой и этот театр мой. Здесь я - хозяйка: его величество подарил мне этот клочек земли, чтобы здесь королева Франции могла пользоваться полной свободой. В Трианоне властвую я одна.

- Ваше величество, - упрямо возразил герцог, - мы все обязаны повиноваться королю, даже там, где королева не делает этого; поэтому и в Трианоне я остаюсь всеподданейшим слугой его величества и исполнителем его законов.

- Вы можете никогда не появляться в Трианоне! - с гневом воскликнула Мария Антуанетта, - таким образом Ваша чересчур чувствительная совесть не будет мучить Вас. Даю Вам позволение никогда больше не посещать Трианона!

- Но так как здесь ставят пьесы...

- Герцог! Здесь не ставят пьесы, а ставлю их я, королева, и играю вместе с принцами королевского дома, и там, где мы играем, Вам не приходится простираť свой надзор. Я здесь - хозяйка, и мои развлечения и удовольствия не подлежат ничьему надзору.

- Ваше величество, - холодно возразил герцог, - есть некто, кто наблюдает за Вашими развлечениями и кто будет на моей стороне: это - общественное мнение.

Он поклонился и, не дожидаясь, чтобы королева отпустила его, направился обратно к террасе замка.

- Наглец - прошептала королева, глядя ему вслед с бледным лицом и горящими глазами.

- Он - честолюбец, - сказал Безанваль, - он рискует своим положением и даже жизнью, чтобы только попасть в кружок Вашего величества.

- Нет! - с жаром возразила королева, - до меня лично ему нет никакого дела! Это тетки его величества настроили его против меня, чтобы вредить и оскорблять меня. Но оставим

это! Оглянитесь, барон! Разве здесь не хорошо? Разве я не могу немножечко гордиться этим своим созданием? Это - мой любимый английский сад.

Сад был действительно созданием самой королевы и представлял удивительный контраст со строгими подстриженными изгородями, прямыми аллеями, симметрично расположенными цветочными клумбами и тщательно обнесенными каменными стенками, прудами и ручейками, какие встречались в Версале и в прочей части Трианона. В английском саду не было ничего искусственного; здесь царила природа.

Лицо королевы снова прояснилось, ее глаза засияли обычным огнем.

- Ведь здесь хорошо, не правда ли? - повторила она.

- Хорошо везде, где находится Ваше величество, - сказал барон почти нежным тоном.

Королева не обратила на это внимания. Могла ли она заподозрить этого сорокапятилетнего человека с седеющими волосами, которого ради этого и выбрала своим кавалером?

- Ах, - сказала она с очаровательной улыбкой, прислушиваясь к пению птички, - мне кажется, что сама природа приветствует меня, а мне часто чрезвычайно необходимо слышать ласковые, приветственные голоса. Сегодня я пережила уже так много горького, барон, что песенка этой птички явилась как бы бальзамом для моего сердца.

- Ваше величество были в Париже? - нерешительно спросил Безанваль, бросив на огорченное лицо королевы испытующий взгляд своих умных черных глаз.

- Да, - снова просветлев, сказала Мария Антуанетта, - и добрые парижане приветствовали супругу своего короля и мать детей Франции с огромным энтузиазмом.

- Нет, Ваше величество, - вспыхнув возразил барон, - они приветствовали с диким энтузиазмом прекраснейшую женщину, обожаемую королеву, мать всех страждущих.

- Но и в эту радостную мелодию замешался диссонанс, - задумчиво сказала королева. - Поверьте, Безанваль, не все идет так, как следует; есть что-то такое в воздухе, что наполняет мое сердце тревогой и страхом. Я чувствую, словно над моей головой занесен Дамоклов меч, и мои руки слишком слабы, чтобы удержать его.

- Горе государственным изменникам! Горе преступникам, осмеливающимся поднять меч на королеву! - с жаром воскликнул Безанваль.

- Горе им, но горе и мне, - с кроткой печалью сказала Мария Антуанетта. - Сегодня у меня было бурное объяснение с принцессой Аделаидой; она явилась герольдом, возвещающим мне начало боевого турнира.

- Она опять осмелилась делать упреки Вашему величеству? Но откуда берут эти люди свои отравленные стрелы, чтобы уязвлять благороднейшее и прекраснейшее в мире сердце?

- Они берут их из своей зависти, из ненависти к австрийскому дому, из ревности к королю. Они делают из мухи слона, из крошечного камешка - скалу. Ах, друг мой, сегодня я так много выстрадала! - со слезами добавила королева. - Конечно я не могу жаловаться королю, потому что не хочу быть причиной его разлада с семьей; но Вы - друг мне, и я верю в Вашу искреннюю дружбу и в благородство наших мыслей. Итак, скажите мне, Вы, так хорошо знающий свет, такой опытный, - разве я поступаю дурно, живя так, как я живу? Разве тетки короля правы, вменяя мне в преступление то, что я также хочу иметь радости в жизни? Разве прав граф Прованский, считая преступлением то, что я даю советы королю? Разве я осуждена стоять перед лицом народа и всего двора, как какая-то ненужная статуя? Неужели королева Франции не имеет права чувствовать, любить, ненавидеть, как всякое живое существо? Отвечайте, Безанваль! Говорите, как подобает честному, прямодушному человеку, и помните, что Бог слышит Вас!

- Пусть Он слышит меня! - торжественно произнес барон, - для меня нет ничего важнее, как чтобы Ваше величество слышали меня. Нет, принцессы не правы; они смотрят на все глазами василиска, они завидуют и видят все в неправильном освещении. При дворе своего родителя они видели порок, облеченный в покровы добродетели, бесстыдство, наряженное в одежду невинности; поэтому они не верят в добродетель. Граф Прованский также не прав, ставя в упрек Вашему величеству любовь короля, обожающего свою супругу, подобно простому смертному, и слушающему ее советы. Ваши политические мнения расходятся с его мнениями, да и расположение короля к его супруге отодвинуло его родственников на задний план. Между тем они - французские принцы, а Ваше величество - австриячка и друг герцога Шуазеля, - вот и все Ваши преступления. Ваше величество, Вы не выиграли бы в глазах врагов даже и тогда, если бы жили так, как требуют столетние запыленные книги придворного этикета; поэтому было бы безумием уступить и осудить себя на одиночество и скуку. Вашему величеству ставят в вину уничтожение парадных собраний, видя в этом причину падения народного почитания королевской власти! Но ведь смешно думать, что почитание народа зависит от числа скучнейших часов, проведенных королевской семьей среди скучных, замороженных этикетом придворных! Нет, государыня, не слушайте шипения змей и мужественно продолжайте свой путь: это - путь невинности, простодушия и любви.

- О, благодарю Вас, благодарю Вас! - воскликнула Мария Антуанетта, - Вы избавили меня от жестоких сомнений и ус-

покоили меня. Благодарю Вас! - и она с сияющими глазами и нежной улыбкой протянула Безанвалю обе руки.

Он крепко сжал их в своих и, бросившись на колени, прильнул губами к этим нежным, белым рукам, после чего страстно воскликнул:

- О, моя королева! Моя владычица! Вы видите у своих ног Вашего преданнейшего раба! Приношу Вам клятву в вечной преданности и любви! Вы осчастливили меня своим доверием, Вы назвали меня Вашим другом... Но моя душа, мое сердце пламенно жаждут другого имени... Скажите это слово, Мария Антуанетта...

Королева отшатнулась, побледнев как смерть. На ее лице сначала выразился ужас, а затем его сменило презрение.

- Барон, - сказала она с чисто королевским величием, - я только что говорила Вам, что нас слышит Господь. Он слышал Ваши преступные слова, пусть Он и наказывает Вас. Встаньте! Король не должен узнать о поступке, который навсегда лишил бы Вас его милостей. Если же Вы хоть одним взглядом, одним словом намекнете на то, что произошло, король все узнает... Идите вперед, я приду одна.

Опытный светский человек, искусный царедворец почувствовал себя смущенным, пристыженным. Этого еще никогда не бывало с ним; он не находил слов. Молча поднявшись с колен, он неловко поклонился и пошел по дорожке, указанной ему королевой.

- Я потеряла еще одну иллюзию, - с горькой улыбкой сказала Мария Антуанетта, - и опять я одна! Неужели для меня нет подруги, которая не обрагилась бы в завистницу, нет друга, который не обратился бы в обожателя? Даже этот человек, которого я уважала, на которого смотрела, как ученица на учителя, - даже он осмелился оскорбить меня!

Она со стоном закрыла лицо руками, и горькие слезы полились из ее глаз.

Кругом было тихо; только изредка раздавалось в густой листве пение птички, искавшей в тени прохлады от жгучего августовского солнца, да тихонько шептались деревья, тронутые легким ветерком, да цветы склоняли друг к другу головки, точно хотели рассказать про слезы и скорбь королевы; но эти слезы падали на цветы, не освежая их: ведь это была не небесная роса, а слезы земной скорби.

- Довольно слез! - сказала наконец королева. - Что скажут мои гости, если заметят, что веселая и беззаботная королева проливает слезы? О, Господи! В один сегодняшний день я заплатила страшные проценты за свое счастье. Сохрани мне главное, чем живет мое сердце! Тогда я мужественно буду платить за него свету!

Она гордо подняла голову и направилась к ферме, своей маленькой Аркадии, своему раю. Она сама, с помощью архитектора Робера, создала этот идиллический уголок, возникший среди пышного блеска двора, подобно скромной фиалке, попавшей среди роскошных, ярких тропических цветов в раззолоченную вазу на королевском столе.

Ферма состояла из нескольких деревенских домиков, теснившихся один к другому; позади них мирно журчал ручеек, приводя в движение колесо маленькой мельницы, стоявшей на самом краю небольшой поляны. Рядом с нею виднелся домик, крытый соломой, обвитый диким виноградом и обсаженный цветами. Это был домик фермерши, Марии Антуанетты. Королева сама делала для него планы и рисунки. Она пожелала, чтобы это был маленький, простой, скромный домик, чтобы он не казался новым, и позаботилась придать ему вид жилища, уже пострадавшего от времени. Рядом с этим домиком помещалась молочная; когда Мария Антуанетта и другие "крестьянки" доили на лужайке коров, то приносили молоко в белых ведрах с серебряными дужками через всю "деревню" в молочную, где на белых мраморных столиках разливали его в красивые белые чашки.

На другой стороне улицы возвышался красивый дом старшины; рядом с ним находилось жилище школьного учителя.

- А все-таки хорошо жить на свете, - сказала королева, окинув радостным взглядом свое создание, и быстро пошла вперед, поглядывая на окна домиков, не видно ли кого из крестьян и крестьянок, ожидающих свою фермершу.

В это время мельничное колесо пришло в движение, а на пороге мельницы показалась упитанная фигура мельника в белом костюме и с обсыпанным мукой лицом. Королева радостно вскрикнула и побежала к мельнице.

Но не успела она добежать до своей цели, как из своего дома вышел деревенский мэр в своем черном одеянии, с большим белым галстуком на шее, с испанской тростью с золотым набалдашником в руке и в черной треугольной шляпе. Он раскинул руки и с угрожающим видом преградил ей дорогу.

- Госпожа фермерша, - сказал он, - мы все очень недовольны Вами! Вы пренебрегаете своими обязанностями и мы привлечем Вас к ответственности за то, что Вы являетесь так поздно. Все цветы уже повесили головки, соловьи перестали петь, а овцы не хотят есть даже самую лучшую траву. Все хозяйство гибнет, когда Вас нет!

- Это - не правда! - прозвучал веселый голос, и из распахнувшегося окна школьного дома выглянул веселый, юный учитель и погрозил розгой строгому и важному мэру.

- Как он может утверждать, что все хозяйство гибнет, когда я здесь? - сказал он. - С тех пор как умнейшие люди

отказались у меня учиться, я сделался учителем домашних животных и занимаюсь этим делом так, чтобы оно доставляло мне удовольствие. Я преподаю танцы козлам и учредил балетную школу для козлят.

Мария Антуанетта громко расхохоталась.

- Господин школьный учитель, - сказала она, - я страстно желаю увидеть доказательство Вашего умения; поэтому приглашаю Вас дать нам сегодня представление с Вашей балетной школой на большом лугу. А Вас, господин мэр, я прошу не быть таким строгим к фермерше и иметь снисхождение.

- Разве моя дорогая невестка нуждается хоть когда-нибудь в снисхождении? - с пафосом воскликнул мэр.

- О, граф! - со смехом возразила королева, - Вы вышли из своей роли и забыли два обстоятельства: первое - что здесь я - не королева, и второе - что всякая лесть в Трианоне строго запрещена.

- Вы сами виноваты, если правда звучит лестью, - с легким поклоном возразил граф Прованский.

- Вот ответ, достойный ученого! - воскликнул "школьный учитель", граф д'Артуа. - Брат, ты не знаешь даже азбуки в науке любезностей. Ты непременно должен поступить ко мне в учение.

- О, я уверен, брат Шарль, что в этой области мог бы многому научиться у тебя, - засмеялся граф Прованский, - только не знаю, осталась ли бы довольна этими уроками моя супруга!

- А вот мы спросим ее, - сказала королева. - До свидания, дорогие братья, я тороплюсь поздороваться со своим милым мельником.

Она быстро взбежала на деревянную лесенку, ведущую на мельницу, и обвила руками шею мельника, а он, крепко прижав ее к своему сердцу, увлек ее во внутреннюю часть мельницы.

- Благодарю тебя, Людовик! - воскликнула королева, целуя руку мужа. - Какой прелестный сюрприз ты мне устроил!

- Разве ты не говорила, что тебе хочется этого маскарада? - весело ответил король. - Здесь все делается по приказу королевы, так не удивляйся, что мы покорно исполнили роли, которые ты сама распределила между нами.

- О, Людовик, как ты добр! - со слезами на глазах сказала королева, - ведь я знаю, что все эти игры не доставляют тебе удовольствия, но ты все-таки принимаешь в них участие!

- Все потому только, что я люблю тебя, - просто ответил король, и счастливая улыбка скрасила его широкое, добродушное лицо. - Да, Мария, я люблю тебя, и мне доставляет большую радость доставлять тебе удовольствия.

Королева нежно прислонилась головой к груди мужа.

- Даря мне Трианон, Людовик, ты сказал мне: "Вы любите цветы, я дарю Вам целый букет!". Мой дорогой государь! Вы не только букет цветов подарили мне; Вы мне подарили целый букет счастливых часов, счастливых лет, которыми я обязана только Вам, Вам одному!

- Пусть же этот букет никогда не завянет, Мария, - произнес король, поднимая к небу набожный, молящий взор и кладя руку на голову своей жены, словно благословляя ее. - Однако, госпожа фермерша, - после некоторого молчания прибавил он, - Вы заставили меня позабыть свою роль: колесо остановилось, потому что мельник не на своем месте. Вообще наша мельница не совсем в порядке, и мне придется приложить здесь к делу свои слесарные познания... Что это за пение раздается на улице?

- Это крестьяне и крестьянки зовут нас, - смеясь сказала королева, - покажемся им, господин мельник!

Они вышли на наружную лестницу, у подножия которой собрались мэр, учитель, крестьяне и крестьянки, которые хором пели:

"Выше счастья нет нигде, Как в родной своей семье".

На глазах королевы навернулись радостные слезы, как полны были счастьем часы, проведенные сегодня в Трианоне королевской четой! Они были так ярко озарены солнцем, что Мария Антуанетта совсем забыла тучи, омрачавшие утро.

Все обедали по-деревенски, потом гуляли по лугу, любуясь на пасущихся коров; потом фермерша подала подругам пример и принялась за работу: принесли ее прялку, и она уселась за пряжу. Быстро вертелось колесо прялки, подобно колесу счастья, приносящему сегодня радость, завтра - печаль. Колесо счастья уже повернулось, горе уже близилось, но Мария Антуанетта еще не знала этого; ее глаза еще светились счастьем, губы улыбались. Она сидела со всем своим обществом на берегу озера и удила рыбу, и радовалась, если ей удавалось поймать что-нибудь: ведь эта рыба должна быть подана на ужин, на который фермерша пригласила своего супруга и который она была намерена приготовить своими руками.

Король ушел на мельницу отдохнуть, но кто-то нарушил его покой. Вероятно дело было очень важное, если рискнули сделать это; ведь все знали, что в Трианоне король бывает редко и, раз он там, его нельзя беспокоить делами.

Но сегодня его обеспокоили, и министр барон де Бретейль сам явился в Трианон, чтобы видеть мельника и попросить его на этот раз стать опять королем.

ОЖЕРЕЛЬЕ КОРОЛЕВЫ

Когда камердинер, переодетый помощником мельника, доложил о приезде министра, король немедленно удалился в свою комнату и переоделся в свой обычный костюм; короткие панталоны, серый кафтан с серым атласным, вышитым золотом жилетом и орденом св. Людовика на небесно-голубой ленте.

Переодевшись, король с озабоченным и встревоженным лицом вошел в комнату, где его ждал его первый министр, барон де Бретейль, и воскликнул:

- Говорите скорее! Вы принесли мне дурные вести? Случилось что-нибудь неожиданное?

- Государь, - почтительно ответил министр, - случилось действительно нечто неожиданное; насколько оно может быть названо дурной вестью, покажет следствие.

- Следствие? - воскликнул король, - значит, дело идет о преступлении?

- Да, государь, оно касается также чести ее величества.

Людовик вскочил и краска гнева залила его лицо.

- Неужели снова осмеливаются затрагивать честь королевы?

- Да, Ваше величество, и на этот раз план задуман так тонко, что будет весьма трудно добиться истины. Ваше величество дозволите мне изъяснить дело несколько подробнее?

- Говорите, барон, говорите! - воскликнул Людовик, опускаясь на деревянную скамью и приглашая министра также сесть.

Бретейль поклонился и сел.

- Ваше величество, может быть, помните прекрасное ожерелье, которое несколько времени назад придворный ювелир Бемер имел честь предложить ее величеству?

- Помню; еще королева выказала при этом свойственные ей великодушные и бескорыстные.

- Всем известен благородный ответ, который ее величество дала своему супругу, желавшему подарить ей это ожерелье, - сказал Бретейль, - Париж с восхищением повторял ее слова: "Государь, у нас больше бриллиантов, чем кораблей: купите на эти деньги корабль".

- У Вас хорошая память, - сказал король, - ведь это было пять лет назад.

- Я полагаю, государь, что после этого Бемер, несмотря на запрещение Вашего величества, еще несколько раз беспокоил ее величество своим предложением продать ей ожерелье; повидимому он твердо решил, что в конце концов королева купит

его. Он несколько лет собирал по всей Европе бриллианты, подбирая камни, совершенно одинаковые по величине, весу и игре. Так как королева отказалась приобрести ожерелье за два миллиона франков, то под конец Бемер просил за него уже только один миллион восемьсот тысяч.

- Да, я слышал об этом, - сказал король, - и королеве надоели его предложения, так что она велела больше не принимать его.

- Да, государь, его перестали допускать в Вераль. Но две недели назад он прислал ее величеству письмо, в котором просил королеву не забывать ее придворного ювелира и выражал радость, что ее величество обладает самыми дорогими бриллиантами в Европе. Королева прочла это письмо своей камерфрау, мадам Кампан, и сказала, что эти бриллианты очевидно свели бедного Бемера с ума. Письмо ее величество бросила в огонь. Это сообщила мне мадам Кампан, к которой я должен был обратиться для разъяснения дела.

- Да что же случилось с этим ожерельем? И какое отношение может иметь к нему королева? - воскликнул король, вытирая кружебным платком пот со своего лба.

- Государь! Бемер уверяет, что продал ожерелье ее величеству, и требует уплаты.

- Королева права: этот человек сошел с ума.

- Государь, он уверяет, что ее величество приобрела ожерелье тайным образом, через третье лицо, выдав двести тысяч франков задатка и установив последующие уплаты по тридцати тысяч франков каждая.

- Кто же это доверенное лицо? Его имя?

- Государь, это - кардинал де Роган, состоящий при особе Вашего величества.

Король вскрикнул и, вскочив с места, повторил:

- Роган? Кто осмелился соединять его имя с именем королевы, которая его тепереть не может? Полноте, Бретейль, эта сказка чересчур глупо задумана: никто не поверил ей!

- Однако, Ваше величество, Бемер поверил и передал ожерелье кардиналу, после чего получил собственноручную расписку от ее величества. Все это он сообщил мне письменно, прибавив, что обратиться ко мне ему посоветовала мадам Кампан, так как я имею честь быть министром королевского двора. Обратившись к мадам Кампан, я узнал от нее такие важные сведения, что с ней вместе поспешил в Трианон, чтобы Вы, Ваше величество, могли немедленно выслушать ее показания. В Трианоне я узнал, что там только что был Бемер, и так как по обыкновению не был допущен к королеве, то ушел, плача и бранясь.

- Пойдемте! Я хочу переговорить с Кампан, - сказал король и поспешно вышел из комнаты.

Министр следовал за ними. Они прошли боковой дорожкой, минуя деревенскую улицу, чтобы не быть замеченными королевой.

- Кампан, - сказал король, входя в маленькую уборную королевы, - министр рассказал мне диковинную историю; повторите мне весь свой разговор с Бемером.

- Ваше величество, Вы приказываете мне говорить, прежде чем об этом деле узнала королева? - спросила мадам Кампан с низким поклоном.

- Ах, Вы видите, я был прав, - сказал король Бретейлю: - королеве ничего неизвестно, иначе она рассказала бы все мне. Слава Богу, у королевы нет от меня тайн. Я благодарен Вам за Ваш вопрос, Кампан! Конечно лучше, чтобы ее величество присутствовала при нашем разговоре. Есть тут кто-нибудь из прислуги королевы? - крикнул король, распахнув двери.

Тотчас же прибежал камердинер.

- Вебер! - сказал ему король: - бегите немедленно в Малый Трианон и попросите от моего имени ее величество королеву придти сюда на четверть часа по важному делу, не терпящему отлагательства. Только смотрите, не испугайте ее величества, чтобы она не подумала, что получены какие-нибудь печальные вести от ее родных. Торопитесь! А теперь, барон, - прибавил он, обращаясь к министру, - Вы должны своими глазами и ушами удостовериться, что королева так же мало знает об этом деле, как и я, и будет так же удивлена, я хочу, чтобы Вы присутствовали при разговоре, но так, чтобы королева не подозревала о Вашем присутствии. Это заставит Вас тотчас же убедиться в дерзком и бесстыдном обмане. Куда ведет эта дверь, Кампан? - обратился король к камерффрау, указывая на белую с золотым бордюром дверь, полузакрытую белыми атласными портьерами, затканными розами.

- В маленькую гостиную, государь.

- Войдите туда, Бретейль, а Вы, Кампан, спустите портьеры так, чтобы министр мог все слышать, оставаясь невидимым для королевы.

Не прошло и четверти часа, как вошла Мария Антуанетта, взволнованная, с разгоревшимися щеками.

Король поспешил ей навстречу и, прижав ее руку к губам, произнес:

- Прости, Мария, что я потревожил тебя...

- Скорее скажите мне, в чем дело! - с нетерпением воскликнула королева. - Что случилось? Большое несчастье?

- Нет, Мария, но большая неприятность, которая может быть названа несчастьем только потому, что твое имя оказывается замешанным в обман: ювелир Бемер уверяет, что продал тебе бриллиантовое кольцо за миллион восемьсот тысяч франков.

- Но этот человек сошел с ума! - воскликнула королева. - Это - все, что Ваше величество желали сказать мне?

- Прошу тебя, выслушай Кампан, которая повторит свой разговор с Бемером!

- Что? - воскликнула королева, только теперь заметившая Кампан, скромно отошедшую в сторону, - что все это значит?

- Ваше величество, я приехала сюда, чтобы передать Вам то, что сказал мне Бемер. Он уже был сегодня здесь.

- Да что же ему наконец нужно? Ведь Вы говорили мне, Кампан, что он продал это несчастное ожерелье, с которым он все ждал меня столько лет, - султану в Константинополь?

- Я повторила Вашему величеству то, что сам Бемер говорил мне; сегодня, когда Ваше величество выехали в Трианон, он снова явился и спросил меня, не поручала ли королева передать что-либо ему. Я ответила, что Ваше величество вообще не желаете иметь с ним никакого дела. "Но должен же я получить ответ на то письмо, которое писал королеве! - воскликнул он, - к кому же мне обратиться?! - "Ни к кому, - ответила я, - ее величество бросила Ваше письмо в огонь, не читая". - "Это невозможно! - сказал он, - ее величество знает, что должна мне большую сумму денег".

- Я должна ему? - с ужасом вскрикнула Мария Антуанетта, - каким образом этот несчастный осмеливается утверждать что-либо подобное?

- Я сказала ему это, Ваше величество, но он вполне убежденно ответил, что Ваше величество должны ему полтора миллиона франков за ожерелье.

- Как! Опять это несчастное ожерелье? - сказала королева, - кажется, этот человек сделал его только для того, чтобы мучить меня. Я уже целые годы слышу все про это ожерелье. Вполне понятно, что я всеми способами старалась вылечить несчастного от его мании продать свою работу непременно мне. Теперь он уже настолько помешался, что полагает, будто я действительно купила это ожерелье!

- Этот человек не помешан, - серьезно возразил король, - выслушайте до конца. Продолжайте, Кампан!

- Я стала смеяться над ним, - продолжала Кампан, - и напомнила ему, что он несколько месяцев тому назад уверял, что продал ожерелье турецкому султану. Он возразил, что королева приказала ему говорить это всем, кто будет спрашивать о судьбе ожерелья, но что она действительно купила его через кардинала де Роган.

- Через кардинала де Роган? - закричала королева, вскочив с места, - через человека, которого я ненавижу? Неужели во всей Франции найдется хоть один человек, который поверит этому?

- Я сказала Бемеру, что его обманули и что королева никогда не удостоила бы кардинала своего доверия. На это Бемер ответил мне вот этими самыми словами: "Вы сами обмануты; кардинал очень в милости и тайно видится с королевой; она настолько доверяет ему, что через него прислала мне тридцать тысяч франков в уплату долга. Она в присутствии кардинала вынула эти деньги из своего маленького бюро из северского фарфора, которое стоит в ее будуаре, около каминна". - "Это Вам рассказывал сам кардинал?" - спросила я и, когда он ответил утвердительно, снова повторила, что его обманули. Бемер очень испугался и сказал, что на него уже напало сомнение, когда королева в Троицын день не явилась в его бриллиантах, между тем как кардинал сказал ему, что ее величество наденет их в этот день в первый раз. После того он и решился написать ее величеству. Я посоветовала ему обратиться к министру, барону де Бретейль, а сама поехала сюда. Оказалось, что он и сам явился сюда, и я обещала ему немедленно уведомить обо всем ее величество.

Королева слушала этот рассказ в совершенном оцепенении, неподвижная и безмолвная, как статуя, изображающая ужас. Потом яркий румянец залил ее щеки, ее глаза засверкали и, обращаясь к королю, она сказала громким и властным голосом:

- Вы слышали, государь? Вашу супругу смеют обвинять в тайных сношениях с кардиналом де Роган! Я требую строгого и внимательного расследования этого дела, Позовите скорее барона де Бретейль! Пусть он посоветует нам, что делать. Я настаиваю на том, чтобы это было сделано как можно скорее.

- Ваша слова - для меня закон, - ответил король, с любовью глядя на возволнованное лицо королевы. - Идите сюда, Бретейль!

- О, государь! - воскликнула Мария Антуанетта, увидав министра, - Вы, значит, не сомневались во мне?

- Ни на одну минуту, - улыбаясь ответил король. - Теперь обсудим вместе с Бретейлем, что нам предпринять; пошлем также за аббатом де Вермон, чтобы он принял участие в нашем совещании.

* * *

На следующий день, пятнадцатого августа, в залах Версаля собралось самое блестящее общество. Был большой праздник, Успение Божьей Матери, и королевская чета намеревалась со всем двором присутствовать на торжественном богослужении; обедню должен был служить сам кардинал де Роган.

Он также находился в числе собравшихся и в праздничном облачении, со всеми знаками своего достоинства, ждал только прибытия короля и королевы, чтобы сопровождать их в дворцовый храм. Красивое лицо кардинала, у которого было много поклонников и поклонниц, поражало сегодня каким-то сияющим выражением, а его большие черные глаза, пока он разговаривал с графом д'Артуа, не отрывались от двери, в которую должна была войти королевская чета. Эта дверь внезапно растворилась, пропустив королевского пажа, который, окинув зал беглым взглядом, протиснулся через блестящую толпу и подошел к кардиналу.

- Монсиньор, - прошептал он, - его величество ждет Ваше высокопреосвященство немедленно в свой кабинет.

Там он нашел только короля и королеву, а в глубине комнаты, в амбразуре окна, стоял министр королевского двора, барон де Бретейль, старый, непримиримый враг гордого кардинала, намеревавшийся в этот один час отомстить ему за долгие годы высокомерного обхождения.

Кардинал вошел с уверенным, любезным выражением на красивом лице, но холодный кивок короля и сверкающие глаза королевы несколько смутили его, и веки его гордых глаз опустились.

- Это Вы купили у Бемера бриллианты? - резко спросил король.

- Да, Ваше величество, - ответил кардинал.

- И что Вы сделали с ними? Отвечайте, я приказываю!

- Государь, - после короткой паузы произнес кардинал, - я полагал, что они переданы королеве.

- Кто поручил Вам покупку?

- Одна дама, государь, по имени Ламотт Валуа. Она передала мне письмо от ее величества, и я полагал заслужить одобрение ее величества, взяв на себя поручение, которым ее величество удостоила меня.

- Я? - вскрикнула королева с выражением глубочайшего презрения, - я дала поручение Вам, которого в течение восьми лет не удостоила ни единым словом!

- Теперь я вижу, - воскликнул кардинал, - что меня жестоко обманули. Я заплачу за ожерелье. Горячее желание услужить Вашему величеству лишило меня способности видеть и рассуждать; я не заподозрил обмана и теперь горько разочарован. Я заплачу за ожерелье!

- И Вы думаете, что этим все будет поправлено? - с гневом воскликнула королева, - Вы полагаете, что этой жалкой ценой Вы окупите позор, который Вы навлекли на свою королеву? Нет, я требую подробного расследования! Я настаиваю на том, чтобы все, принимавшие участие в этом позорном обмане, были привлечены к ответственности. Представьте доказатель-

ства того, что Вы действительно сами были обмануты, а не обманывали сами!

- Ах, Ваше величество! - воскликнул кардинал таким вызывающим и в то же время дружеским тоном, что королева задрожала от ярости. - Вот доказательства моей невинности, - продолжал он, вынимая из кармана бумажник, а из него - сложенный лист бумаги. - Вот письмо королевы к графине Ламотт, в котором ее величество поручает мне покупку ожерелья.

Король взял бумагу, прочел ее, взглянул на подпись, затем, презрительно пожав плечами, передал письмо королеве. Она набросилась на него с необузданностью тигрицы, наконец нашедшей свою добычу, и, быстро пробежав бумагу, разразилась громким, гневным смехом.

- Да ведь это - не мой почерк и не моя подпись! - воскликнула она, устремив пылающий взор в лицо кардинала и указывая на письмо, - как же Вы, принц и человек, занимающий такой высокий пост, может быть так невежественны, чтобы поверить, будто я могу подписаться "Мария Антуанетта Французская"? Каждый знает, что королевы подписываются только своим именем; и Вы один этого не знаете?

- Вижу, понимаю, - пробормотал кардинал, который под взглядом королевы побледнел как смерть и шатаясь прислонился к столу, чтобы не упасть, - я вижу, что допустил страшно обмануть себя.

Король взял со стола какое-то письмо и, протянув его кардиналу, спросил:

- Признаете ли Вы, что написали это письмо ювелиру Бемеру, передавая ему от имени королевы тридцать тысяч франков, в виде задатка?

- Да, государь, признаю, - убитым голосом ответил кардинал.

- Он признает? - сказала королева, скрипнув зубами и сжимая свои маленькие руки в кулаки. - Он мог считать меня способной на такую низость! Меня, свою королеву?!

- Вы утверждаете, что купили бриллианты для королевы? - продолжал король, - Вы передали их ее величеству?

- Нет, государь, это сделала графиня Ламотт.

- От Вашего имени?

- Да, государь, от моего имени; она также передала королеве квитанцию в уплате ста пятидесяти тысяч франков, которые я одолжил королеве для покупки.

- И какую же награду получили Вы от королевы?

Кардинал колебался; но, все еще чувствуя на себе холодный, гневный взгляд Марии Антуанетты, он вдруг вспыхнул и, в свою очередь бросив на нее уничтожающий взгляд, произнес:

- Вы этого хотите, Ваше величество? Я скажу всю правду! Государь, ее величество наградила меня за эту маленькую услугу по-королевски: она соблаговолила назначить мне свидание в Версальском парке.

При этом новом ужасном оскорблении королева громко вскрикнула и, прыгнув вперед подобно львице, схватила своего супруга за руку и, сильно встряхнув ее, воскликнула:

- Государь, вы слышите этого государственного изменника, поносящего свою королеву? Неужели красная мантия может защитить преступника?

- Государь! - пробормотал кардинал, - государь, я...

- Ни слова больше! - перебил король, указывая рукой на дверь, - вон, говорю Вам, вон!

Кардинал шатаясь направился к двери, отворил ее и снова очутился в зале, где, перешептываясь, смеясь и болтая, волновалась блестящая толпа придворных.

Вслед за кардиналом на пороге появился барон де Бретейль.

- Поручик, - громко обратился он к гвардейцу, стоявшему у дверей королевского кабинета, - именем его величества короля арестуйте кардинала де Роган и отправьте его под конвоем в Бастилию!

Всеобщий крик ужаса встретил эти слова, раздавшиеся подобно удару грома среди этой беззаботной толпы. Затем наступила мертвая тишина. Все взоры устремились на кардинала, который, без кровинки в лице, но с высоко поднятой головой гордо шел по зале. Молодой офицер, следовавший за ним с таким же бледным лицом, догнал его и, слегка прикоснувшись, к его руке, с выражением глубокого горя сказал:

- Минсиньор, именем короля арестую Ваше высокопреосвященство. Я имею приказание отвезти Вас в Бастилию. -

- Хорошо, сын мой, - спокойно ответил кардинал, - если такова воля короля, отправимся в Бастилию.

У самых дверей, которые офицер уже растворил перед ним, де Роган обернулся и благословил изумленную и испуганную толпу.

Придворные поспешили разнести эту новость по всему Парижу: король приказал арестовать кардинала, первое мужское лицо во всей Франции! Так захотела королева!

И, чем дальше распространялось известие, тем больше нарастало на нем клеветы, подобно снегу, нарастающему на катящуюся лавину.

- Проклятие австриячке! - гремел вечером этого дня Марат в своем клубе, - она заняла у кардинала денег, чтобы купить себе бриллианты. Бриллианты, когда народ голодает! А когда кардинал захотел получить обратно свои деньги, она

отрекается от долга и сажает князя церкви в Бастилию! Проклятие австриячке!

- Проклятие австриячке! - рычал сапожник Симон, - мы припомним ей, что в то время, когда у нас нет ни сантима на кусок хлеба, она тратит миллионы на свои бриллианты!

И все присутствовавшие в клубе мужчины потрясали кулаками, повторяя за Симоном:

- Проклятие австриячке!

V

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Париж был возмущен. На всех площадях, на всех перекрестках собирались кучки народа, которому ораторы сообщали потрясающую новость.

- Кардинал де Роган, - кричал на одном углу францисканский монах, - недостойным, деспотическим образом лишен своих прав и свободы! Как высшая духовная особа, он не подлежит власти короля; на него можно жаловаться только святейшему отцу, римскому папе. Только святая церковь имеет право наказывать своих служителей, и никто до сего дня не осмеливался отнимать у нее ее права; между тем теперь хотят судить кардинала, как светского слугу короля, и притом за вину, в сущности вовсе не существующую, потому что дама, которую он считал за доверенное лицо королевы, сказала ему, что королева желает купить бриллиантовое ожерелье, но у нее нет на это денег, это понятно, так как благодаря страшной расточительности королевы ее касса всегда пуста. Узнав, что королева желает, чтобы кардинал одолжил ей нужные деньги и купил бриллианты от ее имени, кардинал, как преданный слуга короля, поспешил исполнить желание королевы, чтобы она не обратилась к другому придворному и не скомпрометировала еще больше королевское имя.

- Пропади она пропадом, эта австриячка, эта королева бриллиантов! - закричал находившийся в толпе Симон, и сотни голосов повторили за ним:

- Пусть погибнет австриячка!

- Слушайте, слушайте, добрые парижане! Слушайте, добродушные овечки, с которых шерсть дерут вместе со шкурой, чтобы австриячке мягче спалось! - кричал на другом углу визгливый голос, - слушайте, что сегодня происходит в Париже! Я только что из парламента и могу Вам прочесть слова, которыми король открыл сегодняшнее собрание.

- Прочтите, прочтите! - раздалось в толпе, - тише там! Дайте слушать!

- Боюсь только, что Вы меня не поймете, - продолжал тот же голос.

В это время сквозь толпу протеснился высокий, широкоплечий, чисто одетый человек.

- Эй Вы, маленький человечек! - кричал он, - давайте, я подниму Вас на плечи, тогда все Вас услышат! Ах, да это - Марат, наш друг Марат, маленький человечек, но великий доктор!

- А Вы - мой друг Сантер, большой человек и еще более великий доктор, - ответил Марат, - потому что пиво, которое Вы варите, гораздо лучше излечивает народ, чем все мои лекарства. Так Вы хотите, мой друг, посадить Марата, эту уродливую обезьяну, к себе на спину, чтобы он мог сообщить народу важную новость?

Пивовар вместо всякого ответа схватил калеку на руки и сильным движением посадил его себе на плечо. Народ разразился бурными аплодисментами. Пивовар был очень популярен; хорошо знали и Марата, "лошадиного доктора", как он с насмешкой называл себя сам, "целителя бедности и горя", как называли его льстецы.

Повернувшись лицом к величественным громадам Тюильери, высившимся за деревьями сада, он погрозил королевскому замку кулаком и крикнул:

- Слышите ли, гордые земные боги, грозные раскаты грома царственной силы? Неужели они не заставят Вас пробудиться от Вашего порочного сна, не заставят Вас упасть на колени и молиться, подобно бедным грешникам, перед казнью? Нет! Вы ничего не видите, ничего не слышите! Глухи Ваши уши, закрыты Ваши сердца! Вы предаетесь наслаждениям, не слушая голоса истины, глаголящей святыми устами народа!

- Да здравствует Марат! - заревела толпа. - Марат лечит бедных людей, которых калечат знатные господа! Марат - не знатный барин! Он не презирает народа!

- Друзья мои! - продолжал Марат, - слышали ли вы когда-нибудь, чтобы разумный человек предпочитал старого, ослабленного пороками, истощенного короля молодому, сильному, прекрасному наследнику престола? Этот наследник Франции - вы, народ французский, и настанет время, когда народ, прекрасный наследник престола, завладеет Францией! Но я взобрался на этот импровизованный трон, чтобы сообщить вам о новом бесстыдстве королевы, попирающей наши законы своими еще не уставшими от балов и ночных прогулок ногами! Хотите выслушать, какую бумагу прислал сегодня король в парламент по поводу случая с кардиналом де Роган?

- Хотим! Хотим! Читайте! - раздались голоса.

Марат вытащил из грудного кармана запачканный лист бумаги и громко прочел:

- “Мы, Божией милостью король Франции и Наварры, Людовик шестнадцатый, - нашим возлюбленным и верноподанным советникам, членам нашего парламента! До нашего сведения дошло, что ювелиры Бемер и Бассанж, без ведома королевы, нашей возлюбленной супруги, продали кардиналу де Роган, сказавшему им, что он действует по поручению королевы, бриллиантовое ожерелье ценою в миллион восемьсот тысяч франков, какова сумма должна была выплачиваться в известные сроки. Вручив названное ожерелье кардиналу де Роган, упомянутые ювелиры не получили однако первого взноса, почему и обратились к самой королеве. Увидев со справедливим негодованием, что нашлись люди, позволившие себе злоупотребить уважаемым и дорогим для нас именем и осмелившиеся забыть уважение, которым обязаны королевскому величеству, мы сочли неизбежным арестовать вышеупомянутого кардинала, а вследствие сделанного им разьяснения и особу, именуемую Ламотт Валуа, которой он был обманут, и принять меры, дабы открыть виновников или соучастников злого покушения. Доводим все вышеизложенное до сведения судебной палаты нашего парламента, которая расследует дело и вынесет свой приговор”.

- Каково послание? - воскликнул Марат, - каково сплетение лжи, которым опутывает нас австриячка! Конечно это она послала такое письмо в парламента. Ведь Вы знаете, что у нас нет больше короля всей Франции: теперь вся Франция обращена в Трианон австриячки! На всех воротах, чуть ли не всех домах стоит надпись: “От имени королевы”! Австриячка правит Францией, а простак-Людовик пишет себе все, что ей угодно ему продиктовать. Австриячка пишет, что желает найти соучастников этого преступления! Лучше бы она старалась, чтобы их не нашли, потому что соучастница - сама она! Ламотт Валуа только таскала для нее каштаны из печки. И так бывает всегда: короли грешат безнаказанно, а другие за них расплачиваются; но что в этом случае расплачиваться должен кардинал, высшая духовная особа во Франции, состоящая при особе короля и заведующая раздачей милостыни из королевской казны, - доказывает, что дерзость австриячки дошла до крайности. Она растоптала ногами стыд, совесть, нравы, а теперь собирается растоптать церковь!

- Тише! - закричали вдруг в толпе, - карабинеры едут! Замолчите, Марат! Мы не хотим, чтобы все наши друзья попали в Бастилию!

Действительно со стороны Тюильери приближался отряд карабинеров, но, прежде чем они подъехали к толпе, Марат с

помощью Сантера спустился на землю и затерялся среди своих слушателей.

Следствие о бриллиантовом ожерелье началось в тот же день. Между тем кардинал де Роган сидел в Бастилии, где с ним обращались со всем уважением, подобавшим его высокому положению. Ему был предоставлен целый ряд комнат; при нем находились два его камердинера и секретарь; ему было дозволено видаться с родственниками, но в присутствии коменданта Бастилии Фулона. Впрочем последний был таким добрым католиком, что всегда держался от кардинала на почтительном отдалении. Во время допросов президент следственной комиссии обращался с подсудимым с величайшим уважением, и если кардинал чувствовал себя утомленным, допрос тотчас же прекращался и был откладываем на другой день. Защитники кардинала были допущены к следствию, чтобы, смотря по обстоятельствам, вызывать свидетелей, которые доказывали бы, что вся вина кардинала состояла лишь в излишнем усердии услужить королеве.

В Париже ходили слухи о массе арестов. Рассказывали, что в Брюсселе арестовали женщину, необыкновенно похожую на королеву, и посадили ее в Бастилию. Процесс тянулся уже много месяцев, но следствие все еще не было закончено. Друзья королевы утверждали, что она вовсе не знала графини Ламотт Валуа и только однажды, по просьбе самой графини, выдала ей вспомоществование через своего камердинера, Вебера. Но друзей у королевы было не много, и их число с каждым днем уменьшалось. В виду того, что последние годы были неурожайны, король нашел необходимым сократить расходы, как государственные, так и своего двора, и те, кто пользовались в неограниченных размерах его милостями, должны были покориться этой перемене.

Золотой дождь, которым пользовались друзья королевы, исходил из ее милостивых рук: ей было так приятно, так отрадно радовать тех, кого она любила! Как сладко было видеть очаровательную благодарную улыбку на лице молодой герцогини Полиньяк, которая никогда ничего не просила лично для себя и которую Мария Антуанетта только с трудом, почти с угрозами могла заставить принять какой-нибудь знак ее расположения! Но за Жюли Полиньяк стояли ее зять с женой, корыстные, честолюбивые, гордые люди, а также Водрейль, Адемар и Безанваль, жаждавшие почетных и выгодных мест и знаков отличия.

Все эти эгоисты и честолюбцы действовали через Жюли де Полиньяк, и так как королева не могла отказать своей любимице, а король - своей возлюбленной супруге, - то просьбы достигали цели. Старые знатные семьи со справедливым негодованием смотрели на господство Полиньяков и в конце концов

удалились от двора, находя забавы “Трианонской королевы” не подходящими для себя развлечениями. Король оказался совершенно предоставленным влиянию своей супруги, то есть Полиньяков и прочих любимцев, которые завладели почестями, лучшими местами, влиянием. Королевскую чету окружали только интриги, зависть, вражда. Ясные дни счастья, покоя, о которых мечтала королева, померкли, едва увидев рассвет. Трианон существовал, но те, кто делил с прекрасной “крестьянкой” ее удовольствия, сильно изменились: это были не друзья, но интриганы, льстецы, охотники до выгодных мест. Королева не хотела поверить этому и все еще относилась к ним с прежнею любовью, все еще опиралась на них, все еще советовалась с ними и передавала эти советы королю. И наконец наступил день, когда она начала понимать, что она сама - не властительница, что исполняет лишь чужую волю.

- Я должна была вмешиваться в государственные дела, - говорила Мария Антуанетта, - потому что король слишком добр и благороден, слишком доверчив; а так как никто не может быть преданнее королю, чем его жена, мать его детей, то он и должен опираться на меня и на мою помощь.

Теперь королева увидела, что Калонн, которого она, по указанию Полиньяков, назначила на место генерального контролера финансов, был совершенно недостоин этого поста. Королева и сначала не доверяла ему и уступила только просьбам друзей; но общественное мнение считало его ее любимцем, назначение его - несчастьем для Франции и весь гнев обрушивало на королеву. Единственным хорошим результатом назначения Калонна было появление массы сатир и памфлетов на финансовое положение Франции; король потребовал от министра полиции все эти листки, чтобы изучить их и добраться посредством них до корня: они не льстили и могли указать ему, как сделаться хорошим правителем. И он узнал, что надо быть экономным, беречь государственные средства. Вполне самостоятельно, не посоветовавшись даже с королевой, король приказал сократить расходы своего двора, почти уничтожил свои огромные конюшни, сократил вознаграждение гувернантки своих детей и придворных дам своей сестры, мадам Элизабет. Королевскими конюшнями заведовал герцог Полиньяк, старшей статс-дамой при мадам Элизабет была его жена, гувернанткой при детях Франции - его невестка. Полиньяки бросились к королеве, но получили в ответ:

- Такова воля короля, и я счастлива, что он проявил ее. Долг подданных - покоряться ей.

- До сих пор только в Турции жили, опасаясь потерять сегодня то, что только что вчера получили! - с негодованием воскликнул Безанваль.

Королева вздрогнула: она на всех лицах прочла неудовольствие и враждебность. Маски спали. Королева схватилась за сердце, но, преодолев свое горе, кротко сказала:

- Король и себя лишил многого для общественного блага. Но забудем эти огорчения, ведь они не могут помешать нам оставаться добрыми друзьями... Герцог де Нуаньи, Вы должны отыграться: последняя партия на бильярде осталась за мной... Пойдем в бильiardную, друзья мои!

Но никто не последовал за ней.

- Что это значит? - с гневом сказала королева, - разве никто не слышал моего приглашения?

- Очевидно все помнят, что Вы, Ваше величество, требовали прежде, чтобы в Трианоне все делали, что хотят, - сердито ответил Куаньи. - Да и как быть спокойными и довольными, когда теряешь то, чем пользовался? Это ужасно, ни на что нельзя положиться, даже на королевское слово!

- Вы забываетесь! - воскликнула разгневанная Мария Антуанетта. - Вы говорите со своей королевой!

- В Трианоне нет королевы и подданных! - дерзко ответил Куаньи, - я по крайней мере помню Ваши слова, хотя сами Вы их забываете! Давайте играть!

Он схватил кий королевы, сделанный из клыка носорога, оправленного в золото. Это был подарок австрийского императора, ее брата, и королева очень дорожила им.

- Вы ошиблись: это - мой кий! - закричала королева, - дайте его мне!

- У меня отнимают то, что мне принадлежит, почему же и мне не следовать этой новой моде? - дрожа от бешенства, возразил Куаньи, - я докажу этим Вашему величеству, что научился кое-чему от Вас!

И он так сильно ударил кием шар, что сломал подарок императора.

Королева вскрикнула и, указав дрожащей рукой на дверь, сказала властно и повелительно:

- Герцог де Куаньи я освобождаю Вас от обязанности когда-либо появляться в Трианоне!

Куаньи отвесил довольно небрежный поклон и, ворча себе под нос, оставил комнату. Королева посмотрела ему вслед с выражением глубокой горечи, потом взяла куски сломанного кия и ушла в свою комнату, где, бросившись в кресло, залилась слезами.

- Ах, - простонала она, - они все отнимут у меня, все разобьют: мое доверие, мое мужество, мое сердце! Мне останется одно горе, и те, кого я считала своими друзьями, не захотят разделить его!

ПРОЦЕСС

Целый год длилось следствие, целый год родные и друзья кардинала настраивали в его пользу не только общественное мнение, но и судей и членов парламента. Против королевы поднялись не только старинные дворянские роды, не только принцы и принцессы крови, ненавидевшие ее за то, что она - австриячка и любима королем, но и поклонники движения и свободы, поставившие себе задачей разрушить ореол, окружавший королевский трон. Оскорбленные родственники кардинала желали видеть королеву по крайней мере настолько же опозоренной и скомпрометированной, как и сам кардинал. Они знакомились и любезничали с судьями, нанимали писак, сочинявших памфлеты и сатиры на королеву, распространяли брошюры, защищавшие кардинала; таким образом, когда наступил день суда, тридцатое августа 1786 года, общественное мнение было безусловно на стороне кардинала де Роган.

Уже с самого раннего утра вся площадь перед Консьержери была полна народом; сторонники кардинала, а также и "борцы за свободу", как называли себя Марат и его единомышленники, сновали в толпе, вооружая ее против королевы.

Судьи, заседавшие в зале за зеленым столом, сочувственно смотрели на подсудимого, который стоял перед ними, спокойный, полный достоинства; вместо красного одеяния, он одел сегодня платье фиолетового цвета, которое духовные особы носят в знак траура. Благословив всех присутствующих, кардинал в кратких и простых словах дал свои показания.

Графиня Ламотт Валуа, последний отпрыск прежней королевской династии, была рекомендована ему его родственницей, мадам Булеинвилье. Муж графини, гарнизонный офицер, не имел средств, поэтому кардинал принял участие в женщине, потомке французских королей, а затем выхлопотал ей пенсию в размере 1500 франков от короля Людовика. Отправившись в Версаль, чтобы выразить свою благодарность королеве, графиня объявила затем кардиналу, что Мария Антуанетта пригласила ее бывать у нее почаще, чем графиня воспользовалась очень широко. Сам кардинал не пользовался милостью королевы, которая даже никогда не разговаривала с ним, что делало его безутешным. Графиня обещала ему замолвить за него слово и так трогательно описала королеве его отчаяние, что королева обещала простить его, если он письменно будет умолять забыть то обстоятельство, что, будучи много лет назад послом при австрийском дворе, он позволил себе предложить императрице Марии Терезии выразить порицание ее дочери, тогда еще супруге дофина, за ее легкомысленное поведение. За это един-

ственное свое преступление перед королевой он и просил у нее смиренно прощения и получил от нее через графиню милостивый ответ.

- Я хранил его на моей груди, - сказал кардинал, - поэтому он избежал судьбы остальных бумаг, сожженных моими врагами в моем дворце во время обыска.

С этими словами кардинал подал председательствующему письмо, в котором королева изъявляла кардиналу свое благоволение, обещала в будущем аудиенцию, но приказывала молчать об этом. Письмо было подписано: Мария Антуанетта Французская.

Председательствующий положил письмо на стол к другим документам и сочувственно поглядел на подсудимого: он только теперь обратил внимание на то, что кардинал не сидел, а стоял перед судьями, как обыкновенный преступник. Он тотчас же приказал подать ему кресло. Подсудимый слегка наклонил голову и спокойно сел. Затем он продолжал свой рассказ.

Получив это письмо, он стал торопить графиню испросить ему скорее аудиенцию у королевы, так как, несмотря на выказанное прошение, королева всякий раз, когда он имел счастье видеть ее, выказывала ему прежнюю неприязнь. Когда он однажды осмелился подойти к ней и заговорить, королева гневно отвернулась и громко сказала герцогине Полиньяк:

- Какое бесстыдство! Эти люди воображают, что их красная мантия все дозволяет им!

Тут ему впервые пришла мысль, что слова графини и даже письмо могут оказаться фальшивыми, и он высказал это самой графине, прибавив, что лишь тогда поверит ее уверениям, если она в один из последующих дней устроит ему так давно желаемое им свидание с королевой. Графиня рассеяла его сомнения, и за аудиенцию у королевы он обещал ей, как знак своей благодарности, пятьдесят тысяч франков.

При этих словах на скамьях, занятых врагами королевы, знатными вельможами, как Роган, Вергонн и др., послышался ропот одобрения.

- Сдержала ли графиня Ламотт Валуа свое обещание? - спросил председатель.

Принц де Роган не сразу ответил; он заметно побледнел и на его красивом лице выразилась душевная борьба.

- Высокое собрание, - сказал он наконец дрожащим голосом, - в эту минуту я чувствую, что под одеждой священника в моей груди бьется сердце мужчины, а всякий мужчина совершает преступление, когда разоблачает тайну женщины, одарившей его своею милостью; но я обязан защищать честь духовного лица и потому совершу этот проступок. Может быть, я был обманут, но я должен снять со своего сана подозрение.

будто я мог сам быть обманщиком, и поэтому мне приходится раскрыть тайну дамы... тайну королевы.

Голос кардинала звучал так кротко, так трогательно, что на скамьях зрителей послышалось сдержанное рыдание, а глаза председателя де Лэгра наполнились слезами.

- Ваш святой долг - говорить на суде всю правду, - сказал он, - поэтому, монсиньор, повторяю свой вопрос: доставила Вам графиня обещанное свидание?

- Да, - взволнованным голосом ответил кардинал, - доставила.

Затем он рассказал, что графиня передала ему желание королевы встретиться с ним в саду Версаля, причем кардинал должен был быть одет, как простой горожанин. В подтверждение своих слов, графиня показала ему адресованное ей самой письмо королевы, в котором Мария Антуанетта советовала своей милой подруге быть крайне осторожной, не говорить громко и выйти из кустов в назначенном месте только тогда, когда сама королева подаст знак. Это письмо вполне убедило кардинала, и в назначенный день и час он в наемной карете отправился с графиней в Версаль. Спрятав его в указанном месте на террасе, графиня отправилась предупредить королеву, совершавшую обычную вечернюю прогулку с графом и графиней д'Артуа. Скоро кардинал при свете луны увидел благородную фигуру в красной одежде и с голубыми лентами в волосах, быстро приближавшуюся вместе с графиней Ламотт Валуа. Кардинал не мог более сомневаться: это была королева. На ней был тот же костюм, в котором он видел ее в прошлое воскресенье. Он упал перед нею на колени и поцеловал протянутую руку.

- Я довольна Вами, монсиньор, - сказала королева, - и скоро Вы получите от меня знаки величайшего благоволения. А пока вот Вам залог! - и, сняв со своей груди розу, королева подала ее кардиналу. - И еще вот Вам на память, - прошептала она, - мой портрет. Смотрите на него почаще и не сомневайтесь, что я...

Но в это время подбежала графиня, ждавшая в отдалении, и сказала:

- Сюда идут! Ради Бога, Ваше величество, удалитесь!

На другой день графиня передала кардиналу второе письмо королевы, в котором ее величество жаловалась, что свидание было прервано, и обещала скоро назначить второе. Затем кардинал по делам церкви должен был уехать в Эльзас, но уже на другой день к нему явился муж графини с новым письмом от королевы. Она желала, чтобы он немедленно вернулся в Париж, потому что она нуждается в его помощи и только ему может довериться в деле, которое графиня разъяснит ему. Он примчался в Париж, и графиня рассказала ему, что бриллиан-

товое ожерелье, от которого королева сначала отказалась из-за высокой цены, страшно нравится ей, и что, боясь, что оно будет продано в Константинополь, она желает, тайно от короля, купить его, но что ее касса в настоящее время пуста, так как она все сбережения раздала бедным. Она погучает кардиналу купить ожерелье, для чего дает собственноручно написанную доверенность, которую он может показать ювелирам, но должен оставить ее у себя. Первые шестьсот тысяч франков кардинал должен заплатить сам; остальное, также и свой долг кардиналу, королева желала уплатить в известные сроки. Кардинал был весьма польщен доверием королевы, а через два дня графиня Валуа принесла ему доверенность ее величества на покупку бриллиантов, помеченную в Трианоне и подписанную "Мария Антуанетта Французская". В таком важном вопросе кардинал решил посоветоваться со своим другом, графом Калиостро, который за несколько лет перед тем вылечил его от тяжелой болезни и с тех пор был его советником в делах, неоценимым другом и отчасти пророком его судьбы. Граф спросил невидимых духов и получил ответ, что кардинал должен оправдать выказанное ему доверие, что будущее его возвышение послужит на благо Франции. Кардинал купил ожерелье. Доверенное лицо должно было явиться за ним в дом графини, которая пригласила кардинала тайно присутствовать при передаче ему бриллиантов.

Первого февраля 1784 г. он отправился к графине; его доверенный камердинер сопровождал его и нес шкатулку с ожерельем, которую при входе в дом кардинал сам передал графине. Она спрятала его в комнате, рядом со своей комнатой. Сквозь стеклянную дверь он услышал, как доложили: "По поручению ее величества!" - и в комнату вошел человек, которого он уже не раз видел у графини и которого она назвала кардиналу, как доверенного камердинера королевы. Этот человек получил из рук графини шкатулку и удалился, а кардинал почувствовал глубокую радость и удовлетворение, что мог оказать услугу супруге своего короля, матери своего будущего короля, и избавил ее от необходимости обратиться к другому лицу.

При этих словах кардинала знатные слушатели выразили шумное одобрение, а одна дама под густым вуалем громко сказала:

- Водрейль или Куаньи не заплатили бы такой суммы, но зато потребовали бы большей платы!

Председатель, барон де Лэгр, бросил на говорившую строгий взгляд, но не сделал ни малейшего замечания.

- Со дня этой несчастной покупки, - печально продолжал кардинал, - я испытывал только муки и терзания; королева не удостоивала меня ни единым словом; она также не надела

ожерелья в предполагавшийся день. Это огорчило и обеспокоило меня, но в ответ на мои жалобы графиня принесла мне весьма приветливое письмо от королевы, которая объяснила, что не хотела надеть ожерелье в непраздничный день, чтобы не привлечь внимания короля и всего двора. Я успокоился, но, когда подошел день платежа и королева не подала никакой вести ни мне, ни ювелирам, я начал думать, что обманут людьми, знавшими о моей преданности королеве, и ужаснулся. Тогда графиня сказала, что у королевы в настоящее время нет большой суммы денег, и она заплатит только проценты, тридцать тысяч франков, которые графиня завтра же принесет мне. Но в тот же день случилось событие, почти повергнувшее меня в отчаяние: посетив герцогиню Полиньяк, я застал ее за чтением записки, только что принесенной от королевы; я попросил позволения взглянуть на почерк и...

Кардинал в глубоком волнении склонил голову и несколько минут молчал; только его губы тихо шептали молитвы. Судьи не решались прервать их.

- Это был совершенно другой почерк, нежели почерк полученных мною писем, - горестным тоном продолжал кардинал, - и подпись состояла только из имени: "Мария Антуанетта". Я бросился к графине и осыпал ее упреками; она испугалась, смутилась, но потом заявила, что королева вероятно диктовала свои письма ко мне, но сама подписывала их; в этом графиня готова была поклясться. Вечером ко мне явились испуганные ювелиры: королева ничего не прислала им, а когда они пробовали добиться аудиенции, то не были допущены во дворец. Они обратились к мадам Кампан, которая заявила им, что у королевы нет этого ожерелья, что она никогда не виделась с графиней Ламотт Валуа, что все это - гнусная интрига против королевы и что она, Кампан, тотчас отправится в Трианон, чтобы известить обо всем королеву. В следующее воскресенье в Версале произошло то, что Вы уже знаете. Больше мне нечего прибавить.

- От лица всего суда благодарю Вас, Ваше высокопреосвященство, за ясное и откровенное изложение этой печальной истории, - сказал председатель. - Вы утомлены, а потому можете вернуться сейчас же в Бастилию.

В ответ на поклон кардинала все судьи встали, как один человек, и поклонились почти с благоговением. С трибуны для зрителей закутанная вуалем дама крикнула:

- Да благословит Господь мученика королевской власти!

Председатель приказал ввести обвиняемую, графиню де Ламотт Валуа. Перед судьями появилась стройная, изящная молодая женщина, одетая нарядно и богато, с сильно нарумяненным лицом и насмешливой улыбкой, открывавшей два ряда

великолепных зубов. Среди зрителей послышался неодобрительный шепот.

- Господа, - громко сказала графиня, устремив на судей взор блестящих черных глаз, - разве здесь театр, что публика выражает свое одобрение или неодобрение?

Председатель не удостоил ее ответом, но подал знак приставу, и тот поставил перед столом тяжелый деревянный стул, к высокой спинке которого были приделаны две короткие железные цепи.

- Как Вы смеете предлагать мне стул, на который сажают преступников? - гневно закричала графиня Ламотт.

- Садитесь! - повелительно сказал пристав, - этот стул предназначен для подсудимых, а цепи - для непокорных! Если Вы не сядете на место добровольно, я позову людей, и Вас посадят насильно!

Графиня громко вскрикнула от гнева, но, не встретив ни с чьей стороны сочувствия, дерзко засмеялась и грациозно уселась на стул, точно была не перед лицом судей, а в изящном салоне. На вопрос председателя о ее имени и годах она ответила, что он очевидно не привык к дамскому обществу, если осмеливается спрашивать о возрасте хотя бы и такую молодую даму, как она; но все-таки сказала, что ее зовут графиней де Ламотт Валуа, и при том прибавила:

- Если бы в этой несчастной стране, которую губят недалекий король и развратная королева, было сколько-нибудь справедливости, то я, потомок французских королей, занимала бы престол, а сидящая теперь на нем кокетка стояла бы перед судом, как воровка, потому что бриллианты у Марии Антуанетты, а вовсе не у меня!

Судьи не нашли нужным возмутиться таким дерзким обвинением; а среди зрителей оно даже вызвало громкое одобрение.

- Вы совершенно неверно ответили на мой вопрос, - после короткой паузы сказал председатель. - Никаких прав на престол Вы не имеете, как потомок незаконнорожденных родителей. Ваш отец был простой крестьянин из Отейля, а голодавшей семье которого госпожа Буленвилье заботилась по просьбе местного священника, знавшего из бумаг, что эти Валуа действительно происходили от незаконных потомков королевской фамилии. Один из Ваших предков был казнен, как фальшивомонетчик; Ваш дед был его незаконным сыном. Вот каково Ваше родство с королями Франции.

Графиня хотела вскочить со стула, но грозный голос пристава остановил ее, и на ее румяных щеках впервые проступила мертвенная бледность.

Между тем председатель продолжал:

- Госпожа Буленвилье взяла к себе старшую дочь поденщика Валуа, несколько лет воспитывала ее и заботилась о ней, но воспитанница убежала с подпоручиком графом Ламотт, оставив своей благодетельнице дерзкое письмо и похитив из ее шкастунки двадцать тысяч франков.

- Вы неверно выражаетесь! - прервала графиня, - эти деньги были обещаны мне в приданое самой госпожой Буленвилье, и я взяла их с собой!

- Женившись на дочери поденщика, граф Ламотт с трудом содержал жену, - продолжал председатель, - но он очень счастливо играл в карты и, по подозрению в шуллерстве, был выгнан из полка. Тогда муж отправился со своими картами в путешествие по южной Франции, а жена - в Паряж, поправить обстоятельства. Вот правдивый ответ на мой вопрос, кто Вы такая.

- Вы забыли прибавить, что я - подруга кардинала де Роган и доверенное лицо Марии Антуанетты Французской и что они сделали из меня козлице отпущения за свою вину. Вся моя вина в том, что я помогла королеве добыть бриллианты, а влюбленному кардиналу - приблизиться к предмету его любви. Он должен признаться, что был на свидании, поцеловал руку своей возлюбленной и получил розу с ее груди. В чем же тут моя вина?

- В обмене, в утайке денег, в клевете, в воровстве, - строго ответил председатель; - Вы обманули кардинала, подделали почерк королевы, хитростью завладели бриллиантами.

- Все лгут на меня! - гневно закричала графиня, топая ногами, - но правда выйдет на свет Божий!

- Да, правда выйдет на свет Божий, - повторил председатель де Легр, - прошу теперь истца королевы, господина де Барильона, заявить свое обвинение.

Генеральный прокурор поднялся с места и при мертвом молчании присутствовавших сказал длинную речь. Он обрисовал графиню де Ламотт Валуа хитрой и ловкой искательницей приключений, сперва обращавшейся с просьбами о помощи ко всем влиятельным лицам, затем заручившейся участием доброго и доверчивого кардинала де Роган, который лично посетил ее в бедной мансарде и пожелал помочь ей. Она сумела завладеть его расположением и доверием и, узнав о стремлении Бемера продать королеве драгоценное ожерелье и о безграничной преданности и горячих чувствах кардинала к королеве, построила на этом свой план, который и удался ей. Кардинал не усомнился ни в фальшивой расписке, ни в письмах, якобы написанных королевой, и таким образом бриллианты были куплены и оказались в руках интриганки. Она вынула камни из оправы, разломала и продала ее за пятьдесят тысяч франков, купила на эти деньги особняк, роскошно обставила его,

завела прекрасную конюшню. Кардинала она продолжала принимать в скромной мансарде своего же особняка и, когда он положил ей пенсию в четыре тысячи франков, со слезами благодарила его. Затем она начала получать дорогие подарки от своего мужа, который во время интриги скрывался в Париже и помогал ей. Когда она разбогатела, де Ламотт отправился в Лондон, "по семейным делам", но на самом деле для того, чтобы продать несколько камней из ожерелья, что в Париже было бы опасно. Из Лондона он прислал жене драгоценный подарок. Затем супруги купили в Бар-сюр-Об великолепный замок, куда вывезли из Парижа роскошную обстановку и где поселились. Там и была арестована искательница приключений, а ее муж, вместе с ее другом, так называемым графом Калиостро, успел скрыться. Золотых дел мастер, купивший сломанную оправу, найден; Бемер и Бассанж признали остатки оправы и камни, проданные Ламоттом в Лондон; таким образом все факты мошенничества установлены и Ламотт Валуа уличена в похищении драгоценности, в обмане, и - что важнее всего - в подделке почерка королевы в расписке и письмах, что повлекло за собой новое обвинение: в оскорблении величества, так как священная особа королевы Франции была замешана в сети лжи, причем ее величество была выставлена героиней бесчестной любовной интриги.

- Королеву нечего и выставлять такой героиней, - с громким смехом воскликнула графиня, - она и есть такая, так как ездит на маскарады в оперу в наемном экипаже, гуляет по Версальскому парку инкогнито, садится на скамейки с чужими солдатами, болтает с ними! Австриячке нечего удивляться, если ее примут за героиню любовного романа! Но здесь не роман, а истина, и я невиновна в оскорблении величества; у меня есть доказательства; кардинал получал от королевы письма, расписки, был у нее в Версале, получил от нее розу... Бог справедлив, Он не допустит, чтобы невинная пострадала вместо виновной!

- Вы правы, Он не допустит этого, - сказал генеральный прокурор, пристально взглянув на графиню. - Он не допустит, чтобы Ваша адская интрига была принята за правду. Он сорвет маску невинности с Вашего преступного лица.

- Какие высокие слова! - с дерзким смехом воскликнула графиня. - Однако это - еще не доказательства!

- Сейчас перейдем и к доказательствам, - спокойно возразил Барильон, - пристав, введите свидетельницу.

Пристав отдал дежурному у дверей какое-то приказание; тот вышел, затем вернулся и прошептал что-то на ухо приставу.

- Свидетельница просит о снисхождении, - громко заявил пристав, - так как ей придется отлучиться на несколько часов

от своего младенца, то она просит обождать несколько минут, пока она накормит его.

И судьи обождали: закон человеческий уступил закону природы.

Наконец дверь отворилась, и зрители не могли удержаться от крика изумления, неожиданности, любопытства; в зал вошла королева Мария Антуанетта!

Это были ее стройная, величественная фигура, ее цветущее лицо, ее большие серо-голубые глаза, ее прекрасные каштановые волосы над высоким лбом, причесанные так, как обыкновенно причесывал ее величество парикмахер Леонар. Костюм вошедшей был совсем такой, какой носила королева, гуляя в Версальском парке: белое платье, опоясанное голубым шелковым кушаком, на голове кружевной чепчик. Даже зрительницы на трибуне, часто выдавшие вблизи королеву, не усомнились, что это - она.

- Сама королева является свидетельницей! - заговорили они, - какое безумие! Какой скандал!

Никто не заметил, как Ламотт Валуа испуганно вскочила со стула, точно стремясь убежать от этого явления; но пристав зорко следил за нею и схватил ее за руку.

- Зачем Вы встаете, когда Вам сказано, чтобы Вы сидели смиренно?

- Я встала, чтобы, как добрая подданная, приветствовать поклонно королеву, - ответила графиня, оправившись от волнения, - но так как вижу, что никто не встает, то и я опять сяду, - и она спокойно опустилась на стул.

- Подойдите ближе! - сказал де Легр, и свидетельница подошла к зеленому столу.

Окинув судей наивным, веселым взглядом, она кивнула им головой и улыбнулась, обнажив улыбкой зубы. При этом все заметили, что у нее нехорошие, испорченные зубы, между тем как зубы королевы отличались замечательной красотой и служили предметом зависти всех дам высшего общества.

- Кто Вы и как Вас зовут? - задал председатель свой обычный вопрос.

- Кто я? - густо покраснев, повторила молодая женщина, - трудно на это ответить. Я была тщеславная, легкомысленная девчонка и вела самый легкомысленный образ жизни, пока не полюбила... сержанта Жоржа. С тех пор как я полюбила его, я решила сделаться честной и добродетельной женщиной, хорошей женой, хорошей матерью... А что я до сих пор все еще называюсь мадемуазель Олива, то в этом не моя вина: Вы арестовали меня в Брюсселе за неделю до моей свадьбы, и из-за Вас мой милый малютка родился в тюрьме. Я попрошу Вас выдать мне потом письменное свидетельство моей невиновности... то есть моей невиновности в этом деле, - поправила она,

снова вспыхнув, - чтобы это послужило мне оправданием перед ребенком, когда придется сказать ему, что он родился в тюрьме. Ведь матери очень тяжело, если приходится стыдиться перед собственным сыном.

В рядах зрительниц пробежал шепот одобрения и сочувствия.

- Так Вас зовут мадемуазель Олива? - спросил председатель.

- Да, к сожалению, все еще так, - со вздохом ответила свидетельница, - но, как только Вы освободите меня, мы тотчас обвенчаемся, и я буду называться мадам Жорж. Вы сделали бы мне огромное удовольствие, если бы теперь же начали так называть меня.

Строгие лица судей озарились улыбкой, даже генеральный прокурор несколько просветлел; только лицо графини де Ламотт значительно омрачилось.

- Сегодня Ваше величество разыгрываете соблазненную крестьянку! - закричала она резким, пронзительным голосом, - всем известно, что королева любит играть комедии. Нечего смотреть на меня с таким гневным, уничтожающим видом, госпожа королева! Вы тайно явились сюда, чтобы изображать какую-то мадемуазель Олива и защитить свою честь и свои бриллианты!

- Пристав! - крикнул де Лэгр, - если подсудимая еще раз позволит себе говорить, когда ее не спрашивают, свяжите ее и заткните ей рот грушей!

Пристав поклонился и, вынув из кармана кляп в виде груши, показал его обвиняемой.

- Я буду звать Вас мадам Жорж, как Вы желаете, - сказал председатель живому портрету королевы, - если Вы обещаете говорить правду и только правду.

- Клянусь моим ребенком говорить правду, - ответила Олива.

- Знаете ли Вы особу, которая сидит на этом стуле? - спросил председатель.

Мадемуазель Олива, быстро взглянув на Ламотт, которая пожирала ее взорами, тотчас ответила:

- Конечно знаю, то есть ее имени я не знаю, знаю только, что она живет в роскошном особняке и очень богата.

- Расскажите все, что Вы знаете про нее.

- Я скажу Вам всю правду, - произнесла Олива. - Однажды я гуляла в королевском саду, как вдруг ко мне подошел высокий, важного вида господин, которого я уже и раньше встречала там, стал говорить мне любезности и попросил позволения прийти ко мне. Я смеясь ответила, что он может теперь же пригласить меня обедать в кафе. Он согласился, и мы вместе пообедали. а потом он проводил меня домой и рассказал мне,

что он очень знатен, часто бывает при дворе и хорошо известен королю и королеве. Он обещал мне свое покровительство, причем сказал, что мною очень интересуется одна дама, которой он рассказывал про меня, и что она придет ко мне. Она пришла на другой же день, и, поглядев на меня, сперва чему-то очень удивилась, но потом была очень любезна.

- И кто же была эта дама? - спросил председатель.

Мадемуазель Олива показала пальцем через плечо и сказала:

- Та дама, которая сидит тут на стуле.

- Дальше пожалуйста! Вы потом часто видели эту даму?

- Да, она еще два раза приходила ко мне, много рассказывала о королеве и придворной жизни и даже обещала мне сделать из меня важную даму, если я сделаю то, что она мне поручит. Я ответила, что с радостью исполню все, что она прикажет, если она, как обещала, даст мне возможность поехать ко двору, видеть короля и королеву, говорить с ними.

- Почему Вам так хотелось этого?

- Почему? Боже мой, очень просто! Ведь королю очень легко произвести сержанта в капитаны, а так как король, говорят, ничего не делает без королевы, то я и хотела поговорить с ней. Мне так хотелось бы видеть на моем Жорже эполеты! И ребенку лучше бы родиться сыном капитана, чем сержанта.

- Вы говорили об этом Вашей знакомой?

- Конечно говорила, и она обещала, что королева исполнит мое желание, если я сделаю все, чего именем королевы она потребует от меня. Королева, по ее словам, поручила ей найти особу, которая согласилась бы сыграть небольшую роль в интимной комедии. Эта роль будто бы отлично подходит ко мне, и если я хорошо исполню ее и не расскажу об этом никому на свете, даже Жоржу, то кроме протекции, которая была обещана мне, я получу еще пятнадцать тысяч франков. Я с радостью согласилась, потому что такая сумма очень пригодилась бы мне к свадьбе.

- Но разве Вы не подумали о том, что такая роль могла оказаться опасной и даже преступной и что потому-то ее и оплачивали так дорого?

- Иногда это приходило мне в голову, но графиня уверяла меня, что все это делается по приказу королевы и что деньги заплатит сама королева, и я хотела послужить, как преданная подданная, тем более, что ее величество хотела так великодушно наградить меня. Да и королева не могла потребовать от меня ничего дурного. Графиня сказала, что я только должна буду изобразить одно лицо, чтобы уверить одного влюбленного что с ним говорит его возлюбленная, и тем доставить ему утешение. Я не нашла тут ничего дурного и даже решила говорить с этим возлюбленным как можно нежнее.

- Но разве Вы не любопытствовали узнать, кого Вы должны были изобразить?

- Да, мне очень хотелось узнать это, но графиня запретила мне даже спрашивать, говоря, что иначе я получу половину обещанной суммы, а если буду разузнавать, в чем дело, или стараться примечать, что происходит, то могу даже попасть в Бастилию. Поэтому я уже ни о чем не расспрашивала и думала только о том, чтобы хорошо знать свою роль и получить обещанную сумму.

- Значит, Вам дали определенную роль?

- Да, графиня и тот господин, который привел ее ко мне, приходили два раза и учили меня, как я должна ходить, держать голову, кланяться и кивать головой, как должна протягивать руку для поцелуя. Затем они приехали за мной в великолепном экипаже и повезли меня в дом графини. Там мы обедали, потом поехали в Версаль. Гуляя по парку, они остановились около одного павильона и сказали мне, что завтра я должна на этом месте разыграть свою маленькую комедию, для которой королева сама назначила это место. На другой день, проведя ночь в доме графини де Ламотт в Париже, я опять поехала с нею в Версаль, где у нее был маленький собственный дом. Она сама одела меня, прислуживая и помогая мне как камерьонгфера.

- Какой костюм одели на Вас? - Совсем такой, в каком я сегодня, только сверху графиня еще накинула на меня белую накидку с капюшоном. Потом мы отправились в парк. Уже стемнело. Графиня дала мне письмо, которое я должна была передать важному господину; мне предстояло встретиться с ним в парке. Мы шли молча, и у меня от беспокойства сильно билось сердце.

- Вы были вдвоем с графиней или с Вами был еще кто-нибудь?

- Был все тот же господин, который познакомил меня с графиней де Ламотт и которого я считаю ее мужем. Мы гуляли довольно долго, потом он сказал: "Идите теперь вдвоем, а я явлюсь вовремя, чтобы произвести тревогу". Он спрятался в кустах, а графиня дала мне розу и велела дать ее тому, кому я должна дать письмо, и сказать при этом только вот эти слова: "Вы знаете, что это должно означать". Графиня запретила мне прибавить хотя бы один лишний слог, говоря, что эти слова выбрала сама королева, которая будет стоять вблизи и услышит, верно ли я передала ее слова. Оставив меня на небольшой площадке, между деревьями, графиня пошла за тем господином. Он подошел, и я вышла навстречу ему из кустов. Он сделал мне два очень низких поклона, а я подала ему письмо и розу и сказала заученные слова. Этот важный господин упал передо мной на колени, крепко сжал мою руку и прижал ее к

губам. В это время послышался шум твердых мужских шагов и прибежала графиня, говоря: “Ради Бога, уходите скорее! Нас подслушивают!” - и увлекла меня за собой. Мы вернулись в ее дом, и я спросила, хорошо ли я выполнила свою роль. Она ответила, что королева все видела и слышала и осталась мною довольна. На другой день, рано утром, мы вернулись в Париж; графиня уплатила мне пятнадцать тысяч франков, но сказала, что я должна как можно скорее отправиться в Брюссель, к своему Жоржу, и до отъезда не выходить из маленькой комнатки, которую она отвела мне в своем особняке. Я написала Жоржу и, пока ждала его ответа, время проходило очень весело; графиня была очень любезна ко мне. Когда Жорж написал, что ждет меня, я поехала в Брюссель, но, по желанию графини, не в дилижансе, а в экипаже, точно важная дама, и муж графини заранее позаботился о подставах и заплатил за дорогу. Больше мне, кажется, нечего рассказывать, и я говорила одну только правду. Конец моей истории Вы сами знаете, - со вздохом прибавила мадемуазель Олива. - Через две недели сцены в Версале Ваши агенты арестовали меня и привезли в Париж. Вы знаете, что я поклялась лишиться себя жизни, если Жоржу запретят навещать меня, что мой сын родился в тюрьме, что ему уже миновало полгода, а его больная мать все еще сидит в заключении. Все это Вы знаете; позвольте же мне идти к сыну: он наверное уже проснулся и кричит, а его отец не умеет унять его.

- Идите к своему сыну, мадам Жорж, - с ласковой улыбкой ответил председатель. - Пристав, проводите свидетельницу!

Олива сделала судьям ручкой и пошла к двери, которую пристав распахнул перед нею; из комнаты свидетелей послышался громкий детский крик. Олива обернулась и, с торжествующим видом взглянув на председателя, воскликнула:

- Я говорила Вам! Я иду, мой маленький Жорж! - и с этими словами молодая красавица исчезла и дверь за ней захлопнулась.

- Вы слышали показания свидетельницы, - обратился председатель к Ламотт, - и можете видеть, что мы имеем доказательства того, как Вы задумали и привели в исполнение свою преступную интригу. Неужели Вы будете отрицать доказательства и факты?

- Я не видела ни фактов, ни доказательств, - насмешливо возразила графиня, - я только видела и удивилась, как великолепно королева играла комедию. Она - искусная актриса и сыграла роль Оливы так тонко, что ничем не выдала себя.

- Как?! - воскликнул почти с ужасом де Лэгр, - Вы решаетесь утверждать, что бывшая сейчас здесь свидетельница - не Олива Жорж, а другая особа? Да разве Вы не знаете, что она,

этот живой портрет королевы, уже десять месяцев сидит в Бастилии?

- Я знаю только то, что королева отлично сыграла свою роль, - пожимая плечами, ответила графиня, - она ради этой роли принесла даже огромную жертву, обнаружив секрет красивой женщины: она сняла свои прекрасные фальшивые зубы, показала жалкие остатки собственных зубов, чтобы подчеркнуть разницу между Оливой и Марией Антуанеттой. Согласитесь, господа, довольно-таки забавно, что королева отличается от куртизанки только челюстью!

И графиня насмешливо рассмеялась, причем ее смех нашел отклик среди дам, на скамьях зрителей.

- Умерьте свою веселость, - строго сказал председатель, - Ваше положение весьма серьезно; правосудие держит Вас под Дамокловым мечом. Вы бросили вызов судьбе, сказав, что Бог не допустит осудить невинную; эти слова применяются к Вам. Все возведенное Вами здание лжи и интриг рушится, и это навеки покроет Вашу голову позором.

- Я, слава Богу, еще не испытываю этого, - возразила графиня, пожав плечами.

- Ваше бесстыдство будет наказано скорее, чем Вы думаете, - торжественно сказал председатель. - Вы сказали, что только тогда можете быть названы преступницей, когда будет доказано, что письма кардиналу писала не королева, расписку писала не королева и виделась в Версале с кардиналом не королева. Теперь мы получили доказательства, что комедия в Версале была задумана и выполнена Вами через подставное лицо. Остается только доказать, что подпись королевы и письма также подделаны Вами.

- Хотела бы я знать, как Вы ухитрились бы доказать это! - прервала графиня.

- Это очень просто, - спокойно возразил де Лэгр, - мы сделаем Вам очную ставку с тем лицом, которое по Вашему поручению подделало почерк и подпись. Пристав, введите последнего свидетеля!

В зале настала мертвая тишина. Сверкающие глаза подсудимой повернулись к двери; ее напряженное лицо и стиснутые губы выразили беспокойство и даже страх, но она сохранила свою вызывающую и дерзкую позу.

Дверь открылась, - из груди графини вырвался крик ужаса и гнева.

- Рето де Вильет! - с бешенством закричала она, сжимая маленькие ручки в кулаки и потрясая ими навстречу входившему свидетелю, - о, какая подлость! Он выдал меня!

И, потеряв на мгновение присутствие духа и всю свою уверенность, она упала на стул, с которого вскочила было под

впечатлением ужаса; мертвенная бледность покрыла ее лицо; голова бессильно прислонилась к спинке стула.

- Теперь Вы видите, что Бог справедлив, - после некоторого молчания сказал председатель, - Ваша собственная совесть свидетельствует против Вас и вынуждает Вас признать себя виновной.

Графиня вскочила и, усилием воли поборов свое волнение, воскликнула:

- Нет, я не признаю себя виновной, да и для этого нет никаких оснований. Я только была потрясена, увидев этого человека, которого я спасла от голодной смерти, благодетельствовала, а теперь мои враги подкупили его свидетельствовать против меня. Пусть Рето де Вильет клеветает на меня! Его клевета разобьется о панцрь моего спокойного достоинства! - и графиня де Ламотт с гордым презрением взглянула на свидетеля, подошедшего к зеленому столу в сопровождении пристава.

Он заметно дрожал, его лицо было грустно, а взоры избегали встречаться с глазами подсудимой, взоры которой устави-лись на него, как два блестящих кинжала.

На обычные вопросы председателя об имени и общественном положении свидетель ответил, что служил управляющим и секретарем у графини де Ламотт Валуа, что, когда графиню и ее мужа арестовали, он бежал в Женеву, чтобы там выждать конца процесса; но так как процесс затянулся, свидетель хотел скрыться в Англию, но как раз в это время был арестован.

- Но зачем же Вы хотели бежать? - спросил генеральный прокурор.

- Потому что я боялся, что окажусь замешанным в процессе графини, - тихо ответил Рето де Вильет.

- Скажите лучше: Вы знали наверное, что замешаны в него. На предварительном допросе Вы вполне сознались и теперь уже не можете взять назад свои показания. Поэтому отвечайте: что Вы сделали? Почему имели основание бояться?

- Потому что взял на душу тяжелую вину! - в волнении воскликнул свидетель. - Потому что позволил увлечь себя обещаниями, соблазнительными уверениями и плутнями графини де Ламотт! Я был беден, жил в безвестности, а между тем стремился быть известным, уважаемым, отличным! Все это обещала мне графиня; через кардинала она хотела доставить мне положение, почести, хотела ввести меня в придворные круги. Я поверил ее морочению и, как преданнейший раб, делал все, чего она требовала от меня.

- Холопская душа! - с невыразимым презрением воскликнула графиня.

- Чего же требовала от Вас Ваша госпожа? - спросил председатель, - что Вы сделали по ее поручению?

- Я писал письма к кардиналу; графиня сочиняла их, а я переписывал, поддельваясь под почерк королевы.

- Как Вы могли знать почерк королевы?

- Графиня дала мне книгу, в которой были напечатаны одно письмо ее величества, а также ее подпись. Я списывал буквы с этого факсимиле, сперва вчерне, потом набело.

- Он лжет! Он все лжет! - с яростным жестом закричала Ламотт.

- А как была воспроизведена долговая расписка для ювелиров Бемера и Бассанжа? - продолжал председатель, не обращая на нее внимания, - известно ли это Вам?

- Известно, - со вздохом ответил Рето, - ведь я сам написал ее по приказанию графини. Подпись также подделал я, списав ее с факсимиле.

- Разве под напечатанным письмом королевы стояла такая подпись, какую Вы сделали на расписке?

- Нет, там стояло только "Мария Антуанетта", но графиня думала, что королева подписывается таким образом только в интимных письмах: письмо, напечатанное в книге, было написано королевой ее матери и относилось к времени прибытия королевы во Францию супругой дофина. Графиня полагала, что для важного документа такой подписи мало, что подпись должна носить более официальный характер, и после долгих совещаний мы решили писать: "Мария Антуанетта Французская". После некоторого упражнения я сделал эту подпись на расписке.

- Он лжет! - снова закричала графиня, в бешенстве топая ногами, - он - подлый лжец и клеветник!

- Я готов представить доказательства того, что говорю правду, - кротко сказал Рето де Вильет, - если мне дадут принадлежности письма, я здесь же воспроизведу подпись королевы в том виде, как она была подделана на расписке.

По приказанию председателя, пристав принес все, необходимое для письма, и подвел свидетеля к небольшому столу. Рето быстро набросал на листе бумаги несколько слов и передал написанное приставу.

Сравнив эти строки с распиской, председатель протянул обе бумаги Барильону, а тот, внимательно рассмотрев их, в свою очередь передал их ближайшему судье; таким образом документы обошли весь стол и снова вернулись к председателю. Он поднялся с места.

- Я полагаю, что написанное свидетелем вполне тождественно с подписью расписки. Я лично совершенно убедился, что как расписку, так и письма, адресованные кардиналу, писал именно свидетель. Он был достойным наказания орудием в руках преступницы Ламотт Валуа. Прошу тех из господ судей, которые разделяют мое мнение, встать.

Все судьи встали, как один человек.

Графиня пронзительно вскрикнула и в страшных судорогах упала на пол.

- Объявляю допрос и следствие законченным, - сказал председатель, - удалить подсудимую и свидетелей и очистить трибуну от зрителей! Удалимся теперь в зал совещаний, чтобы подвести итоги всему следствию для вынесения приговора.

VII

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Казавшийся бесконечным день 31-го августа 1786 года близился к вечеру. Парижане провели его в напряженном волнении. Лавки были закрыты, мастерские пустовали; даже в кафе и в кабачках было довольно пусто. Сегодня ни у кого не было времени заняться едой, хотя Париж голодал; но это был не физический голод: все жадно ждали известия из зала Консьержери; оно должно было удовлетворить голод, утолить жажду.

Судьи собрались в зале, чтобы вынести приговор, который должен был доказать всей Франции, всей Европе, что или французская королева чиста и невиновна перед Богом и людьми, или что ее гордое чело осталось омраченным тенью подорожня.

Сорок девять судей, членов парламента, с шести часов утра заседали в зале совета, и с шести часов утра толпилась на площади масса народа, жадно глядя на высокие ворота и каждую минуту ожидая, что появятся судьи и сообщат наконец приговор. Но день проходил, а ворота все оставались закрытыми. В толпе начали раздаваться возгласы нетерпения и досады на насмешливые лица, слышались язвительные слова. Все ораторы клубов и тайных союзов были налицо; все враги королевы прислали сюда своих клеветов, старавшихся ядовитыми словами и насмешливыми замечаниями настолько уронить Марию Антуанетту во мнении народа, чтобы приговор общественного мнения оказался ни в каком случае не в пользу королевы Франции, даже если суд и обвинит кардинала в недостатке уважения к королеве и в оскорблении величества. Было известно, что генеральный прокурор настаивал на наказании кардинала.

Эта весть с быстротой молнии распространилась по Парижу, и предложение прокурора уже ходило по рукам. Оно глаголю:

“Кардинал де Роган обязан в присутствии генерального прокурора признать перед членами парламента, что он, дерзким образом действуя от имени королевы, оказался заме-

шанным в дело покупки бриллиантов; что еще более дерзко осмелился поверить, будто королева назначила ему в ночное время свидание, в чем и просит прощения у их величества в присутствии всего суда. Далее кардинал обязан сложить с себя на известное время звание главного хранителя кассы по раздаче милостыни, удалиться от двора, королевского дома и тех мест, в которых обитает королевское семейство, а до приведения в исполнение приговора должен оставаться в заключении”.

Это предложение прокурора было встречено как друзьями кардинала, так и врагами королевы с гневом и негодованием; они громко порицали холопскую угодливость этого человека перед троном, изобретая всевозможные клеветы: ведь возможно, что королева переманила на свою сторону судей, благодаря своему кокетству; возможно даже, что она каждому судье обещала назначить свидание!

Пусть судьи оправдают ее! - шипел Марат, - ее осудит сам народ! Народ неподкупен, подобно божеству! Он не даст обмануть себя историей с подделанными письмами.

- Да, да! - кричали вокруг него, - не дадим обмануть себя! Королева умеет сочинять любовные письма!

- Королева - мастерица на разные штуки! - кричал в другой стороне площади пивовар Сантер, - она захотела отомстить кардиналу за то, что он когда-то пожаловался на нее ее матери, императрице, за то, что у нее дурные манеры, что она неприлично вела себя; и вот она влюбила в себя несчастного кардинала, а потом послала к нему на свидание красивую мадемуазель Олива.

- Погодите, и не то еще будет, - громко хохотал сапожник Симон, - кардинал принял какую-то девчонку за королеву Франции, а я уверен, дорогие братья, что мы доживем до того времени, когда королева будет мести улицы, чтобы благородный, великодушный народ не запачкал ног в грязи!

Громкий хохот покрыл эти слова и в нем потонул единственный крик возмущения и гнева, раздавшийся в толпе. Это вскрикнул человек, одетый в скромный костюм горожанина и с трудом протискавшийся к самым дверям Консьержери. Никто не слышал его, никто не обратил внимания на молодого человека со смелым, решительным лицом, который слушал злые речи и неприличные штуки с горящими от гнева глазами и стиснутыми зубами.

Добравшись до самых дверей тюрьмы, он устремил на них взгляд, полный страстного ожидания. Дверь отворилась, когда солнце уже зашло, и из нее вышел человек. Толпа разразилась бурными изъявлениями радости, но тотчас стихла, заметив, что вышедший человек - не пристав, который с высокого крыльца оповестил бы о результате суда, а кто-то из мелких

служащих Консьержери. Он с самым равнодушным видом сошел со ступеней в толпу, которая встретила его возгласами разочарования и закидала вопросами: скоро ли вынесут приговор, оправдали ли кардинала?

- Я ничего не знаю, но, кажется, пристав скоро выйдет. Мое дежурство кончилось, и я тороплюсь домой, потому что умираю от голода.

- Пропустите же бедного голодного служаку! - закричал молодой человек, стоявший у двери, - смотрите, до чего он утомлен. Пойдемте, добрый старичок, давайте Вашу руку, обопритесь на меня!

Толпа раздалась и пропустила их, а затем снова устремилась все свое внимание на дверь.

- Приговор вынесен? - тихо спросил молодой человек у старика.

- Да, господин Тулан, - шепотом ответил тот, советник сунул мне его в руку, когда я подавал ему стакан воды.

- Давай его сюда, Жан, но так, чтобы никто не заметил.

Затем молодой человек расстался со стариком, благодаря своей богатырской силе, скоро проложил себе дорогу сквозь толпу и поспешно направился более тихими улицами к воротам, ведущим на Версальскую дорогу.

За воротами юноша в синей блузе с ленивым и скучающим видом водил по дороге оседланного коня.

- Эй, Ришар! - крикнул молодой человек.

- А, господин Тулан! - обрадовался блузник, - наконец-то! Я жду Вас уже целых восемь часов!

- За каждый час получишь по франку, - ответил Тулан, садясь на лошадь. - Ступай домой, а если увидишь мою невесту, кланяйся ей от меня!

Он пришпорил коня, и сильное животное помчало его по Версальской дороге с быстротой стрелы, пущенной из лука.

В Версале этот день также провели в беспокойном ожидании. Король, покончив с делами и отпустив своих министров, отправился в свою мастерскую, чтобы вместе со своим слесарем Жираром поработать над новым замком, честь изобретения которого принадлежала самому королю.

Королева также весь день не покидала своих комнат, и даже ее любимая подруга, герцогиня Жюли де Полиньяк, не могла развеселить ее. Видя, что все ее усилия ни к чему не приводят, герцогиня предложила отправиться в Трианон и созвать обычных друзей; но королева, грустно покачав головой, с горькой улыбкой сказала:

- Вы говорите о моих друзьях? Кружок моих друзей рассеялся, и я знаю, что нельзя склеить то, что разбито.

- Неужели Вы, Ваше величество, не верите больше в своих друзей? - с упреком сказала герцогиня, - неужели Вы и во мне сомневаетесь?

- В тебе я не сомневаюсь, дорогая Жюли, - нежно ответила Мария Антуанетта, - я только вообще сомневаюсь, что у королевы могут быть истинные друзья. По отношению к моим друзьям я забывала, что я - королева, они же никогда не могли забыть это.

- Они не должны были забывать это, Ваше величество, - кротко сказала герцогиня, - при всей любви к Вам, они должны помнить, что столько же обязаны Вашему величеству уважением, сколько привязанностью; столько же преданностью, сколько дружбой. И если Вы, Ваше величество, по свойственной Вам доброте и мягкосердечию, снисходили спускаться до Ваших друзей, то им ни в каком случае не подобало пытаться возвыситься до Вас.

- О, Жюли, ты заставляешь меня страдать, ужасно страдать! - простонала Мария Антуанетта, прижимая руку к сердцу, точно желая удержать слезы, которые в нем кипели и просились на глаза.

- Вы, Ваше величество, знаете, - продолжала герцогиня с кротким, но жестоким спокойствием, - как редко и с каким страхом я позволяю себе пользоваться расположением Вашего величества, как редко решаюсь произносить дорогое имя моей государыни, имя, которое имеют право произносить лишь императрица, Ваша мать, и Ваш царственный супруг. Вы, Ваше величество, также знаете, что...

- Все, все знаю, - грустно прервала ее королева, - знаю, что королевы не созданы для того, чтобы любить, быть любимыми и счастливыми. Знаю, что все Вы, кого я так искренне любила, - скорее опасались моей любви, чем дорожили ею. И узнав это, я чувствую, что счастье отлетело от меня. В будущем я вижу лишь мрачные тучи, грозящие бурей. У меня нет больше иллюзий: дни радости прошли, прошли светлые дни Трианона, залитого солнечным сиянием, благоухавшего цветами!

- Так Вы, Ваше величество, не желаете пойти туда? А между тем закат сегодня должен быть великолепным.

- Великолепный закат! - с горькой улыбкой повторила королева. - Этикет позволяет королеве хоть это удовольствие: видеть, как закатится солнце и наступит тьма. Но он запрещает ей радоваться красоте просыпающегося дня. Я лишь один раз, будучи уже королевой, захотела видеть восход солнца, и это мне вменяли в преступление, и вся Франция забавлялась эпиграммами и сатирическими стихотворениями моих врагов. А наступление ночи я сама не хочу видеть: в моем собственном сердце темная ночь. Ступайте, Жюли, уходите, не то моя печаль пристанет к Вам, и это еще более опечалит меня.

Жюли де Полиньяк не возразила ни слова и, сделав положенный реверанс, неслышными шагами вышла из комнаты.

Королева стояла отвернувшись; услышав легкий скрип двери, она быстро обернулась и увидела, что она одна.

- Она бросила меня! Она в самом деле ушла! - горестно воскликнула Мария Антуанетта, - ах, и она - такая же, как все! Она никогда не любила меня... Но кто же наконец любит меня? - с отчаянием продолжала она, - кто на всем свете забывает, что я - королева? Боже, Боже! Я так жажду любви и дружбы и не могу найти их! А они обвиняют меня за то, что в моей груди бьется сердце! О, Боже, сжался надо мной! Сделай меня слепой, чтобы я не видела вероломства моих друзей! Оставь мне хоть веру в мою милую Жюли! Не заставляй меня так горько чувствовать свое одиночество!

Она упала на стул и, закрыв лицо руками, предалась своим тяжелым думам. Солнце село, начинало смеркаться.

Мария Антуанетта опустила руки и содрогнулась.

- Теперь они уже произнесли приговор, - прошептала она, - теперь уже решен вопрос, позволительно ли безнаказанно оскорблять королеву Франции. Ах, если бы я могла узнать наверное! Я пойду к Кампан.

Она быстро прошла через свою уборную и отворила дверь в комнату своей главной камерфрау. Мадам Кампан стояла у окна и так пристально всматривалась в надвигавшуюся темноту, что не заметила прихода королевы, пока та не позвала ее.

Господи помилуй! Королева! - с испугом воскликнула она, - здесь, у меня?!

У Марии Антуанетты вырвался жест нетерпения.

- Вы хотите сказать, что этикет не позволяет королеве входить в комнату ее доверенной камерфрау? Бывают дни, милая Кампан, когда королевская мантия прикрывает бедное человеческое сердце, нуждающееся в сочувствии. Я знаю, что Вы преданы мне, и пришла к Вам. Кампан, Вы, кажется, говорили, что, как только приговор будет произнесен, Вы тотчас получите известие об этом?

- Да, Ваше величество, я потому и стояла у окна, что поджидала моего посла.

- Как это странно! - задумчиво сказала королева, - я называюсь королевой Франции, а у меня нет никого, кто поторопился бы принести мне это важное известие; у моей же камерфрау есть преданные друзья, делающие для нее то, чего никто не делает для королевы.

- Простите, Ваше величество, - с улыбкой возразила Кампан, - это делают для меня только потому, что я служу Вашему величеству. Вчера я была у члена парламента Бюжо, который женат на моей двоюродной сестре...

- Вы были там не ради своей кухни, а ради самого Бюжо, - с тонкой улыбкой заметила королева. Признайтесь, моя добрая Кампан, что Вам хотелось подкупить этого господина.

- Что-ж, признаюсь Вашему величеству, что хотела узнать, действительно ли советник Бюжо перешел в другой лагерь, Вы, Ваше величество, знаете, что госпожа де Марсан объездила всех членов суда, заклиная их не осуждать кардинала.

- Не осуждать кардинала, то есть обивнить меня! - горячо воскликнула королева. - Ведь оправдать его значит обвинить меня, затронуть мою честь!

- Так и я сказала Бюжо и к счастью нашла себе поддержку в его семье. Могу заверить Ваше величество, что в этом семействе есть люди, преданные Вашему величеству всей душой.

- Кто же это? - спросила Мария Антуанетта, - назовите их мне; по крайней мере в тяжелые дни мне будет о ком вспомнить.

- Во-первых, дочь Бюжо, хорошенькая Маргарита, которая обожает Вас и постоянно копит свои маленькие сбережения на поездки в Версаль, чтобы видеть Ваше величество; затем жених малютки, молодой Тулан, умный, прекрасный молодой человек, восторженно поклоняющийся Вашему величеству. Это он обещал мне немедленно известить меня об исходе процесса, а его красноречию я неизмеримо больше, чем своему собственному, обязана тем, что Бюжо в конце концов решился подать голос против кардинала.

В это время дверь в приемную отворилась и лакей доложил, что ожидаемое лицо прибыло.

- Это - Тулан, - шепнула Кампан. - Скажите этому господину, - громко обратилась она к лакею, - что я прошу его обождать одну минуту. Ступайте! Прошу Ваше величество дозволить мне принять здесь этого молодого человека, - сказала она королеве, когда лакей вышел.

- То есть, другими словами, Вы просите меня уйти? - улыбнулась королева, - но я предпочитаю остаться. Я хочу видеть человека, о котором Вы говорите, что он мне предан, и хочу как можно скорее узнать, какие известия он принес. Посмотрите, экран у камина гораздо выше моего роста; если я встану позади него, никто не увидит меня, тем более, что уже темно. Велите молодому человеку войти; я горю нетерпением знать, каков приговор.

Королева спряталась за экраном, а Кампан отворила дверь и позвала:

- Войдите, господин Тулан!

В ту же минуту на пороге появилась сильная, высокая фигура молодого человека. Его щеки горели от быстрой езды, глаза сверкали, дыхание было прерывисто.

Кампан с ласковой улыбкой протянула ему руку.

- Вы сдержали свое слово и привезли мне известие о решении суда? - спросила она.

- Да, - тихо и печально ответил он, - и мне очень жаль, что Вам пришлось так долго ждать, но на колокольне Святого Иакова било уже восемь часов, когда я получил его, так что это - не моя вина.

- Восемь часов? - повторила Кампан, взглянув на часы, - да ведь теперь только еще девять; не станете же Вы уверять, что сделали четыре мили в один час?

- Это так и было, и уверяю Вас, что в этом нет ничего необыкновенного. Я велел в четырех пунктах выставить подставы; лошади были хорошие. Мне иногда казалось, что лечу на птице, у меня еще и теперь такое чувство, будто я лечу. Прошу извинить меня, но позвольте мне сесть: у меня немного дрожат ноги.

- Садитесь, мой милый юный друг! - воскликнула Кампан, поспешно придвигая ему кресло.

- Мне нужна только одна минута отдыха, - сказал он, бросаясь в кресло, - но не думайте, что мои ноги дрожат от быстрой езды! Нет, это от радости, что я, может быть, имел счастье оказать королеве маленькую услугу: ведь Вы говорили, что для ее величества крайне важно получить известие о приговоре как можно скорее, и, не правда ли, никто не успел предупредить меня?

- Никто, друг мой; королева узнает его от Вас, и я скажу ее величеству, от кого именно я получила его.

- Нет, нет, не говорите! Кто знает, благоприятно ли это известие; если оно огорчит ее величество, это огорчение будет в ее воспоминании связано с моим именем, и это имя станет для нее неприятно. Пусть уж лучше королева ничего не узнает обо мне!

- Боже мой! - воскликнула Кампан, - значит, Вы не знаете, в чем состоит приговор?

- Не знаю. Отец моей невесты переслал мне его письменно, и я не хотел терять время, чтобы прочесть его. Возможно, что я поступил так из трусости, потому что, если бы в приговоре оказалось что-либо, что могло бы рассердить королеву, то я пожалуй не решился бы привезти Вам известие о нем. Поэтому я повез его, не читая, думая лишь о том, что могу избавить ее величество от нескольких минут беспокойства и ожидания. Вот бумага; пусть справедливый Господь не допустит, чтобы в ней заключалось что-либо печальное для ее величества! - он встал и передал Кампан сложенную бумагу. - А теперь, - сказал он, - позвольте мне удалиться: моя невеста ждет меня, притом в Париже опасаются волнений, и мне необходимо быть дома.

Кампан с чувством пожала ему руку и произнесла:

- Поезжайте, мой юный друг, я от всего сердца благодарю Вас за Вашу преданность и верность. Будьте уверены, что королева узнает об этом. Прощайте!

- Нет! - вскрикнула Мария Антуанетта, выходя из-за экрана, - подождите. Вы не должны уехать, не получив благодарности от Вашей королевы за свое бескорыстное желание оказать ей услугу.

- Королева! Сама королева! - бледнея, прошептал Тулан и, упав на колени, с таким обожанием, с такой преданностью взглянул на Марию Антуанетту, что она почувствовала себя растроганной.

- Я за многое должна поблагодарить Вас, - сказала она, - не только за то, что Вы поторопились привезти мне важное известие, но за доказательство того, что у королевы еще есть преданные слуги и верные друзья. Это сознание смягчит для меня горечь даже дурного известия. Еще раз благодарю Вас!

Поняв, что королева отпускает его, Тулан поднялся с колен, и, не отрывая взора от ее лица, попытился к двери, где он снова упал на колени, и, сложив молитвенно руки, поднял взор к небу, причем торжественно и с волнением произнес:

- Господи, Царь небесный! Благодарю Тебя за этот счастливый миг! С этой минуты я посвящаю себя служению моей королеве и с радостью пожертвую ей своей кровью, своей жизнью, если это может послужить к ее благу. Клянусь в этом; Бог и королева слышали мою молитву! - и, не бросив больше взгляда на королеву, не сделав ей пложенного поклона, Тулан вышел из комнаты, затворив за собой дверь.

- Как странно! Как странно! - тихо промолвила королева, - от его клятвы у меня вся душа содрогнулась, и что-то говорит мне, что я буду страшно, невообразимо несчастна и что тогда этот молодой человек окажется возле меня.

- Ваше величество сегодня взволнованы, поэтому все кажется Вам имеющим значение и мрачный смысл, - тихо возразила Кампан.

- Но где же приговор? Дайте мне приговор! Я хочу сама прочесть его!

- Не лучше ли Вашему величеству узнать решение суда в присутствии его величества, чтобы сам король прочел Вам его? - нерешительно заметила мадам Кампан.

- Нет, нет! Если приговор для меня благоприятен, я буду иметь радость лично сообщить его королю; если нет, то я успею овладеть собой и собраться с духом, прежде чем увижусь с королем. Пойдемте ко мне в кабинет: там уже зажжен огонь. Вы первая доставили мне известие, Вы же первая должны узнать решение судей. Пойдемте, Кампан!

Мария Антуанетта быстро вернулась в свои покои, сопровождаемая Кампан, следовавшей за ней с опущенной головой и тяжелыми предчувствиями.

В фарфоровом кабинете, на столе из севрского фарфора и розового дерева, горели свечи в высоких серебряных канделябрах, каждый в четыре свечи: королева не любила яркого освещения в своих интимных комнатах. Кроме этих восковых свечей, в кабинете не было другого освещения. Королева села в кресло у стола и, взяв у Кампан бумагу, сказала:

- Впрочем, нет! - прочтите ее Вы, но смотрите - читайте все так, как там написано!

Кампан развернула бумагу и подошла к самому столу, а королева, наклонившись всем телом вперед, сложила руки на коленях и устремила на нее взор, полный нетерпеливого ожидания.

Кампан прочла:

- "Пункт первый: письма и денежная расписка за подписью королевы, послужившие поводом к процессу, признаны фальшивыми.

Пункт второй: Граф Ламотт заочно приговаривается к пожизненным работам на галерах.

Пункт третий: Обвиняемая Ламотт приговаривается к наказанию кнутом, клеймению обоих плеч буквой О и к пожизненному заключению в богадельню.

Пункт четвертый: Рето де Вильет подвергается пожизненному изгнанию из пределов Франции.

Пункт пятый: Мадемуазель Олива считается по суду оправданной.

Пункт шестой: Кардинал..."

- Ну! - вскрикнула королева, - что-ж Вы остановились Кампан? Отчего Вы дрожите? Его оправдали!

Кампан прочла дальше:

- "Кардинал де Роган оправдан от всяких подозрений и ему дозволяется перепечатать это постановление суда".

- Оправдан! - закричала королева, вскочив с кресла, - оправдан! Ах, Кампан, значит, то, чего я боялась, - правда! Королева Франции может безнаказанно сделаться жертвой гнусной интриги, оскорбительной клеветы! Один из подданных королевы оскорбляет ее честь, ее достоинство, ее добродетель, и для него нет наказания! Его оправдывают! Пожалейте меня, Кампан! Но и я в свою очередь жалею Вас, жалею и оплакиваю Францию: если я не нашла беспристрастных судей в вопросе, касающемся моей чести, на что же могут надеяться другие, если им придется вести процесс, затрагивающий их счастье, их честь? Я опечаленна до глубины души, и мне кажется, что с этого момента мою жизнь окутала ночная тень и...

Боже мой, что это? - прервала она себя, - это Вы задули свечу, Кампан?

- Ваше величество, Вы видите, что я не оборачивалась к свечам.

- Но посмотрите же: одна из свечей погасла!

- Это - правда, - ответила Кампан, смотря на потухшую свечу, от которой поднимался голубоватый дымок, - но если Вы, Ваше величество, позволите...

Она вдруг умолкла, и на ее лице появилось выражение испуга: вторая свеча на том же канделябре также погасла.

Королева не вымолвила ни слова; с побелевшими губами. С широко открытыми глазами она следила, как потухала последняя искра.

- Позвольте, Ваше величество, я сейчас зажгу свечи, - сказала Кампан, протягивая руку к канделябру, но королева удержала ее.

- Оставьте, - прошептала она, - я хочу видеть, погаснут ли и другие две свечи...

Она вздрогнула и, медленно поднявшись с кресла, с безмолвным ужасом указала рукой на второй канделябр: одна из его свечей погасла.

Теперь в кабинете горела только одна восковая свеча, слабо озаряя небольшое пространство около стола; остальная часть комнаты тонула в темноте.

- Кампан, - прошептала королева, протягивая руку к горевшей свече, - Кампан, если эта четвертая свеча погаснет, как остальные, то это будет означать для меня дурное предзнаменование, возвещающее о надвигающемся несчастье.

В эту минуту пламя затрещало, и ярко вспыхнуло, потом так же быстро потусквело, померкло, опять вспыхнуло и погасло. В комнате стало совершенно темно. Королева громко, пронзительно вскрикнула и без чувств упала на пол.

VIII

ПЕРЕД ВЕНЦОМ

Свадебные гости уже съехались. Жена члена суда Бюжо уже прикрепила белый вуаль на голову невесты, своей дочери Маргариты, и в последний раз обняла и поцеловала ее, как дитя, до сих пор принадлежавшее своей матери.

Сегодня мать прощалась с дорогим прошлым, отпуская свое дитя из родительского дома в свет, где молодая женщина должна была устроить себе свой собственный очаг. Этот момент всегда тяжел для материнского сердца, потому что кто знает, что пошлет человеку будущее!

Несмотря на горечь минуты. Бюжо тщательно удерживала слезы, чтобы не омрачить ими этого дня. Слезы, пролитые на венок невесты, считаются предшественниками несчастья, а нежная мать стремилась отвлечь от своей дорогой Маргариты всякое горе, всякое несчастье.

- Ступай, моя девочка, - сказала она с улыбкой, и один Бог знал, чего стоила ей эта улыбка, - вступи в новый мир, будь счастлива, и дай тебе Бог никогда не пожалеть о той минуте, когда ты переступила порог родного дома, чтобы войти в свое новое жилище.

- Дорогая матушка! - воскликнула Маргарита, - дом, в который я вступаю, принадлежит тому, кого я люблю, а мое новое пристанище - его благородное, доброе, великодушное сердце.

- Дай Бог, милая дочка, чтобы через много лет ты могла повторить мне эти слова!

- Я уверена, что буду в состоянии повторить их, потому что мое сердце полно радостной уверенности. Тулан любит меня, и я никогда не буду несчастна. Слышишь его шаги, матушка? Он зовет меня.

Дверь отворилась, и на пороге действительно показался жених в скромном праздничном костюме. Его лицо было серьезно, но приветливо; сияющие глаза нежно смотрели на невесту. Он быстро подошел к ней и, поцеловав ее маленькую, дрожащую ручку, сказал:

- Все гости уже собрались, дорогая, и священник в церкви.

- Так пойдем же, Луи, - ответила невеста, но он удержал ее:

- Подожди, дорогая! Перед тем как отправиться в церковь, я хотел бы сказать тебе несколько слов.

- Это, значит, милый сын, что я должна оставить Вас наедине с невестой? - улыбаясь сказала Бюжо. - Не стесняйтесь: это вполне естественно, и я несколько не ревную своей дочери к Вам. Да теперь я не имею права вмешиваться в Ваши тайны. Пусть Один Господь слышит то, что жених хочет сказать своей невесте перед венчанием! - и, ласково кивнув молодым людям, она вышла из комнаты.

- Я надеюсь, Луи, - прошептала встревоженная невеста, - что не случилось ничего дурного? Ты так серьезен... Луи, ведь ты любишь меня?

- Люблю, Маргарита, но все-таки, прежде чем ты произнесешь слово, которое навеки свяжет тебя со мной, я должен открыть тебе всю свою душу, чтобы, когда придет время испытаний, мы встретили его с радостной твердостью.

- О, Боже, Боже! - прошептала молодая девушка, сердце которой вдруг сильно забилося, - что такое придется мне услышать?

- Есть женщина, Маргарита, образ которой живет в моем сердце: это - королева Мария Антуанетта.

Молодая девушка свободно вздохнула и рассмеялась.

- Ах, как ты напугал меня, Луи! Но королеву я также люблю и почитаю, и в моем сердце она также занимает место. К королеве я не могу ревновать тебя и люблю ее не меньше, чем ты.

- Нет, Маргарита, - со снисходительной улыбкой возразил Тулан, - ты любишь ее не так, как я: ты не обязана ей всем, как я. Позволь мне рассказать тебе про моего отца, который бедствовал, страдал и голодал, чтобы кормить и воспитывать меня. Он служил в армии и отличился во многих сражениях, за что получил орден Святого Людовика. Затем ему, как увечному, дали отставку, что было для него большим несчастьем, так как офицерское жалованье составляло его единственные средства к жизни. Он страстно любил свою жену, обожал своего сынишку и вдруг потерял правую руку и таким образом был лишен возможности получить место в каком-нибудь министерстве. Приходилось умирать с голода. Отец не мог поверить, что король допустит своего верного воина, кавалера ордена Святого Людовика, потерявшего силы и здоровье на службе своему монарху, терпеть такую нужду; он решил поехать в Париж, просить самого короля. Это путешествие было последней надеждой семьи, но, прежде чем оно состоялось, моя мать заболела и умерла. Она была опорой, поддержкой, утешением отца; теперь у него не осталось других надежд, кроме надежды на помощь короля Людовика. Продав все, что могли, мы отправились в Париж. Мой бедный отец от слез и горя почти лишился зрения. Мне было двенадцать лет, я с самого раннего детства видел горе и лишения, но твердо верил в будущее. От долгой ходьбы мои башмаки развалились, ноги распухли и были в крови. Видя это, отец велел мне сесть к нему на плечи и хотел нести меня, но я преодолел свою боль и продолжал идти пешком, пока не упал на дороге без чувств.

- И ты никогда не рассказывал мне этого! - со слезами воскликнула Маргарита.

- С тех пор как я полюбил тебя, я забыл все, что было печального в моей жизни. Теперь я рассказываю это тебе, чтобы ты поняла мои чувства. Слушай дальше, дорогая! После долгих мучений мы наконец прибыли в Париж и остановились в убогой гостинице. На другой день отец одел свой мундир, украсил грудь орденом Святого Людовика, и мы вместе отправились в Версаль - отец очень плохо видел, и я должен был вести его. Мы поместились в большой галерее, по которой весь двор проходит, возвращаясь из церкви в королевские покои. Держа в руках прошение, которое я написал под его диктовку, отец поместился недалеко от двери, в которую входила коро-

левская чета. Я стоял рядом с ним и с любопытством разглядывал нарядную толпу людей, также с прошениями в руках наполнявших зал. Я удивлялся, что они также чего-то просили, несмотря на свои богатые платья и веселый вид. Все эти господа оттеснили моего отца к стене; наконец появились король и королева, но они прошли, ласково улыбаясь просителям и принимали от них просьбы, и даже не заметили нас. Мы печально вернулись домой, но на другой день снова пришли в Версаль, и снова знатные просители оттеснили моего отца. Но я расхрабрился и пробился с ним вперед. Моя смелость была вознаграждена: король взял просьбу из рук отца и сам опустил ее в серебряную корзинку, которую нес шедший возле него главный заведующий королевской милостыней. Мы считали себя спасенными: мой отец ожил. На другой день мы опять пошли в Версаль. Король вышел в зал, заведующий милостыней громко вызывал по именам тех, кто получил ответ на свою просьбу; но имени моего отца не было между ними! Утешая себя тем, что ответ не мог быть получен так скоро, но что он получится завтра, мы каждый день приходили в Версаль, и так прошли две недели! Мой отец с каждым днем становился бледнее, его походка делалась все тяжелее, а я все более грустил и впадал в безнадежное отчаяние. Мы уже проели все, что у нас было; единственное наше достояние составлял крест Святого Людовика. Но его мы не могли лишиться, так как он открывал нам двери в Версаль и в галерею, а там была наша последняя надежда, наше последнее утешение.

“ - Завтра мы пойдем во дворец в последний раз, - сказал мне отец на пятнадцатый день, - если и завтра ничего не будет, то я продам свой орден, чтобы ты поел досыта, мой бедный, голодный мальчик, а там... пусть сжалится над нами Господь!”

На другой день мы опять стояли в галерее. Мой отец был бледнее обыкновенного, но стоял, гордо подняв голову, и с презрением смотрел на весело болтавших и смеявшихся господ в богатом платье, которые свысока оглядывали бедного кавалера Святого Людовика. В моем детском сердце кипела ярость на всех этих гордых, надменных людей; слезы гнева стояли в моих глазах, в моей душе поднялось страшное возмущение против несправедливой судьбы, допускающей унижать и оскорблять бедность.

В эту минуту в галерею вошли король и королева. Король вышел на середину зала, заведующий милостыней начал вызывать по именам счастливых, которые приближались к королю и получали или желаемое, или надежду на его получение. Молодая королева стояла возле короля, и ее взоры случайно остановились на бледном, печальном, благородном лице моего отца.

Этот взгляд показался мне солнечным лучем, радостным лучем надежды. Отец смотрел в это время на короля, тихо шепча про себя: “Сегодня я вижу его в последний раз!” - я же видел только королеву и, целуя холодную руку отца, шептал ему:

“- Надейся, дорогой отец! Надейся! Королева заметила нас!”

Да, она заметила нас. Она перестала говорить с какими-то кавалерами и, быстрыми, легкими шагами перейдя зал, подошла к нам. Ее большие серо-голубые глаза сияли приветом, лицо слегка покраснело от волнения. Она была одета очень просто, но от всей ее фигуры веяло величием.

- Дорогой мой кавалер, - сказала она, и ее голос прозвучал для меня подобно небесной музыке, - Вы уже подали королю свое прошение?

- Да, Ваше величество, - дрожа ответил отец, - уже две недели назад.

- И еще не получили ответа? - быстро сказала королева, - я каждый день вижу Вас и мальчика и из этого заключила, что Вы надеетесь на ответ.

- Да, Ваше величество, - ответил отец, - я жду решения: жить мне или умереть.

- Бедный! - тоном глубокого сочувствия сказала королева, - такие две недели тяжело пережить! Я от души жалею Вас! Разве у Вас нет протекции?

- Ваше величество, - сказал отец, - у меня нет другой протекции, кроме этого пустого рукава и справедливости того, о чем я прошу.

- Бедный! - со вздохом повторила королева, - Вы совсем не знаете света, если думаете, что этого достаточно. Я буду Вашей протекцией и похлопочу за Вас перед королем. Скажите мне свое имя и в чем Ваша просьба.

Внимательно выслушав ответ отца, она сказала с ласковой улыбкой:

- Будьте завтра на этом же месте: я сама передам Вам ответ короля.

“Мы пошли домой, окрыленные новой надеждой; мы больше не чувствовали ни голода, ни усталости; мы больше не боялись воркотни хозяина, заявившего, что он больше не хочет держать нас в долг. Мы упросили его подождать только до завтра, а голод утолили - радостными ожиданиями.

Мы встали на свое обычное место в галерее. Двери открылись, королевская чета вошла.

- Молись за меня, - прошептал мне отец, - молись, чтобы надежда наконец не обманула меня, иначе я упаду мертвый!

Но я не мог ни молиться, ни думать; я мог только смотреть на прекрасную молодую королеву, благородное лицо которой

возбуждало во мне благоговение, точно это был образ Царицы Небесной. Она окинула взглядом весь зал, встретила со мной взором, улыбнулась, и эта улыбка наполнила мою душу невыразимым одушевлением и восторгом. Теперь я мог молиться. Я упал на колени и шептал:

- Да будет благословение Божие над нашей королевой! Она избавит нас от страданий и спасет жизнь моему отцу!

Она подошла к нам и, кивнув головой моему отцу, протянула ему запечатанный пакет, говоря:

- Вот, возьмите это! Король очень рад воздать должное одному из своих лучших офицеров. Он жалует Вам ежегодную пенсию в триста луидоров, а я желаю Вам и Вашему мальчику еще много лет пользоваться ею в счастье и добром здоровье. Подите сейчас же с этой бумагой в казначейство, и Вам выдадут пенсию за первую четверть.

Видя, что отец зашатался и близок к обмороку, королева кликнула нескольких придворных и приказала им помочь отцу и отправить его из дворца непременно в экипаже. Тогда все бросились помогать моему отцу, стараясь выразить ему необыкновенную заботливость и любезность, и бедный, пренебрегаемый, безрукий инвалид, которого толкали и оттесняли в угол, сделался предметом всеобщего внимания. Мы вернулись домой в придворном экипаже, и наш хозяин всячески старался услужить нам. Королева сделала нас счастливыми!

- Да будет благословение Божие над ее дорогой головой! - молитвенно сложив руки, сказала Маргарита, - я буду вдвойне любить ее за тебя. Отчего ты не рассказал мне этого раньше?

- Есть чувства, - серьезно ответит Тулан, - которые так святы, что говорить о них можно лишь в самые торжественные минуты жизни. Сегодня такая минута, дорогая моя, и я открыл тебе всю свою душу. С того дня, как королева подарила нам благосостояние, счастье, покой, мое сердце, моя душа принадлежали ей. Ей я обязан спокойствием, довольством моего отца, счастливыми днями, которые мы с ним пережили вместе, моим образованием, словом - всем! Отец не хотел, чтобы я сделался военным. "Будь самостоятельным, свободным человеком, - говорил он, - примени силы своего ума, служи этим путем своему отечеству. А если для королевы наступит час опасности, ты сумеешь служить ей и бороться за нее до последнего вздоха". В этом я поклялся ему на его смертном одре. Он уже предчувствовал надвигающуюся грозу и часто со слезами читал брошюры и памфлеты, которые доходили из Парижа к нам, в Руан, куда мы вернулись и где я учился в лицее. "Поклянись мне, Луи, - говорил отец, - что, если Господь даст тебе силы, ты посвятишь жизнь служению королеве и будешь бороться с ее врагами!". И я поклялся в этом и отцу, и себе самому. Теперь я живу в Париже, занимаюсь книжной торговлей, и этим я также обязан королеве.

“Предчувствие говорит мне, что близко то время, когда друзья королевы должны будут сплотиться вокруг нее, так как опасность приближается... Она уже приблизилась, Маргарита: дикие звери окружили овечку, и ей уже не уйти от них!

Враги гнездятся в королевском доме: граф Прованский, деверь королевы, годами преследует ее; он ненавидит “австриячку” за то, что в политике король следует ее, а не его советам; граф д’Артуа, когда-то единственный друг королевы в семье ее мужа, также отвернулся от нее с тех пор, как она, вопреки настояниям братьев короля, высказалась в пользу удвоенного числа представителей третьего сословия и убедила короля созвать генеральные штаты. Тогда граф д’Артуа перешел на сторону ее врагов, потому что королева благоволит к народу. А народ все же не верит ей, не верит ее любви, и все партии стараются поддерживать в народе это недоверие. Герцог Орлеанский мстит неповинной королеве за презрение к порочному принцу: тетки - за то, что занимают при дворе второе место; все придворные мстят ей за предпочтение, оказываемое семье Полиньяк. На нее клеветают, ей приписывают все, что случается дурного, ее делают ответственной за все наудачи, постигающие Францию. Во всех парижских клубах ее всячески поносят и требуют ее гибели; настало время, когда ее друзья должны действовать.

Я принял предложенное мне место представителя от Руана, надел на себя маску демократа, чтобы успешнее служить королеве... Я люблю тебя, моя Маргарита, все, что относится к личной жизни, к личному счастью, - твое но повторяю: я должен быть готовым, когда бы ни понадобилось, отдать свое счастье, свою жизнь королеве, и без всякого сожаления, без малейшей жалобы.

Ты - возлюбленная моего сердца, она - святая, которой молится моя душа. Если она призовет меня, я должен буду оставить тебя и идти служить ей. Нашей родине предстоит мрачное время: страсти разнузданы, умы возбуждены, все стремится к свободе, которую до сих пор сковывала королевская власть. Итак, знай, Маргарита, что моя жизнь принадлежит королеве, но помни и то, что тебя я люблю, что только ты можешь дать мне счастье! Решай: согласна ли ты делить со мной бури, которые мне предстоят? Подумай, испытай себя, не увлекайся великодушным порывом своего любящего сердца! Если ты увидишь, что жертва с твоей стороны слишком велика, отойди от меня! Я покорюсь, оставлю тебя без единой жалобы и буду любить тебя всю жизнь, буду благодарен за те часы счастья, которые ты мне подарила!”

Тулан опустился перед Маргаритой на колени и робкими, умоляющими глазами заглянул ей в лицо. Она ответила взглядом, полным любви и воодушевления, и этот взгляд осветил его душу, подобно солнечному лучу. Она прижала его голову к своей груди и, нежно поцеловав его черные кудри, прошептала:

- Я люблю тебя, Луи, и отдаю тебе свою жизнь. Я разделю с тобой все опасности, буду с тобой вместе бороться за королеву и, если суждено, умру за нее вместе с тобой.

- Господь да благословит тебя, Маргарита! - со слезами промолвил Тулан, пряча голову в ее коленях. - Ты - ангел! В эту минуту, наши души соединились союзом вечной любви и верности, и ничто никогда не разлучит нас!

Он горячо поцеловал невесту, а потом оба вышли с сияющими лицами к собравшимся гостям, которые терпеливее ждали жениха и невесту.

Стоя перед алтарем, молодая пара громко и радостно произнесла свои обеты, сознавая, что эти обеты - в то же время и обеты верного служения обожаемой королеве.

После свадьбы все отправились в Версаль, где отец молодой давал блестящий обед.

- Скажите мне теперь, почтенный зятюшка, - сказал он молодому, когда они вошли в роскошно убранный зал, - почему Вы непременно желали, чтобы венчание происходило в церкви Святого Людовика, а свадебный обед - в Версале?

- Я хотел, чтобы моя новая жизнь началась именно здесь, где через несколько дней будут собраны генеральные штаты, чтобы защищать права народа против прав королевской власти. Таким образом Версаль делается для меня вдвое дороже. Я буду ему обязан, как муж - счастьем, как гражданин - свободой. А в церкви Святого Людовика я хотел венчаться потому, что люблю доброго короля Людовика, которого считаю истинным и искренним другом народа и который с радостью сделал бы этот народ счастливым, если бы только королева, австриячка, позволила это.

- Разумеется, - со вздохом ответил член парламента, принадлежавший к врагам королевы, - но она не хочет, чтобы Франция была счастлива. Чтоб ей сгинуть, этой королеве! От нее исходит все зло!

ОТКРЫТИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

Утром пятого мая 1789 года в Версальском дворце должны были состояться торжественное открытие и первое заседание генеральных штатов.

Ранний час назначен был для того, чтобы соблудности все предполагавшиеся министерством церемонии; а также для того, чтобы произвести этим на представителей третьего сословия унижающее впечатление.

Для тысячи двухсот депутатов и для массы зрителей во дворце был отведен обширный зал, устройством и украшением которого занимался сам король, любивший строить и составлять планы. Король особенно заботился о блестящем и достойном украшении помещения, где он должен был встретиться лицом к лицу с представителями всей нации, на почве взаимного понимания и единения.

Людовик сам выбирал обои и занавесы для зала, чтобы смягчить излишний свет.

Когда представители третьего сословия прибыли в Версаль, они с изумлением увидели, что им нельзя войти в зал заседания тем же путем, каким входили в нее представители знати и духовенства: в то время как для этих последних были открыты главные двери, представителей третьего сословия направляли через большой сарай в узкий и темный коридор, где они, толпясь в тесноте, должны были ждать, пока их впустят в зал. Здесь им пришлось ждать целых два часа, пока главный церемониймейстер, маркиз де Брэзе, пригласил их в зал. Их глазам представилось блестящее зрелище: два ряда колонн ионического стиля придавали огромному залу торжественный, величественный вид; главный свет проникал в него сверху, через овальное отверстие в потолке, драпированное белой тафтой, чтобы освещение не было слишком ярким. Поэтому в зале царствовал своеобразный, нежный полусвет, равномерно разливавшийся по всем углам. В глубине виднелись на богато украшенной эстраде королевский трон под балдахином с золотой бахромой, кресло для королевы, табуреты для принцесс и стулья для других членов королевской семьи. У подножия эстрады находились скамьи для министров и государственных секретарей; направо от трона были размещены скамейки для духовенства, налево - для дворянства; прямо против трона стояли скамьи, предназначенные для шестисот представителей третьего сословия.

Маркиз де Брэзе, с помощью двух других церемониймейстеров, начал указывать выборным их места. Когда в числе других депутатов от Крепи появился герцог Орлеанский, на

трибунах зрителей, которые были расположены амфитеатром кругом зала, раздались аплодисменты: все заметили, как герцог уступил дорогу священнику и заставил его пройти вперед.

Появились на отведенной им скамье министры в богато расшитых золотом мундирах; только один выделялся из их толпы своим простым костюмом и совершенно непринужденным видом, точно явился сюда для обыкновенного дела или для обычных салонных разговоров. Это был Неккер, новый министр финансов, от которого народ ожидал восстановления своего благосостояния. При его появлении среди депутатов и среди зрителей поднялся одобрителный шепот, перешедший затем в шумные выражения одобрения и громкие аплодисменты. Задумчивая улыбка, на мгновение промелькнувшая по строгому лицу Неккера, была единственным признаком того, что он понял, к кому относилось такое явное подтверждение популярности среди народа.

Во главе депутатов от Прованса появилась гордая фигура графа Мирабо; несколько рук поднялось, чтобы приветствовать и его таким же образом, но в эту минуту, в сопровождении королевы и прочих членов королевской семьи, появился сам король.

Все присутствовавшие в зале поднялись, как один человек, и разразились громкими, восторженными кликами одобрения и радости. По знаку Мирабо, представители третьего сословия, так же восторженно изъявлявшие свою радость, не преклонили на этот раз колен, как это было прежде на каждом собрании, но остались стоять. Только один из депутатов, красивый молодой человек с гордым, энергичным лицом, преклонил колено при виде королевы; но сильная рука соседа быстро подняла его.

- Господин депутат, - сказал этот сосед, - представители народа должны стоять перед монархией, не склоняясь!

- Вы правы, граф Мирабо, - ответил Тулан, - да я и не перед монархией преклонил колена, а перед прекрасной женщиной.

Мирабо не ответил и снова устремил свои пламенные взоры на короля.

В этот тожественный день король явился в порфире; на его голове была шляпа с перьями, а на ленте, прикреплявшей перья, горели лучшие коронные бриллианты.

Оказанный ему прием, по-видимому тронул Людовика, и на его губах появилась улыбка, но, когда снова наступила тишина и он увидел перед собой серьезные, строгие лица депутатов третьего сословия, он смутился и даже содрогнулся. Королева напротив огляделась спокойно и величественно. Ее прекрасные глаза медленным, испытующим взглядом обошли весь зал и остановились на один краткий миг на лице Тулана.

Казалось, она вспомнила черты человека, принесшего ей два года назад тяжелое известие об оправдании кардинала де Роган, и горькая улыбка скользнула по ее губам: этот человек сидел теперь среди ее врагов, глядевших на нее враждебными глазами; так-то сдержал он свою клятву! Но Мария Антуанетта уже ничему более не удивлялась: в последние годы ее покинуло столько друзей, столько людей, обязанных ей всем, что нечего более удивляться, если на сторону ее врагов перешел человек, клявшийся ей в верности, быть может, только под влиянием чисто юношеского восторженного порыва. Королева грустно потупилась: она и в этот торжественный миг встретила изменника.

“Наступит день, когда она узнает, что я - ее верный слуга, - подумал Тулан, понявший выражение ее лица, - и этот день вознаградит меня за удар кинжалом, который нанес мне сейчас ее взгляд. Держись, Тулан! Битва началась, ты должен победить или умереть!”

Королева так и не подняла больше своего взора. Она производила трогательное впечатление в своем простом наряде, с красивым, бледным лицом, которому тщетно старалась придать непроницаемо-спокойное выражение.

Людовик встал и обнажил голову. Королева также поднялась со своего кресла, чтобы выслушать речь короля.

- Сядьте, Ваше величество, прошу Вас! - с легким наклоном головы сказал ей король.

- Государь, - спокойно ответила королева, - не подобает Вашей подданной сидеть, когда Вы, Ваше величество, стоите.

По рядам скамей пробежал ропот, а с одной стороны раздался иронический смех. Мария Антуанетта вздрогнула, точно от укуса ядовитой змеи, и бросила гневный взгляд в ту сторону, откуда прозвучал смех: она узнала его - это смеялся Филипп Орлеанский. Он даже не потрудился сделать серьезное лицо, и его дерзкий, вызывающий вид открыто говорил королеве, что он - ее смертельный враг, что он отомстит ей за ее презрение в глазах всего двора; когда герцог в одно и то же время мот и скряга, сдал нижний этаж своего дворца под лавки и конторы, королева сказала: “Теперь, когда Вы сделали лавочником, мы вероятно будем видеть Вас в Версале только по праздникам, когда Ваши лавки заперты?”. Филипп Орлеанский помнил эти слова, когда глядел с насмешливой улыбкой в лицо королевы, и его глаза говорили ей о расплате и мести.

Король начал речь, которой он желал открыть первое собрание депутатов, и, пока он говорил, королева, слушавшая с глубоким волнением, не могла удержать слезы; а когда в конце речи Людовик сказал, что считает себя самым верным и искренним другом народа и что вся его любовь принадлежит Франции, Мария Антуанетта подняла глаза с кротким, моля-

шим выражением, как бы говорившим собравшимся депутатам:

- Я также - друг народа! Ах, и я также люблю Францию!

Кончив речь, покрытую долго не смолкавшими аплодисментами, король снова сел и надел шляпу. Представители дворянства также поспешили надеть шляпы; граф Мирабо, а за ним и большинство депутатов третьего сословия тотчас последовали их примеру. Но Тулану крайне захотелось помешать гордому демократу оставаться в шляпе в присутствии королевы.

- Шляпы долой! - громко крикнул он и его слова были повторены и другими голосами.

Но тотчас же раздались новые крики:

- Оставайтесь в шляпах! Не снимайте шляп!

Едва внимательное ухо короля уловило враждебный звук, как он сам немедленно снял опять шляпу, - и собрание должно было остаться с непокрытыми головами. Тулан достиг своей цели: депутаты не надели шляп в присутствии королевы.

После долгих, мучительных четырех часов церемония, наконец, окончилась, и королева, поклонившись по примеру короля собранию, вышла рядом с ним из зала. Некоторые депутаты крикнули: "Да здравствует король!" - но никто не возгласил имени королевы. Когда участники собрания вышли из дворца, их встретили крики многочисленной толпы, теснившейся перед дворцом. Народ видел депутатов, видел короля, слушавшего с ним обедню в церкви св. Людовика; теперь он желал видеть также королеву.

Лицо Марии Антуанетты озарилось радостью: с несчастного 1786 года она почти не слышала таких криков; напротив со времени процесса де Ламотт она, появляясь публично, нередко слышала только ропот и даже свистки.

Все настоятельнее слышались возгласы:

- Королеву! Королеву!

Мария Антуанетта вернулась в зал и вышла на балкон, приветствуя народ ласковой улыбкой; но вместо ответных радостных приветствий ее встретила зловещая тишина, прерванная внезапно пронзительным женским голосом: "Да здравствует герцог Орлеанский!". Несколько голосов подхватили этот возглас, затем раздался уже оглушительный крик многотысячной толпы:

- Да здравствует герцог Орлеанский! Да здравствует друг народа!

Королева, бледная и дрожащая, отшатнулась и почти без чувств упала на руки стоявшей за ее спиной герцогини Полиньяк. Ее глаза закрылись, из груди вырвалось судорожное рыдание. А через открытые двери балкона доносился все тот же громкий и радостный крик:

- Да здравствует герцог Орлеанский!

Королеву отнесли в ее комнату и положили на постель. Думали, что она дремлет, так что при ней осталась только одна Кампан. Мертвая тишина, царившая в комнате, пробудила королеву из ее полубессознательного состояния; она открыла глаза и, увидев свою верную камерфрау, стоявшую на коленях у постели, обняла ее и, рыдая, склонила голову на ее плечо.

- О, Кампан! - жалобно простонала она, - настало время бедствий! Я погибла! Кончилось счастье, скоро кончится и моя жизнь. Наш смертный приговор произнесен!

Х

НАСЛЕДИЕ ДОФИНА

Национальное собрание заседало в Версале уже четыре недели, то есть уже четыре недели возбуждение все возрастало, политические партии становились все непримиримее, все враждебнее. Ни одна из партий не высказалась за королеву; были только отдельные личности, преданные друзья, которые дерзали возражать против клеветы, распространяемой на ее счет народной партией, демократами, партией герцога Орлеанского и других членов королевского дома. Все они соединились в нападках на королеву, стараясь совершенно уничтожить всякий след любви и уважения, когда-то, в далекие счастливые дни, окружавших ее в глазах народа.

Когда Мирабо внес в собрание предложение - объявить личность короля неприкосновенной, только один человек заявил поправку:

- Особы короля и королевы должны быть признаны неприкосновенными.

Этот человек был Тулан. Но никто не поддержал его предложения, и собрание утвердило его в первоначально предложенной форме.

- Это значит, что мне произнесли смертный приговор, - сказала королева министру полиции Бриенну, который должен был каждое утро докладывать ей обо всем, происходившем в Париже и Версале.

- Вы, Ваше величество, преувеличиваете! - с ужасом воскликнул министр, - я полагаю, что в постановлении собрания кроется совсем иной смысл: оно только означает, что королева, как не имеющая дела с политикой, не нуждается в таком постановлении.

- Ах, я вовсе не хотела бы заниматься политикой, - со вздохом сказала королева, - это и не в моем характере; но к этому меня принудили мои враги, сделавшие из наивной, простосердечной королевы интриганку. Ведь каждая женщина,

мешающаяся в политику, - не что иное, как интриганка! Знаете, что я услышала вчера, проходя по галерее в кабинет короля, на частное, секретное заседание? Какой-то музыкант сказал: "Королева, исполняющая свой долг, обязана оставаться в своей комнате за шитьем и вязанием чулок".

- Ах, - вздохнул министр, - почему те, кто обвиняет Вас в честолюбии и властолюбии, не слышат теперь Вашего величества!

- Друг мой, - печально возразила королева, - никому нет дела до моих оправданий! Я должна быть виновной, должна быть преступницей, чтобы были правы мои обвинители. Перестанем говорить об этом! Я знаю, что меня ожидает, я это чувствую и умом, и сердцем: я погибла! Но я буду по крайней мере бороться до конца, чтобы погибнуть с честью, верная себе самой и взглядам, в которых была воспитана. Ну, расскажите мне теперь, с какими еще оскорблениями выступают против меня?

Бриен вынул из своего портфеля целую пачку печатных брошюр и положил ее на стол перед королевой.

- Боже мой, сколько хлопот я доставляю своим врагам! - печально сказала Мария Антуанетта, - и как они, должно быть, ненавидят меня! Вот например брошюра: "Добрый совет госпоже Недоимке как можно скорее оставить Францию". Недоимка - это конечно я?

- Это - злая выдумка герцога Орлеанского, Ваше величество!

Глаза королевы вспыхнули гневом, но она удержалась от резкого замечания и продолжала перелистывать брошюры, памфлеты и карикатуры, и пока она впитывала яд этих проникнутых злобой и ненавистью слов, по ее щекам медленно хатились тяжелые слезы, а ее грудь вздрагивала от конвульсивных рыданий.

Тронутый этим молчаливым горем, министр хотел взять обратно жестокие листки, но королева, удержав его руку, сказала:

- Нет, я должна знать все. Продолжайте все сообщать мне и не заблуждайтесь насчет истинной причины моих слез: ведь вполне естественно, что я очень чувствительна к обидам, наносимым мне народом, который я люблю, для приобретения любви которого я готова была бы на всякую жертву.

В эту минуту дверь без всякой церемонии распахнулась, и вошла герцогиня Полиньяк.

- Что случилось? - вскочив с места, воскликнула королева, - Вы с дурными вестями? Дофину хуже?

- Да, Ваше величество, появились судороги, и доктора опасаются...

- Господи! Господи! - простонала королева, простирая руки к небу, - неужели все несчастья заразы должны обрушиться на мою голову? Дитя мое! Мой милый сын! И я плачу здесь из-за злобы моих врагов, когда мой сын умирает? Прощайте, господин Бриенн, я пойду к нему. - И королева так быстро побежала в комнату дофина, что герцогиня едва поспевала за ней. - Он умер? - спросила она у лакеев стоявших в комнате, предшествовавшей комнате дофина, но, не дожидаясь ответа, рванула дверь и вошла.

На кровати под балдахином неподвижно лежал бледный ребенок с широко раскрытыми, остановившимися глазами и посинелыми губами, искривленными болью. Вокруг постели стояли врачи, наскоро призванный священник и слуги; все печально смотрели на маленькое, смертельно бледное существо, увядший цветок, который родился из праха и в прах должен был превратиться, и на бледную, дрожащую женщину, потрясенную горем мать, которая знала, что так же бессильна отвести роковой удар судьбы, как последняя из ее подданных.

Нежно обняв больного малютку, королева осыпала его поцелуями, орошая его личико слезами. И эти слезы, эти поцелуи еще раз вернули ребенка к жизни.

Остановившиеся глаза закрылись и снова открылись; дофин увидел плачущую мать и попытался улыбнуться ей и пошевелить рукой.

- Тебе больно, дитя мое? - прошептала королева, целую его.

Мальчик взглянул на нее с глубокой нежностью и прошептал:

- Нет, мне больно только оттого, что ты плачешь, мама.

Мария Антуанетта тотчас же осушила свои слезы и постаралась улыбнуться, чтобы дофин, взоры которого не отрывались от ее лица, не видел ее горя.

В комнате было тихо; слышались только тяжелое дыхание умиравшего ребенка и молитвы стоявших вокруг кровати людей. Потом дверь тихо растворилась, пропустив мужскую фигуру, которая, на цыпочках приблизившись к постели, опустилась на колени рядом с королевой. Это был король, вызванный из заседания, чтобы присутствовать при кончине сына.

Священник начал громко читать напутственные молитвы, к которым присоединился шепот присутствовавших. Только королева не могла молиться и не сводила взора с сына, который уже не видел ее: его глаза потухли, наступила агония. Еще один вздох, и все кончилось.

Королева громко вскрикнула; по щекам короля проползли две тяжелые слезы, и его молитвенно сложенные руки затряслись.

Священник поднял руки и возгласил:

- Господь дал, Господь и взял. Да будет благословенно имя Его! Аминь!

- Аминь! Аминь! - повторили присутствовавшие.

- Аминь! - повторил король, нежно закрывая глаза умершего сына. - Господь взял тебя к себе, сын мой, может быть, потому, что хотел избавить тебя от тяжелого горя и страданий. Да будет благословенно имя Его!

Королева склонилась над умершим и поцеловала его в губы.

- Прощай, сын мой, - прошептала она, - прощай! Ах, почему я не могу умереть вместе с тобой, уйти вместе с тобой из этого жалкого мира, полного печали! - Но тотчас же, как будто раскаявшись в своих горьких словах, она поднялась с колен и сказала священнику, окроплявшему тело усопшего святой водой: - батюшка, будьте добры принести мне завтра список детей, родившихся сегодня в Версале от неимущих родителей: я хочу дать каждому ребенку по тысяче франков. Пусть матери этих детей благословляют счастливый для них день смерти моего сына!

- Пойдемте, Мария, - сказал король, - тело нашего сына принадлежит теперь не нам, живым, а могилам наших предков в Сэн-Дени, душа же его принадлежит Господу Богу... Дофин скончался, да здравствует дофин! Герцогиня, приведите дофина в кабинет его матери! Вашу руку! - и движением, полным гордого достоинства, которое так было ему свойственно в значительные моменты его жизни, он подал королеве руку и повел ее в ее кабинет.

- Ах, друг мой! - сказала королева, когда они вошли туда, - здесь мы одни! Здесь я могу плакать о моем бедном мальчике! - и, обвив руками шею мужа, положив голову на его грудь, она громко заплакала.

Король крепко прижимал ее к груди, и слезы которые обильно текли из его собственных глаз, горячими каплями падали на склоненную голову Марии Антуанетты. Оба они не видели, как портьера распахнулась, и вошла герцогиня Полиньяк, но, увидав королевскую чету в объятиях друг у друга и услышав громкий плач, она тотчас же отступила; потом, нагнувшись к мальчику, которого привела с собой, она что-то шепнула ему на ухо и тихонько толкнула его вперед, опустив сзади него портьеру. Малютка несколько мгновений нерешительно простоял на месте, смотря большими глазами то на родителей, то на букет фиалок и роз, который держал в руках.

Маленький Луи Шарль отличался той нежной, трогательной красотой, которая вызывает слезы и наполняет сердце грустью, потому что чувствуется, что жизнь с ее суровыми зимними бурями не пощадит этого нежного, невинного цветка

и что сияющее ангельское личико ребенка должно превратиться в омраченное, изборожденное морщинами горя лицо мужчины.

Маленькая фигура четырехлетнего мальчика была прелестна: его ножки были обуты в сафьяновые сапожки с красными каблукками; широкие панталончики из синего бархата спускались ниже колен и у пояса были перехвачены широким голубым шарфом, концы которого, обшитые кружевами, свешивались с левого бока, из-под синей бархатной курточки виднелся вышитый колет, также украшенный кружевами. На круглом розовом личике с румяными губками и ямочкой на подбородке сияли большие, темноголубые глаза, осененные длинными, темными ресницами; густые золотистые локоны обрамляли большой лоб и падали на плечи. Малютку можно было бы принять за ангела с одного из изображений рафаэлевских мадонн, если бы не вышитая серебром и сверкающая бриллиантами звезда, видневшаяся на его одежде, означавшая его королевское достоинство и отметившая это прелестное дитя печатью несчастья.

Ребенок несколько мгновений смотрел на плачущих родителей, потом подбежал к ним и, протянув им свой букет, сказал дрожащим голосом:

- Мама-королева, я принес тебе цветочков из моего сада!

Мария Антуанетта подняла голову и сквозь слезы улыбнулась своему сыну. Король выпустил ее из своих объятий, чтобы взять мальчика на руки.

- Мария, - сказал он, - взгляни на нашего сына, взгляни на дофина Франции!

Королева взяла обеими руками голову сына и долго смотрела в его розовое личико. Потом она наклонилась и, запечатлев долгий, нежный поцелуй на его чистом лбу, торжественно сказала:

- Бог да благословит тебя, дитя мое! Господь да благословит тебя, дофин Франции! Пусть не омрачают горизонт мрачные тучи, когда ты займешь трон твоих предков! Да благословит и сохранит тебя Бог, дофин Франции!

- Мама, - робко сказал мальчик, - зачем ты зовешь меня сегодня дофином? Ведь я - твой маленький Луи, и меня зовут герцогом Нормандским!

- Сын мой, - торжественно сказал король, - по воле Божией, у тебя теперь будет другое имя и другое назначение; твой бедный больной брат Луи навсегда оставил нас; он ушел к Богу, и теперь ты - дофин Франции.

- И дай Бог, чтобы это послужило твоему счастью! - вздохнула королева.

- Это наверное не будет к моему счастью, - тряхнув своими кудрями, сказал маленький принц, - иначе мама-королева не плакала бы.

- Она плачет потому, что твой брат оставил нас, - сказал король.

- Разве он никогда больше не вернется? - спросил мальчик.

- Никогда, Луи!

Мальчик схватил руками шею матери и воскликнул:

- Ах, как это можно оставить милую маму-королеву и никогда больше не вернуться к ней! Я никогда не уйду от тебя, мама!

- Молю Бога, чтобы это была правда! - обнимая сына, прошептала королева, - молю Бога, чтобы Он послал мне смерть раньше Вас обоих!

- Не раньше меня! О, не раньше меня! - с ужасом воскликнул король, - без тебя, дорогая, моя жизнь была бы пустыней! Без тебя король Франции был бы последним бедняком своей страны.

Она грустно улыбнулась ему.

- А со мной он будет, может быть, самым несчастным.

- Никогда, Мария! Никогда, пока ты меня любишь! - горячо сказал король. - Не плачь больше: мы должны преодолеть свое горе и утешиться тем, что нам остается. Повторяю еще раз: дофин скончался, да здравствует дофин! Луи, ты будешь впоследствии королем Франции, потому что ты - наследник своего брата, то есть тебе принадлежат его права и титулы.

- А больше ничего? - спросил мальчик. - Мама-королева, - тихо прошептал он, - разве называться герцогом Нормандским не так же красиво? И разве ты будешь больше любить меня, когда все будут звать меня дофином?

- Нет, дорогой мой, и я была бы счастлива, если бы ты оставался герцогом Нормандским.

- Ну, так я и не рад этому титулу, мама! Но я хотел бы знать, не оставил ли мой милый больной брат чего-нибудь другого мне в наследство? Если он больше не вернется и ничего не взял с собой, то я очень хотел бы получить кое-что... Это мне было бы приятнее, чем называться дофином!

- Я, кажется, догадываюсь, - сказала королева и, отворив дверь в другую комнату, шепнула несколько слов своему пажу.

Через минуту в комнату ворвалась маленькая черная собачка и с визгом бросилась к мальчику.

- "Муфле"! "Муфле"! - закричал принц, садясь на пол, между тем как собака нежно лизала его личико. - Мама-королева отгадала! Папа, "Муфле" также - мое наследство? Мой братец и его оставил мне?

- Да, сын мой, собачка также досталась тебе в наследство, - с печальной улыбкой ответил отец.

Ребенок обнял голову собаки и прижал ее к своему сердцу.

- "Муфле" - мой! "Муфле" - мое наследство! - радостно повторял он. - О, детская радость! Детская невинность, сказала королева, поднимая к небу взор красных, заплаканных глаз. - Зачем не сопутствуют они нам через всю жизнь? Мой сын наследует королевство, а его радует маленький зверек, который с любовью лижет ему руки! Любовь - лучшее наследство! Пусть любовь живет в нас до самой смерти!

XI

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК XVI

14-го июля в Париже разыгрались ужасные события. В первый раз разверзся кратер вулкана революции, до сих пор дававшего знать о себе лишь подземными ударами. Потоки раскаленной лавы-мятежа, возмущения, убийств наводнили Париж. Верность, благоразумие, - все отступило перед ними. Народ разрушил Бастилию, убил коменданта, и в первый раз прозвучал на улицах Парижа ужасный возглас: "На фонарь!". В первый раз железные перекладины фонарных столбов послужили виселицами, на которых вешали всех, обвиненных народным правосудием.

Волна революции еще не докатилась до Версаля. Вечером 14-го июля в королевском дворце наступила преждевременная тишина. Мария Антуанетта рано удалилась в свои комнаты; король также рано лег в постель и тотчас погрузился в глубокий сон. Не успел он проспать и несколько часов, как камердинер разбудил его, доложив, что герцог Лианкур, состоящий при гардеробе его величества, просит принять его по неотложному делу.

После минутной нерешительности король поспешно встал с постели и приказал одеть себя. Войдя в смежную комнату, где ждал его герцог, известный своей преданностью Людовику XVI, король нашел его страшно расстроенным, с бледным, как смерть, лицом и дрожащими членами.

- Что случилось? - воскликнул король.

- Государь, - глухим голосом ответил Лианкур, - с моей стороны было бы преступлением скрывать от Вашего величества известия, имеющие огромное значение и требующие решения Вашего величества.

- Вы говорите о беспорядках в столице? - вздрогнув спросил Людовик.

- В Париже произошли ужасные события, - продолжал герцог, - между тем я узнал, что Вашему величеству они еще

неизвестны. Главнокомандующий армией не решился известить Вас, государь. О разрушении Бастилии было известно в Версале еще вчера вечером, но сейчас ко мне прискакал курьер с еще более ужасными известиями. Государь, как верноподданный Вашего величества, я позволяю себе сообщить Вам то, что до сих пор препятствовало Вашему величеству ясно понимать то, что происходит: в Париже не только разрушена Бастилия, но совершена масса преступлений и убийств. Окровавленные головы Делонэ и Флесселя яростная толпа на пиках носила по городу; часть гарнизона Бастилии безжалостно перерезана; многие из почтенных инвалидов, охранявших казематы, вздернуты на фонарные столбы. Во многих полках началось нарушение присяги; в городе насчитывается до двухсот тысяч народа, готового к бою. Поголовное возмущение ожидается сегодня же ночью.

Король выслушал герцога в молачаливом и грустном раздумье. Он побледнел, но его лицо осталось неподвижным, как и вся фигура,

- Итак, это, значит, мятеж? - после долгой паузы сказал Людовик, точно очнувшись от глубокой задумчивости.

- Нет, государь! - с жаром возразил герцог, - это - революция!

- Королева была права, - тихо прошептал король, - и теперь пришлось бы пролить потоки крови, чтобы прекратить зло. Но мое решение неизменно: кровь французского народа не должна быть пролита.

- Государь! - с волнением сказал Лианкур, - в этих словах Вашего величества кроется спасение Франции и королевского семейства. В этот решительный час я осмеливаюсь, я считаю долгом вполне откровенно говорить с Вашим величеством. Благословляю минуту, дающую мне возможность прямо обратиться к Вашему сердцу! Опаснее всего, государь, последовать бессовестным советам Ваших министров. Умоляю Ваше величество появиться сегодня в заседании национального собрания и лично обратиться к народу со словами мира и успокоения! Ваше появление сотворит чудо и сделает собрание верным союзником правительства. Иначе революция примет ужасающие размеры.

Король смерил герцога долгим, пронизательным взглядом. Благородное воодушевление, охватившее Лианкура, по видимому тронуло монарха. Он схватил его руку, крепко пожал ее и кротко сказал:

- Герцог, Вы сами - один из наиболее влиятельных членов национального собрания: можете ли Вы поручиться, что мое выступление будет принято так, как подобало бы в интересах государства и его правительства?

- Собрание только и жажлет умиротворяющего слова Вашего величества, - убежденно ответил Лианкур. - беспокойство и сомнения растут с каждым днем; на сегодняшнем заседании могут быть приняты крайние решения. если Вы, Ваше величество, не сделаете спасительного шага.

В эту минуту дверь отворилась, и вошли Мосье старший брат короля и граф д'Артуа, оба в страшном волнении. Очевидно известия, привезенные Лианкуром, уже распространились в Версале.

- Ваше высочество, - сказал герцог граф д'Артуа, - народ требует Вашей головы; я сам видел ужасное объявление.

Пораженный ужасом принц неподвижно остановился посреди комнаты.

- Что-ж! - сказал он затем опомнившись, - я, как и народ, предпочитаю открытую борьбу: они хотят моей головы, а мне хочется добраться до их голов. К чему тянуть дело? Твердая политика, никаких уступок в пользу так называемых свободных идей и хорошо заряженные пушки. Только это и может спасти нас!

- Его величество избрал другое решение, - сказал Лианкур с глубоким поклоном в сторону Людовика.

- Прошу моих братьев, графа Прованского и графа д'Артуа, сопровождать меня сегодня в собрание, - твердо сказал король. Я намерен объявить депутатам о своем намерении отозвать войска. Это докажет им, что я твердо решил дать им возможность довести до конца их совещания, потому что не имею другой цели, иного желания, как только выяснить себе волю народа.

Граф д'Артуа в ужасе отшатнулся: потом на его лице, появилась язвительная усмешка. Старший брат короля, напротив, поспешил выразить монарху свое полное сочувствие.

В эту минуту вошла королева с толпой своих приближенных. Она была бледна и расстроена.

- Ваше величество, Вы уже знаете, что произошло? - спросила она, схватив короля за руку.

- Скоро все опять придет в порядок, - с кротким достоинством ответил король, - я сам отправлюсь в собрание и докажу народу свое доверие к нему, объявив об отзывании войск из Парижа и Версала.

На лице королевы выразилось крайнее изумление; она горестным жестом прижала руку к голове и медленно сказала:

- Этим поступком Вы, Ваше величество, подтвердите факт существования революции, и меня очень огорчает, государь, что Вы еще раз хотите принять участие в заседании отвратительных, враждебных Вам людей; благодаря их участию в собрании, его давно следовало распустить, как это и было решено в прошлом месяце.

- Разве там уже так много дурных людей? - со своей добродушной улыбкой возразил король. - Вот, например, перед Вами два достойнейших члена собрания: мой старейший, верный друг, герцог Лианкур, и член Вашей свиты, граф де Ламарк. Не правда ли, граф, я могу рассчитывать на поддержку Ваших соговарившей в собрании?

- Государь, - с чисто придворной любезностью ответил де Ламарк, - партия дворянства, к которой я принадлежу, еще более утвердился в своих верноподданнейших чувствах; духовенство возблагодарит Бога за проявление королевского авторитета, а третье сословие увидит, что спасение - в руках монарха.

Король улыбнулся, а затем произнес:

- Скоро пора отправляться в собрание, их королевские высочества благоволят сопровождать меня. Герцогу Лианкуру я поручаю отправиться вперед и немедленно по открытии заседания сообщить, что сегодня мы лично явимся в собрание.

Королева нежно и с большим волнением простилась с супругом. При виде его решимости и уверенности, которых прежде она у него не замечала, она снова начала надеяться; но скоро надежды уступили место прежнему беспокойству, и она вернулась в свой покой с грустно омущенной головой.

Заседание открылось рано и начались бурные дебаты по поводу шагов, которые депутаты намеревались предпринять относительно короля. Граф Мирабо только что выразил в пламенной речи безусловное осуждение, чуть ли не проклятие по поводу праздника, данного королем иностранным полкам, когда появившийся в зале Лианкур подошел к эстраде оратора и, поднявшись на одну ступень, объявил о намерении короля явиться в собрание.

Изумление, потом тревога выразились на всех лицах. Депутаты повскакали с мест и разделились на группы, обсуждая неожиданное событие. Начались горячие, длинные речи относительно того, как принять короля. Наконец Мирабо снова вскочил на трибуну и голосом, покрывшим все остальные голоса, провозгласил:

- Печальное, молчаливое уважение - вот единственный прием, который мы можем оказать монарху. В момент всеобщего горя молчание является для королей самым действительным уроком.

Еще не смолкли громкие "браво", покрывшие слова Мирабо, как появился король в сопровождении обоих братьев, но без всякой свиты. Не взирая на все принятые решения, депутаты были так взволнованы его появлением, что громкие и долго не смолкавшие клики: "Да здравствует король!" потрясли своды зала.

Людовик с непокрытой головой остановился посреди толпы и, не пожелав воспользоваться креслом, которое тотчас поставили для него на одной из эстрад, заговорил с чисто отеческой искренностью и достоинством. Он назвал себя вождем нации, доверчиво явившимся в среду ее представителей, чтобы выразить им все горе, причиненное ему случившимся, и вместе с ними найти средства к восстановлению порядка и спокойствия.

Это вступление явно успокоило все партии. Затем король упомянул о несправедливых подозрениях, будто личность каждого депутата не обеспечена безопасностью, и сослался на свой "всем известный характер", не допускающий преступных подозрений.

- Ах, ведь я доверяю Вам! - воскликнул он, - помогите же мне в этих тяжелых обстоятельствах восстановить спокойствие в стране! Я жду этого от членов национального собрания! Полагаясь на верность и любовь своих подданных, - с трогательной добротой прибавил он, - я приказал войскам очистить Париж и Версаль. Уполномочиваю Вас сообщить об этом жителям столицы.

Восторженные крики радости несколько раз прерывали речь короля. Когда он кончил, энтузиазм достиг высшей степени. Архиепископ Бриенн произнес от лица собрания краткую благодарственную речь; затем король собрался покинуть зал. Тогда все депутаты поднялись со своих мест и проводили его до самой улицы. Так как король намеревался вернуться во дворец пешком, то все собрание отправилось провожать его. Казалось, самые неумеренные депутаты были побеждены.

Огромная толпа народа, стоявшая у дверей зала заседаний, увидев короля, окруженного сияющими радостью депутатами, присоединилась к их толпе, оглашая воздух громкими криками ликования. "Да здравствует король! Да здравствует французская нация!" - гремел несмолкаемый возглас, от которого дрожал воздух. На дворцовой площадке стояли швейцарская и французская гвардии в боевой готовности, но и их захватил всеобщий энтузиазм, и к радостным кликам, знаменовавшим счастливое единение короля со своим народом, присоединились торжественный звук труб и бой барабанов.

Королева стояла на главном балконе, ожидая возвращения короля. Дофина она держала на руках; маленькая Мадам держалась за руку матери. Печальные глаза Марии Антуанетты снова загорелись счастьем, когда она услышала восторженные крики народа и увидела огромную толпу, во главе которой шел король с веселым лицом, какого она давно не видела у него. Завидев супругу, Людовик поспешно снял шляпу и приветливо поклонился ей. Но очень немногие из депутатов последовали

его примеру; большинство молча и не кланяясь смотрело на королеву, так что она поблуднев отступила назад, в зал.

- Конечно! - со слезами сказала Мария Антуанетта, - конец всем моим надеждам! Королева - самая несчастная женщина во Франции: ее не любят, ее презирают.

- Я люблю тебя, мама-королева, - прошептал, обнимая ее, дофин, тоже заплакавший при виде слез матери, - и все люди тебя любят, и маленький братец на небе молится за тебя!

- Люби, люби меня! - рыдая ответила королева, осыпая поцелуями головку сына, - и пусть твой брат вымолит мне у Бога скорого избавления от всех этих мук! Не говори папае, что я плакала, - прибавила она, вытирая глаза.

С наступлением темноты можно было видеть множество тяжело нагруженных экипажей, время от времени выезжавших, быстро, но без шума, из внутренних дворов дворца: это граф д'Артуа, герцог Ангулемский, герцог Беррийский, герцоги Бурбонский и Энгиенский и принц Кондэ торопились тайно покинуть Францию. Людовик XVI сам посоветовал уехать графу д'Артуа; остальные принцы поддались общему страху. На другой день за ними последовали министры, отставленные по желанию национального собрания.

Королева знала из брошюрок, которые доставлял ей Бриенн, что семья Полиньяк возбудила к себе страшную ненависть благодаря своему высокому положению при дворе и огромным суммам, которые за разные должности получали все члены семьи, и Мария Антуанетта приготовилась к новой жертве: Полиньяки должны были быть удалены.

Когда уехали королевские принцы, королева позвала герцога и герцогиню Полиньяк и объявила им, что они также должны бежать. Супруги встретили эти слова почти с негодованием. Обыкновенно кроткая и сдержанная Жюли выказала в этот момент своей царственной подруге горячую беззаветную привязанность.

- Позволь мне остаться с тобой, Мария, - рыдала она, обнимая королеву, - не удаляй меня от себя, я все-равно не уеду! Я хочу разделить с тобой опасности, хочу умереть за тебя!

Но любящее сердце королевы нашло в себе силы противостоять просьбам любимой подруги.

- Так должно быть! - сказала она. - Именем нашей дружбы заклинаю тебя, Жюли, уезжай немедленно, не то я умру от страха и беспокойства за тебя. Тебя ненавидят, и все только из-за меня. Ты не должна сделаться жертвой своей любви ко мне.

- Нет, я останусь! Ничто не заставит меня покинуть мою королеву!

- Герцог, убедите ее! - обратилась королева к Полиньяку.

- Я могу только повторить слова Жюли: ничто не заставит нас покинуть нашу королеву, - строго возразил герцог. - В дни счастья мы пользовались милостями Вашего величества; теперь мы должны считать милостью со стороны королевы дозволение нам стоять возле нее в дни горя и несчастья.

- Несчастья и неудачи, преследующие нас, заставляют нас удалиться от себя всех, кого мы любим и уважаем, - печально поддержал королеву вошедший в эту минуту король. - Возьмите своих детей и слуг, и уезжайте. Когда мы встретимся - в лучшие времена, Вы займете свои прежние должности, а теперь еще раз приказываю уезжайте! - и, боясь заплакать, король кивнул головой и поспешно вышел.

- Вы слышали? - сказала королева, - я также приказываю Вам: уезжайте и немедленно!

- Ваши величества приказываете, нам остается лишь поинноваться, - с поклоном ответил герцог.

Герцогиня с громким рыданием упала перед королевой на колени и спрятала лицо в складках ее платья.

- Позвольте мне остаться! О, не гоните меня, Мария, моя Мария! - повторила она.

Королева делала тщетные усилия заговорить, но не могла. Она знала, что никогда больше не увидит своей подруги, но твердо переносила горечь разлуки.

- Жюли, - сказала она, - я была бы вдвойне несчастна, если бы вовлекла тебя в опасности, которым подвергаюсь сама. Для меня будет утешением знать, что с тобой ничего не случилось. Я не скажу тебе, как король, что мы увидимся в более счастливые дни, потому что я в них не верю: мы не преодолеем опасностей, мы погибнем от них. Я говорю, Жюли: до свидания... если не на земле, то в лучшем мире! Не говори ни слова! Я не в силах вынести это! Твоя подруга будет вечно оплакивать тебя, но королева приказывает тебе немедленно уехать! Прощай!

Она, не глядя на подругу, все еще рыдавшую у ее ног, протянула ей руку, простилась с герцогом молчаливым кивком головы и быстро вышла из комнаты. В уборной ее ждала Кампан.

- Ах, Кампан! - воскликнула королева, - свершилось! Я рассталась со своим другом! Я больше никогда не увижу Жюли! Заприте двери, задвиньте задвижки, чтобы она не пришла сюда, я... о, я умираю! - и королева упала без чувств.

В полночь из дворца выехали две кареты: семья Полиньяк отправилась в Швейцарию. В последнюю минуту Кампан вручила герцогине два письма.

Первое Жюли должна была передать Неккеру, который после отставки поселился в Базеле. Так как и национальное собрание, и клубы, и народ, все желали его возвращения, счи-

тая его единственным человеком, способным упорядочить финансовый вопрос, то королева уговорила короля снова назначить его министром финансов, и теперь в самых лестных выражениях извещала об этом враждебного ей человека. Второе письмо было прощание, последний крик наболевшего сердца.

“Прощай! - написала королева Жюли Полиньяк, - прощай, нежно любимый друг! Как ужасно звучит это слово!.. Но это необходимо!.. Прощай! Обнимаю тебя мысленно! Прощай! Прощай навсегда!”.

ХП

ПЯТОЕ ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА

Рассвело. Наступило ветренное октябрьское утро. Солнце едва выглядывало из-за туч, словно боясь взглянуть на то, что делалось на улицах Парижа.

Там собиралась национальная гвардия, созванная по тревоге, так как еще с вечера по городу распространился слух, что вожаками движения на завтрашний день назначен второй акт революционной драмы.

“Народ чересчур спокоен, - шепотом сообщали друг другу обыватели, - говорят, что его надо побудить к дальнейшему движению.”

“Народ становится чересчур спокойным”, - таков был лозунг во всех клубах вечером четвертого октября, и этот лозунг исходил от Марата.

- Париж в опасности! - кричал он сам в клубе громким, пронзительным голосом, - Париж готов сложить руки, чтобы молиться и спать. Нужно пробудить его от этой летаргии, иначе явится монархия, наденет на спящий город ночной колпак и так напаялит его ему на уши, что Париж никогда больше не проснется. Друзья, мы должны разбудить Париж! Париж не должен спать!

И Париж не заснул в эту ночь с четвертого на пятое октября, так как вожди движения постарались заставить его бодрствовать.

“В эту ночь булочники не должны печь хлеб! - объявили они, - завтра утром парижане должны остаться без хлеба, чтобы они опять открыли глаза и не спали! Булочники не должны печь хлеб!”

Все клубы повторили это положение, и их эмиссары распространили его по всему Парижу. Всем булочникам было строго внушено:

- Кто завтра откроет свою булочную, кто даст своим покупателям другой ответ, кроме следующего: “В Париже нет

больше муки, нам не из чего было печь хлеб”, - тот будет считаться изменником и понесет наказание. Остерегайтесь!

Булочники испугались угрозы и не пекли хлеба. Утром пятого октября Париж остался без засушенной пищи. Сначала женщины, получившие от булочников страшный ответ, в ужасе вернулись домой, чтобы сообщить своим мужьям и голодным детям, что запасы муки иссякли, хлеба нет, придется голодать. Затем это известие распространилось по улицам и переулкам Парижа.

Женщины и дети кричали это пронзительными, отчаянными голосами; мужчины яростно рычали это, сжимая кулаки.

- А знаете, отчего Париж должен голодать? - визжал чей-то голос на площади Карусель, где толпилась масса народа, - знаете, кто виноват в нашей нужде?

- Говорите же, если сами знаете это! - крикнул грубый мужской голос.

- Слушайте! Слушайте! - раздался голос башмачника Симона, - наш друг Марат объяснит нам, почему мы сидим без хлеба и принуждены голодать!

- Тише, добрые люди, тише! - закричала огромного роста женщина с растрепанными волосами и дерзким лицом, продираясь сквозь толпу к тому месту, где на тумбе, опираясь на плечо Симона, стоял Марат, - Марат, друг народа, хочет говорить! Марат мудр и разумен! Марат любит народ!

Блестящие взоры зеленых глаз Марата устремились на гигантскую женщину; он вздрогнул, точно от прикосновения искры, и странное выражение радостного торжества засветилось в его взгляде.

- Подойдите поближе, добрая женщина! - закричал он, - я хочу пожать Вашу руку, а Вас прошу передать это рукопожатие всем добрым, трудолюбивым, благородным парижским женщинам от их друга, патриота Марата!

Женщина подошла к нему и протянула ему руку; никто не обратил внимания на то, что эта рука была слишком бела и нежна для руки продавщицы зелени и что на одном из ее пальцев блестел крупный бриллиант.

Один Марат заметил это и, сжимая руку женщины в своей костлявой руке, нагнулся к ее уху и прошептал:

- Ваше высочество, снимите с пальца кольцо и старайтесь не обращать на себя внимания: Вас могут узнать.

- Узнать меня? - побледнев спросила женщина, - я не понимаю Вас, господин Марат!

- А я так очень хорошо понимаю герцога Филиппа Орлеанского, - еще тише прошептал Марат, заметивший, что сверкающие взоры Симона с любопытством устремлены на великаншу: - он хочет возбуждать и подстрекать народ, но не хочет компрометировать свое имя. Однако перед Маратом Вам

нечего скрываться, потому что Марат - друг Вам; он уважит и сохранит Вашу тайну.

- Чего Вы там шепчетесь? - крикнул Симон, - что же Вы не начинаете своей речи, Марат? Ведь Вы хотели нам объяснить, почему Париж голодает?

- Говорите же, брат Марат! - подхватила женщина, - и дайте мне еще раз пожать Вашу руку от имени всех парижских женщин!

Марат улыбаясь протянул руку; женщина несколько мгновений продержала ее в обеих своих, потом затерялась в толпе, а на пальце Марата появилось бриллиантовое кольцо. Неизвестно, заметили ли он это, так как теперь все его внимание было обращено на толпу.

- Вы спрашиваете, друзья, отчего в Париже нет хлеба? - визгливо крикнул он, - на это ответить очень легко; оттого, что главный булочник Франции закрыл свои запасы, а сделал он это потому, что так велела его булочница, которая ненавидит народ и хочет, чтобы он голодал! Но так как сама она голодать не желает, то и спряталась со своим булочником и мальчишкой-сыном в Версале, где их провиант охраняется наемными солдатами. Что ей за дело, если парижане подохнут с голода! Ее мальчишка ест пироги, а ваши дети сидят голодными! Итак, прежде всего вам следует принять меры, чтобы булочник, булочница и все их отродье приехали в Париж и жили у вас на глазах; тогда вы узнаете, откуда они берут свой хлеб, и можете принудить их поделиться с вами!

- Уж мы сумеем принудить их! - с грубым смехом воскликнул Симон. - Вставайте же, братья! Заставим булочника открыть нам свои запасы!

- В Версаль! В Версаль! - кричала великанша, смешавшаяся в толпу рыбных торговков, - пойдемте в Версаль, миленькие мои, скажем булочнице, что наши дети голодают! Пусть она даст им хлеба, не то заставим ее со всем отродьем и с булочником вернуться в Париж и голодать вместе с нами!

- Она завладела ключами от запасов! - крикнул Марат, - это она не позволяет булочнику открыть для нас амбары!

- Все матери и все жены должны идти в Версаль и отнять у булочницы ключи! - редела во весь голос великанша.

"В версаль! В Версаль!" - пронеслось по всем улицам, и этот крик как-будто обязывал женщин исполнить миссию - добыть хлеб для своих детей.

Словно ураган, крик носился по улицам, всюду находя отзвук в сердцах возмущенных, измученных, отчаявшихся и разъяренных женщин, голодных матерей голодных детей. Они толпами стремились на площади, а там их поджидали вожаки революции: Марат, Дантон, Сантер, Шометт, ораторы клубов, и подстрекали их своими советами.

- Не давайте запугать себя и не давайтесь в обман, мужественные женщины! Спасайте от голода своих детей! Ваши мужья помогут Вам, если придется разрушить Версаль! Только не робейте! Сам Бог за матерей, ищущих для своих детей хлеба!

И они не робели. Они устремились в Версаль, увлекая с собой всех встречных женщин и громко крича:

- В Версаль! В Версаль!

Напрасно парижский мэр убеждал их разойтись по домам, уверяя, что все булочные уже открыты, что запасов достаточно, что пекарям приказано печь хлеб; напрасно генерал Лафайетт, командир национальной гвардии, доказывал им ненужность и бесцельность их поступка, - толпа неудержимо стремилась вперед, все с тем же криком:

- В Версаль! Заставим булочницу и булочника вернуться в Париж!

- Нам придется или допустить их в Версаль, или прибегнуть к силе, - сказал мэр, обращаясь к Лафайетту, - удержите их силой, генерал!

- Невозможно, господин Бальи! Как употребить силу против безоружных женщин? Ни один из моих солдат не послушает меня, потому что ведь это все - их матери, жены, сестры. У них только одно оружие - их языки, которыми они собираются покорить сердце королевы. Пусть идут! Только надо принять меры, чтобы король и королева не оказались в опасности.

- Это тем необходимее, генерал, что за этими женщинами непременно последуют толпы вооруженных мужчин. Торопитесь защитить от них Версаль!

- Мне не следует вести своих солдат в Версаль, - возразил Лафайетт, качая головой, - ведь Вы знаете, на какой неразумный поступок побудила короля реакционная партия: весь Париж говорит о празднике, который королевская чета дала фландрскому полку, вызванному в Версаль. Король, королева и дофин присутствовали на празднике, где трехцветные кокарды топтали ногами и вместо них украшали себя белыми лентами. О национальной гвардии там отзывались с насмешками, пели роялистские песни и клялись королю и королеве исполнять только их приказания. Мои солдаты возмущены, а офицеры требовали, чтобы я повел их в Версаль и наказал мятежный фландрский полк. Вы видите, что вести национальную гвардию в Версаль опасно.

- Но надо же что-нибудь предпринять для защиты короля! - настаивал Бальи, - поверьте, что эти разъяренные женщины гораздо опаснее рассерженных гвардейцев! Пойдемте в ратушу, генерал, и посоветуемся со старшими офицерами и с городским советом.

Через час на улицах послышался барабанный бой, так как на заседании в ратуше было решено отправить национальную гвардию в Версаль под начальством Лафайетта, чтобы, с одной стороны, защитить королевское семейство от нападения народных масс, с другой - защитить национальное собрание от нападения королевских войск. Но задолго до того, как гвардия выступила в Версаль, орда женщин уже отправилась в путь. Они двигались десятью отдельными колоннами, не менее тысячи женщин в каждой. Впереди каждой колонны шли несколько национальных гвардейцев и несколько вооруженных мужчин и поддерживали в толпе кое-какой порядок. По сторонам колонн также шли мужчины из народа, не дозволявшие уставшим или образумившимся женщинам возвращаться в Париж, говоря, что начатое должно быть доведено до конца, и возбуждая их мужество криками: "В Версаль! В Версаль!".

В Версале все было спокойно. Король отправился с несколькими кавалерами в Медон, на охоту, королева пошла в Трианон одна! Совсем одна!

Где были все ее друзья, поклонники? Далеко, в чужих краях! Бежали от несчастья, которое простирало свои мрачные крылья над Версалем, над когда-то веселым Трианоном!

Как все было тихо и пусто! Мельница стояла безмолвная; открытое окно хлопало по ветру, но из него не выглядывало добродушное лицо мельника. Школьный дом также опустел: веселый учитель не писал более остроумных словечек на черной классной доске; он сочинял теперь памфлеты на королеву.

В рощах и на тенистых дорожках была разлита меланхолическая тишина. Ярко раскрашенные рукою осени деревья отражались в пруде; плакучие ивы купали в нем своим ветви; пара лебедей тихо плыла по гладкой поверхности и, завидя человеческую фигуру на берегу, торопливо махала крыльями, надеясь получить несколько крошек хлеба, которые часто бросала им белая рука королевы. Но сегодня она пришла с пустыми руками: все старые привычки были забыты, должны были быть забыты! Но птицы не забыли королевы: они беспокойно сновали у берега и ждали подачки; наконец разочарованные они уплыли, издавая печальные, жалобные крики.

- Они поют лебединою песню моему счастью, - прошептала королева, следя заплаканными глазами за удалявшимися птицами, они также оставили меня... Я одна, совсем одна!

Последние слова она сказала так громко, что разбудила искусственное эхо, которому прежде приходилось повторять только радостные возгласы и веселый смех.

- Одна! Одна! - отозвалось за стенами башни Мальборо. - Одна! - прозвучало надо водой. - Одна! - прошумело в кустах.

- Одна! - громко прозвучало в сердце королевы и она упала в траву, закрыла лицо руками и громко зарыдала.

И вдруг издали донесся чей-то зов:

- Королева! Где королева?

Мария Антуанетта вскочила и вытерла глаза: никто не должен был видеть, что она плакала.

Голос звучал все ближе, и королева пошла на него; она знала, что ее ждет новое несчастье, и шла ему навстречу. Из-за поворота дорожки поспешно вышел человек; королева посмотрела на него пытливым, вопросительным взглядом. Кто этот вестник несчастья? Он прочел этот вопрос в ее глазах, бросился к ее ногам и, задыхаясь от волнения и быстрой ходьбы, воскликнул:

- Простите, Ваше величество! Простите, что мешаю! Я - Тулан, Ваш верный Тулан, Ваш преданный слуга! Меня послала госпожа Кампан.

- Я узнаю Вас: это Вы принесли мне известие об оправдании кардинала де Роган?

- Судьба и нынче сделала меня зловещим вестником, Ваше величество.

- Что случилось? Несчастье с королем или с детьми?

- Нет, Ваше величество!

- О, - свободно вздохнув, сказала королева, - так Вы принесли мне счастливые вести! Да! Я еще вспомнила! Это Вы высказались в национальном собрании за то, чтобы личность королевы считалась неприкосновенной! Увы, к Вашему голосу никто не присоединился... И теперь меня хотят оскорбить? Почему моя верная Кампан прислала Вас за мной? Что случилось?

- Пока еще ничего, Ваше величество, но рано утром я был еще в Париже, и то, что я видел, принудило меня спешить сюда, чтобы предостеречь Ваше величество... Весь Париж в волнении... Весь Париж идет в Версаль.

- Чего же они хотят? Напасть на национальное собрание? Объясните, я ничего не понимаю!

Когда Тулан разъяснил, в чем дело, королева поспешно направилась ко дворцу. Она не простилась с Тржаноном, а между тем видела его сегодня в последний раз! В парке близ дворца ее встретил министр внутренних дел Сэн-При, и его бледное от страха лицо подтвердило слова Тулана.

- Ваше величество, дурные вести! - сказал он.

- Я знаю, - спокойно ответила королева, - господин Тулан известил меня, что из Парижа идет сюда толпа женщин, десять тысяч женщин. Вы видите, я иду, чтобы принять их. Господин Тулан, - обратилась она к молодому человеку, - я знаю, что могу положиться на Вас и что Вы помните свою клятву. Ступайте в национальное собрание; я пойду во дворец. Каждый из нас исполнит свой долг.

Весь Версаль был в страшном волнении; все растерялись. Король еще не вернулся с охоты, и королева спокойно и без страха приняла на себя его обязанности. Прежде всего она послала шталмейстера маркиза Эльбер навстречу королю, чтобы поторопить его возвращение; министру внутренних дел Сэн-При она поручила разместить отряд гвардейцев во внутренних покоях дворца. Она ободрила расстроенных дам и приласкала своих детей, испуганных суматохой и боязливо жавшихся к матери.

Во дворец приходили все новые вести, подобно буревестникам, возвещающим ураган. Рассказывали, что к женщинам уже присоединилось несколько тысяч гвардейцев, что у них есть две пушки, что все мужчины вооружены и что вся толпа распевает дикие, воинственные песни.

Королева слушала все это без малейшего страха. Женщинам, которые окружили ее с плачем и жалобами, она велела уйти во внутренние покои и увести детей, все двери закрыть и никого не впускать, кроме ее самой. Она горячо поцеловала детей и не оглянулась, когда дамы уводили их; она даже вздохнула свободнее, когда двери закрылись за ними.

- Теперь у меня хватит мужества перенести все, что угодно, - сказала она Сэн-При, - мои дети в безопасности. Только бы король скорее вернулся!

Как раз в эту минуту вошел король. Мария Антуанетта бросилась в его объятия и устало склонилась к нему на грудь еще за минуту перед тем так гордо поднятую голову.

- О, государь! Дорогой мой государь! - воскликнула она. - Слава Богу, что Вы здесь! Теперь я ничего не боюсь! Вы ободрите всех, Вы каждому скажете, что он должен делать! Париж идет на нас, государь, но Бог и Франция - за нас! Вы отстоите честь Франции и престола против мятежников!

- Сначала надо узнать, чего хотят эти люди, - уклончиво и нерешительно ответил король, - нельзя сразу встретить их угрозами, не переговорив с ними.

- Государь! - в ужасе вскрикнула королева, - вступать в переговоры с мятежниками значит признавать за ними какое-то право. Но ведь Вы не захотите этого?

- Я посоветуюсь со своими министрами, - сказал король, указывая на входивших министров, которых привел Сэн-При.

Но какой это был совет! Все что-нибудь предлагали, но все были в сущности совершенно беспомощны. Никто не решался взять на себя какую-либо ответственность, хотя каждый сознавал, что опасность возрастает с каждой минутой.

- Государь, - сказала королева, которая одна не потеряла присутствия духа, - Вы должны спасти государство от революции. Борьба началась, и нельзя уклониться от нее. Призовите свои войска, станьте во главе их и позвольте мне быть подле

Вас! Мы не должны поддаваться революционерам, и если мы их не одолеем, то они проникнут во дворец королей через наши группы. Государь, мы должны продолжать жить как короли или умереть, как подобает королям!

Но на этот призыв отважной женской души Людовик ответил сдержанно, даже боязливо, и, когда с улицы донеслись дикие крики приближавшейся толпы, совещание все еще не привело ни к каким результатам. Королева, бледная, но по виду спокойная, вышла в соседнюю комнату и молча прислушивалась к робким советам министров и к новым сообщениям, приносимым с улицы. Народная толпа уже наполняла Версаль. Национальные гвардейцы братались с мятежниками; королевским гвардейцам грозили, их оскорбляли; нескольких из них толпа стащила с лошадей. На площади перед дворцом прогремело несколько ружейных выстрелов.

Королева подошла к окну. Она увидела на Парижском шоссе облака пыли, лошадей, скачущих без всадников, которых толпа по-видимому убила; потом увидела черные, зловеющие волны народа, двигавшегося с диким криком и воем. Кричащие, визжащие женщины с распущенными голосами грозно потрясали голыми руками; их глаза сверкали, губы произносили проклятия. Мужчины в разорванных блузах были с пиками, ножами, ружьями; среди них - национальные гвардейцы об руку с блузниками и с разъяренными женщинами. Слышались шум, яростные крики, пронзительный хохот, угрозы! Толпа приближалась. Кулаки бешено заколотили в железную решетку. Послышались визгливые женские голоа:

- Мы хотим во дворец! Нам нужно поговорить с булочником! Если нет другой еды, мы закусим кишками королевы!

Мария Антуанетта снова вошла в комнату короля. Ее лицо приняло суровое и упорное выражение; на губах играла презрительная улыбка, голова гордо откинулась назад.

- Госудаь, - сказала она, - они пришли. Бежать, как Вы предполагали, уже поздно. Единственное, что нам остается это - защищаться и спасти корону хоть для нашего сына, если нам самим суждено потерять ее.

- Есть еще выход: вернуть народ на путь долга, - кротко ответил король, - его обманули относительно нас, его восставили. Надо попытаться уверить его в наших к нему чувствах.

Королева с минуту с ужасом смотрела в кротко улыбающееся лицо короля, потом из ее груди вырвался громкий, горестный вопль; она отвернулась и пошла навстречу принцу Люксембургскому, капитану королевской гвардии, входившему в эту минуту в зал.

- Вы пришли доложить, что чернь завладела дворцом? - с гневом спросила она.

- Ваше величество, - ответил принц, - если бы это совершилось, я не был бы здесь: чернь войдет во дворец только через мой труп.

- Ах, - прошептала королева, - есть еще настоящие мужчины, есть еще храбрецы, которые защитят нас!

- Государь, я пришел за приказаниями, - сказал капитан королю, - когорты этих отвратительных мегер становятся все настойчивее, все бесстыднее. Тысячи рук ломаются сквозь решетку; в наших гвардейцев стреляют. Прикажете отразить нападение?

- Какая мысль! - возразил король - прикажу ли я напасть на женщин! Вы шутите, принц?

- Государь, - входя в зал, сказал де Ламарк, - эти женщины непременно желают говорить с Вашим величеством и принести Вам свои жалобы.

- Я выслушаю их, - сказал король. - Велите им выбрать из своей среды шесть депутатов и проведите их в мой кабинет.

- Государь, Вы хотите дать аудиенцию революции? - воскликнула королева, Удерживая его за руку. - Умоляю Вас, не уступайте порыву своего благородного сердца! Не позволяйте грязным рукам этих фурий пачкать величие королевского достоинства! О, если мои мольбы что-нибудь значать для Вас, не ходите! Пошлите одного из министров, чтобы он говорил от Вашего имени, но не давайте аудиенции революции! Если это случится, - революция победит королевскую власть! О, не ходите! Не ходите!

- Но я уже обещал, я дал слово, Мария, - кротко возразил король, - эти женщины не должны думать, что я хотел обмануть их. Вот граф уже идет за мной.

Шесть женщин в грязных, запыленных платьях, с растрепанными волосами, ждали в кабинете короля. Они встретили его ожесточенными, мрачными взглядами, но его кроткий вид и ласковый голос произвели на них такое впечатление, что Луиза Шабли, уполномоченная, могла описать королю народную нужду и бедствия лишь в самых скромных и робких словах и просила его о помощи.

- Ах, дети мои! - сказал король, - я не виноват в Вашем несчастье. Завтра же прикажу выслать из Корбейля в Париж все запасы зерна и муки. Ах, если бы меня всегда слушались! Если бы я мог за всем смотреть сам!.. Вы увидели бы, что Ваш король любит Вас, как отец - своих детей. Скажите своим товаркам, дети, чтобы они верили в искреннюю любовь своего короля и мирно разошлись по своим домам.

- Да здравствует король! Да здравствует наш отец! - закричали тронутые, умиротворенные женщины, выйдя из кабинета короля, но этот возглас не нашел в толпе сочувствия.

- Пусть король даст нам хлеба, тогда мы поверим в его любовь и вернемся в Париж! - кричали мегеры. - Напрасно булочник думает, что может накормить нас прекрасными речами!

- Если у него нет для нас хлеба, пусть даст нам на съедение свою булочницу! - крикнул блузник с пикой в руке.

- Чернь пришла требовать моей головы, - сказала Мария Антуанетта, обращаясь к бледным, испуганным министрам и придворным, окружавшим королевскую чету, - но я научилась от моей матери не бояться смерти и буду ждать ее твердо и мужественно.

За стенами дворца бушевало море людской ярости; вожаки революции разжигали страсти, подстрекая толпу к новым проявлениям безумной ярости, возбуждая ее против "булочника" и "булочницы". Женщины плясали с факелами в руках под дикие песни мужчин, высмеивавшие короля и грозившие смертью королеве.

А в залах королевского дворца по-прежнему сидели министры, слуги короля, беспомощные, трусливые, испуганные. Среди всех советников короля был только один мужчина, и этим мужчиной была королева Мария Антуанетта. Она одна сохранила присутствие духа и твердость, ободряла боязливых, утешала отчаявшихся. Она все еще пыталась побудить короля к как-нибудь решению и не жаловалась, что это ей не удастся. Был один момент, когда ее лицо просветлело надеждой и радостью: это случилось, когда небольшая группа депутатов национального собрания, под предводительством Тулана, явилась с предложением своих услуг, прося позволения остаться во дворце, охранять особы их величеств. Но почти тотчас вслед за ними из собрания пришли два секретаря и потребовали возвращения депутатов в собрание, под предлогом важности экстренного ночного заседания.

- Они нарочно отнимают у нас последних друзей, чтобы мы остались без всякой защиты, - прошептала королева.

Внезапно крики усилились; снова раздались ружейные выстрелы; слышались бряцанье оружия, лошадиный топот; потом прогремел пушечный выстрел, сопровождаемый криками и стоном раненых. Король, удалившийся со своими советниками в кабинет, бросился к королеве. В зале никого не было. Красный свет факелов проникал через окна, рисуя на стенах тени человеческих фигур с поднятыми руками и грозящими кулаками. Шум и крики все возрастали. Не найдя нигде королевы, король взбежал по лестнице, которая вела в доки "детей Франции", и вошел в спальню дофина. У кровати спокойно спавшего ребенка он увидел неподвижную фигуру королевы.

- Мария, - сказал взволнованный король. - я везде ищу Вас!

Она указала на спящего малютку:

- Государь, я нахожусь на своем посту.

Взволнованный король подошел к ней и, обняв ее, произнес:

- Останься со мной, Мария, не покидай меня! Влей в меня твое мужество, твою решимость!

Королева с тяжелым вздохом покачала головой, но не сказала, что не верит больше в мужество короля, не сказала, что больше ни на что не надеется.

В это время в спальню вошли приближенные королевы, гувернантка дофина и несколько кавалеров из свиты короля: оправившись от страха, все они вспомнили свой долг и явились подтвердить королю и королеве свои обеты верности. Кроме того они сообщили королю, что в положении дел произошла некоторая перемена. Из Парижа пришли национальные гвардейцы, встреченные ликованием толпы. Генерал Лафайетт вошел во дворец, чтобы предложить королю свои услуги, и прислал у их величеств аудиенции.

- Пойдем, Мария, - сказал Людовик, тотчас просветлев, примем генерала! Дело, как видишь, вовсе не так плохо, как ты думала. У нас еще есть верные слуги.

Королева молча последовала за супругом в зал, где ждал Лафайетт, окруженный министрами и придворными. При появлении королевской четы он пошел ей навстречу, почтительно поклонился и с веселой самоуверенностью сказал:

- Государь, я явился сюда, чтобы охранять Ваши величества, а также национальное собрание от всех тех, кто осмелился бы угрожать Вам.

- Уверены ли Вы в верности и преданности своего войска? - спросила королева, смотря на Лафайетта своими пламенными глазами так пристально, точно хотела прочесть самые сокровенные его мысли.

Но ее взгляд не смутил веселого настроения генерала.

- Я знаю, Ваше величество, что могу положиться на верность своих солдат, - спокойно ответил он. - Они преданы мне всей душой! И если я прикажу им охранять короля и королеву и оберегать их от малейшего оскорбления, то они исполнят мое приказание.

Королева пропустила мимо ушей оскорбительный смысл этих хвастливых слов и сделала вид, что поверила им. Лафайетт еще раз подтвердил ей, что с его приходом всякая опасность миновала, что он займет караулы своими гвардейцами, которые также восстановят порядок в Версале и на площади, где расположилась лагерем буйная толпа.

Лафайетт ручался и за свою гвардию, и за воюющих женщин, и за ругающихся мужчин! И король поверил его уверениям; в конце концов поверила им и Мария Антуанетта.

Король отправил свой собственный конвой в Рамбулье, оставив во дворце только дежурных. Солдаты Лафайетта оцепили дворец. Генерал обошел караулы, а затем, как-будто все было вполне спокойно и безопасно, отправился в замок Нойайль, чтобы там спокойно провести ночь и отдохнуть от тревог минувшего дня.

Король ушел на свою половину, и не успели камердинеры, раздевавшие его величество, выйти из комнаты, как громкое, равномерное дыхание, раздавшееся за шелковым пологом постели, возвестило им, что король погрузился в глубокий сон.

Королева также легла в постель, ласково уговаривая своих камерфрау поскорее отправиться на покой. Скоро в Версальском дворце воцарилась глубокая тишина. Король и королева спали.

Но в пустых, темных залах отдавались крики, шум, проклятия по адресу королевы, доносившиеся с площади. Во дворце спали, но не спал мятеж, не спала людская ненависть, и дикие, жестокие мысли об убийстве змеились вокруг дворца королей Франции. Как быстро должны были они перейти в действительность!

Спи пока, Мария Антуанетта! Наслаждайся последним часом спокойствия и безопасности!

ХШ

НОЧЬ УЖАСА

Мария Антуанетта спала. Ужасные волнения минувшего дня истощили ее силы, и она впала в тот тяжелый, лишенный сновидений сон, которым сострадательная природа иногда награждает тех, кому судьба грозит тяжкими страданиями и неотвратимым несчастьем.

Мария Антуанетта спала. Во дворце царила ненарушаемая тишина, но на дворе, откуда Лафайетт счел возможным удалиться, чтобы также отдохнуть, бодрствовала революция; она глазела на темные стены и взглядом ненависти и мести скользила по окнам, за которыми спала королева Франции.

Королевская власть во Франции столько грешила в последние столетия, столько совершила преступлений, что народная любовь не могла не обратиться наконец в ненависть. Эта власть так долго “сеяла ветер”, что теперь ей приходилось “пожинать бурю”. Преступления, ошибки и безнравственность, которые сеяли на почве Франции Людовики XIV и XV и принц-регент, вырыли пропасть между королевской властью и народом, и из этой пропасти должна была вырасти революция,

чтобы на настоящем выместить грехи прошлого, так как “грехи отцов отмстятся на детях их до третьего и четвертого колена”.

Мария Антуанетта не видела пропасти, которую придворные льстецы закрывали цветами; но теперь цветы были разбросаны, королева заглянула в бездну, услышала проклятия, увидела разъяренных людей, превратившихся из благодушных подданных в грозных мятежников. Королева видела приближавшуюся гибель, но не захотела отступить: лучше упасть в пропасть и разбиться насмерть, чем купить победу ценой унижения; лучше умереть достойно, мужественно, с короной на голове, чем жить лишенной власти и короны, в унижении и зависимости! С этими мыслями королева заснула после этого бурного дня; последней ее молитвой было:

- Боже! Дай мне силы умереть, как подобает королеве! Боже! Поддержи моего мужа, чтобы он был не только добрым человеком, но и королем!

Кампан, на цыпочках приблизившаяся к постели, чтобы видеть, заснула ли королева, получила приказание ложиться спать:

- Вам также нужен отдых; покойной ночи, Кампан!

- Королева приказала нам лечь спать, - сказала Кампан своим помощникам, - но неужели мы ляжем?

Обе дамы отрицательно покачали головами.

Кампан крепко пожала им руки и произнесла:

- Я знала, что мы сойдемся во мнениях; мы не должны спать в эту ночь, мы должны сторожить королеву. Пойдемте в приемную: там Варикур, который скажет нам, что делается за стенами дворца.

Три женщины тихо прошли во вторую приемную, тускло освещенную парой восковых свечей. Беспорядочно сдвинутые стулья и диваны напоминали о вторжении разъяренных женщин, требовавших свидания с королем. Им сказали, что это - половина королевы, и отвели их в кабинет короля, но они знали теперь, где находятся комнаты королевы, знали, что в них можно проникнуть со двора: стоило только миновать зал, занятый швейцарской гвардией. Эта мысль не покидала верной Кампан и приводила ее в ужас.

- Уйдемте отсюда, - шептали ей помощницы, - как сюда слышны песни и хохот! Что за ужасная ночь!

- День, который последует за ней, будет, может быть, еще ужаснее, - ответила Кампан. - Но не будем падать духом. Вот и господин де Варикур! Какие вести принесли Вы нам?

- Очень дурные! - ответил офицер швейцарской гвардии, быстро вошедший в эту минуту в зал, - толпа все возрастает: из Парижа вместе с народом явились теперь и ораторы, подстрекатели масс, и подбивают их на царубийство. Измена, злоба, ненависть окружают дворец, а трусость и зависть от-

крявуют им двери. Уже многие из солдат отправились на площадь, к мятежникам. Я клялся в верности королю и королеве и буду верен этой клятве до последнего вздоха. Я занял лестницу, которая ведет на эту половину, а вы сторожите спальню королевы; пусть каждый из нас исполнит свой долг.

- Да, исполним наш долг, - просто ответила Кампан, пожимая ему руку. - Милые мои, - обратилась она к своим помощникам, - ведь мы никого не допустим проникнуть к королеве?

- Никого! - мужественно и решительно ответили обе дамы.

- А, пока я жив, ни одна душа не проникнет на лестницу, - сказал Варикур. - Прощайте! Обращайте внимание на всякий шум; если услышите мой голос и я крикну: "пора!", то немедленно будите королеву и прячьте ее! Бьет три часа, это - час смены. Прощайте!

В его глазах, обращенных на Кампан, выражалась просьба; она невольно подошла к нему.

- Я предчувствую, что не переживу этой ночи, - тихо прошептал он. - У меня, Вы знаете, есть невеста; если я нынче погибну, скажите ей, что я умер с ее именем на губах. Приласкайте и утешьте ее; скажите ей, что я прошу ее не плакать обо мне... только пусть она не забывает меня! Прощайте!

Он ушел, а Кампан с трудом подавила слезы, просившиеся ей на глаза. Затем три женщины тихо прошли в маленькую гостиную королевы, где обыкновенно собирались те из придворных дам, которые удостоивались чести присутствовать при туалете королевы. Кампан заперла за собой двери и положила ключ в карман.

- Будем теперь сторожить двери спальни, - сказала она и, приставив свои стулья к дверям комнаты королевы, три женщины уселись на страже, ждать конца ужасной ночи.

Ни одна не решалась прервать мертвое молчание. Все три прислушивались к изредка долетавшим до них крикам мятежников.

Медленно тащились стрелки каминных часов; Кампан поминутно смотрела на них, и ей казалось, что время остановилось, что уже целая вечность прошла с тех пор, как дамы расстались с Варикуром, а часы все еще не пробили четырех. Но стрелки все-таки ползли вперед, и наконец прозвучали четыре удара. Еще три часа! Еще три вечности до наступления дня!

Но что это за новые звуки? Это не только пение, не только крики ярости: это - шум борьбы, выстрелы, бряцанье оружия. Три женщины вскочили со своих стульев. Кампан вышла во вторую приемную, дверь которой она замкнула изнутри, и приложила ухо к замочной скважине. Нет, в той комнате было

тихо; но снаружи раздавался страшный шум. Глухие удары потрясали стены дворца; слышались звенящие, металлические звуки, словно разбивали железную решетку.

- Надо узнать, что случилось, - сказала Кампан и, быстро решившись, отперла дверь, вошла в приемную и выглянула в окно, из которого можно было видеть большую часть главного двора.

Ее глазам представилось страшное зрелище! Решетка была разрушена, и народ наполнял двор. Там и сям мельками факелы, озаряя дикие, страшные мужские и женские фигуры, напоминавшие картины из Дантова ада: женщины походили или на фурий, или на вакханок; мужчины - на кровожадных тигров. Красное пламя факелов освещало сжатые кулаки, блестящие кинжалы, ружья. И вся эта толпа ломилась во дворец, стремясь разрушить преграды, отделявшие королевскую семью от ее палачей.

Вот раздался громкий, торжествующий крик, от которого задрожали стекла; сквозь рев и вой толпы до ушей Кампан донесся вопль ужаса и боли.

- Это - предсмертный крик, - дрожа прошептала она и невольно отшатнулась от окна, - наверное убили швейцарцев, стороживших вход во дворец, и теперь... вошли! О, Боже, Боже! Что теперь будет с Варикуром!

Она выглянула в зал; в нем никого не было, но снаружи слышались шум борьбы и топот многочисленных ног. Вдруг наружная дверь распахнулась, и появился Варикур, втолкнутый в зал рычащей, воюющей толпой. Он все еще старался задержать этот бешеный поток, преграждая ему путь своим телом, своим ружьем, которое он успел упереть в дверные косяки и таким образом остановить убийц на несколько мгновений. Его мундир был изорван, лицо покрыто смертельной бледностью, а на лбу зияла рана, из которой лила кровь.

- Пора! Пора! - громко крикнул он, - спасайте королеву! Ее хотят убить!

Кампан захлопнула дверь, задвинула тяжелый засов, потом бросилась в приемную; здесь также замкнула и задвинула задвижками двери, потом без сил упала на колени.

- Боже! - молилась она, - прими милостиво его душу!

- За кого Вы молитесь? Кто умер? - в испуге спрашивали ее помощницы.

- Убили де Варикура, я слышала его предсмертный крик... Но не время плакать и жаловаться: надо спасти королеву! - и она бросилась в спальню.

В эту минуту раздался страшный грохот, сопровождаемый радостными криками торжества.

- Подавайте нам королеву! Нам нужны кишки королевы! - долетели до женщин яростные возгласы.

- Выломали двери уже в приемном зале, - сказала Кампан, и, подбежав к постели королевы, торопливо произнесла: - Ваше величество! Ваше величество! Проснитесь!

- Что случилось? - спросила Мария Антуанетта, садясь на постели, - что случилось?

Ей ответили грохотом падающих дверей маленькой приемной и ров пронзительных женских голосов. Только одна дверь отделяла теперь королеву от кроважадной толпы.

Мария Антуанетта вскочила с постели.

- Оденьте меня! Скорее! Скорее!

- Невозможно! Они выбивают дверь ружейными прикладами! Накиньте платье! Вот туфли, надевайте на босые ноги! Скорее! Через боковую лестницу!

Кампан побежала вперед; за ней спешили помощницы, поддерживая королеву и падавшие с нее одежды. Так они добежали через длинные коридоры и лестницы до спальни короля. Она была пуста!

- Боже мой, Кампан, где же король? Я хочу к королю! Мое место - возле него! Где король? - воскликнула Мария Антуанетта.

- Я здесь, Мария! - ответил входя король, - я торопился спасти наши сокровища! - и с этими словами он положил на простертые к нему руки королевы еще не проснувшегося дофина, потом подвел к ней маленькую принцессу, которую привела ее гувернантка, и спокойно прибавил: - а теперь, когда мои драгоценнейшие сокровища здесь, я пойду взглянуть, что там происходит.

- Там мятеж, измена, убийства! - воскликнула королева, удерживая его, - пусть приходят сюда и убьют нас, но зачем же идти навстречу гибели?

- Хорошо, останемся здесь, - согласился Людовик. - Принесите мой шоколад! - приказал он своему камердинеру, - я пока позавтракаю, потому что проголодался.

- Как? Вы хотите теперь завтракать? - в ужасе спросила королева.

- Почему же нет? Подкрепив тело, мы яснее видим и понимаем события. Вы также, Мария, должны бы позавтракать: бог знает, будет ли потом у нас время для этого!

Король занялся поданным ему шоколадом, а королева отвернулась, и слезы горя и гнева выступили на ее глазах.

- Мама, - сказал дофин, лежавший на ее руках, - я тоже хочу завтракать! Где мой шоколад? Я хочу шоколада!

Королева принудила себя улыбнуться и, посадив ребенка на колени к отцу, сказала:

- Пусть король поучит своего сына, как завтракают в то время, когда руки изменников выбивают двери в королевском

дворце! Пойдемте, Кампан, помогите мне одеться; я должна подготовиться дать революции аудиенцию!

Пока королева одевалась, а король завтракал со своим сыном, кабинет понемногу наполнился министрами, депутатами из дворян, спешившими исполнить свой долг и разделить с королевской четой минуты опасности. Каждый рассказывал об ужасах, которые ему пришлось увидеть.

Сэн-При видел в швейцарском зале тело Варикура, открытое ранами, и Варикур тут же умер на его глазах. Лианкур видел, как какой-то великан со включенной бородой отрубил мясным ножом голову верному швейцарцу. Де Варенн видел другого швейцарского офицера, барона Дэхютт, защищавшего двери, соединяющие покои королевской четы, пока сам маркиз задвигал засовы и баррикадировал корридор.

И, пока кабинет все более наполнялся и рассказ следовал за рассказом, король спокойно продолжал завтракать. Королева подошла к нему и дрожащим голосом стала умолять его принять какое-нибудь решение, высказаться и поступить, как подобает королю.

Людовик пожал плечами и поставил на поднос чашку, которую только что поднес к губам. Мария Антуанетта немедленно подозвала камердинера.

- Унесите поднос, - сказала она, - король кончил... А теперь, государь, - тихо прошептала она, - выкажите же себя королем!

- Дорогая моя, - спокойно возразил Людовик, - очень трудно быть королем, когда народ не признает в нас короля. Скажите пожалуйста, что может сделать король, чтобы заставить замолчать тех, что вопят на дворе?

- Государь! Выкажите свою власть, приказывайте! Объясните, что Вы отомстите за преступления сегодняшней ночи! Защищайте с мечем в руках трон своих предков и своего сына и Вы увидите, что мятежники рассеются, а нерешительные люди, которые окружают Вас, воодушевившись Вашим примером, будут геройски защищать Вас. О, государь, преодолите хоть теперь свою кротость и будьте строги и решительны!

- Но, скажите же, что я должен делать? - со вздохом спросил король.

Королева нагнулась к самому его уху.

- Пошлите эстафеты в Венсенн и другие пункты и прикажите придти сюда войскам. Собрав армию, примите над нею начальство и идите в Париж, открыто объявив мятежникам войну. Вы войдете в столицу победителем. Только без уступок! Прикажите же, государь! Скажите мне, что Вы этого хотите, и я тотчас полшлю преданного человека в Венсенн.

И взоры королевы невольно остановились на лице Тулана, который, стоя в дверях кабинета, не отрываясь смотрел на

нее. Втретив ее взгляд, он проложил себе дорогу через толпу придворных и подошел к ней.

- Вашему величеству угодно что-нибудь приказать мне? - спросил он.

Королева с боязливым ожиданием смотрела на мужа, но он промолчал и стал ласкать дофина, чтобы избавиться от необходимости ответить.

- Вашему величеству ничего не угодно приказать мне? - повторил Тулан.

- Нет, - ответила королева, не скрывая от него слез, - мне нечего приказывать, я должна только повиноваться.

В эту минуту вошел Лафайетт.

Королева быстро пошла ему навстречу и воскликнула:

- Вот каков покой, вот какова безопасность, за которую Вы ручались своим словом! Послушайте эти крики; взгляните, мы точно осажденные!

- Ваше величество, я сам был введен в заблуждение, - возразил Лафайетт, - мне так клялись последовать моим просьбам и уговорам, что я полагал...

- Кого Вы подразумеваете под словом "клялись, обещали"? - прервала королева, - о ком отзываетесь Вы с таким уважением?

- Я говорю о народе, который обещал мне успокоиться и не нарушать сна их величеств.

- Но Вы говорите не о народе, а о мятежниках, - сверкая глазами, возразила королева, - об изменниках, которые силой ворвались во дворец своего короля, об убийцах, лишивших жизни наших верных слуг. С такими преступниками Вы вступаете в переговоры, вместо того, чтобы разогнать их с оружием в руках!

- Ваше величество, - бледнея ответил Лафайетт, - если бы я сделал это, Ваше величество уже и здесь не нашли бы себе убежища, потому что народному гневу невозможно противостоять.

- Сейчас видно, что Вы прошли в Америке через революционную школу, - с гневной насмешкой сказала королева. - Вы говорите о народе с таким почтением, точно народ - также царствующая власть, перед которой следует преклоняться!

- В конце концов он прав, - сказал король, протягивая руки обоим спорящим. - Слышите рев этого льва? А ведь лев - царь зверей? Скажите, генерал, чего хочет этот лев и что означает его рев!

- Ваше величество, подстрекатели и вожаки революционных кружков успели внушить толпе, будто Ваше величество сзываете войска, чтобы, лично руководя ими, идти на Париж.

Король бросил на Марию Антуанетту многозначительный взгляд, на который она ответила гордым движением головы.

- Я напрасно старался разъяснить бедным, введенным в обман, людям все безумие подобного плана, - продолжал генерал.

- Этот план, генерал, спас бы королевскую власть от бесчестия и унижения! - с гневом возразила королева.

- Но его невозможно привести в исполнение, - с легким поклоном ответил Лафайетт. - Если бы солдаты отдаленных гарнизонов могли перелететь сюда на крыльях, план удался бы, но так как это невозможно, то необходимо найти средство успокоить, уговорить восставших, если уже нельзя одолеть их.

- Чем же Вы думаете успокоить их? - спросила королева.

Лафайетт взглянул на нее горестным, печальным взглядом и ответил, обращаясь к королю:

- Государь, народ в страшном волении! Мне с большим трудом удалось вывести мятежников за пределы дворца. Подстрекатели внушили народу, что Париж будет наказан, обращен в пепел.

- Я выйду к народу! - воскликнул Людовик, - и поручусь своим королевским словом, что не сержусь на парижан! Как? Вы не советуете мне этого?

- Народ уже так раздражен, государь, что Вашего слова ему недостаточно. Народ не поверит уверениям Вашего величества, так как все-таки сознает, хотя и не ясно, что совершил преступление и что человек не может простить такое преступление: это было бы уже не по-человечески, а по-божески.

- Как хорошо понимает генерал чувства мятежного сброда, который он называет народом! - язвительно заметила королева.

- Где король? Мы хотим видеть короля! - донеслись опять крики с площади.

Лицо Людовика просветлело; он быстро подошел к окну и распахнул его. Его не сразу заметили, и он мог беспрепятственно разглядывать толпу. Огромная масса народа волновалась, подобно темному, бурному морю, кишевшему разъяренными лицами, сверкающими глазами, обнаженным оружием.

- Вы правы, Лафайетт, - сказал король, - это - народ, потому что здесь по крайней мере двадцать тысяч человек, и Боже сохрани меня считать все эти тысячи преступниками и сбродом. Я надеюсь...

Но тут короля заметили, и из массы грудей прозучал, подобно раскату грома, единодушный крик:

- Да здравствует король! Да здравствует отец наш, Людовик!

Король с торжествующей улыбкой обернулся к своим министрам, а королева отошла в дальний угол комнаты и, прижав к груди обеих детей, упала в кресло.

- А меня еще хотели уверить, что мой добрый народ ненавидит своего короля! - сказал Людовик. - Стоит мне показаться ему, и он тотчас спешит выразить свою радость.

- В Париж! В Париж! - донеслось в эту минуту из толпы, - мы хотим, чтобы король вернулся в Париж!

- Чего они хотят? - спросил король у Лафайетта, который стоял рядом с ним.

- Они умоляют Ваше величество вернуться вместе с королевским семейством в Париж.

- А Вы, генерал, что об этом думаете?

- Государь, я уже позволил себе сказать сегодня Вашему величеству, что слов и уверений теперь уже недостаточно для успокоения разъяренных масс и для того, чтобы они перестали опасаться наказания.

- А если я переселюсь в Париж, то народ поймет, что я ничего не предприму против моей собственной резиденции? Вы это хотите сказать, генерал?

- Да, Ваше величество.

Людовик отошел от окна; министры с расстроенными, бледными лицами окружили его.

- Господа! - сказал король, - Вы - мои советники. Скажите мне, что, по Вашему мнению, должен я теперь сделать, чтобы восстановить спокойствие?

Никто не ответил. Все смущенно смотрели в землю, только Неккер нашел в себе мужество, после довольно долгого молчания, ответить на вопрос.

Государь, - сказал он, - это - очень важный вопрос, от решения которого зависит, может быть, судьба монархии. Но так как Вы, Ваше величество, желаете знать мнения своих министров, то позволю себе сказать, что самым целесообразным было бы исполнить желание народа и отправиться в Париж.

- Я так и думал, - прошептал король, опуская голову.

- В Париж?! - воскликнула королева, - но это невозможно! Не может быть, чтобы Вы серьезно хотели добровольно броситься в пропасть!

- В Париж! В Париж! - доносилось с площади, - король и королева должны вернуться в Париж!

- Чтобы уже никогда не выехать оттуда! - воскликнула королева, заливаясь слезами.

- Лафайетт, что бы Вы думали? Говорите! - сказал король.

- Государь, я думаю, что единственное средство восстановить мир и порядок - это сегодня же ехать в Париж.

- Это - и мое мнение, - спокойно сказал король. - Подите и скажите народу, что король, королева, дофин и мадам сегодня же переедут в Париж.

Простые, спокойные слова короля произвели на присутствовавших в кабинете весьма разнообразное впечатление. Одни побледнели от ужаса, другие выказали явную радость. Одни безнадежно вздыхали, другие обменивались радостными восклицаниями. Каждый чувствовал, что в эту минуту решилась судьба короля и его семейства, но одни видели впереди гибель, другие - новую надежду.

Лицо королевы приняло строгое, решительное выражение; в ее глазах мелькнула вспышка благородной гордости, и она почти с радостью взглянула на короля, который теперь по крайней мере принял определенное решение.

- Король высказал свое решение, - сказала она среди гробовой тишины, наступившей после слов короля, - нам подобает подчиниться ему. Госпожа Кампан, распорядитесь, чтобы все было приготовлено к моему отъезду, и имейте в виду, что пребывание в Париже будет довольно продолжительным.

- Ну, Лафайетт, - обратился король к генералу, который все еще нерешительно стоял возле него, - что же Вы не горопитесь объявить народу мою волю?

- Государь, - торжественно ответил Лафайетт, - бывают моменты, когда только глас Божий или голос монарха может дать народу успокоение.

- Вы полагаете, что теперь именно такой момент и что я сам должен оповестить народ о своем решении?

Лафайетт поклонился и указал рукой на окно, через которое не прекращаясь доносились в кабинет все те же крики:

- В Париж! В Париж! Мы хотим видеть короля! Мы хотим, чтобы король ехал в Париж!

С минуту король в задумчивом молчании прислушивался к адскому гулу, и величественному, и ужасному, а потом решительно поднял голову и произнес:

- Я последую Вашему совету, генерал: я объявлю народу о своем решении. Дайте мне руку, Ваше величество! Выйдем на балкон! А Вы, господа, следуйте за нами!

Королева без единого слова возражения взяла протянутую ей руку супруга; другой рукой она крепко держала руку маленького дофина. Мадам Тереза спокойно и беспечно шла рядом с матерью.

XIV

В ПАРИЖ!

Королевская чета, в сопровождении министров и придворных, поспешно прошла, не говоря ни слова, две смежные комнаты и вступила в зал с балконом, расположенный в середине главного здания, откуда открывался обширный вид на внутренний двор Версальского дворца и на площадь перед ним.

По знаку короля, камердинер Гюз поспешил распахнуть высокие двустворчатые двери, и король, послав улыбку Марии Антуанетте, вышел на балкон.

В одну минуту, словно по мановению Господней руки, укротившей это бушующее человеческое море, шум и волнение прекратились. Когда же собравшиеся узнали короля, грянуло восторженное ликование, прокатилось, все разрастаясь, по площади и проникло в смежные улицы:

- Король! Да здравствует король!

Людовк, бледный от волнения, со слезами на глазах, подошел к самым перилам балкона и, водворя тишину, поднял обе руки в знак того, что хочет говорить. Его поняли и повиновались громким голосом, раздававшимся там и сям в шумевшей толпе и требовавшим тишины и внимания. Тогда над головами тысяч народа, который, затаив дыхание, устремил взор кверху, раздался громкий, сильный голос короля:

- Я хочу дать своему возлюбленному народу доказательство того, что моему отеческому сердцу не доверяют без причины. Я перееду сегодня с королевой и своими детьми в Париж, который будет отныне моею резиденцией. Итак, дети мои, вернитесь в столицу, а я последую за Вами через несколько часов.

Народ разразился шумными криками радости, махая руками, шляпами, платками, а Людовик не спеша вернулся с балкона в зал.

В тот же момент поднялось внизу новое волнение, раздался новый крик:

- Пусть покажется королева! Мы хотим видеть королеву! Королеву! Королеву! Королеву!

И все настойчивее, громче и яростнее гремел этот повторяемый тысячеголосым хором повелительный зов, врываясь в отворенные двери балкона. Королева взяла за руки обоих своих детей и сделала несколько шагов вперед. Но король удержал ее.

- Не ходите, Мария, - промолвил он дрожащим голосом, с испуганным видом. - Нет, не ходите! Слишком ужасно видеть это яростное волнение у своих ног; голова идет кругом. Не ходите, Мария!

Между тем шум внизу превратился в ураган, от которого дрожали стены замка.

- Слышите, Ваше величество? - промолвила Мария Антуанетта. - В данном случае так же опасно показаться, как и прятаться. Итак, предоставьте мне сделать то же самое, что сделали Вы. Пойдемте, дети!

И королева решительными шагами, с высоко поднятой головой, вышла на балкон со своими обоими детьми, в сопровождении короля, который встал позади нее, как страж, гото-

вый защищать безопасность и жизнь своих близких. Однако появление всей королевской семьи не произвело действия, на которое, пожалуй, рассчитывал Людовик. Народ не разразился изъяснениями радости, дружным ликованием. Он кричал и шумел, ревел и выл:

- Одну королеву! Не надо детей! Мы хотим одну королеву! Прочь детей!

Напрасно Людовик приблизился снова к перилам балкона, напрасно простирали он руки, стараясь водворить тишину, и, наконец, возвысил голос, требуя молчания. Его слова были заглушены страшным гамом беснующейся черни, которая показывала на балкон поднятыми кулаками, пиками, ружьями и своим ревом привела маленького дофина в такой ужас, что он громко расплакался.

Королевская семья удалилась и вошла обратно в зал, где была встречена бледными, дрожащими, безмолвно плакавшими придворными. Однако чернь внизу не унималась. Она как будто хотела доказать самой себе, что ее воля может быть законом даже для короля и королевы, может требовать от них повиновения.

- Королеву! Мы хотим видеть королеву! - не унимались яростные крики. - Пусть нам покажется королева!..

- Хорошо! - со смелой решительностью воскликнула Мария Антуанетта и проложила себе дорогу среди придворных, которые хотели удержать ее, преграждая ей путь, отстранила нетерпеливым движением короля, умолявшего ее не ходить; и вышла на балкон одна, без всякой свиты, без охраны, как укротительница льва, которая кидается в клетку зверя, смиряя его только своим взором и повелительным видом и заставляя покорно склониться к ее ногам.

И лев был укрощен: его страшное рыкание смолкло, охваченные удивлением, восторгом тысячи людей с взволнованными лицами, смотрели вверх на королеву, на эту дочь цезарей, которая стояла, скрестив руки на груди, спокойно, с гордой осанкой и смотрела бестрепетным взором в бурлившую, взбаламученную бездну.

Восхищенный, покоренный этой смелостью, этим царственным спокойствием, народ разразился громкими кликами одобрения, тысячеголосым "браво", и под этот оглушительный рев и крик королева, с гордой улыбкой на устах, удалилась с балкона обратно в зал.

Дофин кинулся к ней с расprostертыми объятиями и, схватив ее колена, воскликнул:

- Мама-королева, моя милая мама-королева!.. Останься со мной, не выходи к этим ужасным людям! Я боюсь их! О, я боюсь!

Мария Антуанетта схватила мальчика на руки и запечатлела поцелуй на его лбу своими бледными, холодными губами. Один миг казалось, что она изнемогла под гнетом только что пережитого ею страшного момента и готова разразиться слезами. Однако ей удалось преодолеть женскую слабость; она чувствовала, что в этот час должна быть только королевой.

С дофином на руках, крепко прижимая его к сердцу Мария Антуанетта пошла к королю, который, чтобы скрыть от жены хлынувшие у него слезы, удалился в соседнюю комнату и стоял там, прислонившись к дверному косяку.

- Ваше величество, - входя туда и поднося к королю дофина, - сказала Мария Антуанетта, - заклинаю Вас в эту ужасную, мучительную минуту дать мне одно обещание.

- В чем оно заключается, Мария? - пробормотал король. - Чего Вы желаете?

- Ваше величество, всем, что дорого Вам и мне, благополучием и спасением Франции и Вашим собственным благополучием и спасением этого возлюбленного ребенка, Вашего преемника, заклинаю Вас обещать мне, что если бы нам предстояло еще когда-нибудь пережить подобную ужасную сцену, то Вы сделаете все от Вас зависящее, чтобы избежать ее.

Вид благородного, разгоревшегося лица королевы, которое дышало энергией, и звук ее мужественного голоса глубоко потрясли короля и заставили его отвернуться. Он хотел заговорить и не мог; слезы стояли у него в горле и, как-будто стыдясь своей слабости, он слегка остранил от себя супругу и дофина, поспешно прошел через комнату и скрылся за дверями с противоположной стороны.

Мария Антуанетта проводила его долгим, печальным взором и вернулась опять в комнату с балконом. Трепет объял ее душу и мрачное, жуткое предчувствие на одно мгновение заставило замереть сердце.

Ей вспомнилось, что в этой комнате, где она только что пережила такие неизмеримые муки, где еще слышался неистовый крик черни, вздумавшей сегодня впервые давать приказания королеве, отошел в вечность Людовик XIV. Скорбное предчувствие подсказало ей, что сегодня здесь пришел конец и французской королевской власти. Перед ее духовным взором, подобно бледному окровавленному призраку, проходило будущее и, как бывает всегда в моменты высшего духовного волнения, королева представила себе все мрачные предостережения, ниспосланные ей судьбой. Ей пришли на память картины вифлеемского избиения младенцев, украшавшие стены комнаты, где она в качестве дофины провела первую ночь на французской территории, а потом ужасное пророчество, которое она услышала от графа Калиостро по дороге в Париж, и эшафот, показанный им. Мария Антуанетта вспомнила ураган, потря-

савший землю, вырывавший с корнем деревья в первую ночь, проведенную в Версале, и страшную катастрофу на другой день во время фейерверка в Париже, стоившую жизни нескольким сотням человек. Затем ей представился тот момент коронации, когда король схватился рукой за корону, только что надетую ему папским нунцием, и воскликнул от боли: "Да она колется!". Теперь же королеве показалось новым зловещим предзнаменованием то обстоятельство, что сегодняшняя ужасная сцена разыгралась в комнате, где умер король, которому Франция была обязана своим величием и славой.

- Мы погибли, погибли! - пробормотала Мария Антуанетта. - Ничто больше не может спасти нас. Эшафот уже воздвигнут!

Она безмолвным движением руки, легким наклоном головы отпустила присутствующих и вернулась в свои покои, которые охранялись теперь солдатами Лафайетта.

Несколько часов спустя, на большой площади перед замком грянули два пушечных выстрела. Они возвестили Версалью, что король с королевой и детьми покинули гордый королевский замок - уединенную, неприступную версальскую резиденцию, чтобы... не возвращаться туда более.

На высокой колокольне церкви Святого Людовика, где недавно праздновалось открытие национального собрания, большой колокол пробил час пополудни, когда к парадному крыльцу замка подали карету, в которой королевскому семейству предстояло ехать в Париж.

Ряд других экипажей составлял кортеж. Они предназначались для депутатов национального собрания, которое, как только был объявлен отъезд короля в Париж, издало декрет в том смысле, что оно считает себя неотделимым от короля и последует за ним. Немедленно явилась в замок депутация для сообщения королю этого декрета и была принята Людовиком с приветливыми словами благодарности.

Но Мария Антуанетта встретила известие о таком решении национального собрания презрительной улыбкой, и гневная молния сверкнула в ее взоре.

- Итак, господа третьего сословия достигли своей цели! - воскликнула она. - Они одни вызвали этот бунт, чтобы дать повод национальному собранию перебраться из Версаля в Париж, и поставили на своем. Но пусть не говорят мне, что это положит конец революции. Напротив, гидра протянется теперь все свои головы и растерзает нас. Но все равно, лучше быть растерзанной, чем преклониться перед ее властью!

И с высокой поднятой головой, со спокойным видом королева села в большую карету, в которой королевскому семейству предстояло ехать в Париж. Рядом с ней поместился король, между собой они посадили дофина. Против них сидели их дочь

Тереза, принцесса Елизавета и де Турзель, гувернантка “детей Франции”.

За ними длинной, необозримой вереницей тянулись: сначала артиллерийский обоз, а далее чернь, вооруженная пиками и саблями; тут были мужчины, покрытые пылью и кровью. Женщины с распущенными волосами, в разорванной одежде; большинство их было пьяно, изнурено беспутно проведенной ночью, продолжительным кликом и ликованием. Однако это не мешало людям орать хриплыми голосами непристойные песни или издеваться над королевской семьей. За дикими толпами народа шло двести солдат швейцарской гвардии и фландрского полка обезоруженных, без шляп и пероуязей; каждого из них вели по двое гренадер. Посередине этого шествия громыхали заряженные пушки, возле каждого орудия шло по двое солдат, под надзором мужчин из простонародия. Но еще страшнее свиты королевского экипажа были герольды, предшествовавшие ему. Этими герольдами служили самые неистовые и бешеные из среды валившей валом черни, которым хотелось поскорее возвестить Парижу, что революция в Версале унизила королевскую власть, что народ остался победителем. Герольды несли с собой кровавые трофеи этой победы — головы Варикура и Дехютта, верных швейцарцев, павших на службе королю. Эти головы, воткнутые на пики, несли двое мужчин из простонародия впереди шествия. Между ними с гордой, торжествующей миной шагал великан с длинной черной бородой, с обнаженными, забрызганными кровью руками и сверкающим взором. Его лицо и кисти рук были красны от крови, которой он умылся, а в правой руке он нес топор, с которого еще капала кровь. То был Журдан, заслуживший в этот день — после того, как он обезглавил обоих швейцарских гвардейцев — наименование “отрубателя голов”, которое сумел сохранить за собой в продолжение всей революции*.

Как буревестники, жаждавшие раньше всех возвестить Парижу триумф народа и раздраженные медленным движением королевского поезда, эти глашатаи победы с кровавым знаменем далеко опередили его. В Севре они остановились, но не для того, чтобы отохнуть или дождаться остальных. Нет, они потребовали парикмахера и приказали ему завить и напудрить отрубленные головы швейцарцев, для того — как с раскатистым хохотом объявил ликовавшим толпам черни Журдан — чтобы казненные могли вступить в столицу изящными кавалерами.

Пока таким образом впереди и позади августейших особ раздавались дикий крик, громкое пение и хохот, внутри кареты, занятой королевской фамилией, царило ненарушимое

---

* Журдан, отрубатель голов, до тех пор служил моделью для скульптуры и живописи в королевской академии.

молчание. Король прижался в уголок экипажа, не желая видеть страшные фигуры, подходившие от времени до времени к дверцам, чтобы заглянуть туда любопытными глазами или с язвительным смехом и двусмысленными остротами поглумиться над царственной семьей.

Но королева сидела прямо, с гордой, важной осанкой, мужественно смотря в глаза ужасу и не выдавая своих душевных мук ни малейшим вздрагиванием ресниц, ни самым легким вздохом своих пересохших, бледных губ.

“Нет, - думала она, - лучше умереть, чем обрадовать этот торжествующий, низкий сброд зрелищем своих страданий. Лучше упасть в обморок от истощения, чем жаловаться”

И у нее не вырвалось ни единой жалобы. Тем не менее, когда дофин, после четырех часов этого печального путешествия, обернулся к матери с умоляющим видом и произнес своим милым голоском: “Мама-королева, мне хочется кушать!” гордое выражение в чертах Марии Антуанетты исчезло и две крупных слезы медленно покатались по ее щекам.

Наконец, после восьми часов утомительной езды, страшный поезд прибыл в Париж. По пути его следования не было ни одного пустого окна. Дивясь и содрогаясь, смотрели парижские граждане на такое невиданное, странное зрелище - на короля и королеву Франции, привезенных насильно торжествующими подонками престонородия. Мрачный ужас овладел теми, которые отрицали до той минуты революцию и думали, что все снова войдет в обычную колею. Теперь никто больше не мог предаваться этой надежде, теперь даже самым боязливым приходилось признаться, что революция наступила и надо привыкать смотреть ей в глаза.

Медленно двигался поезд вперед, полз вдоль набережной, окаймляющей сад Тюильери. Гулявшая в саду публика поспешно взобралась на вал, который ограничивал в то время парк со стороны Сены; всем хотелось взглянуть на ужасную процессию, посмотреть, как разнузданный народ волочит за собой скованное королевство.

На лицах большинства этих зрителей читалось насмешливое злорадство, но некоторые из них бледнели, содрогаясь от гнева и скорби. В передних рядах, между прочим, стояло двое молодых мужчин: один в простом штатском платье, другой - в мундире подпоручика. Лицо молодого офицера было бледно, но светилось редкой энергией, а своим благородным, античным профилем и пламенными орлиными очами приковывало к себе каждый взор, интересовало всякого, кто смотрел на него.

Когда народ с воем, ревом и диким ликованием проходил мимо него, молодой офицер обратился к своему спутнику и с удивлением и негодованием воскликнул:

- О, Боже, возможно ли это, мой друг?! Неужели у короля нет пушек, чтобы расстрелять этот сброд?

- Друг мой, - с улыбкой возразил штатский, - припомни слова нашего великого поэта Корнеля: "Королю народ дает порфиру и отнимает ее у него, если ему вздумается".

- Ах, - улыбаясь подхватил молодой подпоручик, - раз полученное надо крепко держать! По крайней мере я, если бы мне пришлось когда-нибудь получить пурпур по милости народа, ни за что не отдал бы его обратно. Однако пойдем. мне противно смотреть на эту сволочь, которую ты важно величаешь народом.

Он схватил за руку друга и повернул к более уединенной части Тюильерийского сада.

Этот молодой поручик, с таким негодующим изумлением смотревший на процессию революции, проходившую мимо него, и предназначенный судьбой положить ей со временем конец, назывался Наполеоном Бонапартом.

Молодой человек, шедший с ним рядом и в свою очередь предназначенный судьбой произвести революцию, хотя только на театральных подмостках и направить драматическое искусство по новым путям, назывался Тальма.

XV

МАМА-КОРОЛЕВА

- Все проходит, все кончается, нужно только мужество, чтобы всегда помнить это, - с кроткой улыбкой сказала Мария Антуанетта, когда встала с постели на другое утро после своего прибытия в Париж и пила шоколад в импровизированной гостиной, где ей прислуживали приближенные дамы. - Вот мы устрелились в Тюильери и даже выпались, тогда как вчера были уверены, что погибли и только смерть может принести нам желанное успокоение.

- То был страшный день, - вздыхая заметила Кампан. - Но Вы, Ваше величество, героически перенесли все испытания.

- Ах, Кампан, - печально возразила Королева, - у меня нет честолюбивых притязаний прослыть героиней, и я была бы признательна судьбе, если бы она позволила мне с этих пор быть только женой и матерью, если я уже не могу оставаться королевой!

В эту минуту отворилась дверь: маленький дофин, в сопровождении своего наставника, аббата Даву, вбежал в комнату и бросился с распростертыми объятиями к Марии Антуанетте.

- О, мама-королева, - вкрадчиво воскликнул он, - уедем пожалуйста обратно в наш прекрасный замок! Здесь, в этом большом, мрачном доме отвратительно.

- Тихе, дитя мое, тихе! - сказала королева, прижимая к себе красавца-мальчика, - не надо так говорить! Ты должен приучаться быть довольным везде.

- Мама-королева, - прошептал ребенок, нежно прижимаясь к матери, - но ведь это - правда, что здесь отвратительно. Только я буду говорить о том совсем потихоньку, чтобы никто не услышал, кроме тебя. Однако скажи мне, кому принадлежит этот некрасивый дом и зачем будем мы тут жить, если у нас есть чудесный замок с великолепным садом в Версале?

- Сын мой, - вздыхая ответила Мария Антуанетта, - этот дом принадлежит нам; это - прекрасный и знаменитый дворец. Ты не должен говорить, что он противен тебе, потому что твой августейший прадед, великий король Людовик Четырнадцатый, жил в этом дворце, который называют Тюильерийским, и сделал его знаменитым по всей Европе.

- Ах, мне все-таки хотелось бы, чтобы мы уехали отсюда! - прошептал дофин Людовик Шарль, боязливо озираясь большими голубыми глазами в обширной, пустынной комнате, лишь скудно обставленной старомодной, полинялой мебелью.

- И мне хотелось бы того же, - вздыхая чуть слышно промолвила про себя Мария Антуанетта.

Однако тонкий слух ребенка уловил эти слова и он с удивлением спросил:

- И тебе? Разве ты уже не королева, мама, и не можешь больше делать то, что тебе хочется?

Пораженная в самое сердце этим невинным вопросом дофина, королева разразилась слезами.

- Принц, - сказал аббат Даву, приближаясь к своему царственному воспитаннику, - вот видите, Вы огорчаете королеву, а ее величеству нужно спокойствие. Пойдемте гулять!

Однако Мария Антуанетта крепко обняла ребенка и, прижав его белокурую головку к своей груди, возразила:

- Нет, нет, он не огорчает меня. Дайте мне выплакаться. Слезы приносят облегчение. Человек истинно несчастлив лишь тогда, когда утратил способность плакать, когда... Но что это такое? - перебила сама себя королева, поспешно вставая с кресла, - что значит этот шум?

В самом деле с улицы доносились громкий крик и ликование, вперемежку с ругательствами и угрозами.

- Мама, - воскликнул дофин, в испуге уцепившись за корслеву, - разве сегодня все еще вчера?

Дверь порывисто распахнулась и вошел король.

- Ваше величество, - воскликнула королева, - что случилось? Неужели опять возобновляются ужасные вчерашние сцены?

- Напротив, Мария, - пожимая плечами, возразил Людовик, - хотят привлечь к ответственности их зачинщиков. - В Тюильери прибыла депутация от суда Шатлэ, которая желает получить от меня разрешение преследовать виновных, а от Вас - некоторые показания насчет вчерашних происшествий. Народ провожал сюда уполномоченных, отчего и поднялся шум. Я пришел просить Вас, Мария, дать аудиенцию депутации Шатлэ.

- Как-будто нам предоставлена возможность отклонить ее, Ваше величество! - со вздохом произнесла Мария Антуанетта. - Народ, воюющий и ревуший на улице, служит теперь придверником тех, которые в насмешку спрашивают нас, согласны ли мы дать им аудиенцию. Мы должны подчиниться.

Вместо ответа король только пожал плечами и, отворив двери прихожей, приказал ожидавшему камергеру:

- Пусть войдут!

Обе половинки дверей распахнулись и громкий голос пристава возвестил:

- Господа судьи Шатлэ.

Медленной поступью, с почтительной миной, с наклоненной головой, вошли в комнату представители правосудия в своих длинных черных мантиях и смиренно остановились у порога.

Мария Антуанетта сделала несколько шагов вперед. На ее лице не было больше ни малейшего следа беспокойства и скорби. Она держалась прямо, гордо сверкала ее взор, благородно и величаво было выражение лица. Она по-прежнему была королевой, хотя и не окруженной торжественной помпой, которой, согласно этикету, обставлялись раньше в Версале официальные приемы. Она не стояла на обитой пурпурным бархатом верхней ступени трона, ее не освещал шитый золотом балдахин, увенчанный королевской короной, не окружал блестящий двор, сверкающий бриллиантами; возле нее был только муж, маленький сын прижимался к ней сбоку, а его наставник, аббат Даву, робко державшийся на заднем плане, составлял всю ее свиту. Но Мария Антуанетта не нуждалась в этой внешней пышности, чтобы быть королевой; врожденное величие сказывалось в ее осанке, взоре, в каждом движении. С благородным достоинством разрешила она депутации приблизиться к ней и говорить. Со спокойным вниманием слушала она слова уполномоченного, который выразил Марии Антуанетте от имени **высокого** судилища весь ужас, вызванный в нем преступными сценами вчерашнего дня. Затем он смиренно попросил королеву назвать ему тех из бунтовщиков, которые были

ей известны, чтобы схватить их. Но Мария Антуанетта прервала его речь:

- Нет, нет, никогда не стану я жаловаться на подданных короля!

Уполномоченный, почтительно поклонившись, произнес:

- В таком случае я прошу от имени высокого трибунала Шатлэ повелеть нам по крайней мере привлечь виновных к ответственности, так как без этого повеления мы не можем начать судебное преследование виновных.

- Я и не хочу, чтобы Вы преследовали кого-либо, - величаво промолвила королева. - Я все видела, все знала и все забыла. Ступайте, господа, ступайте! Мое сердце не ведает мстительности, оно простило всем, которые оскорбляли его. Ступайте!

Она повелительным жестом руки, легким наклоном головы отпустила депутацию, и та молча удалилась.

- Мария, - сказал король, с необычайной живостью схватив руку супруги и поднося ее к губам, - Мария, благодарю Вас от имени всех моих подданных. В эту минуту Вы поступили не как королева, но как мать моего народа.

- Ах, Ваше величество, - с тяжелым вздохом и печальной улыбкой возразила королева, - беда в том, что Ваши подданные видят во мне не мать, но своего врага.

- Они сбиты с толку, - сказал король. - Злоумышленники обманули их, но я надеюсь, что нам удастся вывести народ из его заблуждения.

- Ваше величество, - с новым вздохом произнесла Мария Антуанетта, - я не надеюсь больше ни на что, но, - прибавила она твердым голосом, - я и не боюсь ничего более. Пусть надо мной разразится самое худшее; я встречу его вооруженной.

Тут отворилась боковая дверь, вошла Кампан и доложила:

- Ваше величество, множество дам из Сэн-Жерменского предместья собралось в малом приемном зале и желает изъявить Вам свое нижайшее почтение.

- Я тотчас приму их, - почти радостно воскликнула Мария Антуанетта. - Вот видите, мой супруг, несчастье имеет свои утешительные стороны! Эти дамы из Сэн-Жерменского предместья раньше не жаловали меня: они не могли простить мне то, что я - австриячка. Сегодня же они почувствовали, что я - королева Франции и принадлежу к ним. Простите, Ваше величество, что я оставляю Вас, - и она удалилась поспешными, легкими шагами.

Король проводил ее грустным взором и пробормотал:

- Бедная королева, как мало ее понимают, как злобно клеветают на нее, а я не могу ничего изменить и должен мириться с этим!

С тяжелым вздохом, похожим на стон, он опустился в кресло, чтобы углубиться в ужасные воспоминания. Легкое прикосновение к его руке вывело его из задумчивости. Перед ним стоял дофин и серьезно смотрел на отца своими большими голубыми глазами.

- Ах, это ты, мой маленький Людовик Карл? - сказал государь, кивнув ему головой. - Что тебе надо от меня, дитя мое?

- Папа-король, - несмело ответил мальчик, - я хочу спросить тебя о чем-то очень важном.

- Очень важным? - повторил король. - Ну, посмотрим, в чем дело. Говори!

- Ваше величество, - глубокомысленно заговорил малолетний дофин, - госпожа де Турзель сказала мне однажды, что я должен очень любить французский народ и быть со всеми ласковым, потому что французский народ очень любит моих папу-короля и маму-королеву, и за это я должен выказывать ему свою признательность. Как же это вышло, государь, что народ рассердился на Вас и совсем не любит моей мамы? Что также сделали Вы оба, из-за чего народ пришел в гнев? Ведь мне говорили, что народ - это подданные Вашего величества, обязанные повиноваться Вам и почитать Вас. Между тем вчера эти Ваши подданные, вовсе не были послушны и почтительны. Как же это могло выйти, папа?

Король привлек маленького принца к себе на колени и, обняв его хрупкую фигурку, произнес:

- Я сейчас объясню тебе это, сын мой; слушай хорошенько!

- Я слушаю внимательно, Ваше величество, - с живостью подхватил принц, - по крайней мере хоть я буду покорным подданным моего короля, так как аббат Даву внушил мне, что я - не что иное, как подданный Вашего величества и обязан, в качестве сына и подданного, служить добрым примером французскому народу в том, как надо любить короля и повиноваться ему. И я очень люблю Вас, папа, и веду себя послушно, насколько могу, но мне кажется, что мой добрый пример не действует на прочих подданных. Отчего же это, папа-король?

- Оттого, сын мой, - ответил Людовик, - что нашлись злые люди, которые сказали народу, будто я не люблю его. Нам пришлось вести большие войны, а войны стоят больших денег. Поэтому я потребовал их от своего народа, как это делали всегда мои предки.

- Боже мой, - подхватил дофин, - зачем же ты, папа, сделал это? Отчего ты не взял денег из моего красивого кошечка, ты же знаешь, что он ежедневно наполняется новенькими блестящими франками и... Впрочем, - перебил сам себя мальчик, - тогда не осталось бы ничего для бедных детей,

которых я всегда одеваю на прогулке. Ах, этих бедняжек так много, что мой кошелек всегда пуст при моем возвращении домой, хотя я даю каждому ребенку не больше жалкого франка. Так у твоего народа есть деньги, папа, больше денег, чем у тебя самого?

- Дитя мое, короли получают все от своего народа, но зато и отдают ему в свою очередь все, что имеют. Король - поставленный Богом властелин и повелитель своего народа, которому народ обязан воздавать почести, оказывать повиновение, а также платить подати. Таким образом, когда королю понадобятся деньги, он вправе требовать их от своих подданных, налагаемая на них подать, или, как говорят "налоги". Понимаешь ли ты меня?

- Конечно, папа, - воскликнул ребенок, слушавший отца, затаив дыхание и не спуская с него взора своих больших глаз. - Я все хорошо понимаю, только это мне не нравится. По-моему, если ты - король, то тебе и должно все принадлежать, и у короля должны быть все деньги, чтобы он мог давать их своим подданным. Пусть они просят у него, а не он у них.

- В прежние более счастливые времена так оно и было, - со вздохом произнес король. - Но некоторые короли злоупотребляли своим могуществом и властью, и из-за этого их ограничили, так что король не может больше тратить деньги без согласия народа.

- А разве ты истратил их, папа, не посоветовавшись с народом? Не из-за того ли он пришел вчера в Версаль и так сердился, так ужасно сердился? Значит, те злые люди и были "народ", не правда ли?

- Нет, сын мой, - возразил Людовик, - надеюсь, то был не народ. Кроме того народ не имеет права являться ко мне таким образом, толпами, но должен говорить со мной через своих представителей. Представителей же народа я сам созвал к себе; это - национальное собрание, заседавшее в Версале. Я потребовал от них денег на расходы, которые должен сделать для народа, но они потребовали от меня таких вещей, которые я не могу позволить ни за себя, ни за тебя, мой сын и будущий преемник. После моего отказа явились злые люди и взволновали народ и внушили ему, что я не люблю его больше и хочу причинить своим подданным зло. И несчастные поверили тому, что им нагнали дурные советчики и клеветники, подстрекнувшие их к мятежу против меня. Но теперь все пойдет хорошо и мои подданные поймут, что я их люблю и готов делить с ними все. Поэтому я переехал в Париж, чтобы жить здесь среди моего народа. Конечно, здесь не так красиво, как в Версале, наши комнаты не так роскошны и удобны, как там, а главное тут недостает чудесных садов, где нам было так хорошо. Но мы должны привыкать к этому и мириться с необходимостью. Ос-

тальным парижанам живется здесь не лучше нашего, пускай же они видят, как искренне любит их король, который не задумался покинуть свой прекрасный Версаль, чтобы поселиться среди них и разделять с ними всякую нужду и неудобства.

- Папа-король, - воскликнул мальчик с заблестевшими глазами, - теперь я все понял и мне стыдно за свой недавний ропот. Обещаю Вам, Ваше величество, - продолжал он, с серьезной миной, положив руку на грудь, в виде клятвы, - обещаю Вам постараться подавать народу добрый пример и быть приветливым и учтивым со всеми. Никогда больше не стану я жаловаться на то, что мы живем в Париже, и постараюсь быть веселым и довольным.

Дофин действительно сдержал свое обещание. Он больше ни единым словом не упоминал о прежней чудесной жизни в Версале и как-будто совершенно забыл о том, что лишь недавно поселился в большом пустынном дворце, с мрачными залами, где неприветливо смотрели полинялая обивка стен, старинная мебель с потускневшей позолотой и жесткими подушками. Ребенок не роптал и на то, что для прогулки королевской семьи была отведена только небольшая замкнутая часть Тюильерийского сада, обнесенная железной решеткой, через которую часто доносились слова угрозы и были видны гневные, дышавшие ненавистью лица.

Однажды, услышав подобные возгласы и увидав злобные лица черни, дофин испугался и, ухватившись за мать, стал боязливо просить, чтобы его увели обратно во дворец. Однако Мария Антуанетта, вместо того, чтобы исполнить его желание, повела плачущего, испуганного мальчика дальше в сад. Дойдя до маленького павильона, который возвышался в углу сада со стороны набережной, королева уселась там на скамейку, посадила дофина перед собой на мраморный стол, вытерла своим платком его заплаканные глаза и стала нежно упрашивать его успокоиться и перестать бояться.

- Когда ты плачешь, дитя мое, - сказала, наконец, она печальным тоном, видя, что ребенок все еще не может преодолеть свои слезы, - когда ты плачешь, то я теряю всякое мужество и вокруг меня становится вдруг так темно и мрачно, точно солнце закатилось. Тогда мне хочется плакать вместе с тобой, а между тем это не пристало королеве. Злые люди станут радоваться видя наши слезы, и мы должны с гордостью скрывать свои страдания. Когда я вижу тебя в слезах, то меня покидают силы. Помнишь, как мы недавно ехали сюда из Версаля? Помнишь, как злые люди, окружавшие нас, смеялись надо мной и оскорбляли меня, твою мать? Я оставалась холодной и спокойной, но заплакала, когда ты, дитя мое, пожаловался на голод.

- Мама, - воскликнул ребенок с заблестевшими глазами, - я никогда больше не стану жаловаться, чтобы злые люди не радовались при виде твоих слез.

- Но с добрыми людьми, сын мой, ты должен быть всегда приветлив и предупредителен.

- Непременно буду, - задумчиво ответил дофин. - Только скажи мне, мама-королева, которые же люди добры?

- Считаю всех людей добрыми, Луи, - вздыхая сказала королева, - и потому будь приветлив со всеми. Если же они пренебрегут твоей добротой и приветливостью и оттолкнут их прочь, то ты не будешь виноват, а милосердный Бог и твои родители останутся довольны тобой.

- Мама, - с живостью подхватил принц, причем по его лицу, сиявшему деткой невинностью и красотой, промелькнула тень, - я не могу допустить, чтобы все люди были добры. Как они ругались вчера и кричали злые слова нам в карету и как нападали на тебя, моя милая мама-королева!

Они не придут к нам больше, Луи, нет! Будем надеяться, что злые люди больше не явятся, а те, которые посещают нас здесь, люди добрые. Поэтому будь со всеми ласков и обходителен, чтобы подданные твоего отца полюбили тебя и увидели, насколько благодетелен и учтив с самого детства их будущий король.

Хорошо, с жаром ответил дофин, я буду благодетелен и учтив со всеми, только ради того, чтобы ты была довольна мной, только ради того!

Тут вошедший пристав доложил о приходе генерала Лафайетта и парижского мэра де Бальи.

- Мама-королева, пробормотал принц, когда те вошли в павильон с разрешения Марии Антуанетты, - ведь это - тот самый генерал, который был тогда в Версале? Я не могу быть приветливым с ним, потому что он принадлежит также к злым людям.

- Тише, дитя мое, тише! прошептала королева. Ради Бога молчи, чтобы кто-нибудь не услышал! Генерал Лафайетт все еще принадлежит к нашим врагам, он не злой и желает нам добра. Будь как можно приветливее с ним, дитя мое!

Мария Антуанетта взяла сына за руку и с улыбкой на устах пошла навстречу пришедшим, чтобы осведомиться о цели их появления в такой необычный час и в таком месте.

- Государыня, - сказал Лафайетт, - я пришел просить Ваше величество соизволить указать мне, в какие часы будет Вам угодно посещать парк и сад, чтобы я мог сделать надлежащие распоряжения.

- Иными словами, генерал, подхватила королева, у меня отнимают возможность выходить в парк, когда мне взду-

мается, и я должна пользоваться чистым воздухом лишь в назначенное время, как узница в тюремном заключении?

- Простите, государыня, - почтительно вскричал генерал, - благоволите вспомнить, что спокойствие и безопасность Вашей высочайшей особы для меня священнее всего на свете, и я считаю первым долгом охранять Ваше величество от всякого оскорбления и неприятности.

- Так вот до чего дошло? - гневно воскликнула Мария Антуанетта, - королеву Франции приходится защищать от оскорблений и неприятностей! Она не смеет даже спуститься во всякое время в свой парк, так как ей угрожают обиды со стороны народа, если генерал Лафайетт не примет предварительно особых мер! Но если так, то не проще ли запереть ворота парка? Он составляет королевскую собственность, и королю наверно будет дозволено оградить свое имущество от грубых посягательств черни. Я сама позабочусь о том, генерал, чтобы оградить себя от оскорблений во всякое время, когда мне вздумается спуститься в парк и внутренний сад. Я попрошу его величество короля закрыть доступ сюда, как и в аллею вдоль набережной. Этим все будет сказано, и тогда по крайней мере мы получим возможность прогуливаться когда хотим не имея надобности предварительно уведомлять о том генерала Лафайетта.

- Государыня, - печально сказал Лафайетт, - я предвещал, что Вы сделаете мне это возражение, и потому пригласил с собой господина де Бальи в надежде, что он поможет мне умолить Ваше величество воздержаться от подобных мероприятий и не раздражать еще более и без того озлобленного народа.

- Значит, и Вы разделяете это мнение? - спросила Мария Антуанетта, обращаясь к парижскому мэру. - Вы также увидите насилие в том, что король воспользуется своим правом собственника, чтобы удалить из своих владений докучливых людей?

- К сожалению, Ваше величество, король отчасти не волен воспользоваться правом собственника, как Вы изволили выразиться.

- Уж не хотите ли Вы сказать, что король не имеет права, если захочет, запереть ворота Тюильерийского парка перед назойливыми посетителями?

- Государыня, - с легким поклоном ответил де Бальи, - я действительно принужден сказать это. - Король Генрих Четвертый даровал парижанам на вечные времена привилегию беспрепятственно пользоваться Тюильерийским парком для прогулок. Тюильерийский дворец, как известно Вашему величеству, был первоначально построен королевой Екатериной Медичи после смерти ее супруга и был отведен ей для жительства. В то время в народе ходили всевозможные рассказы о

равных ужасах, будто бы творившихся в здешнем парке. Так, говорили о лабораториях, где королева Екатерина Медичи заготавливала ядовитые снадобья, о павильоне, который служил у нее затенком для самых жестоких пыток, о подземельях, где топились заживо погребенные. Из-за этих слухов никто не осмеливался после заката солнца приближаться к здешним местам. Когда же королева Екатерина покинула Париж, а Генрих Четвертый по восшествии на престол поселился в Лувре, то повелел открыть парижанами Тюильерийский сад со всеми его ужасами и превратить его из королевского в народный на вечные времена, чтобы тяготевшее на нем проклятие превратилось в благословение.

- А теперь Вы полагаете, что значило бы снова превратить благословение в проклятие, если бы мы вздумали запереть ворота, отпертые Генрихом Четвертым?

- Да, я боюсь этого, государыня, и потому осмеливаюсь просить Вас не преграждать доступа народа в Тюильерийский сад и не отнимать у него пользование старинной привилегией.

- Не народ, но только мы должны быть лишены пользования садом! - с горечью воскликнула Мария Антуанетта. - Люди, называющие теперь народ настоящим королем Франции, конечно, правы, но они забывают, что этот новый король захватил трон лишь посредством измены, мятежа и убийства, а потому гнев Божий вместе с человеческой справедливостью со временем ниспровергнут его оттуда в прах под наши стопы. В надежде, что этот день наступит, я буду терпеливо и с непоколебимым мужеством переносить все, ниспосланное мне судьбой. Людская злоба и жестокость по крайней мере не в силах меня запугать, и не из страха соглашаюсь я унизиться до положения заключенной, которая будет с этих пор прогуливаться под охраной господина де Лафайетта, национального генерала, в указанные ей часы.

- Ваше величество, - бледнее воскликнул Лафайетт, - Ваше величество...

- Что такое? - перебила его королева, гордо закинув голову. - Ведь Вы были придворным и знали нравы и обычаи нашего двора до своего отъезда в Америку. Неужели тамошняя республиканская распущенность до такой степени помрачила Вашу память, что Вы даже забыли правило, запрещающее говорить в присутствии королевы, когда она не спрашивает Вас и не дает на то разрешения?

- Генерал, - поспешно и громко воскликнул в ту минуту дофин, проворно приблизившись к Лафайетту и протягивая ему свою руку, - генерал, мне хотелось бы поздороваться с Вами. Моя мама-королева сказала мне, что я должен быть приветлив со всеми, которые добры к нам и любят нас. А когда Вы вошли сюда с господином де Бальи, государыня сказала

мне, что генерал Лафайетт не принадлежит к нашим врагам, но желает нам добра. Итак, позвольте мне приветствовать Вас и пожать Вам руку.

Говоря таким образом и ласково улыбаясь генералу, дофин в то же время бросил умоляющий взор на королеву.

Лафайетт взял протянутую руку принца, и глубокое умиление внезапно отразилось на его разгневанном лице. Как будто под влиянием почтительного восторга, он неожиданно преклонив колени перед этим ребенком, лицо которого сияло невинностью, любовью и добротой, и прижал его руку к своим губам.

- Принц, - с глубоким волнением произнес генерал, - Вы заговорили со мной ангеольским языком, и я клянусь Вам и Вашей августейшей матери, что никогда не забуду этого момента и всегда стану вспоминать о нем, пока буду жив. Поцелуй, который я запечатлел на руке моего будущего короля, послужил в то же время печатью торжественной клятвы в неизменной верности и преданности моему теперешнему и будущему королю и всей королевской семье. И ничто не заставит меня уклониться от этих чувств, даже гнев и немилость ее королевского величества. Дофин Франции, сегодня Вы приобрели солдата для своего трона, который готов отдать за Вас и Ваш дом последнюю каплю своей крови и на верность и преданность которого Вы можете отныне рассчитывать.

Со слезами на глазах, с умилением на мужественном, благородном лице, смотрел Лафайетт на царственного ребенка, который в свою очередь с разгоревшимися щеками и милой смущенной улыбкой разглядывал своими большими, вдумчивыми детскими глазами сильного мужчину, так смиренно стоявшего перед ним на коленях. Позади него стоял де Бальи, опустив голову на грудь, сложив руки и благоговейно вслушиваясь в слова генерала, в сильных и твердых руках которого покоилась судьба государства и который был в то время самым могущественным и важным человеком во Франции, потому что парижская национальная гвардия еще повиновалась ему и исполняла его приказание.

Возле дофина стояла королева со своей прямой, гордой осанкой, но на ее лице была заметна удивительная перемена. Выражение гнева и презрения совершенно исчезло с него, туча, омрачавшая высокое чело, рассеялась, и оно снова сделалось чистым и ясным. Большие серо-голубые глаза, только что метавшие гневные молнии, сияли теперь кротким блеском, а на румяных губах блуждала та дивная улыбка, которая в счастливые дни вдохновляла любимцев королевы на прославление ее в стихах, но которую ее враги так часто ставили ей в упрек.

Когда генерал умолк, наступила тишина, красноречивая, торжественная тишина, свойственная таким моментам, когда гений мировой истории пронесится мимо людей и, задевая их своими крыльями, сковывает им язык и отвергает им духовный взор, чтобы они заглянули в будущее и с жутким трепетом увидели его тайны, как при вспышке молнии. Подобным историческим моментом был тот, когда Лафайетт клялся у ног дофина Франции в вечной верности королевской монархии, в присутствии несчастного парижского мэра, которому предстояло вскоре запечатлеть собственной кровью свою верность, и в присутствии королевы, величие которой должно было в скором времени смениться мученичеством.

Момент миновал, и Мария Антуанетта, наклонившись со своей восхитительной улыбкой к Лафайетту, кротко и ласково сказала:

- Встаньте, генерал! Бог услышал Вашу клятву, а я принимаю ее от имени французской монархии, от имени моего супруга, моего сына и от себя самой; Я буду помнить ее и надеюсь, что Вы также не забудете о ней. Прошу Вас кроме того, - продолжала королева, понизив голос и краснея, - простите меня за то, что я была несправедлива к Вам и упрекнула Вас. Я пережила столько печальных и ужасных дней, что мои нервы сильно расстроены и легко приходят в раздражение. Я конечно научусь переносить и черные дни и тепреливо склонять голову под ярмом, которое наложили на меня мои враги. Но я еще чувствую унижение, и гордые привычки моей жизни и моего происхождения возмущаются против этого. Но подождите, я привыкну.

Говоря таким образом, она наклонилась к дофину и поцеловала его золотистые волосы. Но при этом слеза капнула из ее глаз на лоб сына и заблестела на нем, как упавшая с неба звезда.

- Сохрани Бог, чтобы Вы, Ваше величество, привыкли когда-нибудь к унижению! - воскликнул глубоко взволнованный Лафайетт. - Я надеюсь, что худшие дни для нас миновали и после непогоды и бурь снова засияет солнце. Со стыдом и раскаянием оглянется народ на дикие и безумные сцены, до которых довели его подстрекательства бунтовщиков; он снова преклонится с любовью и покорностью перед королевской четой, которая с таким благородным доверием и преданностью отнеслась к нему и покинула свое прекрасное уединение в Версале, чтобы исполнить желание народа и переехать на жительство сюда в Париж. Соблаговолите, Ваше величество, спросить господина парижского мэра и он расскажет Вам, как глубоко тронуты все добрые граждане Парижа тем благородством, с каким Вы, Ваше величество, отклонили предложение

судей Шатлэ учинть следствие о злополучной, ужасной ночи в Версале и привлечь к ответственности зачинщиков смуты.

- Правда ли это, господин де Бальи? - с живостью спросила королева. - Неужели мое решение было одобрено? Неужели у меня есть друзья между парижскими жителями?

- Ваше величество, - с низким поклоном ответил мэр, - все добрые граждане Парижа с глубоким благоговением и умилением узнали о благородном поступке своей королевы и во всех благородных, верных сердцах неизгладимо запечатлелись слова, сказанные Вашим величеством судьям Шатлэ: "Я все слышала, все видела и все забыла". Со слезами умиления, со святой радостью повторяют их во всем Париже; они сделались лозунгом для всех благомыслящих и верных людей, евангелием любви и прощения для всех женщин, верности и преданности для всех мужчин. Теперь французы увидели и убедились, что трон Франции занимают не только красота и доброта, но прощение и кротость, и что Вы, Ваше величество, по справедливости, носите титул августейшей. Эти восемь слов, сказанных Вашим величеством, суть священное знамя для всех Ваших преданных слуг, и они постараются возвратить золотые дни, некогда сиявшие над Парижем, когда дофина Франции вступила в столицу, когда весь Париж ликовал, встречая ее, и будущей королеве Марии Антуанетте можно было по справедливости сказать: "Вот сто тысяч поклонников Вашей особы".

Королева не могла более скрыть свое глубокое волнение. Она, с мужеством, гордо и прямо смотревшая в лицо своим врагам и обидчикам, была тронута непривычными словами преданности и воодушевления; из ее груди вырвались легкий крик, судорожное рыдание и долго сдерживаемые слезы хлынули светлым потоком из ее глаз. Испуганная и пристыженная, закрыла она лицо обеими руками, но слезы неудержимо струились между ее белых, тонких пальцев. Они сдерживались так долго, что теперь, пробившись наружу против воли королевы, лились с удвоенной силой.

Но лишь на один момент гордая, мужественная королева позволила взять над собой верх кроткой, растроганной женщине; она быстро оправилась, осушила глаза и, подняв голову, произнесла:

- Благодарю Вас, благодарю Вас! Вы принесли мне отраду, и эти слезы были теперь первыми, вызванными не горем и не гневом. Кто знает, буду ли я еще когда-нибудь плакать такими же отрадными слезами! И кто знает, - продолжала она с тяжелым вздохом, - не обязана ли я ими скорее Вашему доброму желанию утешить меня, чем действительности! Теперь я одумалась. Вы говорите, что все добрые граждане Парижа повторяют мои слова, все благомыслящие люди довольны моим решением. Но я боюсь, что их число весьма незначительно и

минувшие золотые дни никогда не вернутся. Не служить ли доказательством тому Ваше сегодняшнее появление здесь? Ведь Вы пришли из-за того, что народ оскорбляет меня, глумится над мной, и Вы считаете нужным предложить мне свою защиту, которая теперь могущественнее, чем пурпур короля и лилия французского трона.

- Государыня, нужно дать время опомниться сбитому с толку народу, чтобы он снова мог вернуться на путь истины, - почти с мольбой сказал Лафайетт. - С ним надо поступать, как с упрямыми, избалованными детьми, которых легче привести к повиновению кротким увещанием и кажущейся уступчивостью, чем строгостью. Поэтому я осмелился просить Ваше величество, чтобы Вы соизволили вверить мне охрану своей священной особы и милостиво назначить час, когда Вы желаете гулять в здешних парках и садах, чтобы я мог сделать нужные распоряжения по долгу службы.

- Чтобы образовать шпалеру из Ваших национальных гвардейцев, под прикрытием которой королева Франции будет ограждена от ненависти народа и нападения ее врагов! - воскликнула Мария Антуанетта. - Нет, я не могу принять это предложение. Пусть видят по крайней мере, что я - не трусиха и не прячусь от тех, которые являюся нападать на меня.

- Ваше величество, - с волнением воскликнул де Бальи, - заклинаю Вас сделать это из сожаления к нам, ко всем Вашим верным слугам, которые трепещут за безопасность и спокойствие Вашего величества и которых Вы осчастливите, позволив господину де Лафайетту отстранить от Вас грубость народа и охранять Ваши прогулки.

- Довольно, господа, - нетерпеливо сказала Мария Антуанетта. - Вы знаете теперь мое неизменное решение, и нам нет надобности останавливаться дольше на этом предмете. Я не стану прятаться от народа и ставлю себя перед ним под защиту Единого Господа. Хранимая Им и вооруженная чистым сознанием, что я не заслужила ненависти и вражды, которыми меня преследуют, я буду всегда выступать перед подданными короля с открытой головой, и только Бог и судьба должны рассудить нас. Благодарю, Вас, господа, за Ваше усердие и предусмотрительность; будьте уверены, что я никогда не забуду этого. Но теперь прощайте! Становится холодно и мне пора вернуться во дворец.

- Не соизволите ли Вы, Ваше величество, разрешить нам обоим примкнуть к Вашей свите и проводить Вас до дворца? - стал просить Лафайетт.

- Я пришла сюда только в сопровождении двух лакеев, которые ожидают перед павильоном, - ответила королева. - Ведь Вы знаете, что я отменила придворный этикет, который требует, чтобы королеву сопровождали даже на ее прогулках

и не позволяет ей свободного наслаждения природой. Мои враги ставят мне в преступление и это; они находят непристойным, чтобы королева прогуливалась без блестящей придворной свиты, как обыкновенная смертная. Но я думаю, что народ не должен сердиться на простоту моих обычаев; ему следует понять из этого, что я вовсе не так горда и неприступна, какой меня стараются выставить. Итак, прощайте, господа!

Она сделала приветственный жест рукой по направлению к дверям, отпустила грациозным наклонением головы обоих сановников, и они удалились с печальным видом.

- Пойдем, сын мой, - сказала королева, - вернемся во дворец.

- Но по той же дороге, по которой мы пришли сюда, не правда ли, мама-королева? - спросил дофин, схватив протянутую ему руку матери и прижимая ее к губам.

- А ты не заплачешь, если люди начнут кричать и смеяться? Ты не будешь больше бояться?

- Нет. О, ты будешь довольна мной, мама-королева! Я в точности запомнил все, что ты говорила этим обоим господам, и очень рад, что ты не позволила господину де Лафайетту идти следом за нами. Тогда люди подумали бы, что мы боимся их, а теперь они увидят, что нам нисколько не страшно.

- Ну, пойдем, дитя мое! - повторила Мария Антуанетта, взяв сына за руку и собираясь покинуть павильон.

Но дофин остановился на пороге и с мольбой посмотрел на мать.

- Я хотел бы попросить тебя об одном, мама-королева.

- Говори; чего ты хочешь, мой маленький Луи?

- Я хотел бы, чтобы ты позволила мне идти одному, мама, иначе люди подумают, что я боюсь. А я хочу поступать, как рыцарь Баяр, о котором сегодня рассказывал мне аббат. Я хочу быть, подобно ему, без страха и упрека.

- Хорошо, мой доблестный рыцарь! - с улыбкой ответила Мария Антуанетта, - тогда иди один, рядом со мной.

- Нет, мама, если ты позволишь, я пойду впереди тебя. Рыцари всегда ходят впереди своих дам, чтобы отражать всякую опасность, которая представится им в пути. А я - твой рыцарь, мама-королева, и хочу им быть, пока жив. Итак, ты позволяешь, моя парственная дама?

- Позволяю! Ступай вперед, мой рыцарь Людовик Шарль! Мы пойдем по той же дороге, по которой пришли сюда.

Дофин поспешно перебежал площадку перед павильоном и миновал аллею, которая ведет к колоннаде со стороны набережной. Однако он остановился перед лесенкой, ведущей на эту колоннаду, и обернулся назад к королеве, которая спокойно и не торопясь следовала за ним, в сопровождении двух лакеев.

- Ну, что же, рыцарь Баяр? - улыбаясь, спросила она, - почему ты колеблешься?

- Я только ожидаю Ваше величество, - серьезно ответил ребенок. - Отсюда начинается моя рыцарская служба, потому что здесь опасное место.

- Правда, - подтвердила королева, остановившись у подножия лесенки и прислушиваясь к нестройному гаму, доносившемуся издали. - Это похоже на бурю, разгулявшуюся над океаном, когда режут волны и грохочет гром. Но ты знаешь, сын мой, что и бури находятся во власти Божьей, а Бог хранит тех, которые предаются Его воле. Помни это, дитя мое, и не бойся.

- О, я вовсе не боюсь! - воскликнул мальчик, взбегаая по ступеням с проворством газели.

Королева несколько ускорила шаг и, казалось, устремила все свое внимание на дофина, шедшего впереди нее с веселой беззаботностью; она как-будто не слышала происходившего вокруг нее. А между тем за решеткой, отделявшей колонну с левой стороны от набережной, стоял народ густыми толпами, и все эти сверкавшие глаза были устремлены на королеву, а слова ненависти, проклятий, диких угроз преследовали ее на каждом шагу.

- Смотрите, добрые люди, смотрите! - кричала женщина с распущенными волосами, ниспадавшими из-под ее круглой шапочки и спускавшимися на раскрасневшееся, среднее лицо, - смотрите, вот булочница, а идущий впереди нее - булочный мальчишка! Они могут наряжаться и веселиться, потому что им живется хорошо, и едят пирожное, тогда как мы голодаем! Но постойте, постойте! Все изменится и мы доживем еще до того, что булочнице придется голодать не хуже нашего. Но когда мы дорвемся до хлеба, то не дадим ей ничего! Нет уж, извините!

- Конечно не дадим! - редела, вопила и хохотала беснующаяся чернь.

И все теснились к решетке, а обнаженные руки и сжатые кулаки просовывались между железных прутьев и грозили королеве и шедшему впереди дофину.

"Выдержит ли он это? Не расплачется ли опять мое дитя от испуга?" - такова была единственная мысль, занимавшая королеву, пока она шла, сопровождаемая яростным ревом толпы; ее взоры были устремлены на одного дофина и ни разу не оглянулась она на решетку, за которой рычал и топал ногами народ, как стая диких львов.

Вдруг сердце королевы замерло от ужаса, и у нее захватило дыхание. Она увидела, как в том самом месте, где колоннада делает поворот, какой-то человек просунул свою обнаженную руку как можно дальше сквозь решетку и протя-

нул ее поперек дорожки в виде шлагбаума, преграждавшего путь.

Взор королевы перешел с этой страшной, обнаженной руки на дофина. Она заметила, как мальчик нерешительно замедлил шаги, остановился, а потом стал тихо подвигаться вперед.

Королева поспешила к нему, чтобы быть с ним рядом, когда дофин достигнет препятствия, преграждавшего ему путь. Народ за решеткой, видевший маневр этого человека, который просунул теперь через решетку уже свое плечо и согнул два железных прута, - народ внезапно прекратил свой рев, и оглушительный гам сменился напряженной, жуткой тишиной, как-то наступает порой во время грозы, когда она собирается с силами для нового, страшного грозового удара.

Каждый чувствовал, что соприкосновение этой угрожающей руки и приближавшегося легкой поступью ребенка, подобно соприкосновению стали с камнем, может вызвать искру, которая заставит вновь вспыхнуть пламя революции.

Это чувство заставило толпу притихнуть и оно же заставило королеву ускорить шаги, чтобы догнать дофина, прежде чем он поравняется со страшным подвижным шлагбаумом.

- Поди сюда, сын мой! - сказала Мария Антуанетта, - дай мне руку!

Но не успела она схватить маленького принца за руку, как он прыгнул вперед и остановился как раз перед протянутой огромной рукой.

- Боже мой, что он затевает? - пробормотала про себя королева.

В тот же миг в толпе за решеткой грянуло громкое, оглушительное "браво" и было подхвачено и повторяемо тысячей голосов.

Дофин протянул свою беленькую ручку, положил ее на загорелый кулак, обращенный к нему, и кивнул человеку, смотревшему на него так злобно.

- Здравствуйте, - громко сказал он, - здравствуйте! - и мальчик схватил своей рученкой руку рабочего и слегка потряс ее в виде дружеского приветствия.

- Маленький карапуз, - рявкнул этот человек, - что ты затеваешь? Как можешь ты класть свои маленькие когти на лапу льва?

- Я думал, что Вы подаете мне руку, и также подал Вам свою, чтобы поздороваться с Вами.

- Если бы я захотел, то раздавил бы твою руку в своем кулаке, как в тисках, - крикнул силач, не выпуская руки принца.

- Но ты не сделаешь этого, - подхватили сотни голосов из толпы. - Нет, Симон, ты не сделаешь вреда ребенку!

- А кто из Вас мог бы помешать мне, если бы я захотел? - с громким смехом спросил озорник. - Смотрите, вот я держу в кулаке руку будущего короля Франции и могу раздавить ее, если захочу, и могу сделать так, чтобы она никогда не могла поднять скипетр над Францией. Мальчуган сказал, что ему захотелось взять мою руку и оттеснить меня назад, а теперь моя рука схватила его и держит крепко. Знай, мальчик, что миновало то время, когда короли хватали нас; теперь мы хватаем их и держим крепко и не выпускаем, если нам так угодно.

В этот момент королева, отстранив повелительным жестом руки лакеев, подскочивших, чтобы освободить дофина, сказала Симону:

- Прошу Вас, уберите свою руку, чтобы мы могли продолжать нашу прогулку.

- Ах, и Вы тут, булочница? - воскликнул мастеровой, со злобным смехом. - Неужели мы снова встретились, и взор нашей прекраснейшей королевы опять устремлен на грязное, жалкое лицо такого презренного создания, каким должен быть в Ваших небесных глазах сапожник Симон?

- Так Вы - сапожник Симон? - спросила Мария Антуанетта. - Действительно, я вспоминаю теперь, что уже разговаривала однажды с Вами. Это было в тот день, когда я в первый раз привезла вот этого принца в собор Парижской Богоматери, чтобы Господь благословил его, а народ приветствовал дофина Франции. Вы стояли тогда у моей кареты.

- Да, это - правда, - ответил видимо польщенный Симон. - У Вас по крайней мере хорошая память, государыня-королева. Но Вы должны были запомнить и то, что я сказал Вам тогда: я - не мосье, но бедный сапожник, который в поте лица зарабатывает жалкий кусок хлеба, тогда как Вы красуетесь в гордом величии и убиваете время в праздности. В то время я также держал руку Вашей дочери в своей руке и она закричала от страха, только из-за того, что бедняк прикоснулся к ней.

- Но я, мастер Симон, как видите, вовсе не кричу, - улыбаясь возразил дофин. - Я знаю, что Вы не хотите причинить мне вред, и прошу Вас убрать свою руку, чтобы моей маме-королеве можно было пройти.

- А если я не захочу сделать то, о чем Вы просите меня? - задорно спросил сапожник. - Если я доведу до того, что Ваша мама-королева станет приказывать мне и, может быть, созовет солдат и велит им стрелять в отвратительный народ?

- Вы знаете, мастер Симон, что я никогда не даю и никогда не давала такого приказа, - с живостью подхватила королева. - Король и я - мы любим свой народ и никогда не приказали бы нашим солдатам стрелять по нему.

- Потому что Вы не можете быть уверены, государыня, что Ваши солдаты исполняют такое приказание, - засмеялся Симон.

- С тех пор как мы прогнали швейцарцев, не стало больше солдат, которые беспрекословно дадут растерзать себя за своего короля и королеву, и Вы отлично знаете, что после первых же выстрелов по нас народ растерзал бы стрелявших. Да, да, прекрасные версальские дни миновали; здесь, в Париже, Вы должны привыкать просить, вместо того чтобы приказывать, и достаточно руки одного человека из народа, для того чтобы удержать королеву и дофина Франции.

- Вы ошибаетесь, - возразила королева, гордое сердце которой не могло дольше выносить это унижительное принуждение, - королева Франции и ее сын не будут задержаны Вами на своем пути.

Она быстрым движением схватила дофина, одновременно с тем оттолкнув руку сапожника, проворно подняла мальчика с земли и, не дав Симону опомниться, прошла мимо.

Народ, который зарычал бы от бешенства, если бы Мария Антуанетта велела своим лакеям оттолкнуть сапожника, теперь, восхищенный этой энергичной и мужественной самостоятельностью королевы, разразился кликами восторга и радости при виде этой гордой, смелой женщины, у которой хватило решимости собственноручно отстранить забияку и освободиться от его нападения. Люди рукоплескали, смеялись, горланили: "Да здравствует королева! Да здравствует дофин!". И этот крик, и эти рукоплескания распространились как беглый огонь по линии зрителей, стоявших за решеткой вдоль набережной, и все взоры провожали высокую, гордую фигуру уходящей королевы.

Только взор сапожника Симона следил за ней с коварным и злобным выражением, а его стиснутый кулак грозил ей сзади.

- Она еще поплатится мне за это, - пробормотал мастеровой с бешеным проклятием. - Австриячка оттолкнула сегодня мою руку, но наступит день, когда она почувствует мою силу и когда я так крепко стисну лапу ее мальчугана, что он вззоет от боли. Теперь я верю тому, что так часто говорил мне Марат: пора отмщения наступила и мы должны добиться того, чтобы народ взял на себя управление страной. Я также хочу участвовать в этом, я ненавижу надменную красавицу-австриячку, которая считает себя лучше моей жены; и, когда наступит золотая пора, о которой говорил Марат, тогда Мария Антуанетта должна будет сделаться моей служанкой, а ее сын пусть будет у меня на побегушках!

Ворча таким образом про себя, Симон своими сильными локтями прокладывал себе дорогу в густой толпе и пробирался вдоль садовой решетки, чтобы как можно дольше следить своим злобным, пронизывающим взором за высокой фигурой королевы, которая удалялась теперь быстрыми шагами по колоннаде; ведя за руку дофина. Колоннада упиралась в ре-

шетку, окружавшую маленький сад, который был отведен для королевской семьи и в который вели чугунные ворота, украшенные гербом французских королей. Они были только притворены и Мария Антуанетта вошла через них в укромный уголок, еще спасенный для королевской семьи от навязчивости народа. Королева вздохнула с облегчением, когда увидела, что один из лакеев запер за собой эти ворота, и услышала скрип ключа, повернутого в замке.

Она остановилась на минуту, чтобы собраться с силами, почувствовав теперь дрожь и слабость в ногах. Она с удовольствием опустилась бы на колени, чтобы излить перед Богом все горе и муку своей души. Но за ней следовали два лакея, а возле нее стоял маленький сын, который смотрел на нее большими печальными глазами, тогда как с набережной доносился ужасный гул, похожий на шум разгулявшегося моря.

Королеве не подобало жаловаться, падать от изнеможения, ей следовало показывать сыну веселое лицо и поддерживать гордую осанку перед слугами. Только Бог мог заглянуть в ее сердце и увидеть слезы, кипевшие в нем. Но среди глубокой печали она испытывала чувство торжества, гордого удовлетворения. Она сохранила свою свободу, свою независимость, не сделалась пленницей Лафайетта. Нет, королева Франции не стала под защиту народного генерала, не дала ему права охранять ее ненавистными национальными гвардейцами и говорить им: "В такой-то и такой-то час королева Франции выходит на прогулку, и, чтобы она могла освежиться воздухом, мы будем защищать ее в это время от ярости народа". Нет, она защищала себя сама, она все еще оставалась королевой и одержала над народом победу, доказав ему, что он ей не страшен.

- Мама, - воскликнул дофин, прерывая ход ее скорбных и гордых мыслей, - мама, вот идет король, мой папа! Как он обрадуется, узнав, что я вел себя храбро!

Королева поспешно наклонилась и, поцеловав дофина, сказала:

- Действительно, мой рыцарь Баяр, ты сделал честь своему великому образцу и был маленьким рыцарем без страха и упрека. Но, дитя мое, истинный храбрец не хвалится своими геройскими подвигами и не жаждет, чтобы люди восхищались им из-за этого, но молчит и предоставляет другим рассказывать о своей доблести.

- Мама, и я буду молчать, - воскликнул мальчик с заблестевшими глазами. - О, ты увидишь, что я сумею молчать и вовсе не хочу хвалиться!

Между тем король, в сопровождении нескольких кавалеров и слуг, приближался с необычной поспешностью и в своем нетерпении поскорее добраться до супруги, шагал по клумбам, попирая ногами последние осенние цветы.

- Наконец-то Вы вернулись, Мария! - сказал он, приблизившись к королеве. - Я уже хотел спешить к Вам навстречу, чтобы привести Вас из парка сюда. Вы так долго пропадали, что я стал бояться за Вас.

- Бояться, Ваше величество? - спросила королева. - Какая же опасность могла грозить мне здесь, в нашем саду?

- Не старайтесь обойти меня, Мария, - со вздохом сказал Людовик, - я уже знаю все. Ненависть народа мешает нам даже пользоваться свежим воздухом. Лафайетт и Бальи были у меня после того, как Вы отпустили их. Они сообщили мне, что Вы не захотели послушать их обоюдные просьбы и дать генералу Лафайетту право охранять Вас во время Ваших прогулок.

- Надеюсь, что Вы, Ваше величество, довольны мной и находите, что я права, - поспешно сказала Мария Антуанетта. - Вы, как и я, чувствуете, что было бы новым поражением и унижением для нас, если бы мы позволили генералу национальной гвардии контролировать даже наше пребывание среди природы.

- Я думал только о том, что, оставаясь без охраны, Вы подвергаетесь опасности, - с некоторым замешательством ответил король. - Лафайетт изобразил мне настоящее положение вещей в таких мрачных и пугающих красках и его слова были так убедительны, что я прежде всего мог думать только о Вашей безопасности и стараться оградить Вас от нападений Ваших врагов и от ярости политических партий. Поэтому я одобрил предложение Лафайетта и разрешил ему охранять Ваше величество во время прогулок.

- Но Вы не назначили определенных часов для моих прогулок? Не правда ли, Ваше величество, ведь Вы не сделали этого?

- Конечно сделал, - коротко сказал король. - Мне знакомы Ваши привычки и я знаю, что осенью и зимой Вы прогуливаетесь между двенадцатью и двумя часами, а летом, в вечернюю пору, - от пяти до семи. Таким образом я назначил генералу Лафайетту это время.

Королева тяжело вздохнула и тихо произнесла:

- Ваше величество, Вы все туже и туже стягиваете цепи нашего заточения. Сегодня Вы сами ограничиваете нашу свободу двумя жалкими часами, подавая этим повод к новым стеснениям. Отныне мы будем прогуливаться два часа, под защитой Лафайетта, но наступит время, когда этой защиты будет недостаточно для нашей безопасности. Ведь королевская власть, выказывающая себя слабой и зависимой, не почерпывая в самой себе силы и заставляющая других поддерживать свою корону, - достигает этим лишь того, что ее корона колеблется и ей самой оказывается не под силу нести ее бремя. О, Ваше величество, было бы лучше, если бы Вы допустили на-

родную ярость растерзать меня во время одной из моих прогулок без надзора, чем разрешить мне гулять под охраной Лафайетта!

- Вы видите настоящее в слишком мрачном и печальном свете, - воскликнул король. - Все исправится, если мы будем благоразумно и обдуманно подчиняться обстоятельствам и успокаивать ненависть своевременной уступчивостью и подчинением; тогда вражда сама собой замолкнет.

Королева не ответила ни слова; она наклонилась к дофину и, поцеловав его локоны, прошептала:

- Теперь ты можешь все рассказать, мой Луи. Тебе нет больше надобности молчать, потому что молчание было бы напрасно. Итак, расскажи о своих геройских подвигах, сын мой!

- Здесь идет речь о геройских подвигах? - спросил король, тонкий слух которого уловил слова королевы.

- Да, Ваше величество, - подтвердила Мария Антуанетта. - Но с нами произошло то, что было с Дон Кихотом. Мы полагали, что отстаиваем свою честь и трон, теперь же выходит, что мы сражались с ветряными мельницами. Прошу Вас, Ваше величество, сообщить Лафайетту, что ему нет надобности требовать сюда из-за меня своих национальных гвардейцев. Я не стану больше выходить на прогулку.

И королева сдержала свое слово. В ту зиму она ни разу не спускалась в сады и парк Тюильери. Она не доставила Лафайетту случая охранять и защищать ее. Но она достигла этим по крайней мере того же самого, чего хотел достичь Лафайетт с помощью своей национальной гвардии: Мария Антуанетта отстранила от Тюильери народные массы. Сначала народ еще толпился там изо дня в день, обступая решетки парка и королевского сада, но, убедившись, что королева не показывается более перед его любознательными и злобными взорами, стал тяготиться напрасным ожиданием и удалился от королевской резиденции; зато участились посещения клубов, где Марат, Сантер и прочие ораторы из среды яростных республиканцев громили в своих речах королеву, осыпая ее словно градом отравленных стрел. В то же время в национальном собрании Мирабо и Робеспьер, Дантон, Шенье, Петيون и прочие признанные представители нации ошеломляли простонародье громкими филиппиками против королевской власти.

Прошла зима, печальная, мрачная зима для королевской фамилии, особенно для Марии Антуанетты. Во время зимнего сезона не было и помина ни о каких празднествах, ни о каких развлечениях и невинных радостях, обыкновенно украшающих жизнь женщины и королевы.

Мария Антуанетта уже не была королевой, которая повелевает и видит вокруг себя толпу почтительных придворных, готовых усердно ловить каждое слово, слетевшее с ее уст. Мария Антуанетта стала теперь серьезной, одинокой женщиной, она много работала, много думала, составляла множество планов для спасения королевства и трона, причем все эти планы разбивались о нерешительность и слабохарактерность ее супруга.

От королевы были далеки счастливые времена, когда каждый день приносил с собой новые праздники, новые увеселения, когда сияние солнца в летний день радовало ее, потому что обещало ей дивный вечер, одну из восхитительных идиллий Трианона. Братья короля, "школьный учитель" и "мэр" Трианона, покинули Францию и поселились по ту сторону Рейна в Кобленце. Полиньяки бежали в Англию. Княгиня Ламбал по желанию королевы, также отправилась туда для переговоров Питтом, чтобы молить всемогущего министра короля Георга III оказать тесному французскому королевскому дому более существенную и действительную помощь, вместо того, чтобы ограничиваться гневными и негодующими речами в парламенте против непокорной и мятежной французской нации. Графы де Безанваль и Куаньи, маркиз де Лозен, барон д'Адемар — все лучшие друзья счастливых летних дней Трианона, веселых зим Версаля — все, все разъехались; они бежали в Кобленц, ко двору французских принцев. Там они плели интриги, старались подстрекнуть Европу к войне с французами: отсюда они метали свои зажигательные факелы во Францию, факелы клеветы на Марию Антуанетту, австриячку. На нее одну должна была пасть вина за все бедствие, за расшатанность Франции. На ее голову падало проклятие, бремя всех ошибок и грехов, совершенных французским двором в целое столетие. Кто-нибудь должен был быть агнцем, которого нужно было принести в жертву революции, жаждущей крови и мести, и этой искупительной жертвой была намечена Мария Антуанетта. На ней, на королеве Франции, должны были сорвать свой гнев ожесточенные сердца; она должна была поплатиться за то, что сделали дурного ее предшественники на троне. Справедливость попиралась ими долго с полной безна-

казанностью во всех видах, и французская нация была вправе пылать гневом, подниматься с яростным рычанием, подобно давно укрощенному льву, когда тот, слишком измученный железным прутом своего сторожа, наконец, выпрямляется во весь рост и, собрав всю свою дикую силу, с бешеным наслаждением растерзывает мучителя, от которого он так долго, так много терпел.

Французский народ восстал, расвирепевший лев размахивал гривой и был готов отомстить тем, которых он так долго называл своими господами и повелителями.

Чтобы успокоить льва, жаждущего крови и мести, нужно бросить ему добычу - принести человеческую жертву ради примирения.

Мария Антуанетта должна была стать жертвой голодному льву; ее кровь должна была пролиться за грехи Бурбонов. На ней нужно было сосредоточить весь гнев, все негодование, всю ярость народа; ее одну следовало обвинить во всех бедствиях и несчастиях Франции; она должна была утолить жажду мести голодного льва, чтобы, когда он насытится, можно было снова сделать его уступчивым и терпеливым, привести к раскаянию и опять заковать в цепи; хотя он и разорвал их в своей ярости, но должен примириться с ними, когда угар бешенства у него пройдет.

Королева! Королева была виновата во всем! Мария Антуанетта обесславляла королевство, австриячка навлекла на себя ненависть французской нации, и она должна была поплатиться за это, она одна!

Пасквили и памфлеты сочинялись бывшими друзьями, бывшими придворными кавалерами королевы и летели во Францию, чтобы сначала погубить ее честь, ее доброе имя, а потом отдать ее в жертву насмешникам и презрению. Расчитывали на то, что когда лев утолит свою ярость, натешит свою ненависть над Марией Антуанеттой, тогда он придет к раскаянию и снова покорится своему королю, после чего настанет пора для королевских принцев вернуться во Францию, в их любимый Париж.

Граф Прованский был непримиримым врагом королевы; он никак не мог простить ей, что она овладела сердцем короля, своего супруга, и лишила всякого влияния его мудрого брата. Граф Прованский был честолюбив и умен. Он видел, что перед тронном с лилиями разверзлась пропасть, которая не закроется. Значит, надо было постараться засыпать ее. Он думал, что примирение между королевской властью и нацией не могло больше произойти естественным путем, значит, надо было прибегнуть к искусственному способу. По его мнению, Людовика Шестнадцатого уже не удалось бы спасти, а Марию Антуанетту и не следовало спасать; значит, они оба должны были

послужить для засыпки пропасти, зиявшей между трювом с льлиями и французским народом, когда же она будет засыпана, то откроется путь для графа Прованского, преемника своего брата.

Граф д'Артуа был некогда другом королевы, единственным членом королевской семьи, благоволившим к ней и порой защищавшим ее от ненависти царственных тетюшек, золовок и умного братца. Однако, поселившись в Кобленце, граф д'Артуа сделался непримиримым врагом Марии Антуанетты. Ему так настойчиво твердили со всех сторон, будто королева одна виновата во всем, благодаря своему легкомыслию, расточительности, интригам, будто она одна вызвала революцию, что граф, наконец, поверил и с гневом отвернулся от невестки, тягчайшее преступление которой в глазах принца заключалось в том, что она подала повод к вынужденному изгнанию принцев в Кобленц.

И Марии Антуанетте были известны все эти интриги, затеваемые против нее в Кобленце; она знала о всех клеветах, распускаемых отсюда на ее счет, прочитывала все пасквили и памфлеты, которые бурный ветер революции стряхивал с засохшего дерева монархии, как увядшие, пожелтелые осенние листья, и рассеивал по всей Франции, чтобы их повсюду находили и прочитывали.

- Они убьют меня, - часто вздыхала королева после чтения этих пропитанных ненавистью, написанных кровью памфлетов, - да, они убьют меня, но вместе со мной погубят и короля, и монархию. Революция восторжествует над всеми нами и всех нас сведет в могилу.

Но ей хотелось еще попробовать одолеть революцию и воздвигнуть монархию из ее унижения. Император Иосиф Второй, ее брат, сказал однажды о себе: - "Я - роялист, потому что того требует мое ремесло". Но Мария Антуанетта была роялисткой не потому, чтобы того требовало ее "ремесло", а роялисткой по убеждению, роялисткой по уму, по чувству, от всей души, И потому она хотела защищать монархию и бороться против революции до тех пор, пока одолеет ее или будет поглощена ею сама.

Все ее старание, вся нежная заботливость были направлены на то, чтобы вдохнуть в супруга одушевляющее ее мужество, одушевить его огнем, пылавшим в ее душе, Но к несчастью Людовик Шестнадцатый, будучи добрым мужем, отличным отцом семейства, не был настоящим королем. Он, конечно, желал укрепить монархию, но ему недоставало для этого энергии, сильной воли. Вместо того, чтобы одолеть революцию гневным мужеством, он старался примирить ее кроткой уступчивостью, мягкой предупредительностью и вместо того, чтобы давать отпор, он подчинялся ей.

Но Мария Антуанетта не могла и не хотела отказаться от своей надежды. Так как король бездействовал, то она хотела действовать за него; так как он не вел политики, то она хотела вести ее вместо него. С пылким усердием ударилась она в дела, политику, ежедневно целыми часами вела переговоры с министрами, приверженцами двора, вела заграничную корреспонденцию, переписывалась со своим братом, императором Леопольдом, со своей сестрой, королевой Каролиной Неаполитанской, писала им шифрованным шрифтом, неизвестным никому, кроме них одних, и через тайных агентов, рекомендованных верными людьми, посылала эти письма своим родственникам, умоляя их прийти на помощь монархии.

Теперь дни королевы проходили в серьезной деятельности, в непрестанной заботе и занятиях. Она перестала петь и смеяться. Наряды утратили для нее всякую прелесть; она прекратила совещания со своей портнихой Бертен; ее парикмахер Леонар не имел больше надобности напрягать свой гений, чтобы придумывать новые прически для прекрасных белокурых волос королевы; ее туалет составляло простое темное платье, кружевная косыночка, перо - весь ее головной убор.

Некогда она, разумеется, радовалась своей красоте и улыбалась лести зеркала, когда оно отражало ее собственный образ. Но теперь Мария Антуанетта равнодушно смотрела на свое усталое, бледное лицо с резкими, серьезными чертами, и не чувствовала сожаления, когда зеркало говорило ей, что королева Франции, несмотря на свои тридцать шесть лет, - уже старуха, что розы на ее щеках поблекли, что житейские заботы наградили ее преждевременными морщинами. Но она не печалилась о своей отцветшей красоте, смотрела даже с удовольствием на себя, тридцатилетнюю матрону, прекрасные белокурые волосы которой поседели в страшную ночь пятого октября. Королева приказала написать свой портрет, чтобы отправить его самой верной из ее приятельниц, княгине Ламбаль, в Лондон, и собственноручно начертала под ним слова: "Страдания убелили ее волосы".

Однако и в этой жизни, полной забот, труда, горя и унижения, и в эти мрачные дни печали и покорности судьбе были свои радости, единичные моменты счастья.

Такой радостью, после печальной первой зимы в Тюильери, было разрешение, полученное королевской семьей от национального собрания, перебраться в Сэн-Клу на лето. Разумеется, было новым унижением, что королю понадобилось позволение для переезда в его собственный замок, но вель национальное собрание именovalo себя опорой трона, и король, занимавший этот шаткий трон, должен был волей-неволей привыкать к зависимости от его опоры!

В Сэн-Клу по крайней мере можно было пользоваться некоторой свободой, уединением и тишиной. Птицы пели в кустарниках, солнце заливало своим сиянием обширные залы замка, где немногие преданные люди собирались вокруг королевы, которая чувствовала здесь, на своем челе, хотя слабый отблеск минувшего великолепия. В Сэн-Клу она все-таки была опять королевой, имевшей свой двор. Но как мало походил он на прежний! Не было ни веселого смеха, ни веселого пения в этих пустых, гулких залах; прелестные женщины в легких, воздушных, летних туалетах уже не порхали среди цветов, барон Адемар не садился теперь за спинет, чтобы исполнять своим прекрасным голосом чудные арии из оперы Гретри "Ричард Львиное Сердце", в которой изображался апофеоз королевской власти, а певец Гара приводил в восторг весь Париж, и не только Париж, но даже Версаль, а в Версале - королевский двор.

Сам Людовик Шестнадцатый был приведен в восторг арией, которую так восхитительно исполнял Гара своим мягким, великолепным голосом: "О, Ричард, о, мой король!". Эта ария создала однажды в театре шумный триумф самому королю. Дело было так: когда Гара запел эту арию, то обратил лицо и взор к королевской ложе, где сидела королевская семья. При виде этого публика пришла в энтузиазм, встала с места и сотни лиц обратились к королю и голоса всех присутствующих слились в громком, ликующем пении: "О, Ричард, о, мой король!".

Людовик Шестнадцатый почувствовал благодарность к храброму певцу, у которого в то смутное время хватило мужества публично изъявить свою преданность королю, и, по просьбе королевы, стал приглашать Гара на частные концерты при Версальском дворе и даже разрешил Марии Антуанетте брать у него уроки пения.

Королева вспомнила теперь об этих счастливых днях минувшего в тихом, безмолвном, музыкальном зале, где инструменты молчаливо стояли по стенам и где не было артистических рук, чтобы извлекать из них бывшие веселые мелодии.

- Лучше бы мне никогда не петь дуэтов с Гара, - бормотала про себя королева. - Король дал мне на то разрешение, но я не должна была делать это. Королева не имеет права быть принужденной, веселой и счастливой; она может заниматься даже искусствами только сама для себя, в тиши своих комнат. Зачем я пела с тенором Гара?

Она села за спинет и открыла его. Ее пальцы скользили по клавишам, и в первый раз после долгих месяцев молчания зал вновь огласился звуками музыки.

Но - увь! - эта музыка не была веселой: пальцы королевы извлекали из инструмента только грустные звуки, скорбные

жалобы, однако и они напоминали ей о счастливых временах, когда королева Франции могла еще быть покровительницей искусств, когда она принимала в Версале своего бывшего учителя, великого маэстро Глюка*, когда она со своим двором держала его сторону против итальянского маэстро Люлли, когда весь Париж разделился на два враждебных лагеря - глюкистов и люллистов, которые вели между собой отчаянную борьбу. Счастливый Париж! Тогда только интересы искусства занимали умы, и борьба мнений велась лишь посредством перьев! Королеве и ее могущественному влиянию Глюк был обязан постановкой своей оперы "Альцеста", но люллисты на первом представлении одержали победу и "Альцеста" потерпела фиаско. Вне себя, близкий к отчаянию, покинул композитор оперный театр и бросился бегом по темной улице. Один приятель последовал за ним, остановил его и стал уговаривать. Но Глюк пылко перебил его. "О, друг мой, - воскликнул он, бросаясь к нему на грудь, - "Альцеста" провалилась!". Но друг, нежно прижав его к себе, возразил: "Нет, "Альцеста" упала только с неба на землю".

Королева вспомнила о том, сидя за своим спинетом, вспоминала, как был взволнован Глюк, когда передавал ей ответ своего друга, который был не кто иной, как барон Адемар.

В благодарность за меткое слово она протянула ему руку для поцелуя, и Адемар, преклонив колено, прижал руку королевы к губам. Это был тот самый барон Адемар, который помогал теперь принцам в Кобленце сочинять пасквили, направленные против нее, и конечно, был автором того мерзкого памфлета, который высмеивал уроки пения Марии Антуанетты и бичевал ее дуэты с Гара.

Тихо скользили пальцы королевы по клавишам, тихо кастились по ее бледным, впалым щекам две слезы, вызванные воспоминанием об этих людях, и ее сердце переполнялось горечью. Но нет, она не хотела плакать и поспешно смахнула предательские слезы.

"Прочь, прочь", воспоминания о людской неблагодарности и измене! Только одним искусством, гениальным Глюком и "Альцестой" должны быть заняты в этот час мысли королевы!"

Сильнее ударили ее пальцы по клавишам спинета: она заиграла великолепную жалобу любви Альцесты. Невольно раскрылись при этом ее уста и она запела своим звучным голосом, с глубоким, страстным выражением скорби:

Oh, crudel, non posso in vere, tu lo sui, senza dite.

---

* Христоф Виллибальд Глюк (1714-1787 гг.) - знаменитый немецкий композитор, в свое время явившийся реформатором оперы.

При первых звуках чудного пения, дверь в глубине зала, выходящая в сад, тихонько отворилась, и в ней показалась белокурая, кудрявая головка дофина. За ним стояли де Турзель и принцесса Елизавета, которые, подобно принцу, притаив дыхание, слушали арию.

Когда же голос Марии Антуанетты замер в скорбном вздохе, дофин бросился к матери через зал с распростертыми объятиями.

- Мама-королева, - сияя радостью, воскликнул он, - ты опять поешь! Я уже думал, что ты разучилась петь. Но ты опять запела, и мы все снова счастливы.

Мария Антуанетта заключила мальчика в объятия, не противореча ему, и с улыбкой кивнула обеим дамам, которые теперь приблизились и стали извиняться в том, что уступили просьбам дофина и осмелились зайти сюда без позволения.

- О, милая мама-королева, - заговорил дофин, ласкаясь к матери и покрывая поцелуями ее руки, - сегодня я учился очень прилежно; аббат доволен мною и похвалил меня, потому что я хорошо писал и делал арифметические задачи. Не наградишь ли ты меня за это, мама-королева?

- Какой же награды желаешь ты, дитя мое? - улыбаясь спросила Мария Антуанетта.

- Прежде обещай, что ты не откажешь мне.

- Хорошо, обещаю, мой маленький Луи. Говори же, чего ты хочешь!

- Мама-королева, прошу тебя: Спой мне песенку и позволь моим обоим приятельницам послушать ее.

- Хорошо, я спою, - ответила Мария Антуанетта, - и пусть наши милые приятельницы слушают вместе с тобой.

Лицо мальчика просияло от радости; с серьезной поспешностью подкатил он кресло к самому спинету и с важной миной уселся в него. Елизавета опустилась возле него на табурет, а де Турзель встала за креслом дофина, опираясь на его спинку.

- Ну, пой теперь, мама, пой! - попросил дофин.

Мария Антуанетта кивнула ему и заиграла прелюдию, а когда ее взоры обратились теперь на группу слушателей, они просияли радостью и бросили благодарный взгляд на него.

За минуту перед тем королева чувствовала себя одинокой, с болью в сердце вспоминала об отсутствующих друзьях, и вдруг судьба как-будто вздумала напомнить ей о счастье, которое еще не было отнято у нее суровым жребием; она послала ей сына и невестку, нежно любивших ее, и кроткую, любящую де Турзель, которая, как знала Мария Антуанетта, никогда не изменила бы ей и не покинула бы ее.

Дофин сначала слушал ее пение, затаив дыхание и не спуская с матери взора своих больших глаз, но потом его веки

невольно опустились и он сидел неподвижно, с серьезной миной, в своем кресле. Заметив это, Мария Антуанетта запела колыбельную песню, сочиненную Беркеном и прелестно положенную на музыку Гретри. Как тихо было в музыкальном зале, как сильно и трогательно звучал голос королевы, когда она запела заключительную строфу:

*“Усни, дитя, смежи спокойно очи,
Чтоб плачем мне души усталой не терзать,
Одна с тобой под кровом темной ночи,
И без того твоя страдает мать”.*

Слушатели сидели, как очарованные, даже после того, как пение Марии Антуанетты давно замолкло.

- Ах, посмотрите пожалуйста, - воскликнула вдруг с улыбкой принцесса Елизавета, - кажется, наш Луи заснул!

Но ребенок поспешно поднял голову и, сердито посмотрев на молодую, улыбающуюся принцессу, с упреком воскликнул:

- Ах, милая тетя, разве можно спать, когда мама-королева поет?

Мария Антуанетта привлекла ребенка к себе, и ее лицо просияло счастьем. Самые пламенные похвалы ее придворных не доставляли ей такого удовольствия, как эти простые слова белокурого мальчика, обнявшего ее шею и нежно прильнувшего к ней.

Королева Франции почувствовала себя все еще богатой, достойной зависти женщиной, потому что у нее были дети, которые любят ее; она сказала себе, что не должна унывать и робко заглядывать в будущее, так как будущее принадлежит ее сыну. Столь шаткий и ненадежный теперь трон должен со временем принадлежать ему, кумиру ее сердца; значит, ей следует собрать всю свою силу, воспользоваться всеми доступными ей средствами, чтобы отстаивать это наследие предков для дофина Франции. Иначе трон французских королей рухнет в пропасть, вырытую революцией.

Нет, дофин Людовик Шарль не должен со временем упрекать своих родителей, не должен иметь повод жаловаться, что они подвергали опасности его корону или даже лишили ее своего сына, благодаря отсутствию у них мужества и энергии.

Нет, ей не следует унывать, падать духом, даже если ее супруг, король Франции, теряет бодрость и готов смиренно склонить свою голову помазанника под ярмо революции, которое хотят возложить на него герои и ораторы избранных нации во имя блага Франции.

Она, королева, обязана вдвойне заботиться обо всем, энергично действовать, мужественно держать голову высоко, зорко смотреть во все стороны, в надежде, не покажутся ли откуда-нибудь помощь и спасение.

Не извне должна явиться эта помощь, не от чужих монархов, не от бежавших принцев. Приближающиеся к пределам Франции чужие армии заклеямили бы позором призвавшего их короля, как изменника перед народом, и, прежде чем они переступили бы границы государства, народная ярость уничтожила бы королевскую чету, не дав времени чужеземцам подоспеть ей на выручку.

Только от тех, которые вызвали смуту, может еще явиться помощь. Главарей революции, возвысивших свой грозный голос против королевской четы, - вот кого следует привлечь на свою сторону, чтобы они заступились за нее!

А кто же был могущественнее, влиятельнее из всех этих главарей, из всех ораторов национального собрания, как не граф Мирабо? Когда он поднимался на ораторскую трибуну, то все смолкало, и даже его противники с почтительным вниманием прислушивались к его речам, находившим во Франции громкий отклик. Когда он говорил, когда с его уст срывались громы красноречия, как буря возмущенного гения свободы, то в его глазах вспыхивали молнии, а его голова напоминала голову разъяренного льва, который потрясая гривой, ниспровергает своим гневом все, стоящее у него на пути. И французский народ любит этого льва и в благоговейном молчании прислушивается к громовым раскатам его речей, от которых содрогается трон. Народ всякий раз встречал ликованием своего кумира, боготворил графа Мирабо, который швырнул в лицо своей собственной касте слова: "Они ничего не сделали, кроме того, что побеспокоились родиться на свет". Народ любит этого аристократа, которым гнушаются его родная семья и люди его круга, этого графа, ненавистного аристократии из-за пламенной приверженности к нему третьего сословия.

XVII

МИРАБО

- Надо привлечь на свою сторону графа Мирабо, - осмелился однажды сказать Марии Антуанетте граф де Ламарк, - граф Мирабо теперь - самый могущественный человек во Франции и он один может снова привлечь симпатии нации к трону.

- Он - главный виновник того, что нация отшатнулась от трона, - вспыхнув гневом, воскликнула королева. - Этот отступник недостоин прощения. Никогда король не снизойдет до того, чтобы простить человеку, который преступно исповедует новую религию свободы и отрекается от веры своих отцов.

- Ваше величество, - с печальным вздохом возразил граф де Ламарк, - в руках этого отступника находится, пожалуй, будущее Вашего сына.

Королева вздрогнула, и гордое выражение в ее чертах смягчилось.

- Будущее моего сына? - пробормотала она. - Что Вы хотите сказать этим? Какое отношение имеет граф Мирабо к дофину? Только нас преследует его гнев, его ненависть. Я не спорю, что в настоящее время он обладает могуществом, но над будущим у него нет власти. Мало того, я надеюсь, что будущее отомстит Мирабо за то зло, которое он причинил нам в настоящем.

- А если бы и так, государыня, то какую пользу принесла бы Вам постигшая его кара? - печально спросил граф де Ламарк. - Храм, задавивший Самсона, не отстроился вновь из-за того, что виновник его разрушения погиб сам под его развалинами. Он остался лежать во прахе и его великолепие было уничтожено. Заклинаю Вас, Ваше величество, не слушайте голоса своего праведного гнева, но послушайте советов благоразумия. Заставьте замолчать свое благородное, царственное сердце; стремитесь, Ваше величество, лучше к примирению вместо наказания.

- Чего Вы требуете от меня? - спросила удивленная Мария Антуанетта. - Что должна я сделать?

- Ваше величество, Вы должны укротить льва, - прошептал граф. - Вы должны соизволить превратить своего врага - Мирабо - в преданного, полезного друга.

- Невозможно, невозможно! - с ужасом воскликнула королева. - Я не в силах унизить до такой степени свое достоинство, не могу приветливо взглянуть на это чудовище, виновное во всех мерзостях октябрьских дней! Об этом человеке, который обязан своей славой гнусному преступлению, об этом неверном сыне, неверном супруге, неверном любовнике, неверном аристократе и неверном роялисте я не могу говорить иначе, как с отвращением, презрением и ужасом. Нет, лучше умереть, чем принять помощь от Мирабо! Разве Вам неизвестно, граф, что он удостоил меня - свою королеву - своей неприязнью, своим пренебрежением? Разве не Мирабо сумел устроить так, что в народном собрании говорилось только: "Личность короля неприкосновенна", без прибавления: "а также и королевы"? Когда же мои друзья напомнили ему о сдержанности и просили этого человека смягчить свои слова о королеве Франции, разве не Мирабо согласился на то как будто из милости и сказал, пожимая плечами: "Ну, пусть себе она остается в живых!"? Разве не Мирабо был виновником октябрьских дней, не Мирабо сказал публично: "Король и королева

погибли, народ ненавидит их до такой степени, что будет колотить даже их трупы”?

- Ваше величество, Мирабо сказал это, но не в виду угрозы, а с сожалением, с сильнейшей тревогой и заботливым сочувствием.

- Сочувствием? - подхватила королева. - Мирабо, который ненавидит нас!

- Нет, Ваше величество, Мирабо, который чтит свою королеву, который готов рисковать жизнью за нее и за монархию, если Вы, Ваше величество, простите ему и соблагovolите принять его в число защитников трона.

Королева содрогнулась и, посмотрев с удивлением и испугом в лицо взволнованного графа Ламарка, переспросила:

- Ведь Вы говорите о Мирабо, - спросила она, - о народном трибуне и вдохновенном ораторе национального собрания?

- Я говорю о графе Мирабо, который не дальше, как вчера, был врагом трона, а сегодня делается его ревностным защитником, если только Вы согласитесь, Ваше величество, обратиться к нему с единым милостивым словом.

- Этого не может быть! - пробормотала королева.

- С тех пор как Мирабо стал чаще видеть Вас, Ваше величество, - продолжал Ламарк, - и имел случай восхищаться Вашим гордым мужеством, Вашим благородным самоотвержением, в его душе произошла большая перемена. Он укрощен, как лев при встрече с огненным взором чистого создания. Он хотел бы исправить сделанное им зло, хотел бы примирить враждующие партии; он пишет и говорит о своей высокой королеве с восторгом, с энтузиазмом, он пылает пламенным желанием с клятвой отречься у ног Вашего величества от своих прежних грехов и получить Ваше прощение.

- Знает ли о том король? - спросила Мария Антуанетта. - Говорили ли Вы ему про это?

- Я никогда не позволил бы себе говорить Вашему величеству о подобных вещах, если бы король не дал мне на то разрешения, - с поклоном ответил граф де Ламарк. - Его величество считает необходимым склонить Мирабо на свою сторону и надеется, что его августейшая супруга будет содействовать ему в том.

Мария Антуанетта печально покачала головой, а затем со вздохом сказала:

- Я переговорю сама с его величеством, но подчинюсь в данном случае лишь крайней необходимости; заявляю Вам это заранее.

Между тем крайняя необходимость наступила, и когда Мария Антуанетта убедилась в том, то сдержала слово и не отказывалась больше подчиниться обстоятельствам. Она пору-

чила графу де Ламарку сообщить его другу, Мирабо, что она согласна дать ему аудиенцию.

Но для того, чтобы эта аудиенция могла принести пользу, ее следовало прежде всего окружить глубокой тайной. Никто не должен был подозревать, что Мирабо, народный трибун, обожаемый герой революции, Мирабо, который господствовал в национальном собрании и в целом Париже, которого самые ярые защитники свободы считали своим апостолом и избавителем, - Мирабо, чье красноречие управляло умами сотен тысяч людей, что этот вожак революции хотел сделаться теперь преданным приверженцем монархии, наемным слугой своего короля.

Только два условия выговорил для себя Мирабо, когда граф де Ламарк стал приглашать его от имени короля на придворную службу: аудиенцию у королевы и уплату - своих долгов с ежемесячной рентой в сто луидоров.

- Я нанят, но не куплен, - сказал Мирабо, получив первую ренту. - Одно из предъявленных мной условий исполнено, а что же другое?

- Так Вы все еще настаиваете на аудиенции у королевы? - спросил Ламарк.

- Да, мой друг, я настаиваю на ней! - воскликнул Мирабо, сверкая глазами. - Если мне нужно отстаивать эту монархию, то я должен питать к ней почтение; если мне надо верить в возможность ее восстановления, то я должен верить в ее жизнеспособность, должен видеть, что имею дело с храбрым, решительным, благородным человеком. А настоящий и действительный король у нас - это Мария Антуанетта, и среди окружающих Людовика Шестнадцатого находится только один мужчина - его собственная супруга. Я должен говорить с ней, должен убедиться воочию, стоит ли она того, чтобы я рисковал за нее своей жизнью, честью и популярностью. Если она действительно - такая героиня, какой я ее считаю, то мы с ней вдвоем, действуя заодно, спасем монархию и трон Людовика Шестнадцатого, королем которого состоит Мария Антуанетта. Вскоре наступит момент, когда придется попробовать, какое действие могут произвести женщина и ребенок на коне и не сумеет ли дочь Марии Терезии с дофином на руках так же воодушевить французов, как сделала некогда ее великая мать в Венгрии.

- Так Вы полагаете, что опасность действительно так велика, - спросил Ламарк, - и что нужно прибегнуть к крайним, героическим средствам?

Мирабо порывисто схватил его за руку, и его лицо приняло торжественное выражение.

- Я убежден в этом, - ответил он, - и прибавлю еще: опасность так велика, что если не принять своевременно самых

решительных мер, то она делается неустрашимой. Для безопасности королевы не существует иного условия, кроме восстановления королевской власти. Я уверен, что она не дорожит жизнью без короны, а для того, чтобы она осталась в живых, за ней непременно нужно сохранить ее корону. В этом я хочу ей помочь и содействовать. Но для того, чтобы это могло осуществиться, я должен сам говорить с королевой и получить от нее аудиенцию.

И Мирабо, триумфатор революции, достиг своей цели: он получил аудиенцию у Марии Антуанетты - умирающего борца за монархию. 3-го июля 1790 года состоялась в парке Сэн-Клу встреча королевы с Мирабо. Тайна и молчание окружали ее и с величайшей осторожностью были приняты все меры, чтобы никто, кроме немногих доверенных лиц, не мог догадываться о том, что произошло в Сэн-Клу, на уединенной лужайке, обсаженной высоким кустарником.

На краю этой прогалины стояла белая мраморная скамья, осененная высокими олеандрами и тисами. Она служила треном, на котором Марии Антуанетте предстояло принять присягу верности своего нового рыцаря.

Мирабо еще за день перед тем прибыл из Парижа в поместье своей племянницы, маркизы д'Арган. Там он переночевал и оттуда пришел на следующее утро пешком в парк Сэн-Клу, в сопровождении своего племянника де Сальяна. У задних ворот парка, отворенных для таинственного посетителя, Мирабо распрощался со своим спутником и сказал:

- Я не понимаю, какое страшное предчувствие внезапно овладело мной и какой странный голос жалобно нашептывал мне: "Вернись, Мирабо, вернись назад! Не вступай в эти ворота, потому что за ними зияет твоя могила!"

Когда он говорил это, его голос, заставлявший обыкновенно звенеть стекла в зале заседания, был мягок и дрожал.

- Послушайте этого предостерегающего голоса, дядюшка, пока еще не поздно, - стал просить де Сальян. - Со мной происходит то же самое. Мне также почему-то страшно и жутко.

- Неужели мне поставлена здесь западня? - пробормотал про себя Мирабо. - Ведь эти Бурбоны способны на все. Как знать, пожалуй они заманили меня сюда, чтобы захватить в плен и запереть, как опаснейшего врага, в одну из своих подземных темниц, где я буду погребен заживо? Друг мой, - поспешно продолжал он, - подожди меня здесь, и если я не вернусь через два-три часа, то поспеши в Париж, отправляйся в национальное собрание и заяви о том, что Мирабо, тронутый тревожным призывом королевы, отправился в Сен-Клу и там был схвачен.

- Я сделаю это, дядя, - ответил маркиз, - но не допускаю такого отчаянного поступка и подобного вероломства со стороны королевы или ее супруга. Им обоим хорошо известно, что без Мирабо они погибнут и что только он один, может быть, еще в состоянии спасти их. Меня пугает нечто совсем иное.

- Чего же ты боишься?

- Я боюсь Ваших врагов в национальном собрании, - тихо и почти со страхом ответил Сальян. - Я боюсь этих бешеных республиканцев, которые не доверяют Вам, с тех пор как Вы недавно заступились на трибуне за королевство и монархию, с тех пор как Вы осмелились даже лично защищать королеву против яростных и пошлых нападок, которые позволил себе Марат в своем журнале "Друг Народа".

- Это - правда, - улыбаясь согласия Мирабо, - наши бешеные республиканцы не доверяют мне с тех пор, и мне говорили, что Петион, этот республиканец из железа и стали, обратился в конце моей речи к сидевшему с ним рядом Дантону, и сказал: "Мирабо представляет опасность для свободы, потому что в жилах народного трибуна течет еще слишком много графской крови". - "В таком случае, - со смехом ответил ему Дантон, - нужно выпустить графскую кровь из народного трибуна, чтобы он излечился от своей реакционной болезни, или умер от нее".

- Когда же Марату сказали, дядюшка, что Вы говорили с негодованием и презрением о его нападках на королеву, то он погрозил кулаком и крикнул: "Мирабо - изменник, он готов продать нашу юную свободу монархии. Но с ним будет то же, что с Иудой, продавшим Спасителя. Он заплатит за это своей жизнью, потому что, если мы изобличим его в измене, то поступим с ним так, как Иуда поступил сам с собой. Пусть этот Иуда-Мирабо остерегается".

- Неужели ты думаешь, что эта противная жаба, Марат, повесит меня? - с презрительной успешкой спросил Мирабо.

- Я думаю, что они шпионят за Вами, - шепнул ему Сальян. - Вчера вечером, вблизи нашей виллы, я встретил двух переодетых людей и готов поклясться, что то были Марат и Петион, а сегодня по дороге сюда, оборачиваясь назад, я дважды увидел те же самые две фигуры, которые следили за нами.

- Пусть себе! - сказал Мирабо, гордо выпрямившись и озираясь вокруг. - Лев не боится противного насекомого, которое летает вокруг него; он тотчас стряхивает его своей могучей гривой или давит лапой. Так и я, Мирабо, не боюсь насекомых, вроде Марата и Петиона, пусть они лучше сами остерегаются меня. Я растопчу их, вот и все. А теперь, дорогой племянник, прощай и жди меня здесь.

Он ласково кивнул маркизу головой и вступил в парк, с ворот которого народный гнев уже давно удалил надпись: "de

par la reine" (именем королевы) и который только по воле нации остался за королем.

Взволнованный Мирабо шел легкими шагами по аллее и ему снова показалось, будто таинственные, робкие голоса предостерегали его: "Вернись, Мирабо, вернись, потому что с каждым шагом вперед ты все ниже опускаешься в могилу!". Мирабо остановился и отер батистовым платком холодный пот, выступивший крупными каплями у него на лбу, но затем сказал:

- Это - глупость, сушая глупость! Право я сделался чувствительным, как молодая девушка, идущая на первое любовное свидание. Стыдно, Мирабо, и будь мужчиной!

Он тряхнул головой, точно желая отогнать недобрые предчувствия, и быстрее пошел вперед навстречу графу де Ламарку, показавшемуся на повороте аллеи.

- Королева уже здесь и ожидает Вас, Мирабо, - с легким упреком в голосе сказал граф.

Мирабо только пожал плечами, вместо всякого ответа, и ускорил шаг. Вскоре перед ним открылась маленькая поляна, окруженная высоким кустарником. Здесь, на мраморной скамье, сидела дама в белом платье, без всяких украшений, с соломенной шляпой висевшей на руке, в черной кружевной косынке на волосах; это была королева Мария Антуанетта.

Мирабо остановился и взоры его больших, пламенных глаз были долго устремлены на нее издали; наконец, он обратил к своему другу бледное, взволнованное лицо и пробормотал:

- Друг мой, я не знаю, что творится со мной. Я не плакал с того дня, когда отец выгнал меня из дома наших предков и я услышал за собой его громовое проклятие, но при взгляде на эту женщину мне хочется заплакать, и невыразимая жалость овладевает моей душой.

Королева увидела его и в свою очередь также побледнела; она с невольной дрожью повернулась к королю, притаившемуся позади нее в кустарнике и с трепетом произнесла:

- Вот этот страшный человек! Боже мой, дрожь ужаса пробегает у меня по жилам, и при одном взгляде на это чудовище я предчувствую, что заболēju от отвращения.

- Мужайся, дорогая Мария, мужайся! - прошептал король. - Вспомни, что благо нашей будущности, благо наших детей, может быть, зависит от этого свидания. Смотри, вот он приближается. Постарайся принять его ласково! Я удалюсь, чтобы тебе одной принадлежала честь этого дня; ведь монархия имеет в тебе прекраснейшую представительницу!

- Но оставайтесь, по крайней мере, поблизости, Ваше величество, чтобы Вы могли слышать меня, если я позову на помощь, пробормотала Мария Антуанетта.

Король улыбнулся.

- Не бойся ничего, Мария! Верь только, что самому Мирабо угрожает большая опасность, чем тебе. Не нас, но его назовут изменником, если сделается известным, что Мирабо приходил к нам сюда. Я удаляюсь, потому что он сейчас будет здесь.

И король отступил в чашу, тогда как Мирабо остановился с низким поклоном перед королевой.

Мария Антуанетта поднялась с мраморной скамьи. В данный момент она была не королевой, дающей аудиенцию, но оробевшей женщиной, которая идет навстречу опасности и старается задобрить ее учтивостью и улыбками.

Подойдите ближе, граф, - сказала она, по-прежнему оставаясь на ногах.

Но, пока он подходил, королева медленно опустилась опять на скамью и почти робко подняла взор на Мирабо, который вовсе не казался ей теперь чудовищем, потому что его лицо было взволновано, а глаза выражали кротость и почтительность.

Граф, заговорила Мария Антуанетта слегка дрожащим голосом, если бы и видела теперь перед собой заурядного врага - человека, стремящегося погубить монархию, не сознавая того, насколько она полезна великому народу, - то я сделала бы в данный момент весьма неуместный и бесполезный шаг. Но когда беседуешь с Мирабо, то стоишь вне обычных расчетов мудрости и вместе с восхищением к нему питаешь надежду и на его помощь.

- Государыня, воскликнул взволнованный Мирабо, я пришел сюда не как Ваш враг, но как Ваш преданный слуга, который с радостью готов пожертвовать своей жизнью, если может принести этим пользу монархии и своему отечеству!

- Значит, Вы также полагаете, что теперь предстоит решить вопрос жизни, или, если хотите, вопрос смерти между французским народом и монархией? - печально спросила королева.

- Да, я убежден в этом, ответил Мирабо. Но я надеюсь еще, что мы можем разрешить этот вопрос в пользу монархии, разумеется, если своевременно употребить надлежащие средства.

- А в чем заключаются, по Вашему мнению, эти надлежащие средства, граф?

Мирабо улыбнулся и с удивлением взглянул на благородное лицо королевы, которая с такой спокойной непринужденностью соединила в коротком вопросе все, что уже несколько лет ставило в тупик величайших мыслителей и политиков.

Простите, Ваше величество, если, прежде чем ответить, я испрошу милостивого разрешения в свою очередь задать вопрос моей августейшей королеве.

- Спрашивайте, граф! ответила Мария Антуанетта с грациозным наклонением головы.

- Я желал бы знать, государыня, намерены ли Вы, Ваше величество, восстановить прежний режим и считаете ли Вы возможным двинуть назад колесницу мировой истории и политики?

- В Вашем вопросе заключается и ответ на него, спечальным вздохом ответила Мария Антуанетта. Невозможно восстановить разрушенное здание из его обломков. Нужно довольствоваться тем, если из храма удастся построить дом, в котором можно сносно жить.

- Ах, Ваше величество, с воодушевлением воскликнул Мирабо, - этот ответ подобен первому солнечному лучу, пробившемуся сквозь густые грозовые тучи! Чувешь наступление нового дня и приветствуешь его с восторгом. Получив этот великолепный ответ Вашего величества, я чувствую себя утешенным, и грозовые тучи не пугают меня больше, так как я знаю, что они должны рассеяться. Я хочу сказать: если употребить надлежащие средства.

А я повторяю свой вопрос, граф: в чем заключаются, по Вашему мнению, надлежащие средства?

- Прежде всего в понимании того, что нужно, ответил Мирабо, - а потом в радостной и честной готовности сделать то, что признано необходимым.

Тогда скажите мне: что же нужно?

Мирабо поклонился королеве и заговорил, описывая ей в ясных, определенных выражениях и вдобавок с большой энергией, положение Франции, отношения различных политических партий между собой, а также между двором и тронном. Он отдельными, резкими чертами охарактеризовал главарей политических клубов, предводителей партий национального собрания, указав на опасные цели, к которым стремились демагоги, люди крайней левой ориентации. С осторожной деликатностью он не произносил слова "республиканец", но дал понять королеве, что ниспровержение монархии, трона, уничтожение и полное искоренение королевского рода составляло конечную цель всех стремлений этих яростных ораторов и вожаков крайне левых.

Королева слушала его внимательно, но и с полным достоинством самообладанием, а серьезный, вдумчивый взор ее больших глаз все сильнее воодушевлял Мирабо, так что речь лилась из его уст огненным потоком, зажигая и окрыляя новой надеждой самого оратора.

- Все еще обойдется, - воскликнул он в заключение, - нам удастся одолеть подпольные силы, которые подкапываются под трон Вашего величества, вырвать из рук Ваших врагов пагубные орудия разрушения. Я восстану против замыслов демагогов, я выступлю их явным противником и буду ревностно служить монархии, пользуясь такими средствами и ресурсами, которые согласуются со всеобщим возбуждением умов. Было бы опасно запугивать их реакцией, вызвать подозрение в том, что хотят ограничить свободу и самоуправление. И я постараюсь ловко избежать всех этих подводных камней, стремясь в то же время к восстановлению престижа и силы монархии.

- Значит, Вы искренне и чистосердечно становитесь на нашу сторону? - почти с мольбой спросила Мария Антуанетта.
- Вы хотите служить нам и помогать советом и делом?

На ее вопросительный, испытующий, тревожный взор Мирабо ответил ясной улыбкой и благородным, ободряющим выражением своего лица.

- Государыня, - сказал он, приятным, звучным голосом, - я защищал монархические принципы, когда видел только слабые стороны королевского двора, когда я, не ведая ни души, ни помыслов дочери Марии Терезии, еще не знал, что могу рассчитывать на такую благородную посредницу. Я боролся за права трона, когда мне только не доверяли, когда клеветническая злоба считала подозрительным каждый мой шаг и видела в нем лукавство. Я служил монархии даже тогда, когда знал, что не получу от моего справедливого, но обманутого короля ни благодарений, ни наград. Что же совершу я теперь, когда доверие воодушевляет мое мужество, когда благодарность превращает мои принципы в обязанности? Я буду и останусь тем, чем был всегда: защитником монархии, но подчиненной законам, апостолом свободы, которая гарантирована монархией.

- Я верю Вам, граф, - воскликнула взволнованная Мария Антуанетта, - Вы будете служить нам верно и усердно, и с Вашей помощью все еще может устроиться! Обещаю Вам, что мы будем следовать Вашим советам и действовать с Вами заодно. Вы вступите в непосредственные сношения с самим королем, обсудите с ним все необходимое и посоветуете ему, что нужно сделать прежде всего для его собственного и для народного блага.

- Государыня, - сказал Мирабо, - я осмеливаюсь сказать это Вам сейчас. Нужнее всего, чтобы королевский двор покинул на некоторое время Париж.

- Значит, нам надо бежать? - поспешно спросила Мария Антуанетта.

- Не бежать, но удалиться, - ответил Мирабо. - Раздраженный народ угрожает монархии: поэтому находящаяся в

опасности королевская власть должна скрываться и стать невидимой до тех пор, пока народ не вернется к сознанию своего долга и к преданности. По этой причине я не говорю Вам, что королевский двор должен бежать, но только советую ему покинуть Париж, потому что этот город есть очаг революции. Королевский двор должен как можно скорее удалиться к границам Франции. Там ему следует собрать вокруг себя армию, под предводительством какого-нибудь верного генерала, чтобы двинуться с этой военной силой к мятежной столице, к которой я выравниваю Вам пути и куда отворю ворота.

- Благодарю Вас, граф, благодарю! - воскликнула, вставая, Мария Антуанетта. - Теперь будущее не внушает мне больше сомнений, потому что мои взгляды согласуются со взглядами великого государственного человека. Я также убеждена, что королевский двор должен покинуть Париж и удалиться, во избежание новых унижений; я убеждена, что он имеет право вернуться обратно лишь в блеске своего могущества, с сильной армией, чтобы внушить страх бунтовщикам и воодушевить мужеством колеблющихся и верных. О, Вы скажете все это королю, Вы растолкуете ему, что удаление из Парижа будет спасительным не только для монархии, но также и для народа! Ваши речи убедят благороднейшего, добрейшего из монархов; он последует Вашим советам и, благодаря Вам, будем спасены не мы одни, но также и монархия. Принимайтесь за дело, граф, работайте для нас, употребите свое неограниченное влияние на умы на пользу Вашего короля и королевы и будьте уверены, что мы останемся благодарны Вам до конца наших дней. Прощайте и помните, что мои взоры станут следить за каждым Вашим шагом, а мой слух будет ловить каждое слово, сказанное графом Мирабо в национальном собрании. Прощайте!

Мирабо поклонился с глубоким почтением, а затем произнес:

- Ваше величество, когда Ваша августейшая мать оказывала честь одному из своих подданных, удостоив его аудиенции, то отпускала ошачливленного ею не иначе, как дозволив ему почтительно облобызать свою руку.

- Правда, - с кроткой улыбкой подтвердила Мария Антуанетта, - хотя бы в этом я могу следовать примеру моей великой матери!

Тут с неподражаемой грацией королева протянула графу руку. Восхищенный, очарованный ее пленительной прелестью и благосклонностью, Мирабо преклонил колено и прильнул губами к тонкой, белой руке королевы, а затем с воодушевлением воскликнул:

- Государыня, этот поцелуй спасает монархию!

- Если Вы говорили правду, - со вздохом промолвила королева, поднимаясь с места и отпуская Мирабо легким кивком головы.

С оживленным лицом, с сияющим взором, вернулся граф к племяннику, ожидавшему его у ворот парка.

- О, друг мой, - сказал он, - глубоко переводя дух и положив руку на плечо Сальяна, - друг мой, что пришлось мне услышать и увидеть! Королева - великая, замечательно благородная и глубоко несчастная женщина, Виктор! Но я спасу ее, разумеется, спасу!

Мирабо был серьезно намерен сделать это, и не из корыстных побуждений, но потому, что его подкупила, привела в восторг благородная личность королевы; и с того момента он сделался рьяным защитником монархии, а в особенности красноречивым ходатаем за королеву. Однако ему оказалось уже не под силу сдерживать нахлынувшее море революции и, вступив с ним в борьбу, он только мог быть поглощен его бурными волнами.

Мирабо отлично видел это и не скрывал от себя опасности своего положения. В тот день, когда он выступил в национальном собрании перед подачей голосов, чтобы отстоять монархию и утвердить королевскую привилегию решать вопрос о войне и мире, он, популярный народный трибун, открыто стал на сторону короля, вызвав тем бурю негодования и отвращения среди присутствующих. Тем не менее он мужественно и решительно подал голос за короля и его prerogatives, но воскликнул при этом:

- Я отлично знаю, что от Капитолия до Тарпейской скалы всего один шаг.

События шли шаг за шагом, и вскоре Мирабо пришлось сделать последний роковой шаг! Недаром Петион указывал на него, как на опаснейшего врага республики, недаром говорил Марат, что у Мирабо или надо отцедить аристократическую кровь из жил, или дать ему изойти кровью. Мирабо не удалось безнаказанно выступить против разъяренных политических партий, безнаказанно бросить вызов в лицо, когда он сказал с высоты трибуны:

- Я стану защищать монархию от всех нападков, с какой бы стороны и из какой бы части королевства они ни шли.

Вожакам республиканских партий была отлично известна огромная власть этого человека, они прекрасно знали, что он один в состоянии спаять вновь обломки короны, раздробленной с его же помощью.

Чтобы помешать ему в том, понадобилось похоронить его же самого под этими обломками.

Вскоре после свидания графа с королевой и его публичной защиты привилегий короля Мирабо стал хиреть. Его враги

уверяли, что единственной причиной тому были чрезмерно напряженная деятельность этого выдающегося государственного мужа и простуда, которую он схватил, выпив однажды стакан холодной воды, чтобы освежиться в разгаре громовой речи перед национальным собранием.

Но его друзья говорили втихомолку о смертельном яде, подмешанном к этому питью, с целью избавиться от опасного и могущественного противника.

Сам Мирабо разделял подозрения, и все возраставшая слабость во всех его членах и жестокие боли, терзавшие его внутренности, казались ему верным признаком яда, которым угостили его враги.

Лев, хотевший лечь у подножия трона, чтобы охранять его, вскоре превратился в несчастного больного человека, с ослабевшим голосом, с угасшей силой. Некоторое время Мирабо еще старался бороться с недугом, изнуравшим его тело, но однажды в разгаре речи, в которой он отстаивал королеву, он упал в обморок и был унесен с трибуны в бессознательном состоянии, а потом отправлен домой.

После долгих стараний его врача, знаменитого Кабаниса, больной открыл, наконец, глаза. К нему вернулось сознание, но вместе с тем и уверенность в близости смерти.

- Я умираю, - тихо сказал он. - Я ношу в сердце траурный флер по монархии. Яростные вожаки партий хотят вырвать его оттуда, чтобы поделить между собой и повить им ее чело, а для этого им понадобилось разбить мое сердце, что они и сделали.

Да, они разбили это великое, мощное сердце, в котором таился траурный флер по монархии. Сначала врач надеялся, как надеялись и друзья Мирабо, что болезнь уступит лечению. Но сам он не предавался более этому заблуждению, он чувствовал, что боли, терзавшие его тело, прекратятся только со смертью.

После одной особенно мучительной ночи больной послал рано утром за доктором Кабанисом и своим другом графом де Ламарком.

- Друзья мои, - сказал он кротким голосом, со спокойным видом протягивая им обе руки, - друзья мои, сегодня я умру. Когда человек дошел до этого, ему остается только одно: надуться, принарядиться и окружить себя цветами, чтобы приятным образом отойти ко сну, от которого нет пробуждения. Итак, позовите моих слуг! Пусть меня побреют, оденут и украсят. Пусть отворят окна, чтобы теплый весенний воздух струился в комнату, а затем принесут цветов. Я хочу умереть, окруженный цветами, нежась в солнечном сиянии.

Друзья не решились отказать умирающему и в точности исполнили его последние желания. Гладиатору вздумалось заняться своим туалетом, чтобы пасть на арене жизни славным

героем и еще в минуту расставания с жизнью вызвать восторг и бурю громких рукоплесканий.

Весь Париж был публикой гладиатора при его конце, весь Париж в эти дни агонии занимала одна и та же мысль:

“Что-то делается с Мирабо? Поборет ли он злобного врага - смерть, заставив его отступить перед собой, или сделается ее добычей?”

Этот вопрос читался на всех лицах, слышался во всех жилищах, звучал во всех сердцах. Каждому хотелось получить на него ответ из безмолвного дома с завешанными окнами, где угасал Мирабо, Все улицы, которые вели к нему, были запружены густыми толпами народа в последние три дня перед кончиной Мирабо и по ним был прекращен проезд экипажей, чтобы не беспокоить больного. Театры были закрыты, а купцы, без всякого предварительного уговора между собой, держали на запоре свои торговые заведения, как в большие праздники или дни национального траура.

Ранним утром на четвертый день, прежде чем пробудилась жизнь на парижских улицах и открылись дома, по городу раздался клич, проникший в тихие жилища и взволновавший сердца.

Этот клич гласил:

- Цветов! Несите цветы! Мирабо требует цветов. Несите ему распустившиеся розы, душистые фиалки. Мирабо хочет умереть среди цветов!

Этот клич разбудил 2-го апреля 1791 года спящий Париж и по мере того, как он раздавался по улицам, отворялись окна, двери домов и со всех сторон валили сотни и тысячи людей с огромными букетами в руках, с целыми цветочными корзинами. Население столицы как-будто разом перенеслось от холодных дней ранней весны к знойному лету, благоухающему цветочными ароматами; все теплицы, все комнаты, где росли цветы, были безжалостно опустошены, чтобы доставить последний летний день умирающему народному трибуну. Все его жилище уподобилось летнему храму, полному цветов и благоуханий. Цветы были в сенях, цветами были украшены лестница и прихожая, цветами буквально усыпана вся гостиная, а посередине ее покоился на кушетке Мирабо, тщательно одетый, завитой и напудренный, как на королевский праздник. Раскошнейшие цветы, красивейшие экзотические растения окружали его ложе, склоняя свои яркие цветочные чашечки над бледным, содрогавшимся от убийственных болей гладиатором; однако он находил в себе силу улыбаться и прощался любящим взором с плакавшими друзьями, с красой цветочного убора весны и с солнечным сиянием.

- Умирающий приветствует Вас!* - читалось еще на его высоком челе, на улыбающихся устах, когда гладиатор пал, победенный смертью.

* Такой фразой обычно приветствовали цезаря идущие на бой в Колизей (древне-римский цирк) гладиаторы.

Но день смерти был вместе с тем днем последнего триумфа Мирабо, а цветы, посланные ему всем Парижем, были для Мирабо прощальным приветом любви, восхищения.

Король ежедневно по четыре раза посылал справляться о здоровье Мирабо; когда же в полдень второго апреля граф де Ламарк принес ему весть о смерти знаменитого человека, монарх побледнел и печально сказал:

- Мы родились под несчастным небом, теперь даже смерть становится на сторону наших врагов.

Мария Антуанетта была также глубоко потрясена роковым известием.

- Он хотел спасти нас, - воскликнула она, - и потому, несчастный, должен был умереть! Бремя оказалось слишком тяжелым, столб не выдержал его тяжести и рухнул; храм не может теперь устоять, он рухнет вслед за ним. Мы будем погребены под его развалинами, если не последним спаслись. Предсмертным завещанием Мирабо был его совет, чтобы мы спасались поспешным и тайным бегством. Ах, если бы дух Мирабо просветил короля и он согласился, наконец, сделать этот необходимый шаг - покинуть Париж!

XVIII

РЕВОЛЮЦИЯ В ТЕАТРЕ

Весь Париж был сегодня на ногах, в страхе и смятении. Фурии революции - рыночные торговки - снова носились как бешеные по улицам в злополучный день 20-го июня 1791 года, оглашая воздух яростными криками, осыпая проклятиями короля, австриячку, горланя непристойные песни про мадам Вето и прочих.

Тюильери окружили несметные полчища национальной гвардии, которая стояла в строгой, угрожающей позиции, сдерживая лишь с большим усилием народ, запрудивший всю обширную площадь перед дворцом и готовый ежеминутно прорвать цепь национальных гвардейцев, выстроенных по обеим сторонам прилегавших к нему улиц, чтобы оставить свободным проезд хотя бы посередине - проезд для короля, королевы и королевской семьи, возвращавшихся сегодня обратно в Париж! По приказанию национального собрания Лафайетт выступил во главе нескольких полков в Варенн, чтобы вернуть оттуда назад царственных беглецов.

Тысячи народа устремились вслед за ним, чтобы посмотреть на это возвращение монархии и принять участие в ее погребальном шествии. Действительно то было настоящим погребальным шествием старого режима, а тяжелая, неуклюжая карета, окруженная солдатами и воющим, ревушим, глумя-

жимся народом, медленно катившаяся по улицам к Тюильери, под грохот пушечной пальбы, под звон колоколов со всех парижских колоколен, была погребальной колесницей монархии.

Король, королева, королевские дети, сестра короля, де Тузель и двое депутатов, посланных национальным собранием в Варенн для сопровождения королевской семьи, Петион и Барнав, ехали в этой карете.

Людовик Шестнадцатый и Мария Антуанетта последовали совету умирающего Мирабо и хотели спастись бегством от революции. В этом заключалось все преступление короля и королевы, которых водворяли теперь с торжеством в Тюильери, замок королей, предназначенный отныне служить королевской тюрьмой.

Трехцветные флаги развевались над всеми кровлями, свешивались из всех окон; повсюду были прибиты объявления, напечатанные исполинскими буквами и гласившие: “Кто вздумает приветствовать короля, тот будет наказан кнутом; кто осмелится поносить его, тот будет повешен”.

Они хотели бежать, эти несчастные, которых везли теперь с триумфом из Варенна, где они были узнаны и остановлены.

Они возвращались уже не повелителями, но пленниками французской нации. Ведь национальное собрание издало декрет, первый параграф которого гласил: “Король пока отрешен от управления государством”, далее - во втором и третьем параграфах - говорилось: “Когда король и его семейство возвратится в Тюильери, то к нему, как и к королеве, и к дофину, должна быть временно приставлена стража, которая обязана, состоя под начальством командира парижской национальной гвардии, отвечать за безопасность отдельных членов королевской семьи и за их пребывание на месте”.

Король и королева вернулись узниками в Париж, Лафайетт стал их тюремщиком. Повелителем Франции, многоголовым королем французской нации было теперь национальное собрание.

Печальные, ужасные дни унижения, покорности, опасности и тревог наступили после этого для королевской фамилии - для тюильерийских узников, которых зорко стерегли день и ночь, не позволяя им даже запираить двери, чтобы дежурные офицеры могли беспрепятственно заглядывать в занимаемые ими комнаты.

В первые дни после печального возвращения мужество королевы казалось сломленным, ее энергия - навсегда парализованной. Она перестала надеяться, перестала бояться, строить новые планы спасения, она бросила рабстать и писать. Целыми часами сидела она в печальном безмолвии, и перед ее

глазами проходили страшные картины недавнего прошлого, пугая и теперь ее воображение. Она вспоминала суету и тревогу дня, предшествовавшего бегству. Ей представлялось, как она одевала на себя дрожащими руками платье своей служанки и наряжала девочкой дофина, у нее отдавался в ушах веселый смех ребенка, который спрашивал ее: "Мы ыбудем играть в театр, мама-королева?" Потом Мария Антуанетта видела себя одинокой на улице, без охраны, в ожидании кареты, которая должна была остановиться в указанном месте, чтобы взять ее, как раньше был взят в другом пункте король с обоими детьми. Далее ей рисовались путешествие темной ночью, духота в тесной, громоздкой карете, а затем жестокий испуг, когда внезапно, после двенадцатичасовой езды, экипаж сломался. Им пришлось выйти, подняться пешком на холм к деревне, видневшейся перед ними, и там дожидаться, пока починят экипаж. Пустившись дальше, беглецы замешкались в Варенне, где чей-то голос внезапно крикнул: "Они узнаны!". А затем последовали набат, барабанный бой, тревога, попытка последующих часов и, наконец, последний момент надежды, когда королева, стоя у кровати спящего сына в комнате мелочного лавочника Соса, заклинала его жену спасти короля, указав ему укромное местечко. И в ушах Марии Антуанетты снова отзывался грубый голос этой женщины, которая ответила: "Это невозможно. Я также люблю своего мужа и имею детей. А мой муж должен погибнуть, если я спасу вашего". После того королеве слышался набат, барабанный бой, представлялось прибытие парижских полков, чтобы вернуть царственных беглецов в Париж. Наконец наступило обратное путешествие в битком набитом экипаже, вместе с депутатами, под оглушительный рев неистового, глумящегося народа. При этих воспоминаниях дрожь пробегала по телу несчастной королевы и слезы катились из ее глаз.

Но мало-помалу она ободрилась, а ежедневные унижения и неприятности, которым подвергали ее гонители, как раз подстрекали Марию Антуанетту к энергичному отпору.

По возвращении из Варенна король и королева были узниками своего народа, а Тюильерийский дворец - их тюрьмой, где народ стерег своих царственных пленников с неослабевающей жестокостью.

Командиры батальонов национальной гвардии переменялись на дежурстве при королевской чете. Им был дан строгий приказ неусыпно сторожить королевскую фамилию, ни на минуту не оставляя ее наедине. Даже спальня королевы не была ограждена от бдительного ока ее стражи - дверь в смежную гостиную должна была оставаться постоянно отворенной и в этой гостиной находился караульный офицер национальной гвардии. Даже по ночам, когда королева лежала в постели,

дверь не запиралась, и офицер, сидевший в кресле, как раз против двери, не спускал взора с кровати, на которой Мария Антуанетта старалась заснуть, преодолевая свое горе и страдания, чтобы не обнаружить их перед мучителями. Она снизошла только до одной просьбы и выпросила позволение запираť двери в спальне при своем вставании поутру, когда ей было нужно одеваться. Эта просьба была великодушно уважена.

Но при всех этих унижениях, разочарованиях и муках Мария Антуанетта не теряла надежды на благоприятную перемену своей судьбы. Ее гордая душа еще не была сломлена, уверенность в победе королеваской власти все еще поддерживала в ней бодрость и не давала ей упасть духом среди всех бедствий. Она все еще хотела бороться с врагами за любовь французского народа, в надежде, что он, хотя и сбитый с толку франкобидцами, злонамеренными подстрекателями, все же, наконец, опомнится, послушает голоса своего короля, своей королевы и вернется к ним с любовью и раскаянием. Ради этого великого дня возвращения обновленной любви народа, королева решила безропотно переносить все испытания, стараясь приблизить этот желанный день, примирить народ с королевским домом. Поэтому она хотела доказать народу, что не питает к нему страха и готова доверчиво очутиться среди него, чтобы приветствовать французов своей улыбкой со всей благосклонностью минувших дней. Ей хотелось попробовать еще раз вернуть свою былую популярность, возбудить в остывшем сердце любовь, которую так часто изъявлял ей раньше народ. Она нашла в себе силу преодолеть свои слезы, скрыть душевную боль под улыбкой и с притворным спокойствием и веселостью снова показываться народу в театре и во время катанья.

Однажды давали оперу Глюка "Альцеста", особенно любимую королевой, которая вдобавок одержала несколько лет назад блестящий триумф при ее исполнении. Публика, восхищенная присутствием Марии Антуанетты в театре, громко потребовала повторения хора: "Chantons, celebrons notre reine"* , причем встала с места и, обратившись лицом к королевской ложе, восторженно вторила певцам на сцене. - Я хочу убедить-ся, помнит ли публика тот вечер, - со слабой улыбкой сказала королева, обращаясь к де Бюгуа, единственной фрейлине, которой было разрешено остаться при ней. - Сегодня я хочу поехать в оперу; пусть публика видит по крайней мере, что я не чуждаюсь ее и что я несколько не изменилась, несмотря на перемену окружающих ко мне самой.

Де Бюгуа с глубокой печалью взглянула на бледную, поседевшую Марию Антуанетту, которая собиралась показать

---

* Воспоем, прославим королеву!

парижанам, “что она не переменилась”. Горе наложило на это некогда прекрасное и веселое лицо свою неизгладимую печать, почти разрушив всю его красоту. Сильно растроганная фрейлина отвернулась, чтобы скрыть невольные слезы.

Но Мария Антуанетта заметила их и, с горькой улыбкой коснувшись руки своей приближенной, мягко промолвила:

- Не скрывайте своих слез! Вы гораздо счастливее меня, потому что можете плакать, тогда как я должна таить всю скорбь в своей душе. Но сегодня я не хочу горевать, - продолжала она, притворяясь веселой, - я хочу показаться парижанам, по крайней мере, спокойной. Мало того, я постараюсь улыбаться. Они возненавидели меня теперь, но, может быть, вспомнят, что когда-то питали ко мне сильную любовь. Народу свойственно великодушие, и мое доверие, пожалуй, тронет его. Давайте поскорее одеваться. Я желаю быть красивой, хочу нарядиться для парижан. Ведь в театре будут не одни только мои враги, но также и многие друзья, которым доставит удовольствие мое появление. Скорее, мадемуазель, приступим к нашему туалету!

С живостью и усердием, в которых было что-то трогательное в виду ее печального и опасного положения, которлева занялась своим одеванием, спеша нарядиться для публики, для добрых парижан.

Известие о том, что Мария Антуанетта появится вечером в опере, быстро растроганилось по всему Парижу. Караульный офицер национальной гвардии, сменившись с дежурства, сообщил эту новость нескольким товарищам и членам конвента, а те, в свою очередь, располстранили ее во всех слоях общества.

Поэтому было весьма естественно, что еще задолго до начала спектакля большой оперный театр был совершенно полон, и оживленная, взволнованная публика заняла все места в партере и ложах. Друзья королевы и ее приверженцы явились, чтобы приготовить Марии Антуанетте давно невиданный триумф, а ее враги, численность которых была значительно больше, - чтобы швырнуть ей в лицо ненависть, злобу и насмешку.

Эти люди разместились по всему театру. Они сидели даже в ложах первого яруса, на обитых бархатом стульях, которые в прежнее время бывали исключительно заняты пламенными поклонниками королевского двора, дамами и кавалерами из аристократии. Но теперь аристократия уже не осмеливалась показываться публично. Большая часть ее, прежде всего, друзья королевы, бежала, уступив место ее врагам и гонителям, а в ложах, некогда занимаемых знатью, сидели наиболее выдающиеся члены национального собрания или главные ораторы клубов и якобинских собраний.

В тот вечер взоры публики то и дело обращались к ложе, в которой в прежнее время красовалась княгиня Ламбаль. Марии Антуанетте пришлось отправить княгину в Лондон для переговоров с министром Питтом. В тот вечер ее обычное место в театре занимал мужчина, который сидел, облокотившись на обитый бархатом барьер ложи и устремив зловещие блестящие взоры в партер с его волновавшимся морем зрителей. Этот человек был Марат, служивший раньше коновалом у графа д'Артуа, а теперь ставший величайшим и самым грозным оратором неистовых якобинцев.

Он также явился с тем, чтобы увидеть ненавистную волчицу, как он недавно назвал королеву в своей газете "Друг Народа", и устроить ей публичное поражение. В то время как он важничал в блестящей ложе княгини Ламбаль, его друзья и доверенные лица: пивовар Сантер и сапожник Симон, сидели в партере, часто поглядывая вверх на Марата в ожидании условного знака, который должен был послужить сигналом к чудовишной демонстрации.

Наконец наступило время, когда обыкновенно начинали оперу, и, хотя королева еще не появилась в своей ложе, дирижер оркестра не осмеливался медлить долее, заставляя дожидаться публику. Он стал на свое место и взмахнул дирижерским жезлом. Увертюра грянула и в зрительном зале водворилась тишина. Каждый, казалось, углубился в музыку, полную прелести и вместе с тем величия, в грандиозные ритмы, которыми отличается введение к "Альцесте".

Вдруг в партере, в ложах поднялся шорох. Головы зрителей, обращенные к сцене, повернулись назад, к большой королевской ложе. Никто уже не думал о музыке, не заметил, что увертюра кончилась, что занавес взвился. Гремевшие в оркестре трубы, звонко заливавшиеся скрипки и кларнеты не мешали публике уловить тихий стук отворяемых дверей, шаги вошедших офицеров, и этот легкий шум заставил парижан забыть их любимую музыку.

Вот в отворенных дверях показалась женская фигура.

Королева, в сопровождении де Бюгюа медленно прошла через всю обширную ложу до самого барьера. Все взоры были устремлены на нее, все глаза с любопытством всматривались в ее бледное, благородное лицо. Мария Антуанетта почувствовала себя предметом всеобщего внимания, и улыбка, подобно вечерней заре потухающего дня, промелькнула по ее чертам. С этой улыбкой и румянцем смущения на щеках королева подалась вперед и поклонилась публике.

Громкие, оглушительные рукоплескания потрясли огромный зал. В партере, в ложах сотни зрителей поднялись с

мест и восторженно кричали: "Vive la reine!"* - хлопая в ладоши с чисто детской радостью и не спуская с королевы сиявших счастьем взоров.

- О, моя уверенность не обманула меня! - прошептала Мария Антуанетта, наклонившись к своей спутнице. - Добрые парижане еще любят свою королеву; они, как и я, помнят прошедшее и в них пробуждается былая верность.

И в знак благодарности королева вторично поклонилась на все стороны, а театр снова разразился громкими рукоплесканиями.

Единственный гневный взор метнули на королеву маленькие злобные глазки Марата из-под густых нависших бровей.

- Постой! - с угрозой промолвил про себя якобинец, вставая с места и заглядывая в партер.

Там, в толпе молодых подозрительного вида, стоял гигант Сантер, а неподалеку от него - сапожник Симон. Подозрительная шайка посматривала на них, как на своих предводителей, тогда как они в свою очередь кидали вопросительные взгляды вверх, на ложу Марата. Взоры трибуна встретились с их взорами. Иссера-бледное, грязное лицо Марата приняло насмешливое, злобное выражение, и он несколько раз слегка кивнул головой. Сантер с Симоном также ответили ему кивком и, обернувшись вслед за тем к своим сообщникам, подняли оба, как по уговору, правую руку.

Восторженные рукоплескания были внезапно заглушены свистом и воем, насмешливым хохотом и дикими проклятиями.

- Междоусобие загорелось, - сказал Марат, с удовольствием потирая руки.

Роялисты продолжали аплодировать и кричать: "Да здравствует королева!". Противники старались принудить их к молчанию свистками и шиканьем. Лицо Марата сияло торжествующим злорадством. Он поднял взор к одной из лож второго яруса и улыбаясь кивнул сидевшим в ней мужчинам.

Те тотчас закричали:

- Хор! Хор! Пусть он нам споет: "Chantons, celebrons notre reine!".

- Отлично! - пробормотал Марат. - Я - добрый роялист, потому что научил этих славных людей потребовать исполнения патриотической песни.

- Пойте, пойте, - кричали его единомышленники, обращаясь к сцене. - Исполнить хор: "Chantons, celebrons notre reine!".

---

* Да здравствует королева!

- Нет, - закричал Сангер, - не надо исполнять его!

- Нет, - подхватил Симон громовым голосом, - мы не хотим слушать дурацкую песню.

- Дела идут превосходно! - заметил Марат, пришелкивая от удовольствия языком, - я держу своих людей, как на веревочке, и заставляю их жестикулировать и прыгать на подобие марионеток в кукольном театре.

Неистовый шум и гам продолжались. Роялисты не хотели прекратить свои рукоплескания и требования хора: "Chantons, celebrons notre reine". Враги королевы не переставали шикать и кричать: "Мы не хотим знать королевы, не хотим слушать дурацкую песню!".

- О, Боже мой, зачем я приехала сюда? - пробормотала сквозь слезы королева, опустившись в кресло и прижимая к глазам платок.

Может быть, ее движение было замечено настоящими роялистами и они из жалости к ней захотели прекратить разыгравшийся скандал; может быть также, Марат подал знак мнимым роялистам, что на этот раз они достаточно покричали и побесновались. Так или иначе, но приветственные крики в честь королевы и требования хора внезапно смолкли, аплодисменты замерли, и противной партии за отсутствием противодействия не оставалось ничего иного, как уняться в свою очередь.

- Первая стычка миновала, - проговорил Марат, откидывая свою взерошенную голову на бархатную спинку стула. Теперь мы послушаем немного музыки и полюбуемся красивыми артистками.

В самом деле опера началась. Воспользовавшись моментом наступившего затишья, дирижер оркестра подал знак музыкантам и певцам на сцене, не мешкая и не колеблясь, приступить к действию, после чего все участвующие бодро последовали его указанию.

Публика, которой надоели крик и рев, сидела молчаливо, по-видимому, посвящая все свое внимание сцене и великолепной музыке.

Мария Антуанетта с облегчением перевела дух; ее бледные щеки опять порозовели, глаза прояснились. С невыразимой отрадой, отдыхая от тяжелой борьбы и резких диссонансов своего мучительного существования, слушала она дивные мелодии, возвышенную музыку учителя своих юношеских лет, великого маэстро Глюка. Откинувшись на спинку кресла, королева упивалась этими звуками, которые воскрешали в ней воспоминания далекого прошлого. Она видела себя в воображении то ребенком, то юной принцессой. Вот она в Шенбрунне, в голубом музыкальном зале, где ожидает прихода Глюка вместе со своими сестрами. Во время урока к ним присоеди-

ется императрица, великая Мария Терезия. Она пожелала дать маэстро Глюку доказательство своего высокого уважения и пришла сообщить ему лично, что принцесса Мария Антуанетта помолвлена с дофином Франции и в скором времени распрощится со своим учителем, чтобы вступить на новую, блестящую стезю.

Ропот недовольства в публике заставил королеву очнуться от ее грез, она выпрямилась в кресле и нагнулась вперед, чтобы видеть, что случилось. Ее взор, обратившийся сначала к сцене, увидел певца Клерваля, который только что начал своим дивным, мягким и в то же время сильным голосом свою большую арию. В ней преданный друг утешает удрученную горем, плачущую царицу Альцесту, и старается одобрить ее уверениями в любви верных ей приближенных.

Певец Клерваль дошел теперь в своей арии до того знаменитого пассажа, при исполнении которого полгода назад Мария Антуанетта одержала последний блестящий триумф. В этом месте говорилось:

“Несчастливая царица, слез не лей

И сердца утоли страданье;

Еще не мало у тебя друзей!”

Но едва Клерваль запел первую строфу, как раздался громовой голос Сантера:

- Не надо, не хотим слышать эту арию!

- Пойте, пойте! - закричали сотни голосов со всех мест театра.

И вдруг, заглушая вой и рев спорящих, грянул громкий, пронзительный голос:

- Я запрещаю певцу Клервалю когда-либо петь эту арию! Я запрещаю ему это от имени народа!

Эти слова прокричал Марат. Стоя на кресле княгини Ламбаль, с угрозой протягивая длинные руки к сцене, он обратил теперь свое злое, дышавшее яростью лицо к королеве. Мария Антуанетта, с ужасом повернувшая голову в ту сторону, откуда раздался крик, встретила своим испытующим взором с глазами Марата, смотревшего на нее с насмешкой и злобой.

Она вздрогнула и в смертельном испуге схватилась рукой за сердце.

- О, Боже мой, - прошептала она, - это - не человек, это - демон злости, взгромоздившийся на стул моей кроткой Ламбаль! Ах, добрый гений скрылся, а демон занял его место, - демон, который погубит нас всех!

- Да здравствует Марат! - заревел Сантер со своими сообщниками. - Да здравствует Марат, великий друг народа, истинный патриот!

Марат кивнул на все стороны, спрыгнул с кресла и развалился в нем с небрежным видом.

Клерваль замолк посреди арии и бледный, смущенный, дрожа в смертельном испуге, отступил назад, после чего дирижер шепотом отдал приказание оркестру и подал певице знак начинать следующий номер.

Таким образом опера продолжалась, и публика некоторое время могла спокойно наслаждаться музыкой и пением. Но это длилось недолго. Певица Дюгазон, пылкая роялистка, вздумала устроить маленький триумф королеве; она хотела показать ей что хотя Клерваль должен был умолкнуть, но любовь и обожание Дюгазон еще живы в ней и она готова проявить их.

Исполняя партию служанки Альцесты Дюгазон должна была пропеть: "Ах, как я люблю царицу, как люблю мою госпожу!"

Артистка подошла к самой рампе и, обратив взоры к королевской ложе, пропела с низким, почтительным поклоном: "Как я люблю царицу, как люблю мою госпожу!". То было как-будто сигналом к новому взрыву страстей: в театре поднялись оглушительный крик, неистовое беснование. Сначала громкий рев, шиканье и аплодисменты слились в один беспорядочный гам, в котором ничего нельзя было разобрать, кроме отдельных возгласов, выделявшихся порой в этом невообразимом хаосе

Не надо нам никакой королевы! вопили одни

Не надо нам никакой госпожи! орали другие, и тут же слышались воодушевленные крики:

Да здравствует королева, да здравствует наша повелительница!

Эй радостно воскликнул Марат сопровождая свой возглас отвратительным кривлянием своей маленькой, костлявой фигуры, это ли не адское ликование? Сам сатана должен заплясать от радости, услышав такой содом!

Все ожесточеннее и неистовее становился крик враждующих в партере. Багровые от ярости лица противников уже обращались одно к другому, там и сям замелькали поднятые кулаки, с явным намерением принудить к молчанию соседа из противного лагеря.

Королева, дрожа всем телом, в полубеспамятстве опустила голову на грудь, чтобы никто не видел ее слез, катившихся по мертвенно-бледным щекам.

- О, Боже мой, Боже мой, прошептала она, - мы погибли, безвозвратно погибли, потому что нас толкают в пропасть не только враги, но еще более наши друзья! Зачем этой певице вздумалось обернуться ко мне, обратив ко мне свои слова! Она хотела доставить мне триумф, а между тем только навлекла на меня позор и унижение.

Мария Антуанетта внезапно вздрогнула и подняла голову. Она снова услышала резкий, насмешливый голос, еще рань-

ше поразивший ее сердце, как удар острого меча, голос злого демона, который занимал теперь место доброго гения в кресле княгини Ламбаль.

Этот голос воскликнул:

- Парижский народ прав! Не надо нам королевы, а, главное, не надо госпожи! Только рабы признают над собой господ. Если Дюгазон еще раз осмелится запеть: "Я люблю мою царицу, мою госпожу", - то ее накажут, как принято наказывать рабов, то есть выпорют кнутом.

- Bravo, Марат! Bravo! заревел Сантер со своей необузданной шайкой.

- Bravo, Марат, bravo! - подхватили его друзья, сидевшие в ложах. - Да, ее следует выпороть кнутом!

Марат кивнул на все стороны, и теперь его горевшие насмешливой злобой взоры снова обратились на королевскую ложу.

- Но не одну певицу выпорют кнутом, воскликнул он, еще сильнее повышая свой резкий, пронзительный голос и грозя кулаками, - нет, не одна певица будет наказана; еще более строгого наказания заслужили те, которые подстрекают людей к подобного рода выходкам. Если австриячка еще раз вздумает показаться здесь, чтобы сбивать с толку жалостливых глупцов своим мученическим видом, если ей придет фантазия подкупить нас своими слезами, то мы угостим ее, как она того заслуживает.

Королева вскочила с кресла, как разъяренная львица, и подошла к самому барьеру ложи. Гордо выпрямившись, с гнвно сверкающими глазами, с разгоревшимся лицом, стояла она, истинная дочь цезарей, мужественная дочь Марии Терезии, и уже раскрыла уста, чтобы заговорить, чтобы покарать своим гневом наглеца, как раздался другой голос, в ответ Марату воскликнувший:

- Замолчи, Марат, замолчи! Кто осмеливается унижить и оскорбить женщину, будь она королева или нищая, тот бесчестит самого себя, бесчестит свою мать, свою жену, свою дочь. Взываю ко всем Вам, взываю ко всей публике, чтобы она заступилась за беззащитную женщину, которую посмел смертельно оскорбить Марат! У всех Вас есть матери, жены или невесты, а со временем будут и дочери, Защитите честь женщины, не допускайте, чтобы ее позорили в Вашем присутствии! Марат оскорбил женщину, мы обязаны дать ей нравственное удовлетворение. Присоединитесь же ко мне и воскликнем в один голос: "Да здравствует королева! Да здравствует Мария Антуанетта!"

И публика, увлеченная воодушевлением этого молодого, красивого мужчины, который поднялся с места в одной из лож, разразилась дружными, восторженными кликами:

- Да здравствует королева! Да здравствует Мария Антуанетта!

Дрожа от ярости, с позеленевшим лицом, Марат опустил-ся в свое кресло.

- Я давно догадывался, что Барнав - изменник, - пробормотал он. - Я припомню этот момент и Барнав со временем поплатится мне за него своей головой.

- Барнав, это - Барнав, - прошептала про себя королева. - Он снова спас меня от страшной опасности, потому что в пылу гнева я была готова ответить этому чудовищу, как он того заслуживал.

- Да здравствует королева! Да здравствует Мария Антуанетта! - кричала и ликовала публика.

Мария Антуанетта подалась вперед с грустной улыбкой и раскланялась публике. Но она ни разу не взглянула на ложу, где сидел Барнав, не поблагодарила его ни единой улыбкой за оказанную услугу. Ведь она знала теперь, что ее благоволение навлекло беду на тех, которые удостаивались его, а тот, которому она дарила свою улыбку, подвергался народной опале.

Восторженные овации публики все еще продолжались. Но королева почувствовала страшное изнеможение, смертельную усталость и, отойдя от барьера ложи и кивнув своей фрейлине, прошептала:

- Пойдемте! Выйдемте отсюда, пока публика кричит: "Да здравствует Мария Антуанетта!". Как знать, может быть, через минуту мы снова услышим: "Долой королеву! Не надо нам королевы!". Мне больно слышать это. Идемте!

И, под громкое ликование публики, Мария Антуанетта покинула королевскую ложу и вышла в коридор, в сопровождении Бюга и двух караульных офицеров национальной гвардии.

Но коридор, который предстояло миновать королеве, и лестница, по которой ей надо было сойти, чтобы добраться до своей кареты, были запружены любопытными. С быстротой бури распространилась в Париже двоякая весть, что королева посетит в тот вечер оперный театр и что там в ее присутствии произойдет нечто необычайное.

Поэтому роялисты поспешили в оперу, чтобы приветствовать королеву или по крайней мере взглянуть на нее, когда она пройдет мимо. Любопытные и праздные, настроенные враждебно, явились посмотреть, что будет, и покричать, вторя большинству. Благодаря такому стечению публики, обширный зрительный зал не мог вместить и половину желавших присутствовать на представлении, и таким образом оставшиеся запрудили коридор и лестницу, или же толпились у выходных дверей. Повсюду, что стоявшие у подъезда уже одним своим присутствием останавливались в свою очередь, желая посмот-

реть, что тут происходит, и протискивались вперед на лестницу, чтобы все видеть и слышать.

Но междоусобие, свирепствовавшее в зрительном зале, распространилось и за его пределы; клики, раздававшиеся там, повторялись теперь по пути королевы. Она могла подвигаться вперед только очень медленно, шаг за шагом; толпа все сильнее напирала на нее, все громче звучали вокруг ярые возгласы враждебных партий:

- Да здравствует королева! Да здравствует национальное собрание! Долой королеву!

Мария Антуанетта как-будто не слыхала ни приветственных, ни обидных кликов. С гордо поднятой головой, со спокойной, серьезной миной подвигалась она вперед, не обращая внимания на давку, в которой провожавшие ее национальные гвардейцы только силой и угрозами прокладывали для королевы дорогу.

Наконец, тяжелый, скорбный путь был окончен, наконец, она достигла своего экипажа и могла отдохнуть на мягких подушках, могла предаться своему горю, своим слезам вдали от зорких глаз бдительной стражи. Но - увы! - эта отрада была непродолжительна. Карета вскоре остановилась у подъезда Тюильери, - этой печальной, безмолвной тюрьмы королевской семьи. Мария Антуанетта поспешно осушила слезы и заставила себя казаться спокойной.

- Не плачьте, Бюгуа, - прошептала она, - мы не доставим нашим врагам торжества видом наших слез. Старайтесь быть веселой и не рассказывайте никому о позоре сегодняшнего вечера.

Подножка экипажа была откинута; королева вышла из него и, окруженная национальными гвардейцами и офицерами, вернулась в свои комнаты.

Никто не встретил ее здесь, никто не оказал ей приема, подобающего королеве. Лишь несколько придворных чиновников стояли в аванзале, но Мария Антуанетта не удостоила их взглядом. В качестве конституционной королевы ее принудили теперь отпустить своих верных слуг и приближенных, переменили ее домашний штат, и она отлично знала, что эти новые слуги и приближенные чиновники были сплошь ее личными врагами, приверженцами и шпионами национального собрания. Поэтому королева прошла мимо них без поклона и вступила в свою гостиную.

Но и тут она не была одна. Двери аванзала оставались открытыми и там сидел офицер национальной гвардии, обязанный сегодня сторожить ее.

Мария Антуанетта не имела больше права оставаться одна со своим горем, как и оставаться наедине со своим супругом. Корридорчик, соединявший покои короля с покоем королевы,

был постоянно заперт и в нем стоял часовой. Когда король приходил к своей супруге, караульный следовал за ним и стоял у дверей, ловя каждое слово, которым обменивалась королевская чета, пока король не удалялся вновь. Таким образом оба входа в покои королевы бдительно стерегли, потому что против одного из них сидел дежурный офицер национального собрания, а перед дверьми другого стоял на часах национальный гвардеец.

С тяжелым вздохом королева вошла, наконец, в свою спальню. Караульный офицер уже сидел против отворенной двери смежного зала и с серьезной, холодной миной заглядывал в комнату. на одну минуту выражение досады появилось на лице королевы; ее губы дрогнули, точно хотели вымолвить гневное слово. Однако, она преодолела свое неудовольствие и зашла за высокие ширмы, чтобы дать себя раздеть своим камеристкам и заменить парадный туалет батистовым negligé. После того королева отпустила своих служанок и, выйдя из-за ширм, сказала достаточно громко для того, чтобы офицер мог слышать ее:

- Я устала и желаю лечь спать.

Офицер тотчас поднялся и сказал, обращаясь к двум национальным гвардейцам, стоявшим у дверей аванзала:

- Королева ложится в постель, значит, караул в черном коридоре можно снять. Национальное собрание приказало облегчить службу национальной гвардии и не ставить лишних часовых. Пока королева лежит в постели, достаточно пары глаз, чтобы стеречь ее, и могу поручиться, что она будет под хорошим надзором!

Солдаты удалились из аванзала, тогда как офицер снова приблизился ко входу в спальню. Но он не сел в кресло у порога, а прошел прямо в комнату королевы. Мария Антуанетта вздрогнула и протянула руку к колокольчику, стоявшему на столе у ее изголовья.

- Тише, ради Бога, тише! - прошептал офицер. - Не поднимайте шума, Ваше величество! - И, опустившись на колени перед королевой, он поднял голову с умоляющим видом. - Ведь я - Тулан, - прошептал он, - верный слуга моей королевы. Соизвольте, Ваше величество, вспомнить меня. Вот письмо от моей покровительницы, госпожи Кампан, которая хорошо отзывается обо мне. Не угодно ли Вам, государыня, прочесть его?

Королева поспешно пробежала глазами листок и с кроткой улыбкой обратилась к офицеру, который все еще стоял на коленях, воздавая ей королевскую почесть среди унижения и несчастья!

- Встаньте! - мягко сказала она. - Королева повергнута в прах, а моя корона так сокрушена, что не стоит больше преклоняться перед ней!

- Государыня, я вижу два венца на Вашей благородной голове, - шепотом продолжал Тулан, - королевский и мученический. Им обоим посвящаю я свою службу, свою верность и готов положить за них жизнь. Правда, я могу сделать только немного для Вашего величества, но в это немного я вложу все свое усердие. Прикинувшись ярым ненавистником короля, отчаянным якобинцем, я достиг того, что мое имя включили в список караульных офицеров, благодаря чему мне предстоит дежурить раз в неделю у дверей спальни Вашего величества.

- И Вы хотите оказать мне услугу, отодвинув так свое кресло, чтобы я не видела Вас и не мучилась всю ночь напролет невыносимым сознанием, что меня стерегут? - умоляющим тоном спросила королева.

- Нет, Ваше величество, - ответил растроганный Тулан, - я останусь в своем кресле, но Вы, Ваше величество, пожалуй, предпочтете превратить ночь в день и не ложиться, так как во время моего ночного дежурства никто не будет мешать Вам?

- Что значат Ваши слова? - в радостном волнении спросила Мария Антуанетта.

- Насколько мне известно, в дневную пору Вы никогда не можете разговаривать без свидетелей с королем. Поэтому, если Вы желаете вести с его величеством интимную беседу, то должны воспользоваться ночным временем. Вы изволили слышать, что караул удалился на ночь из коридора; теперь вполне зависит от Вашего величества покинуть свою спальню и отправиться в комнату короля.

Луч радости мелькнул по лицу королевы.

- Благодарю Вас! Благодарю Вас сегодня, как женщина, - воскликнула она. - Может быть, мне удастся еще отблагодарить Вас со временем, как подобает королеве. Я принимаю Ваше великодушное предложение. Хорошо, я обращаю ночь в день и при Вашем содействии без помехи стану проводить по нескольку часов со своим супругом и детьми. Так Вы говорите, что Вас будут часто наряжать сюда?

- Да, Ваше величество, раз в неделю я буду находиться в Вашем распоряжении и готов исполнять все, что Вы прикажете мне.

- Я уже отвыкла приказывать, - с горечью возразила Мария Антуанетта. - Вы видите, что королева Франции бессильна, но она еще не совсем несчастна, потому что у нее есть друзья. Вы принадлежите к их числу и, чтобы мы оба сохранили память о сегодняшнем вечере, я буду всегда называть Вас моим верным приближенным.

Да, королева не была вполне несчастна! У нее были друзья, готовые с ней страдать, а если так суждено, то и умереть. Супруги Полиньяк уехали, но княгиня Ламбаль, посланная королевой в Лондон для переговоров с Питтом, вернулась

обратно, несмотря на предостережения и просьбы королевы. Узнав, что княгиня собирается покинуть Англию, она написала ей:

“Не возвращайтесь сюда в критический момент, иначе Вам пришлось бы слишком много плакать над нашей участью. Поверьте, что я вполне оценила Вашу доброту, Вашу истинную дружбу. Но именно из расположения к Вам я не желаю Вашего возвращения сюда. Знайте, что моя нежная привязанность к Вам окончится только со смертью”.

Однако никакие предостережения не могли удержать княгиню Ламбаль вдали от Франции. Она вернулась в Париж, и Мария Антуанетта могла находить утешение по крайней мере в близости преданного друга.

Нет, королева не была вполне несчастной! Кроме верной Ламбаль у нее были дети: прелестная, расцветающая дочь и дофин - гордость и радость ее материнского сердца.

Дофин еще не сознавал горя и несчастья, угрожавших ей. Подобно цветам, роскошно растущим и распускающимся на могилах, чудный мальчик рос и расцветал в Тюильерийском дворце, который был не чем иным, как могилой прежнего королевского великолепия.

Но дофин являлся солнечным лучом в этом мрачном, печальном жилище, и лицо Марии Антуанетты прояснилось, когда она смотрела на сына, питавшего к ней нежную привязанность. Его веселый смех вызывал у нее самой улыбку.

Вообще, когда первый пыл народного гнева остыл, цепи, в которые заковали королевскую семью, значительно ослабли и сделались менее тягостными. Члены королевского дома могли, по крайней мере, покидать, когда им вздумается, душные комнаты и спускаться в сад, хотя и под надзором национальных гвардейцев. Им позволялось вновь запирать двери своих комнат, хотя за их порогом стояли часовые с ружьем на плече. Проходили целые недели, даже месяцы в 1791 году, когда казалось, что взволнованные умы готовы успокоиться, а королевская власть может быть восстановлена. Король до известной степени получил прощение от национального собрания, приняв конституцию и присягнув ей. Эта конституция, составленная национальным собранием, конечно лишала короля всякой силы и власти и оставляла его до поры до времени лишь в виде автомата, который мог двигаться только по произволу конституции и конвента.

Но, желая доставить мир своему народу, король принес и эту жертву, присягнув конституции. Народ как-будто почувствовал благодарность к нему и был готов вернуться к более мирному настроению. Он перестал докучать королеву злобными насмешками, когда она показывалась в саду Тюильери или в Булонском лесу. В Париже даже вошло в моду интересоваться

ся дофином, расхваливать маленького принца, как чудо красоты и привлекательности, и ходить в Тюильери, чтобы посмотреть, как он работает в своем саду.

Этот сад был расположен в непосредственной близости ко дворцу, у конца террасы, выходящей на набережную; дом был окружен высокой проволочной решеткой и примыкал к маленькому павильону, где жил аббат Даву, наставник дофина. В Версале дофин имел собственный садик, где работал сам, сажал растения, копал землю и каждое утро срезал цветы для букета, который подносил своей "маме-королеве". Маленький садик на Тюильерийской террасе должен был заменить ему этот любимый уголок. Мальчик был в восторге от своих новых владений и каждое утро, по окончании уроков, отправлялся туда копать гряды, поливать растения и ухаживать за цветами.

С тех пор этот сад подвергался многократным изменениям; он увеличен, возобновлен, обнесен более высокой решеткой, но остается тем же садиком дофина Людовика Шарля, который впоследствии был отведен Наполеоном маленькому римскому королю, Карлом Десятым - герцогу Бордосскому и Луи Филиппом - графу Парижскому.

Какое множество воспоминаний связано с этим клочком земли, который так скоро покидали его юные владельцы! Один из них, едва достигнув десятилетнего возраста, угас в тюрьме, другой, еще моложе его, был унесен политической бурей на чужбину и дожил только до момента, давшего ему возможность перед смертью узнать имя своего отца и посмотреть на его шпагу. Третий и четвертый были также сметены бурей и долго скитались в изгнании по Австрии и Англии. А сколько слез должны были пролить эти дети, достойные сожаления и сами по себе, над участью их отцов! Один из них умер на эшафоте, другой - под ножом наемного убийцы, третий - вследствие падения на каменную мостовую проезжей дороги и, наконец, величайший из них был, подобно Прометею, прикован к скале и постепенно замучен до смерти своими воспоминаниями.

Этот садик в Тюильерийском парке со стороны набережной, получивший теперь историческое значение, представлял собой в то время эльдорадо маленького дофина Франции, и полюбоваться царственным ребенком было величайшим удовольствием для парижан, которые, сделались опять на некоторое время восторженными роялистами.

Когда принц отправлялся в свой садик, его обыкновенно сопровождал отряд национальной гвардии, стоявший на карауле в Тюильери, и дофин, учившийся теперь военному строю, обыкновенно был в форме национальных гвардейцев. Во всех магазинах был выставлен его портрет в военной форме, который воспроизводился также на веерах, булавах, перстнях. И

между самыми знатными дамами Сэн-Жерменского предместья, как и между рыночными торговками, считалось хорошим тоном украшать себя миниатюрой дофина. Как сияли его черты, как блеснул взор, когда ребенок, в сопровождении своего конвоя, которым он гордился, шел к себе в садик! Если свита была не слишком многочисленна, принц приглашал ее войти с собой. Однажды, когда все дежурные гвардейцы добивались чести сопровождать принца, многие из них были принуждены остаться за решеткой сада.

- Извините, господа, - сказал им дофин, - мне очень досадно, что мой сад так мал, так как это лишает меня удовольствия принять вас всех у себя.

После того он поспешил поднести цветы каждому, кто приближался к решетке, и радовался, получая восторженную благодарность.

Дофин возбуждал такой энтузиазм, что парижские мальчики завидовали взрослым, дежурившим у него, и мечтали поступить в солдаты, чтобы попасть в свиту дофина. Таким образом возник полк малолеток, назвавший себя "полком дофина". Парижские граждане спешили записывать в него своих малолетних сыновей и приобретали для них обмундирование и вооружение. Когда этот полк миниатюрных гренадер был сформирован и обучен, то, с разрешения короля явился в Тюильери, на парад, в присутствии дофина. Принц пришел в восторг от своего маленького полка и пригласил его офицеров к себе в сад, полюбоваться его цветами, составлявшими драгоценнейшее сокровище дофина.

- Не осчастливите ли Вы нас, став шефом нашего полка? - спросил его один из мальчиков.

Дофин с радостью согласился.

Большинство этих маленьких солдат составляли первоначально дети знатных фамилий и понятно, что они, по своей благовоспитанности, оказывали своему молодому начальнику известное внимание. Однако им было строго запрещено оказывать в чем-либо уступчивость своему товарищу. "Я, конечно, желаю, - сказал король, - чтобы у моего сына были товарищи, для возбуждения его честолюбия, но не хочу, чтобы у него были льстецы, старающиеся угождать ему". Вскоре число маленьких солдат увеличилось, потому что каждая семья добивалась чести определить своих сыновей в "Королевский полк имени дофина" и записывала их в его ряды. Простонародье же сбегалось толпами, когда этот полк производил учение на площади Карусель. Солдатики представляли миниатюрную копию французских гвардейцев, в треуголках и мундирах с белыми отворотами, и нельзя было представить себе ничего прелестнее этого полка цветущих мальчиков в изящной форме

■ маленького шефа, который с сияющим лицом и радостной улыбкой, следил за упражнениями своих подчиненных.

Последние, со своей стороны, так восхищались своим малолетним шефом и были так привязаны к нему, что вздумали доставить ему доказательство своей любви. Однажды офицеры полка явились в Тюильери и просили у короля разрешения поднести своему шефу подарок от имени всего полка.

Король охотно разрешил это и ввел сам маленьких офицеров в приемный зал, где находился дофин вместе с королевой.

Дофин весело поспешил навстречу офицерам.

- Добро пожаловать, товарищи, добро пожаловать! - воскликнул он, протягивая им руки. - Моя мама-королева говорит, что Вы хотите поднести мне что-то, что доставит мне удовольствие. Но я и без того рад видеть Вас; с меня довольно и этого!

- Но Вы не захотите отвергнуть наш подарок, командир?

- О, конечно, нет! Ведь папа-король говорит, что командиру не запрещается принять почетный подарок от своего полка. В чем же он заключается?

- Командир, мы подносим Вам игру домино, сделанную целиком из развалин Бастилии, - сказал маленький офицер Паллуа, стоявший во главе депутации, а затем, сняв чехол с черного мраморного ящика с золотыми наугольниками, подал его дофину и с торжественной миной произнес следующее четверостишие:

“Развалины старинной здесь твердыни, темниц остатки - ужаса страны, Чтоб мощь народа ты познал отныне В забаву для тебя превращены”.

Бедный, маленький дофин! Даже, оказывая ему почет, не могли обойтись без угрозы, и подарок, поднесенный царственному ребенку с любовью, был в то же время даром революции, которая в виде предостережения указывала ему на прошедшее, когда ненависть народа разрушила мрачную темницу, служившую орудием королевского могущества!

Дофин в своей детской невинности не почувствовал укола, скрытого в символическом даре без ведома самих жертвователей. Он в простоте детской души радовался прекрасному подарку и просил объяснить ему значение игры. Все плитки домино были выточены из черной мраморной облицовки камня в приемном зале Дэлонэ, губернатора Бастилии, умерщвленного парижским простонародием. На обратной стороне каждой плитки была выгравирована золотая литера, и когда их распределяли по порядку, то получалась надпись: “Да здравствует король! Да здравствуют королева и его высочество дофин!”. На ящик пошел мрамор алтарной доски из часовни

Бастилии. В середине его находилось золотое рельефное изображение.

- Это - мой папа-король! - радостно воскликнул дофин, указывая на портрет.

- Да, - подтвердил Паллуа, предводитель маленького отряда. - Каждый из нас носит его в своем сердце. Подобно королю, Вы будете жить для счастья своих подданных и, подобно ему, будете кумиром Франции. Мы, французские солдаты и граждане будущего, приносим Вам, полководцу и королю будущего, свою присягу, как будущие опоры трона, который предназначен Вам и который был поставлен мудростью Вашего отца под непоколебимую власть законов. Дар, принесенный нами Вам, ничтожен, но каждый из нас прибавляет к нему свое сердце.

- А я отдаю Вам свое собственное, - в радостном волнении воскликнул дофин, и постараюсь быть благонравным и хорошо учиться, чтобы мне позволили в награду играть в мое прекрасное домино! - При этих словах, нежно взглянув своими большими голубыми глазами на королеву, стоявшую с ним рядом, дофин схватил ее руку, поднес к губам и врадчиво сказал: - милая мама-королева, когда я буду умницей и прилежным, ведь ты поиграешь со мной в мое домино?

Печальная улыбка блуждала по губам королевы, и никто не заметил робкого, испуганного взгляда, устремленного ею на этот ящик, который был для нее только памятником страшного дня.

- Да, дитя мое, - кротко сказала она, - мы поиграем с тобой в домино и будем часто забавляться им, потому что ты, конечно, постарайся быть послушным и прилежным.

Мария Антуанетта заставила себя ласково поблагодарить мальчиков за поднесенный дофину подарок и казаться приветливой и веселой до тех пор, пока члены делегации не удалились в сопровождении короля и дофина. Но, когда они вышли, улыбка замерла на ее губах и она с ужасом указала на ящик, обращаясь к Турзель:

- Унесите его прочь, унесите скорее! Это - страшное напоминание о прошлом, ужасное пророчество для будущего. В этом ящике лежат камни Бастилии, разрушенной народом, а сам по себе он напоминает саркофаг. И на этом саркофаге портрет короля! О, горе и позор нам, несчастным, для которых даже дары любви омрачаются воспоминаниями ненависти и каждая радость отравлена горечью! Революция шлет нам своих буревестников, а мы должны принимать их за голубей с масличной ветвью! Поверьте мне, я провижу будущее: приближается потоп, который поглотит нас всех.

ОТ 20-го ИЮНЯ ДО 10-го АВГУСТА 1792 ГОДА

Мария Антуанетта была бесспорно права. Революция посылала своих буревестников в Тюильери. Они стучались своими могучими крыльями в окна королевского замка, терзали своими когтями цветы и кустарники Тюильерийского сада, так что королевская семья не осмеливалась больше показываться там. Но они не врывались пока в самый дворец, и, по крайней мере, во внутренних покоях короля, охраняемая национальными гвардейцами, была еще ограждена от оскорблений черни.

Впрочем, не совсем так, потому что буревестники революции стучались в окна, которых нельзя было не отворять по временам, чтобы впустить в мрачные залы немного солнечного сияния и свежего воздуха. Уже давно Мария Антуанетта прекратила свои прогулки по Тюильерийскому саду; народ, толпившийся за его решеткой, до такой степени оскорблял ее словами, жестами, окликами, что она предпочла вовсе не ходить туда. Наглые приставания черни отвадили от прогулок и короля, а вскоре дошло до того, что даже дофина не решались больше пускать в его садик. Марат, Сантер, Дантон и Робеспьер, наиболее видные представители народных масс, посредством угроз роялистам и подстрекательства низших слоев населения, устроили так, что никто не осмеливался более приближаться к садику принца для изъявлений приветствия и почтения королевскому сыну. Маленький полк дофина, во избежание насмешек, ненависти и гонений, пришлось распустить через несколько месяцев после его формирования, и вокруг решетки, ограждавшей сад малолетнего принца, теперь стояли только приверженцы революционных деятелей, чтобы поднимать на смех дофина, когда он появится, и поносить в его присутствии короля и королеву.

Однажды, когда необузданная толпа женщин, теснясь за решеткой, осыпала яростной бранью Марию Антуанетту, бедный дофин не мог преодолеть свою обиду и негодование. Он с разгоревшимся лицом и блестящими глазами обратился к бесновавшимся, горланившим фуриям:

- Вы лжете, лжете! Моя мама-королева вовсе не гадкая женщина и она не думала ненавидеть народ. Моя мама-королева так добра, ах, так добра!..

Его голос пресекался от слез, ливших ручьем. Пристыженный этим доказательством своей слабости, он выбежал из сада и опрометью кинулся ко дворцу, так что аббат Даву едва мог поспеть за ним. Громко плача, мальчик прошёл по коридору, но когда он поднялся по широкой лестнице и стал приближаться

ся к комнатам королевы, то остановился, подавил свои рыдания и поспешно вытер себе глаза, причем произнес:

- Я не стану больше плакать; это встревожило бы маму-королеву. Пожалуйста, господин аббат, не говорите ей ничего! Я постараюсь быть веселым, потому что это приятно маме. Иногда она бывает печальна, а лицо у нее заплакано; тогда я делаю вид, будто ничего не заметил, и начинаю смеяться, петь, прыгать, и мама становится веселее сама, иногда у нее мелькает даже улыбка. Так и сегодня я не подам ей вида, что был огорчен.

На другой день, в час обычной прогулки сына, королева вошла в его комнату, чтобы повидаться с ним, прежде чем он сойдет в сад.

- Мама, я прошу позволения остаться дома, - неожиданно сказал дофин. - Мой садик не нравится мне более.

- Почему же так, дитя мое? - спросила Мария Антуанетта. - Разве с тобой что-нибудь случилось?

- Да, мама, - ответил принц, - ты отгадала. Вокруг решетки стоит всегда так много нехороших людей, которые смотрят на меня такими злыми глазами, что мне становится страшно; вдобавок они говорят разные гадости и бранятся.

- Они бранят меня, не так ли, дитя мое?

- О, нет, милая мама! - с живостью воскликнул ребенок. - Да и как могли бы они бранить тебя, когда ты так добра? Они ругают меня, насмеваются надо мной и говорят, что я - обезьяна, дурак, мальчишка из булочной, но не умеющий печь хлеба. Мне неприятно слушать это, а когда я заплачу от обиды, то мне становится стыдно, потому что ведь я знаю, как глупо плакать перед людьми, которые желают досадить нам! Но я не больше, как бедный маленький мальчик, и мне трудно сдерживать свои слезы. Поэтому прошу тебя, мама-королева, позволь мне остаться с тобой.

С этого дня дофин уже не ходил в сад, и Тюильерийский парк сделался теперь исключительной собственностью народа, который завладел им с диким буйством. революционные песни, проклятия королевской чете, грубый хохот и рев черни, - то были буревестники, стучавшиеся в окна королевских покоев.

Марии Антуанетте оставалось теперь только единственное развлечение в горе: переписка с отсутствующими друзьями, прежде всего с герцогиней Полиньяк. Иногда ей представлялся счастливый случай отправить весточку с каким-нибудь преданным человеком, например, представлявшимся ко двору иностранцем, на верность которого можно было положиться. И Мария Антуанетта пользовалась тогда возможностью поделиться с далеким другом своими страданиями и горем, не боясь, что ее послание будет вскрыто врагами,

как это случилось со всеми ее письмами, отправляемыми по почте.

Противники королевы старались досаждают ей на каждом шагу. Она не могла появиться у окна, чтобы ее не осыпали бранью гулявшие в парке. Оскорбления черни преследовали ее даже в полутьме комнат; в самых укромных уголках до нее доносились ругательства, громко раздававшиеся под окнами Тюильери. Здесь народ с раскатистым, насмешливым хохотом расхваливал недавно вышедший пасквиль, под заглавием "Жизнь Марии Антуанетты", продававшийся на улицах. Чернь со злобной радостью повторяла почерпнутые отсюда постыдные обвинения, написанные ядовитым пером.

В такие минуты королевой овладевал неукротимый гнев. Ее глаза сверкали, стан выпрямлялся и мученица снова превращалась на один момент в гордую, властную королеву.

- Я не потерплю этого! - восклицала она, прохаживаясь большими шагами взад и вперед по комнате. - Я заговорю с ними, они не должны меня поносить, не выслушав моего оправдания! Да, я сойду вниз и потолкую с этими людьми, которые называют меня чужой, иностранкой. Я скажу им: "Французы, Вам имели жестокость внушить, что я не люблю Францию, я, мать дофина, я"...

Но вдруг слезы заглушали ее голос и она убежала в дальний конец комнаты, рыдая опускалась на колени и зажимала уши, чтобы только не слышать ужасных ругательств, раздававшихся под окнами.

Так среди ежедневно возобновлявшихся мучений протекали месяцы. Королева не надеялась больше ни на что. Она отказалась от всего, даже от надежды на доблестную смерть, подобающую королеве, под развалинами дворца, сокрушенно гневом возмущившегося народа. Она знала, что у короля не хватит мужества для такого конца, что его слабохарактерность уступит всяким унижениям, а его добродушие воспротивится всем строгим мероприятиям, которые, пожалуй, могли бы принести спасение. Напрасно старалась королева вдохнуть в него свое мужество и решительность. Людовик был добрым человеком, но плохим королем; он был рожден не для того, чтобы господствовать и управлять, но исключительно для того, чтобы искупить грехи своих отцов и пасть очистительной жертвой за претупления предков, вызвавшие гнев народа.

Королева чувствовала, знала это, и это сознание окутывало траурной пеленой все ее помыслы, все ее существование, доводя ее порой до тупой покорности судьбе, которая сменялась, в свою очередь, вспышками гнева и приливами скорби.

- Я рада, что мы падем искупительной жертвой, - говорила она, ломая руки, - но я не могу примириться с мыслью, что мои

дети также обречены понести кару за чужие грехи, к которым они непричастны.

Неотступная мысль о детях поддерживала королеву, когда пытка повседневной жизни угрожала повергнуть ее в прах. Она хотела, она должна была жить для детей. До последнего вздоха ей следовало употреблять все свои силы на то, чтобы сохранить, хотя бы для сына, французскую корону, под бременем которой изнемог его отец. Она не домогалась больше ничего для себя, она заботилась только о сыне.

Находились еще верные друзья, желавшие спасти королеву. К ней пришла тайная весть, что все готово к ее побегу. Ведь ярость народа была направлена преимущественно против нее, ее жизни угрожали больше всего. Были уже две попытки умертвить Марию Антуанетту, и она являлась предметом всех злобных обвинений французской нации. Поэтому друзья, прежде всего, хотели спасти ее. Все было устроено для бегства королевы, повсюду ожидали ее друзья, беззаветно преданные слуги, которым предстояло проводить ее до границы, чтобы передать там с рук на руки посланным австрийского императора Франца, ее племянника. План был задуман с величайшей осмотрительностью, не доставало только согласия королевы, чтобы привести его в исполнение и избавить Марию Антуанетту от верной гибели.

Но она не дала своего согласия.

- Моя собственная жизнь ничего не стоит, - сказала она. - Я знаю, что должна умереть, и готова к тому. Если король и мои дети не могут бежать со мной, то я останусь здесь, потому что мое место возле мужа и детей.

Наконец, сам король, воодушевленный мужеством и энергией своей супруги, еще раз нашел в себе силу воспротивиться постановлению законодательного собрания. Оно издавало два новых закона: первый - о высылке всего духовенства из пределов Франции, второй - о мобилизации двадцатитысячной армии, которая должна была расположиться лагерем на рейнской границе, и с принуждением к изгнанию всех эмигрантов, о смертном приговоре всем тем, которые пребывали за границей, собираясь выступить с оружием в руках против собственного отечества.

Оба эти закона Людовик отказался утвердить и наложил на них свое запрещение двадцатого июня 1792 года.

Народ, расположившийся несметными толпами против дверей национального собрания и подстрекаемый эмиссарами революции, принял известие о королевском вето с неопишуемой яростью и разразился неистовыми криками. Буревестники революции полетели по улицам, возглашая у окон каждого дома:

- Отечество в опасности! Король вступил в союз с чужеземцами! Австриячка хочет призвать австрийские войска против Франции и потому король был принужден наложить вето на декрет, осуждающий изменников отечеству. Проклятие австриячке! Проклятие господину Вето! Долой госпожу Вето! Пусть отныне это будет паролем для революционероv!

Новый пароль раскатился громом по всем улицам, отозвался во всех жилищах, и, в то время как благомыслящие люди хвалили короля в тиши своих запертых комнат за то, что он имел мужество защитить духовенство и эмигрантов, бунтовщики открыто изрыгали громкие проклятия и ругательства, призывая чернь к мести "господину и госпоже Вето".

Никто не препятствовал уличным беспорядкам. Национальное собрание не принимало против них никаких мер, спокойно выжидая, к чему приведет "праведный гнев народа".

Несметные толпы парижской черни с ревом и криком хлынули под вечер двадцатого июня к Тюильери, где не было предпринято ничего для защиты королевского дворца, где даже главные ворота не охранялись в тот день национальными гвардейцами. Поэтому король приказал отворить их настежь для беспрепятственного пропуска народа.

Через четверть часа все лестницы, коридоры, все комнаты были запружены галдевшим, воющим простонародием; одна спальня короля была заперта, и в ней, окруженная несколькими верными людьми, приютилась королевская семья: король, кроткий и спокойный, как всегда, королева, бледная, решительная, без малейшей жалобы, принцесса Елизавета, молившаяся, сложив руки, королевские дети, крепко прижавшиеся друг к другу с тихим плачем. Они подавляли свои рыдания, потому что королева ласково приказала им сидеть смирно.

Небольшое число верных слуг собралось в глубине комнаты и, затаив дыхание, прислушивалось к ударам топора, которым разъяренная толпа взламывала дверь, и к приближавшемуся реву разнузданной черни.

Наконец, во дворец прибыл отряд национальной гвардии, слишком поздно для того, чтобы выгнать оттуда чернь, но, может быть, еще достаточно своевременно, чтобы защитить королевскую семью.

Двери королевской комнаты были отперты, когда в них постучался помощник командира национальной гвардии Аклок. Он вбежал в комнату, кинулся на колени перед королем и заклинал его со слезами на глазах показаться народу, успокоить своим присутствием разъяренных безумцев.

При этой потрясающей сцене дети не могли более преодолеть свою тревогу и ужас. Дофин громко расплакался: уцепившись в смертельном испуге за платье матери, он жалобно молил увести его прочь, к нему в детскую.

Мария Антуанетта опустилась перед ним на колени, прижала к сердцу испуганного сына и тихо плакавшую дочь и успокаивала их, нашептывая им слова утешения.

Пока мать уговаривала детей, Людовик, уступив мольбам Аклока, вышел из комнаты, чтобы показаться народу. Принцесса Елизавета, его сестра, последовала за ним по коридору к большому залу, с трудом пробираясь в густой толпе, запрудившей смежный аванзал. Теснившийся здесь народ вскоре оттер ее от короля, проследовавшего дальше.

Принцессу толкали, дергали со всех сторон; она невольно отстала от брата и очутилась, наконец, в самой давке, сопровождаемая только своим шталмейстером Сэн-Парду. Ее тотчас окружили вооруженные мятежники с яростным криком и угрозами.

- Вот она, австричка!

С этим кровожадным возгласом все пики и ружья направились на принцессу Елизавету.

- Опомнитесь, - закричал Сэн-Парду, - что вы затеваете? Ведь это - не королева!

- Зачем Вы выводите их из заблуждения? - сказала принцесса. Их ошибка могла бы спасти королеву! - и, отведя один из штыков, направленных ей в грудь, она промолвила кротким голосом: будь осторожнее! Вы рискуете нечаянно ранить кого-нибудь, а я уверена, что это огорчило бы Вас.

С этими словами принцесса двинулась дальше, сквозь ряды почтительно расступившихся теперь перед ней мятежников, спеша присоединиться к королю. Он стоял посередине зала, окруженный толпой, которая угрожала ему с неистовыми проклятиями. Один из этих бешеных людей протиснулся к нему, пока другие кричали, что надо умертвить всю королевскую семью; у этого наглеца были в руках бутылка и стакан. Наполнив последний до краев, он подал его королю и приказал ему выпить за здоровье нации.

Король спокойно взял стакан и произнес твердым голосом:

- Пусть французская нация знает, что я люблю ее, так как я принес ей много жертв. От всего сердца пью за ее здоровье!

И, несмотря на тревожные предостережения верных приближенных, Людовик поднес стакан к губам и опорожнил его.

Тем временем королеве удалось успокоить плакавшего дофина. Она поднялась с колен и, увидев, что король вышел, бросилась к выходу. Преданные люди преградили ей путь, напоминая ей, что она не только королева, но и мать; они со слезами заклинали ее внять советам благоразумия и не подвергать себя напрасно жестокой опасности, увеличивая тем еще более опасность, грозившую королю.

- Пусть никто не мешает мне исполнить мой долг! - воскликнула королева. - Отойдите прочь от дверей!

Однако верные слуги упорствовали, не отступив даже перед гневом королевы. В этот момент через другую дверь в комнату вошло несколько национальных гвардейцев. Они старались успокоить Марию Антуанетту, уверяя, что жизнь ее супруга в безопасности.

Тем временем шум и гам все приближались; угрозы смерти и яростный рев доносились уже из караульного зала, запертые двери поддались под напором извне и в комнату хлынули толпы народа, словно морские волны, гонимые бурей. Национальные гвардейцы загородили тогда королеву с детьми массивным столом и стали сами по обеим сторонам для их защиты.

Только эта ничтожная преграда отделяла Марию Антуанетту от врагов, которые направили на нее свое оружие. Но к королеве вернулось уже все ее самообладание и она приняла свою гордую осанку. Эта женщина стояла, выпрямив стан; с правой стороны к ней прижималась испуганная дочь, слева - дофин, с удивлением смотревший во все глаза на врывающийся народ. Позади королевы стояли княгини Ламбаль и Тарант, а также де Турзель.

Королева не потупляла взора; он был твердо устремлен на кричавших и ревущих бунтовщиков, но когда к ней приблизился человек в окровавленной куртке, тогда ее ресницы дрогнули, а щеки покрылись смертельной бледностью, потому что она узнала в нем сапожника Симона. Ужасное предчувствие подсказывало королеве, что этот злодей, вечно появлявшийся перед ней, как демон ненависти, когда ее жизни грозила опасность, готовит ей беду и горе также в будущем.

В это время издали слышались все приближавшиеся крики:

- Да здравствует Сантер! Да здравствует Сэнт-Антуанское предместье! Да здравствуют санкюлоты*.

Затем во главе толпы полуобнаженных молодцов в комнату ворвался пивовар Сантер в фантастическом одеянии абруццского разбойника, с кинжалом и пистолетами за поясом, в широкополой шляпе с красными перьями, надетой набекрень на его темно-русых волосах, которые развевались наподобие львиной гривы по обеим сторонам свирепого лица.

Мария Антуанетта подняла дофина, посадила его перед собой на стол и шепнула ему, чтобы он не плакал, не пугался. И доверчивый ребенок с улыбкой стал целовать руки матери.

Тут подскочила к столу пьяная женщина. Швырнув на него красный колпак, она, под угрозой смерти, приказала ко-

---

* Собственно говоря "голоштанник". Так с гордостью именовали себя представители французской черни того времени.

ролеве надеть его на себя. Мария Антуанетта обвила обеими руками дофина и спокойно обратилась к стоявшему возле нее генералу фон Виттенгофену:

- Наденьте на меня колпак!

Женщины радостно заревели, когда генерал, бледный от бешенства, трепетавший от горя, исполнил приказание королевы и надел красный колпак на ее волосы, поседевшие от скорби в одну ночь.

Однако минуто спустя Виттенгофен снял этот головной убор с королевы и положил его на стол. Со всех сторон тотчас раздался повелительный крик:

- Красный колпак дофину! Трехцветную ленту маленькому Вето!

Женщины поспешили сорвать ленты со своих колпаков и швырнули их на стол.

- Если ты любишь французскую нацию, - закричали они королеве, - то надень своему сыну красный колпак!

Королева кивнула де Турзель, и та нарядила дофина в красный колпак и повязала ему на шейку и на руку трехцветные ленты. Ребенок недоумевал, шутка это или оскорбление, и поглядывал на окружающих со смущенной улыбкой.

Облокотившись на стол, Сантер со смехом разглядывал удивительную группу. Но когда он увидел вблизи гордое и вместе с тем кроткое лицо королевы, когда заметил капли пота, струившиеся из-под шерстяного колпака по лбу дофина, то даже в его душе шевелнулась жалость. И выпрямившись, может быть, для того, чтобы избежать взоров Марии Антуанетты, пивовар крикнул грубым голосом:

- Да снимите Вы колпак с ребенка! Разве не видите, что он вспотел?

Королева поблагодарила его кротким взором и сняла сама колпак с головы бедного мальчика.

Вот протискалась к столу ватага разъяренных женщин. Грозя королеве кулаками, они осыпали ее неистовыми проклятиями.

- Видите, как спесиво и презрительно посматривает на нас эта австриячка! - крикнула одна молоденькая женщина, стоявшая в первом ряду. - Она готова разразить нас своими глазами, потому что мы ей ненавистны!

Мария Антуанетта ласково обратилась к ней:

- С какой стати мне ненавидеть Вас? Это Вы ненавидите меня! Разве я когда-нибудь причиняла Вам зло?

- Мне, конечно, нет, - ответила молодая женщина, - но французской нации.

- Бедное дитя, - мягко возразила королева, - Вам внушили это, а Вы и поверили! Какая могла быть мне польза в том, чтобы вредить французской нации? Вы называете меня австриячкой.

Но ведь я - жена короля Франции, мать дофина; я - француженка всеми своими чувствами, как супруга и мать. Страны, где я родилась, мне никогда больше не увидеть, и от одной Франции зависят мое счастье и горе.

Мария Антуанетта произнесла эти слова мягким, задушевым тоном, со слезами на глазах, и во время ее речи шум внезапно затих, а ярые революционерки превратились вдруг в добрых, сострадательных женщин.

Молодая женщина, так злобно нападавшая на королеву, заплакала.

- Простите, - сказала она, - я не знала Вас, а теперь вижу, что Вы совсем не злая.

- Нет, она не злая, - крикнул Сантер, стукнув обоими кулаками по столу, - но ее сбили с толку злые люди.

И он в азарте вторично стукнул по столу.

Мария Антуанетта слегка вздрогнула, поспешно сняла дофина со стола и поставила его с собой рядом.

- Пожалуйста не бойтесь! - с улыбкой воскликнул Сантер. - Вам не сделают ничего дурного. Но подумайте о том, что Вами злоупотребляют и что опасно обманывать народ. Говорю Вам это от имени народа. Впрочем Вам нечего бояться.

- Да я и не боюсь, - спокойно ответила Мария Антуанетта. - Зачем бояться, когда окружен храбрыми людьми! - и она грациозным жестом протянула руки национальным гвардейцам, стоявшим возле стола.

Громкое ликование, дружный приветственный клик послужили ответом на эти слова королевы. Национальные гвардейцы схватили ее руки и покрыли их поцелуями. Даже необузданные женщины были тронуты и взволнованы.

- Какая храбрая эта австриячка! - воскликнула одна из них.

- А какой красавчик - принц! - подхватила другая.

И все теснились ближе к столу, чтобы посмотреть на дофина, поймать его улыбку или взор.

Сантер между тем не спускал взора своих больших глаз с королевы. Опершись обеими руками о стол, он подался к ней так далеко, что его губы приблизились к ее уху, и прошептал:

- У Вас крайне неловкие друзья. Я знаю людей, которые служили бы Вам гораздо лучше, которые...

Но, как-будто раскаявшись в этом порыве участия, пивовар замолк, спрыгнул со стола и скомандовал громовым голосом всем присутствующим отступить и очистить дворец.

Они беспрекословно повиновались его приказу, проворно построились в ряды, и, подражая солдатской выправке, зашагали в ногу мимо стола, служившего прикрытием для королевы с ее детьми и верными приближенными.

Странное то было шествие, странная армия! Ее составляли мужчины, вооруженные пиками, кирками и лопатами, женщины с ножами и ножницами, которыми они размахивали над головой. И все эти свирепые, смеющиеся, насмешливые или дышавшие участием лица были обращены к королеве, которая со спокойными глазами и кротким взором отвечала на поклоны проходивших мимо нее людей, приветливо кивая им на прощание.

Наконец подросла долго мешкавшая помощь и к королю. Национальные гвардейцы утомонили бушевавший народ и заняли большой приемный зал, где находился Людовик. Парижский мэр Петион явился, наконец, сам и, приветствуемый громкими кликами народной массы, занимавшей все пространство зала за цепью национальных гвардейцев, приблизился к королю.

- Ваше величество, - сказал он, - мне только сейчас стало известно, что здесь происходит.

- Странно! - возразил король с укоризненным взором, - парижскому мэру следовало бы раньше узнать об этом буйстве, продолжающемся здесь уже три часа!

- Но теперь оно прекратилось, Ваше величество, потому что я тут, - с гордой миной воскликнул Петион. - Вам нечего теперь бояться, государь.

- Бояться? - подхватил Людовик, презрительно пожимая плечами. - У кого чистая совесть, тот никого не боится. Вот посмотрите, - продолжал он, взяв руку стоявшего с ним рядом гренадера и приложив ее к своему сердцу, - и скажите этому человеку, ускоренно ли бьется мое сердце.

Тут Петион обратился к народу, увещевая его удалиться.

- Граждане и гражданки, - сказал он, - вы начали сегодняшний день поутру достоинством и мудростью; вы доказали, что вы свободны. Закончите же его, как начали. Разойдитесь мирно по домам, последуйте моему примеру, вернитесь каждый восвояси и ложитесь спать.

Простонародье, польщенное похвалами Петиона, стало удаляться, а национальные гвардейцы проводили короля в большой кабинет совета, где его ожидала депутация от национального собрания, явившаяся для приветствия.

- Где королева и дети? - воскликнул Людовик, опустившись на стул в сильнейшем изнеможении и не помня себя от смертельной усталости.

Его кавалеры отправились за королевской семьей, и вскоре в кабинет пришла королева с детьми. Мария Антуанетта порывисто бросилась к мужу и они долго не выпускали друг друга из объятий.

- Папа-король, - воскликнул дофин, - поцелуй и меня! Я заслужил это, потому что был храбр и не плакал, когда сердитые люди надели на меня красный колпак.

Король наклонился к ребенку и поцеловал его золотистые волосы, после чего прижал к сердцу дочь, нежно прижимавшуюся к нему.

Депутаты с любопытством обступили королевскую семью, которой не было дозволено даже после таких потрясающих сцен и только что пережитой смертельной опасности обняться без свидетелей и возблагодарить Бога за свое спасение.

- Сознаться, государыня, что Вы были напуганы не на шутку! - сказал один из депутатов, развязно обращаясь к Марии Антуанетте.

- Нет, - возразила королева, - я не напугалась, но жестоко страдала, потому что была разлучена с королем в тот момент, когда его жизни угрожала опасность. Но при мне были, по крайней мере, мои дети, что дало мне возможность исполнять хотя бы одну из моих обязанностей.

- Я не стану оправдывать все, происшедшее сегодня, - продолжал депутат, - но сознаться, по крайней мере, государыня, что народ вел себя очень хорошо.

- Король и я неизменно убеждены в природной доброте народа; он поступает дурно, когда его сбивают с толку.

Несколько других депутатов приблизились к дофину. Они обращались к нему с различными вопросами, желая убедиться в его прославленной понятливости и раннем умственном развитии. Один из них, говоря об истекшем дне, сравнил его с Варфоломеевской ночью.

- Неподходящее сравнение, - с неудовольствием возразил другой, - здесь нет Карла Девятого!

- А также и Екатерины Медичи, - проворно подхватил дофин, поднеся к губам руку королевы.

- Каков маленький ученый! - воскликнули присутствующие. - Посмотрим, так же силен он в географии, как в истории.

И все обступили дофина, задавая ему вопросы относительно положения и границ Франции, современного разделения французской территории на департаменты и округа.

Принц быстро и верно отвечал на все вопросы. После каждого из своих ответов он вопросительно поглядывал на королеву и, когда видел по ее лицу, что не дал промаха, его глаза сияли ярче, а щеки разгорались от радости.

Депутаты удалились, довольные и растроганные.

С того дня жизнь королевской семьи протекала в беспрерывном волнении, в томительном, лихорадочном ожидании грядущей беды. Король переносил свое положение с молчаливой покорностью, от него никогда не слышали ни жалобы, ни

укора. Но, вместе с тем, ему как-будто никогда не приходило в голову, что спасение еще возможно с помощью энергии, мужественного сопротивления или хотя бы бегства. Он поклялся судьбе, был готов терпеть, как христианин, вместо того, чтобы восстать, как подобало королю, который согласится скорее пасть в доблестном бою, чем погибнуть позорной смертью.

Мария Антуанетта не старалась более побуждать своего супруга к энергичным действиям. Она убедилась, что все это напрасно, и предавалась своей судьбе. Не имея возможности жить, как подобает королеве, она хотела, по крайней мере, умереть, как королева, и готовилась к этому с твердостью и спокойной решимостью.

- Меня убьют, я знаю это, - говорила она своим служанкам. - Теперь мне остается только приготовиться к смерти.

Но Мария Антуанетта готовилась к ней не с плаксивым унынием, но с чувствительным умилением. Как непоколебимый страж, стояла она возле разрушенного трона и зорко следила по сторонам, чтобы наблюдать за врагом и приготовиться к его приближению.

Королева по-прежнему заставляла докладывать себе обо всем, что происходило в Париже, что решили в национальном собрании, о чем вели переговоры в клубах: даже памфлеты и пасквили, в которых ее поносили и преследовали, не оставались для нее тайной.

Мария Антуанетта лучше короля, часто сидевшего целыми часами, целыми днями в молчаливой задумчивости, лучше министров знала состояние столицы и настроение народа. Она каждое утро принимала донесения эмиссаров; ей было известно и о заговоре союзных держав, и о тайных собраниях, созываемых Маратом, и о соединениях клубов. Она знала о созвании сорока восьми отделов парижской общины на общее собрание. Для нее не было тайной, что мэр города Парижа Петитон, Дантон и Манюэль, ярые республиканцы, господствовали в общинном совете, а эмиссарам было поручено подстрекать к мятежу парижские предместья. Королева знала также, что грозные пришельцы из Марселя, бунтовавшие народ двадцатого июня, хвастались, что они устроят лучшее повторение этого дня. От нее не укрылось и то, что более половины депутатов в национальном собрании были якобинцы, ожидавшие только удобного случая, чтобы восстать против королевской власти. Как часто, собравшись глухой ночью под окнами королевы, они не давали ей спать, горланя хором марсельезу или "Ca ira, ca ira!" - революционную песню парижан. Тогда испуганная Мария Антуанетта, уже никогда не раздевавшаяся на ночь, вскакивала с постели и спешила к кроваткам детей, чтобы убедиться, что они пока целы и невредимы, или звала своих

служанок и приказывала им зажечь огни, чтобы, по крайней мере, видеть приближавшийся ужас.

Наконец, в ночь с девятого на десятое августа давно ожидаемая катастрофа наступила. Ружейный выстрел, грянувший во дворе Тюильери, возвестил ее приближение.

Мария Антуанетта вскочила с постели и послала свою камеристку будить короля. Однако он был уже на ногах и при нем находились его министры и верные приближенные.

Разбудив детей, королева сама помогла их одеть, а потом, взяв их за руки, пошла с ними к королю, который принял семью с ласковым приветом.

Извне доносились дробь барабанов, бивших тревогу, призывая к оружию горожан, глухие пушечные выстрелы, будившие спящий город, и зловещий набат колоколов.

Королевская семья, крепко прижимаясь друг к другу, молча ожидала вступления республики в залы королевского дворца или спасения монархии милостью Божию и храбростью ее верных слуг.

У монархии, действительно, еще были верные слуги, и, во время, как барабаны били тревогу, а колокола звонили в набат, призывая республиканцев к бою, эти сигналы служили и для роялистов боевым кличем, который возвещал им, что король в опасности и нуждается в их помощи.

В Париже осталось около двухсот дворян; они не примкнули к массовой эмиграции знати, не последовали за королевскими принцами в Кобленц и были готовы теперь поднять оружие против собственного отечества. Они остались в Париже, чтобы защищать до последней капли крови монархию и, по крайней мере, пасть возле трона, если им не удастся поддержать его. Чтобы устранить всякий повод к подозрению, они не носили никакого оружия, но было известно, что под шелковым камзолом придворного кавалера каждый из них прятал кинжал война; этих дворян прозвали "рыцарями кинжала".

Как только барабаны забили тревогу, "рыцари кинжала" устремились в ту ночь на десятое августа в Тюильери, где уже кишели гренадеры, швейцарские гвардейцы, дворяне, горожане, добровольцы всякого ранга, всякого сословия, которые явились по собственной охоте защищать королевскую семью. Все лестницы, коридоры и комнаты были заняты ими.

Но "рыцари кинжала" торжественным шествием проследовали мимо всех их в парадный приемный зал, где находился король с королевой и детьми. С глубокой почтительностью приблизились они к королевской чете, умоляя короля позволить им умереть за него, заклиная королеву прикоснуться к их оружию, чтобы сделать его победоносным, разрешить им облобызать королевскую руку, чтобы придать сладость ожидавшей

их смерти. Со всех сторон слышались клики воодушевления и клятвы верности.

- Да здравствуют короли наших отцов! - возглашали молодые люди.

- Да здравствует король наших детей! - подхватывали старики, взяв дофина за руки и поднимая его над головой, в виде живого знамени, которое они готовились защищать, не щадя жизни.

Когда забрезжило утро, король по убедительной просьбе своей супруги сделал вместе с ней и с детьми обход всех зал и галерей дворца, чтобы поддержать мужество собравшихся там бойцов и поблагодарить за их верность. Королевскую семью повсюду приветствовали с воодушевлением, повсюду встречали клятвами преданности, готовности умереть. После того король один сошел в парк в сопровождении немногих верных ему лиц, чтобы произвести смотр расставленным здесь батальонам национальной гвардии.

Однако при появлении короля из их рядов послышались только одиночные возгласы: "Да здравствует король!". Ропот недовольства заглушал их, и, чем дальше подвигался Людовик, тем громче роптали национальные гвардейцы, пока, наконец, из многих сотен глоток грянул громовой крик:

- Отречение! Отречение или смерть! Да здравствует Петион! Отречение или смерть!

Король поспешно повернул назад и возвратился во дворец, с побледневшим лицом и холодным потом на лбу.

- Все погибло! - с горечью воскликнула тогда королева. - Нам осталось только одно - умереть с достоинством.

Но вскоре она опять оправилась, и новое мужество загорелось в ее душе при виде новых бойцов, все прибывавших в зал. Между ними было много и гренадеров национальной гвардии, которые вмешались в ряды дворян.

Но эти дворяне, эти рыцари кинжала внушали недоверие, и один майор национальной гвардии громко потребовал их удаления.

- Нет, - поспешно воскликнула королева, - эти дворяне - наши лучшие друзья. Поставьте их против пушечного жерла и они покажут вам, как надо умирать за своего короля. Не беспокойтесь насчет этих храбрецов, - продолжала она, обращаясь к нескольким подошедшим гренадерам. - У Вас с ними общие интересы. Все, что есть для Вас и для них самого дорогого: жены, дети, имущество, - все это зависит от вашего мужества и вашей совместной храбрости.

Гренадеры протянули руки рыцарям кинжала, после чего те и другие дали обоюдную клятву умереть за королевскую семью, спасти трон или погибнуть вместе с ним.

То была великая, торжественная минута, полная возвышенного красноречия, важного значения. Сердца этих дворян, этих воинов бились нетерпением; они жаждали сложить голову за правое дело. Положив руку на оружие, храбрецы ожидали своего конца.

Народ валил валом к Тюильери. Издали доносились неистовый гам, громоподобное подвозимых орудий, пронзительный крик женщин, рев мужчин. Бывшие во дворце прислушивались к этому содому притаив дыхание, а королева выпрямилась, быстрым движением схватила руки своих детей, привлекла их к себе и, наклонив голову вперед, в напряженном ожидании уставилась взором на дверь, подобно львице, которая поджидает врага и готовится защищать своих детенышей ценой собственной жизни.

Вдруг двери распахнулись и в зал опрометью вбежал генерал-прокурор Редерер.

- Ваше величество, - в ужасе воскликнул он, - Вам надо спасаться! Всякое сопротивление бесполезно. Лишь незначительная часть национальной гвардии представляет собой надежный элемент, да и та при первом же столкновении, пожалуй, не устоит и начнет браться с народом по примеру прочих. Канониры уже вытащили заряды из пушек, не имея охоты стрелять в народ. Королю нельзя терять ни минуты. Ваше величество, Вы можете рассчитывать на безопасность только в стенах национального собрания и лишь народные представители могут еще защитить королевскую семью.

Крик гнева и ужаса вырвался у королевы.

- Как? - воскликнула она, - что Вы говорите? Мы должны искать защиты у наших заклятых врагов? Никогда! Ни за что! Я скорее согласна велеть пригвоздить себя к этим стенам, чем покинуть этот дворец чтобы отправиться в национальное собрание.

Тут королева обернулась к королю, стоявшему в молчаливой нерешительности. Она с пламенным красноречием зывала к нему, как к отцу дофина, наследнику Генриха Четвертого и Людовика Четырнадцатого, старалась возбудить в нем чувство чести, тронуть его сердце, в последний раз воспламенить его собственным мужеством, собственной решительностью.

Увы! Все было напрасно! Король молчал по-прежнему не выходя из своей нерешительности.

Тогда крик, - единственный крик скорби вырвался из уст королевы, и на один момент ее голова поникла на грудь.

- Поспешите, поспешите, Ваше величество, - воскликнул Редерер, - каждая минута усиливает опасность! Через четверть часа королева и дети, пожалуй, безвозвратно погибнут.

Эти слова вывели короля из его столбняка. Он поднял голову и, слегка кивнув ею, произнес:

- Мы не можем сделать ничего иного. Пусть нас безотлагательно проводят в национальное собрание.

Тогда королева, обращаясь к Редереру, воскликнула:

- Неужели мы покинуты всеми?

- Государыня, - печально ответил генерал-прокурор, - всякое сопротивление бесполезно. Оно способно только увеличить опасность. Неужели Вы согласны допустить, чтобы король, Вы сами, Ваши дети и верные слуги были убиты?

- Сохрани меня Боже! Я желала бы одна пасть искупительной жертвой.

- Еще минута, - настаивал Редерер, - еще минута, пожалуй секунда, - и уже нельзя будет поручиться за Вашу жизнь, за жизнь Вашего супруга и Ваших детей.

- Мои дети! - воскликнула королева, охватив руками головы дофина и его сестры и крепко прижимая их к себе. - Нет, о, нет, я не хочу обречь их на смерть!

Из ее груди вырвалось что-то похожее на предсмертное рыдание, на предсмертный вздох; потом она выпустила из объятий детей и, приблизившись к королю и его министрам, слабым голосом вымолвила:

- Ну, хорошо, это - последняя жертва, которую я могу принести! Я подчиняюсь, господин Редерер, - продолжала она, повысив голос, точно хотела призвать в свидетели присутствующих, - но ручаетесь ли Вы мне за неприкосновенность особы короля и моего сына?

- Государыня, - торжественно ответил генерал-прокурор, я ручаюсь за то, что все мы готовы умереть возле Вас. Вот все, что я могу обещать.

Тут подошли дворяне и гренадеры, чтобы, окружив короля и королеву, сопутствовать им.

- Ради Бога, - воскликнул Редерер, - никаких демонстраций, иначе король погибнет!

- Оставайтесь, мои верные друзья, - спокойно сказал король. - Подождите здесь нашего возвращения.

- Мы скоро вернемся, - воскликнула Мария Антуанетта и, ведя за руку детей, поспешила за королем, который медленно пересек зал.

Княгиня Ламбаль и госпожа де Турзель последовали одни за королевской четой.

Свершилось! Умирающая монархия покинула королевский дворец, чтобы стать под защиту революции, из недр которой должна была родиться республика.

Было шесть часов утра, когда королевская семья переступила порог Тюильери. Впереди следовал король, ведя под руку принцессу Елизавету, за ним королева с обоими детьми.

На пороге дворца король получил известие, что часть национальной гвардии удалилась, чтобы защищать свои семьи и дома от натиска народа, тогда как остальные перешли на сторону революции.

Король подвигался вперед, с трудом пробираясь сквозь беснующуюся толпу, которая даже не хотела посторониться, чтобы дать дорогу королевской семье, и осыпала ее оскорблениями и бранью.

Некоторые члены национального собрания, шедшие впереди, едва могли усмирять ревушие волны народной ярости.

На террасе фельянтинцев* сбежавшаяся чернь неистово кричала: - Долой тиранов! Смерть, смерть тиранам!

Дофин громко вскрикнул от ужаса, потому что окровавленные руки двух оравших женщин протянулись к нему. Тут подскочивший гренадер схватил мальчика своими сильными руками и посадил его себе на плечо.

- Мой сын!.. Отдайте мне моего сына! - с воплем ужаса воскликнула королева.

Гренадер наклонился к ней и прошептал:

- Не бойтесь, Ваше величество. Разве Вы не узнаете меня?

Мария Антуанетта взглянула на него, и тень улыбки мелькнула по ее лицу. Да, она узнала гренадера: это был ее верный Тулан в форме национального гвардейца.

- Долой тиранов! - вопили разъяренные женщины.

- Не бойтесь, принц! - успокаивал дофина гренадер, несший его на плече, чтобы защитить от страшной давки. - Никто не сделает Вам вреда.

- Не мне, а моему милому папе! - жалобно ответил ребенок, заливаясь слезами, катившимися по его бледному от испуга лицу.

Бедный мальчик дрожал от страха. Сам король почувствовал одну минуту, что мужество покидает его и слезы подступают к глазам. Королева также плакала, вытирала глаза и снова принималась плакать. Более получаса понадобилось печальному шествию, чтобы пройти короткое пространство до манежа, где помещалось национальное собрание. Здесь, у входа в манеж, крики толпы усилились, генерал-прокурор стал держать к ней речь, стараясь успокоить мятежников, и втолкнул королевскую семью в узкий коридор, где она с трудом пробиралась вперед, теснимая со всех сторон ругавшейся чернью. Наконец растворились двери зала, и когда Мария Антуанетта вступила в него вслед за королем, Тулан передал ей дофина, который судорожно ухватился за шею матери.

Мертвая тишина царила в зале. Депутаты мрачно смотрели на вошедших. Никто не встал, чтобы поздороваться с коро-

---

* Монашеский орден.

лем; не было произнесено ни единого слова приветствия. Король занял место возле президента, королева со своими дамами - на стульях министров. Вдруг раздался яростный голос с трибуны:

- Дофин должен сидеть с королем! Он принадлежит нации! Австриячка не заслуживает доверия народа!

Подошедший пристав хотел увести ребенка; но Людовик Шарль уцепился за мать с ужасом на лице, со слезами на глазах. Эти слезы вызвали у трибунов слово сострадания, и пристав не осмелился увести принца силой.

Водворилась глубокая тишина, а затем король, возвысив голос, произнес:

- Я пришел сюда, чтобы предотвратить великое преступление, а также в уверенности, что мне всего безопаснее находиться среди представителей нации.

- Ваше величество, - ответил президент Вернио, - Вы можете положиться на твердость национального собрания. Оно знает свои обязанности; его члены дали клятву жить и умереть ради поддержания прав народа и конституционных властей.

Тут со всех сторон зала раздались голоса, заявлявшие, что конституция запрещает собранию совещаться в присутствии короля и королевы.

Королевскую семью отвели в маленькую, низкую ложу, едва в десять футов длины, где сидели секретари журнала "Логограф", писавшие отчеты заседаний. В этом тесном помещении были заперты король, королева с золовкой и детьми, их министры и верные слуги, чтобы слушать переговоры о низложении короля.

С улицы доносилось неистовое ликование народа, который, умертвив швейцарских гвардейцев, с торжеством таскал на пиках их отрубленные головы. Трескотня ружейных выстрелов смешивалась с глухой пушечной пальбой, последние верные присяге полки сражались с армией революции за стенами манежа, тогда как внутри этих стен, в зале заседания обсуждалась статья:

"Французскому народу предлагают составить национальный конвент. Глава исполнительной власти упразднен".

Целый день продолжалось это мученье, целый день просидела королева в невыносимой духоте с заснувшим ребенком на коленях, неподвижная, как мраморное изваяние, которое оживлялось лишь по временам, чтобы издать вздох или тихую жалобу. Стакан воды со смородиновым соком послужил ей единственным подкреплением. Около пяти часов вечера, когда общее собрание все еще обсуждало низложение короля, последний спокойно обратился к стоявшему позади него камердинеру Гюз:

Мне хочется есть, пусть подадут чего-нибудь.

Гюз ушел. Из ближнего ресторана тотчас принесли жареную курицу, фрукты и компот; все это было расставлено на маленьком столе, который и внесли в ложу “Логографа”.

Лицо короля немного повеселело; он подсел к столу и с аппетитом скушал свой обед, не слыша подавленного рыдания, доносившегося из самого темного угла ложи. В этот угол забилась несчастная согбенная женщина, которая еще вчера была королевой Франции, а теперь краснела от стыда при виде короля, с таким удовольствием удовлетворявшего свой аппетит.

Слезы брызнули из ее глаз; чтобы осушить их, ей понадобился платок, так как ее собственный уже пропитался слезами и потом со лба спящего дофина. Но никто из ее верных слуг не мог дать ей платок, не обгаренный кровью тех, которые были ранены или убиты, защищая свою королеву.

Только в два часа ночи окончилась пытка этого заседания, и королевскую семью отвели в кельи упраздненного монастыря фельянтинцев, расположенные над бюро национального собрания и наскоро приготовленные для ночлега несчастных узников.

Впереди них шли вооруженные люди со свечами, воткнутыми в дула их мушкетов, и светили королю и королеве по пути в их импровизированные спальни; густая толпа вооруженного народа окружила их, часто преграждая путь, так что потребовался энергичный приказ сопровождавших королевскую семью муниципальных чиновников, чтобы очистить дорогу. Народ отступил, но принялся горланить непристойные песни.

Эти страшные лица, эти угрожающие, насмешливые голоса испугали дофина, который, дрожа от страха, уцепился за мать.

Мария Антуанетта наклонилась и прошептала ему на ухо несколько слов. Лицо ребенка тотчас просияло и он проворно и весело побежал вверх по лестнице. Однако мальчик остановился на верхней площадке, чтобы подождать сестру, которую вели под руки, ослабевшую и полусонную.

Радостно вбежал дофин в комнаты, где был приготовлен ночлег и даже подан ужин. Но внезапно его черты омрачились и он с тревогой стал озираться по сторонам, а потом спросил:

- Где же “Муфлэ”? Ведь он пошел со мной и был при мне, когда мы вышли из ложи. “Муфлэ”, где же ты, “Муфлэ”?

Дофин обежал все четыре комнаты, отведенные королевской семье, отыскивая свою любимую собачку, доставшуюся ему по наследству от брата, покойного дофина Франции.

Но “Муфлэ” не было нигде, и все поиски оставались тщетными. Вероятно он потерялся в тесноте или был раздавлен.

Когда, наконец, наступила тишина и королевская семья расположилась на жестких постелях, с кровати дофина донеслись тихие вздохи и подавленные рыдания. Он оплакивал свою

собачку! Наследник французских королей лишился сегодня своей последней собственности, своего верного четвероного друга.

Мария Антуанетта наклонилась к нему и, поцеловав его влажные глаза, сказала:

- Не плачь, дитя мое, твоя собачка вернется завтра, мой сын!

- Завтра? Ты обещаешь мне это, мама?

- Обещаю.

Мальчик осушил слезы и заснул с улыбкой на губах.

Мария Антуанетта не спала. Сидя на своей постели, она прислушивалась к реву и дикому вою, доносившемуся с террасы фельянтинцев, к реву, с которым народ поносил ее и требовал ее головы.

На следующий день начались новые мучения, потому что королевская семья опять была принуждена присутствовать на заседании национального собрания в ложе “Логографа” и слушать, как обсуждался вопрос о том, где с этих пор должна она жить, так как ее считали недостойной помещаться в Тюильери, а Люксембургский дворец также находили неподходящим для нее жилищем.

XX

УЗНИКИ ТАМПЛЯ

- Так Вы полагаете, что во Франции еще будут со временем короли? - пожимая плечами, спросила Мария Антуанетта.

- Ну, в таком случае, - продолжал король, - попробуем дать Вашему сыну такое воспитание, чтобы он мог со временем с честью занимать всякое положение, назначенное ему судьбой.

- А я буду заниматься с ним и с нашей дочерью музыкой и рисованием, - сказала королева.

- А мне позвольте научить мою племянницу вышивать алтарные пелены, - вмешалась принцесса Елизавета.

- По вечерам, - продолжала Мария Антуанетта, ласково кивая княгине Ламбаль, - мы будем читать вслух с распределением ролей комедии, чтобы дети переняли у нашей Ламбаль искусство декламации. Постараемся забыть прошедшее и устроиться в настоящем по возможности приятно. Вы видите, что эти четыре дня, проведенные нами в Тампле, подействовали на меня благотворно, придали мне терпения и... Однако что это значит? - внезапно прервала королева свою собственную речь, насторожив слух. - Слышите... шаги за дверьми. Должно быть, происходит что-нибудь особенное, так как теперь еще рано для прихода муниципальных чиновников. Где дети?

И в тревоге материнской любви королева поспешно поднялась сама по внутренней лестнице во второй этаж Тампля, где была расположена комната дофина рядом с общей гостиной. Людовик Шарль вприпрыжку подбежал к матери, спрашивая, не пойдет ли она, как обещала, с ним в сад.

Вместо ответа королева заключила его в объятия и подождала к себе кивком головы также свою дочь Терезу.

- О, мои дети, милые дети, я только хотела Вас видеть, я...

Дверь отворилась, и вошел король, в сопровождении своей сестры, княгини Ламбаль и де Турзель.

- Что случилось? - воскликнула Мария Антуанетта. - Какое-нибудь несчастье, не так ли?

Она замолчала, заметив теперь двух муниципальных чиновников. Тут был Манюэль, назначенный с 10-го августа генерал-прокурором, враг королевы, главный надзиратель над тампльскими узниками, и Мария Антуанетта не хотела выказывать перед ним свою слабость.

- Вы желаете сказать нам что-нибудь? - спросила она, стараясь придать твердость своему голосу.

Королева не ошиблась. Манюэль должен был прочесть королю декрет, которым национальное собрание повелевало, чтобы все, прибывшие в Тампль с "Людовиком Капетом и его женой" под видом друзей или слуг, немедленно покинули его.

Королева не издала ни единой жалобы, но ее гордость была сломлена, и она не могла скрыть от Манюэля свои слезы. Раскрыв объятия, она подождала к себе любимую, верную подругу, княгиню Ламбаль, чтобы проститься с ней, а потом поцеловала де Турзель и ее дочь.

В тот вечер в пустынных комнатах Тампля было еще тише и грустнее прежнего. У царственных узников отняли их последних слуг, оставив королю только его камердинера Клэри.

Однако на другое утро явился Манюэль и сказал королеве, что община позволяет ей потребовать для услуг двух женщин, которых она может выбрать из числа приведенных к ней им самим.

Но Мария Антуанетта с гордым спокойствием отклонила это предложение:

- У нас отняли тех людей, которые оставались нам верными из любви и служили из привязанности; мы не желаем заменять их наемниками наших врагов.

- Тогда Вам придется обойтись без посторонних услуг! - грубо воскликнул Манюэль.

- Да, - кротко ответила королева, - мы будем служить друг другу, и это доставит нам удовольствие.

Члены королевской семьи действительно с нежной заботливостью с того дня помогали друг другу; каждый из них угадывал желания другого и помогал остальным с

предупредительной готовностью. К счастью у короля остался камердинер, который одевал его и которому были известны его скромные, неизменные привычки; он устраивал и приготавливал все для короля в маленьком кабинете Тампля как делал это в большом королевском кабинете в Версале. Дамы обходились без посторонних услуг, а Мария Антуанетта непременно хотела сама одевать и раздевать дофина.

Этот мальчик походил на солнечный луч, освещавший еще иногда мрачные комнаты Тампля. Со счастливой беспечностью детства он забыл прошедшее, не думал о будущем, жил только настоящим, старался быть счастливым и находил счастье в том, чтобы вызвать на бледных, гордых губах королевы улыбку или получить от короля, дававшего ему теперь уроки, похвалу за свое прилежание и внимательность.

Так проходили дни - однообразно, печально и мрачно для королевской семьи. Никакой привет любви, ни один луч надежды не проникал к ним извне, чтобы согреть толстые стены старинного здания. Никто не приносил узникам вести о том, что делалось на свете. Их слишком зорко стерегли для того, чтобы кто-нибудь из друзей могдать им знать о себе. И это было величайшим мучением для царственных пленников. Ни одного момента ни днем, ни ночью, когда взоры суровой стражи не были бы устремлены на них, они вечно под надзором, вечно окружены шпионами! Двери в прихожей постоянно открыты и там неизменно по три муниципальных чиновника с острым зрением, с мрачными лицами, которые наблюдают за каждым движением находящихся в комнате. Даже по ночам эта попытка не прекращалась, и королева Франции должна была мириться с тем, что муниципальные чиновники, ночевавшие в креслах в прихожей, где они пили, играли в карты и курили, могли всегда видеть ее кровать и убеждаться в ее присутствии.

Даже когда она раздевалась, двери спальни нельзя было запереть; в ногах кровати стояли только низенькие ширмы и принцессе Елизавете позволялось их немного раздвинуть на то время, когда королева раздевалась за ними и укладывалась в постель.

Эти ежедневно возобновлявшиеся пытка и унижения, этот ежеминутный надзор были нестерпимее всего для тампльских узиков, и гордое сердце Марии Антуанетты постоянно возмущалось такими жестокими притеснениями. Хотя она старалась быть терпеливой, подавлять в себе гнев и скорбь, но они вырывались у нее в потоках слез, в угрозах, которые были теперь совершенно бессильны.

Так прошел август и начался сентябрь, печальный, мрачный, безотрадный. Утром 3-го сентября к царственным пленникам явился Манюэль с известием, что Париж в сильном

волеии и потому узники не должны сегодня гулять в саду и выходить из своих комнат.

Как поживает моя приятельница, княгиня Ламбаль? спросила Мария Антуанетта.

Манюэль смутился, даже покраснел и потупился, говоря, что сегодня поутру княгиню заключили в тюрьму Ла-Форс. Потом, чтобы замять этот разговор, вновь назначенный генерал-прокурор сообщил королевской чете известие, полученное несколько дней назад в Париже и приведшее город в сильнейшее смятение и ярость.

- Иностранные державы заключили между собой союз против Франции. Король Пруссии приближается с несметным войском и уже стоит под Шалонем, лицом к лицу с французской армией, тогда как император германский идет на Эльзас.

Значительность и важность этих новостей заставили Марию Антуанетту забыть смущение и замешательство, обнаруженные раньше Манюэлем. Она снова надеялась воспрянуть духом и верила в возможность спасения.

Что за беда, если под ее окнами раздавались яростные крики, если сбежавшаяся чернь редела и вопила: "Голову австриячки! Подайте нам голову австриячки!" Мария Антуанетта так часто слышала эти возгласы, что сделалась равнодушной к ним. Ее не тревожило также и то, что на улицах, подобно глухим раскатам грома, раздавался грохот барабанов, то приближаясь, то замирая вдаль, что там гремели трубы, трещал ружейный огонь, а из дальних частей города доносился громкий победный рев. Ей было не до того! В ее ушах все еще отдавались слова Манюэля:

"Чужестранные государи вступили в союз против Франции. Прусский король стоит под Шалонем. Император германский идет на Страсбург".

- Сжался над нами, Боже! Даруй победу нашим друзьям над нашими врагами! - молилась королева. - Избавь нас от здешнего мучения, чтобы хотя наши дети нашли счастье, навеки погребенное для нас под нашими воспоминаниями!"

Однако Мария Антуанетта не могла поделиться ни с кем своими надеждами и опасениями и была принуждена даже молить Бога в глубине души. Ведь муниципальные чиновники были тут, как и двое навязанных узника слуг: Тизон и его жена, приставленные к ним наемные шпионы их врагов!

Только смелый взор и прояснившееся чело говорили королю о надеждах и желаниях его супруги, а он ответил ей легким пожатием плеч, печальной улыбкой.

Вдруг, когда королевская семья только что села за обед, в обыкновенно тихом здании Тампля поднялась суматоха. Понеслись яростные крики, топот людей, поднимавшихся по лестнице. Два муниципальных чиновника, сидевших в отво-

ренной прихожей, встали и прислушались у дверей. Последние быстро распахнулись и вошел третий чиновник, бледный, дрожащий от ярости.

- Неприятель в Вердене! - крикнул он, грозя королю кулаком. - Мы все погибнем, но Вы должны погибнуть сначала.

Король спокойно посмотрел на него, но дофин, приведенный в ужас видом этого разъяренного человека, его громким, сердитым голосом, расплакался, и Мария Антуанетта с дочерью напрасно старалась успокоить кроткими увещеваниями плачущего, дрожащего мальчика. Вошел четвертый муниципальный чиновник и стал таинственно перешептываться со своими товарищами.

- Разве моему семейству угрожает здесь опасность? - спросил король.

Муниципальный чиновник пожал плечами:

- Распространился слух, будто королевская семья исчезла из Тампля. Это взволновало народ и он требует, чтобы Вы все показались у окон. Но мы не потерпим этого, Вам не следует показываться. Народ должен иметь больше доверия к своим чиновникам!

- Да, - подхватил другой муниципальный чиновник, не переставая грозить кулаком, - да, он должен питать к нам доверие! Но если неприятель придет, то королевской семье не сдобровать.

Тем временем крик и беснование под окнами становились все громче; слышались ругательства, угрозы, направленные против королевы. Явился еще пятый чиновник в сопровождении солдата, с целью убедиться от имени народа, что "семейство Капет" находится еще в башне. Он гневным голосом потребовал, чтобы узники подошли к окну и показались народу.

- Нет, нет, им не следует делать это! - воскликнули остальные чиновники.

- Почему же нет? - спросил король. - Пойдемте, Антуанетта! - и он подал руку супруге и двинулся с ней к окну.

- Нет, не делайте этого! - крикнул чиновник, бросаясь вперед, чтобы преградить им дорогу.

- Боже мой, что же это значит? - спросил удивленный король.

- Что? - закричал человек, грозивший кулаком. - народ хочет показать Вам отрубленную голову Ламбаль, чтобы Вы знали, как он расправляется со своими тиранами!

В этот миг за оконными стеклами показалась голова с бледным лицом, с развевавшимися длинными белокурыми волосами, с остановившимся тусклым взором, вся забрызганная кровью. То была голова княгини Ламбаль, которую народ при-

казал парикмахеру причесать, чтобы отнести ее напоказ королеве, вонзив на острие пинки.

И королева увидела это зрелище. Она отшатнулась и рухнула на стул, не спуская взора с окна даже тогда, когда страшный призрак давно исчез. Ее губы оставались раскрытыми, как-будто для вопля, но ужас парализовал ей голос. Мария Антуанетта не плакала, не изливалась в жалобах, и даже ласки детей, кроткие увещевания принцессы Елизаветы и утешения короля не могли вывести ее из этого нравственного оцепенения.

Княгиня Ламбаль была убита! И внутренний голос подсказывал королеве, что это убийство было только прологом к ужасной трагедии, которую народ хотел заставить разыграть королевскую семью.

Бедная княгиня Ламбаль! Ее убили за то, что она отказалась повторить проклятия королеве с чужих слов.

- Поклянись, что ты любишь свободу и равенство, поклянись, что ты будешь ненавидеть короля, королеву и все королевское правление! - говорили ей.

- В первом я поклянусь, - последовал ответ Ламбаль, - но в последнем не могу поклясться, потому что этого нет в моем сердце.

Преступление Ламбаль заключалось в том, что в ее сердце не было места ненависти! И эту вину разделяли с ней столько других, погибших в кровавый день третьего сентября, когда бешеные ватаги марсельцев отворяли тюрьмы и тащили униженных на суд или расправлялись с ними без всякого суда, предавая их лютой казни.

Дни проходили, и их надо было влачить как-нибудь. Мария Антуанетта не теряла бодрости, сохраняя наружное спокойствие. И этот новый удар судьбы следовало перенести; сердце королевы все еще билось горячим чувством, не было сломлено вконец. Она еще любила и продолжала надеяться. Сознание долга по отношению к мужу и детям не позволяло ей отчаиваться, - ведь лучшие дни все-таки могли наступить! Самое главное было не терять бодрости, протянуть до того момента, когда забрезжит рассвет.

Но действительно требовалась большая твердость воли для того, чтобы выносить повседневную пытку этой жизни. Бесконечные насмешки и поругания, непрерывный надзор гуляющих, ругающихся мужчин, ежеминутное шпионство хитрой Тизон, этой служанки, навязанной королеве и с лукавством кошки следившей за каждым ее движением!

Самым худшим из этих неумолимых стражей был сапожник Симон.

Власти поручили ему наблюдать за рабочими и каменщиками, которые чинили развалившееся старинное здание Там-

пля, и он перебрался сюда и расположился здесь по-домашнему, чтобы ему было удобнее исполнять свою обязанность. Симон находил утонченное наслаждение в том, чтобы подсматривать за униженной королевской семьей, следить за тем, как с каждым днем возрастали ее унижения, слышать ругательства, которыми осыпали узников на каждом шагу. Встречаясь с ними, он не упускал случая оскорбить их, бросить им в лицо обидное слово и с громким хохотом хвалил тех, которые подражали ему.

Некоторые из чиновников, которым был поручен надзор за тампльскими узниками, говорили о короле, королеве и их детях не иначе, как с яростной бранью.

Когда королевская семья спускалась на прогулку в сад, Сантер предшествовал ей с отрядом стражи. Караульные, мимо которых он проходил, отдавали пивовару честь, а когда с ними равнялся король, они опускали ружье к ноге и делали вид, что не замечают его. У садовой калитки стоял привратник Рошэ, которому доставляло удовольствие нарочно мешкать при этом; он долго возился с замком, пуская из своей длинной трубки клубы дыма в лицо членам королевской семьи. Национальные гвардейцы, стоявшие поблизости, злорадно хохотали, отпуская различные гнусности по адресу юной принцессы. Во время прогулки царственных узников канониры собирались в аллеях и плясали под звуки революционных песен, распеваемых некоторыми из них. Порой к ним присоединялись садовники, работавшие в саду, и, пускаясь в пляс, окружали неистовым хороводом гуляющих пленников. На обратном пути после такой печальной прогулки королевская семья подвергалась новым оскорблениям со стороны караульных и привратника. Как-будто не довольствуясь всем этим, мучители писали еще исполинскими буквами на стенах коридора, по которому должны были проходить пленники, различные угрозы, вроде следующих: "Госпожа Veto скоро запляшет!", "Долой австрийскую волчицу!", "Смерть ее детенышам!". Таким образом даже короткие прогулки узников превращались в пытку.

Сначала королева находила, что не может выносить это, и пленники перестали показываться в саду. Но бледные щеки ее дочери, тоскливые взоры, которые устремлял дофин из закрытых окон в сад, заставляли мать делать то, что казалось слишком тяжелым королеве. Она решилась безропотно нести свое тяжкое испытание, она подчинилась, и королевская чета ежедневно водила детей на прогулку, терпя ради них всевозможные издевательства.

Однажды - то было двадцать первого сентября - королевская семья отдыхала у себя в гостиной по возвращении из сада. Король читал книгу; королева сидела возле него с рукоделием, тогда как дофин с сестрой и теткой, принцессой Елизаветой,

расположились в соседней комнате; принцессы занимали ребенка, загадывая ему загадки. В отворенной прихожей сидели два муниципальных чиновника, с жестоким злорадством уставившись взором на узников. Вдруг под самыми окнами загрели трубы, затрещали барабаны, а затем наступила глубокая тишина, среди которой раздался громкий голос, читавший следующую прокламацию:

- "Королевская власть во Франции упразднена. Отныне все официальные предписания будут помечены первым годом Республики. Государственная печать будет окружена надписью: "республика Франция". На национальной печати будет изображена женщина, сидящая на связке оружия с копьем в руке, на котором надет фригийский колпак - эмблема свободы".

Во время этого чтения муниципальные чиновники не спустили взора с только что развенчанной королевской четы. Они жадно доискивались в чертах низложенного короля и его супруги, какое впечатление произвела на них прокламация. Однако эти гордые, спокойные лица оставались непроницаемыми. Людовик ни на минуту не поднял взора от книги, которую читал, пока глашатай с ужасающей внятностью выкрикивал под окном каждое слово, а королева невозмутимо продолжала вышивать, ни на миг не прервав мерного движения поднимавшейся и опускавшейся иглы.

Снова грянули трубы, загрохотали барабаны. Похороны королевского дома совершились, и с того часа король стал называться просто Людовиком Капетом, а королева - Марией Антуанеттой. Под кровлей Тампля уже не было ни дофина, ни принцесс королевской крови, а была только "семья Капет".

Республика сбросила королевские короны с голов Людовика Шестнадцатого и Марии Антуанетты, и когда, несколько дней спустя, королеве прислали, наконец, из Тюильери белье, которого она напрасно домогалась долгое время, то Республика приказала ей спороть короны, украшавшие вензеля на метках.

В половине октября Республика послала в Тампль своих комиссаров и тюремщиков, чтобы разлучить короля с семьей. Несмотря на мольбы и плач королевы и детей, он был отведен в другое отделение замка, в большую башню, которая должна была отныне служить ему жилищем. С целью причинить королеве новое горе дофина поместили вместе с отцом, с которым он должен был делить его заточение.

Это сломило гордость, царственное мужество Марии Антуанетты. Она ломала руки, плакала, кричала; она так жалобно молила не разлучать ее с мужем и сыном, что даже черствое сердце сапожника Симона было тронуте ее отчаянием, и он ничего не возразил, когда другие муниципальные чиновники, взволнованные этой сценой, сказали королеве, что разрешают

узникам сходиться за столом. Таким образом за завтраком, обедом и ужином семья Капет сходилась вместе.

В эти желанные часы не было конца разговорам, и общие беседы оживлялись веселой болтовней маленького дофина. Король рассказывал о своих занятиях с сыном и об успехах мальчика в учении. Тут тампльские узники порой забывали, что к ним пожалуй уже подкрадывается неумолимая смерть, и шутили между собой, а серебристый смех дофина оглашал мрачные комнаты.

Однако наступивший декабрь отнял у королевы и это последнее утешение. Национальное собрание, превратившееся теперь в конвент, в правительство, взвело на короля обвинение в государственной измене. Конвент приписывал ему тайное соглашение с врагами Франции и утверждал, что Людовик призвал себе на помощь монархов Европы. В железной шкатулке, которая была найдена замурованной в стене королевского кабинета в Тюильери, хранились бумаги, компрометирующие короля, письма бежавших принцев, германского императора и прусского короля. Эти государи вели теперь кровавую войну на границах Франции, и это было поставлено в вину низложенному королю. Он был заодно с врагами своего отечества, он был убийцей собственных подданных! На его голову должна была пасть кровь пролитая по его вине!

Таково было обвинение, возведенное на короля. Двадцать членов конвента явились в Тампль, чтобы прочесть королю обвинительный акт и допросить его.

Конечно, он отрицал подобный договор, подтверждая под присягой, что отклонил все предложения иностранных государей, так как они могли освободить его, только угрожая Франции.

Однако вожаки революции хотели во что бы то ни стало доказать его виновность. Людовика Капета требовалось устранить, чтобы Робеспьер и Марат, Дантон и Петион со своими друзьями могли достичь неограниченной власти.

Пожалуй в конвенте находилось еще немало лиц, которых ужасала эта кровавая развязка, но они не осмеливались возвысить свой голос, подчинялись террористическому давлению, которое оказывали на конвент заправилы революции. Им было известно, что за спиной этих заправил стояли массы уличного сброда, проникнутые ненавистью к королевской власти и аристократии, готовые растерзать, как врага отечества, всякого, кто осмелится заступиться за людей, навлекших на себя народную ненависть и обреченных на гибель.

Тем не менее нашлось несколько мужественных, верных слуг короля, которые осмелились принять его сторону. В качестве обвиняемого Людовика предали теперь суду, и конвент

превратился в трибунал, который должен был решить, виновен король, или нет.

Ради соблюдения формальностей по закону следовало дать королю защитника. Конвент вызвал желающих принять на себя эту обязанность, в уверенности, что никто не захочет взяться за такое опасное дело.

Однако желающие нашлись. Были еще мужественные, великие и благородные люди, которые сжалились над покинутым королем и хотели попытаться спасти того, кто был обречен поплатиться за вину своих предшественников и пролить свою кровь за грехи отцов.

Едва стало известно, что конвент соглашается дать обвиняемому Людовику Капету трех защитников, как из Парижа и прочих городов стали поступать заявления от лиц, готовых взять на себя защиту короля.

Даже из-за границы присылали защитительные речи на его имя. Одна из них с пламенным воодушевлением защищала несчастного нижложенного монарха и ее автор заклинал Францию не пятнать своей благородной, юной свободой жестоким убийством невинного, единственное преступление которого состояло в том, что он был сыном своих отцов и унаследовал от них корону вместе с их виной. Эта защитительная речь была написана немецким поэтом Фридрихом Шеллером.

Из числа многих, предлагавших ему свои услуги, Людовик выбрал только троих защитников: во-первых, своего бывшего министра, философа Ламуаньона де Малерб, потом адвоката Троше и, наконец, по неотступному настоянию Малерба, молодого знаменитого адвоката Дезэжа. Этим людям предстояло защищать короля против ужасного обвинения в измене отечеству, которое подтверждалось сотнями писем и документов.

По окончании предварительного следствия началось публичное обвинение в конвенте, который по-прежнему заседал в манеже, поблизости от Тюильери. Король отправился туда из Тампля в сопровождении своих защитников и двух муниципальных чиновников, под конвоем национальных гвардейцев. Народ с диким ликованием и громкими проклятиями плясал вокруг кареты, но это не мешало королю сохранять во время пути полнейшее спокойствие и невозмутимость.

- Этот человек, должно быть, одушевлен редким фанатизмом, - сказал конвенту в своем рапорте об этом путешествии Коломбо, один из муниципальных чиновников, ехавших с королем. - Иначе непонятно, каким образом он мог быть так спокоен, имея столько причин бояться. Когда мы все уселись в карету и она медленно покатила по улицам, Людовик принял участие в разговоре, который вскоре коснулся литературы,

именно некоторых латинских авторов, Он высказывал свое суждение обо всем с большим толком и осведомленностью, как-будто желая блеснуть своими познаниями. Один из нас сказал, что не жалуется Сенеки*, потому что его любовь к богатству и деньгам резко противоречит его мнимой философии; кроме того ему нельзя было простить то, что он обелял перед сенатом преступления Нерона. Это замечание как-будто нисколько не задело Людовика. Когда речь перешла на Тита Ливия, он сказал, что у знаменитого историка Римской империи была страсть сочинять пространные речи, которые он вливал в уста римским полководцам, тогда как последние, естественно, не могли пускаться в подобные разглагольствования перед фронтом своих войск. Потом Людовик сравнил Тита Ливия с Тацитом** и заметил, что Тацит далеко превосходит Ливия в стиле.

Таким образом, король рассуждал о латинских авторах в то время, когда экипаж, окруженный неистовой, глумящейся толпой народа, вез его в конвент, которому Дезэж в своей защитительной речи крикнул, с гордым бесстрашием:

- Я иду между Вами судей, а нахожу только обвинителей!

Король был невозмутимо спокоен, хотя знал, что его жизнь в опасности, что он стоит перед трибуналом смерти. В тот день, когда его повезли в первый раз в конвент, обвиняемый попросил Малерба написать одному священнику, в помощи которого он нуждался, будучи уверен, что тот не откажет ему. Имя этого священника было Эджварт де Фирмен, и приближалось то время, когда королю понадобилась вместо адвокатов и защитников поддержка духовного лица.

Двадцатого января 1793 года Людовику XVI объявили смертный приговор. Он принял его спокойно и пожелал повидаться перед казнью с семьей, получить напутствие от духовника и приготовить к смерти.

Во время всех этих ужасных недель Мария Антуанетта была совершенно разлучена со своим супругом и проводила время в одиночестве со своими детьми, которым уже не удавалось более вызвать улыбку на ее безмолвные уста, оживить ее взор, остановившийся от ужаса.

Королева знала, что король был предан суду, допрошен и что его возили в конвент, но ничего, ничего - ни единого слова относительно хода и результата процесса - не доходило до нее! Тизон, тюремщица Марии Антуанетты, ее злой демон, слишком зорко сторожила узницу, не допуская до нее никаких известий.

Но, наконец, пришла роковая весть, которой так боялась королева, к которой она готовилась в долгие, мучительные

---

* Философ Сенека был воспитателем римского императора Нерона.

** Корнелий Тацит - знаменитый древнеримский историк.

ночи, проводимые в молитве, тоске и слезах. Тем не менее она переполнила сердце королевы отчаянием, гневом и скорбью.

Король был приговорен к смерти! Король хотел видеть свою семью, чтобы проститься с ней!

Конвент дал на это разрешение и даже так далеко простер свою милость, что позволил осужденному иметь свидание со своими близкими без свидетелей. Только оно должно было происходить в маленькой столовой короля, чтобы муниципальные чиновники могли поместиться в соседней комнате, куда вела стеклянная дверь, дававшая им возможность неукоснительно наблюдать за королевской семьей.

Чиновник, явившийся с этим разрешением конвента, удалился, чтобы привести королеву и остальных членов семьи из верхней башни.

В ожидании их король с волнением прохаживался по комнате. Камердинер Клэри, приводя в порядок столовую, отодвинул к стене стоявший посередине круглый стол, чтобы очистить место, и расставить стулья. Людовик приказал ему принести графин с водой и стакан.

- Только, - заботливо прибавил он, - не холодной воды, потому что королеве вредно пить ее и она может простудиться.

Тут король внезапно побледнел и остановившись прижал на одно мгновение руку к сильно бившемуся сердцу. Он услышал голос супруги. Дверь отворилась, и к нему вошли все его близкие; королева, которая вела за руку дофина, и принцесса Елизавета с его дочерью Терезой.

Король пошел к ним навстречу и раскрыл объятия, в которые с громким плачем кинулась вся семья. За стеклянной дверью стояли чиновники, но они не могли ничего видеть, потому что слезы застилали им глаза.

В кабинете короля стоял на коленях аббат Эджварт де Фирмон и молился за несчастных, жалобные вопли которых доносились до него.

Но плачь постепенно утих. Узники уселись: королева по левую руку мужа, принцесса Елизавета - по правую; против короля - его дочь, Мария Терезия, тогда как дофин поместился между отцовскими коленями и смотрел на отца широко раскрытыми глазами, с печальной улыбкой.

Людовик заговорил первый. Он рассказал о своем процессе, сообщил, в каком преступлении обвинили его. Но речи осужденного дышали кротостью и спокойствием и он жалел "бедных, введенных в заблуждение" людей, которые вынесли ему смертный приговор. Родные ответили ему только рыданиями, объятиями, слезами и поцелуями.

Затем все стихло. Муниципальные советники не слышали больше ничего, но видели, как Мария Антуанетта с детьми и золовкой опустилась на колени, как Людовик, стоявший среди

них, поднял руки и благословил их кроткими, благородными словами, растрогавшими до слез аббата Эджварта, стоявшего на коленях за дверью кабинета.

После этого король велел своему семейству подняться с колен, снова обнял всех и поцеловал супругу. Бледная, трепещущая Мария Антуанетта ухватила за него, и ее дрожащие губы не могли сдержать гневный упрек его несправедливым судьям.

- Я простил им, - серьезно произнес король. - Мной составлено завещание, откуда вы увидите, что я простил своим врагам и требую от Вас того же самого. Обещай мне, Мария, что ты никогда не попытаешься мстить за мою смерть.

По бледным губам королевы мелькнула улыбка, полная печали и отчаяния.

- Наверно я никогда не буду в состоянии прибегнуть к мести, - возразила она, но тотчас прибавила, встретив умоляющий взор короля: - конечно, если бы даже я могла сделать это и получила в свои руки верховную власть, то даю тебе клятву, что и в этом случае я не стану мстить твоим злодеям.

Король нагнулся к ней и горячо поцеловал ее в лоб.

- Благодарю тебя, Мария; я знаю, что все Вы, мои милые, будете свято чтить мою последнюю волю и что мои последние слова и желания неизгладимо запечатлеются в Ваших сердцах. Но ты, мой сын, - продолжал Людовик, усаживая дофина к себе на колени и устремив на него нежный взор, - ты - еще ребенок и способен позабыть мой завет, Ты слышал мои слова, но, так как клятва еще священнее слова, то подними руку и поклянись исполнить мою волю и простить моим врагам.

Мальчик, не спускавший с отца взора больших голубых глаз, послушно поднял правую руку, и даже чиновники за стеклянной дверью ясно расслышали, как он произнес милым, детским голосом:

- Клянусь тебе, папа-король, простить всем нашим врагам и не делать зла тем, которые убивают моего дорогого отца.

Невольный трепет напал на свидетелей этой сцены; с побледневшими лицами отступили они от стеклянной двери и чувство невыразимого раскаяния и стыда овладело ими.

В комнате короля все затихло, и только аббат, притаившийся в кабинете, слышал шепот их молитв, подавленный плач и рыдания.

Потом голос короля произнес:

- Теперь идите, мои возлюбленные! Я должен остаться один. Мне нужно успокоиться и сосредоточиться.

Громкие вопли послужили ему ответом. Однако через несколько минут Клэри отворил стеклянную дверь, и королевская семья снова появилась перед чиновниками. Королева оперлась на правую руку супруга; оба они держали за руки

дофина, Тереза обхватила отца за талию, принцесса Елизавета повисла на его левой руке. Так подвигались они к выходу с громкими и жалобными стонами.

- Уверяю Вас, - сказал Людовик, - что мы увидимся еще раз завтра поутру в восемь часов.

- В восемь часов? Почему же не в семь? - спросила королева, томимая предчувствием.

- Ну, хорошо, - с кротостью ответил король, - так, значит, в семь часов. Прощайте! Прощайте!

Скорбный тон этого последнего "прости" еще усилил плач и стенания. Дочь короля упала без чувств к его ногам, Клэри поднял ее с помощью принцессы Елизаветы.

- Папа, милый папа, - воскликнул дофин, прижимаясь к отцу, - позволь нам остаться с тобой!

Королева не говорила ни слова. Бледная, как смерть, она не сводила взора широко раскрытых глаз с супруга, точно желая запечатлеть его образ глубоко-глубоко в своем сердце.

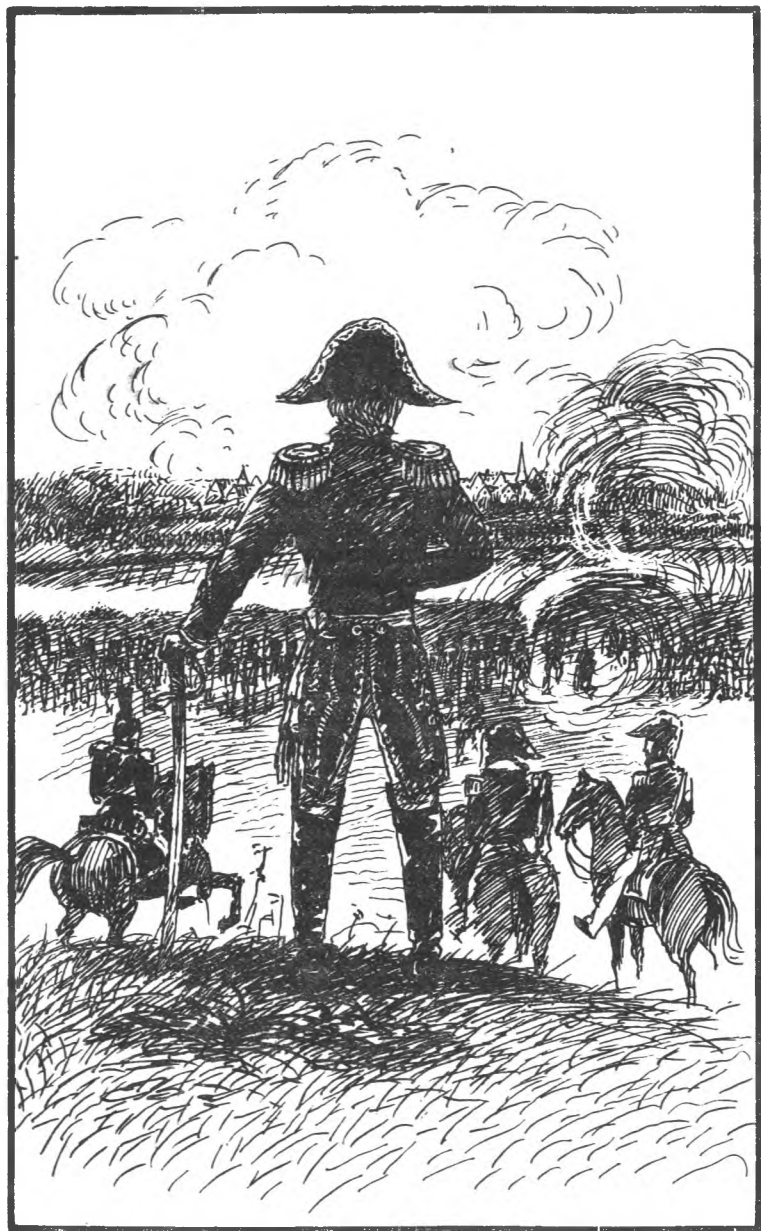
М. Монтегю

КОРОЛЬ БЕЗ ТРОНА

(по изданию
А. А. Каспари)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всемирная история оставила человечеству в наследство несколько загадок, перед которыми до сих пор стоят в недоумении ученые. К таким загадкам принадлежит между прочим вопрос о том, остался ли в живых сын казненного французского короля Людовика XVI или он умер в Тампле, как о том свидетельствуют официальные архивы.

До какой степени загадочна история “сына Капета”, как звали принца Людовика Шарля революционеры, доказывает тот факт, что еще в настоящее время этот вопрос является во Франции крупной злобой дня, так как наследники претендента на французский престол подали французскому правительству прошение о разрешении именоваться Бурбонами, а не Наундорфами, и в непродолжительном времени этот вопрос поступит на рассмотрение французского сената, вследствие того, что историки до сих пор не пришли к единогласному решению относительно этого таинственного вопроса.

Не вдаваясь здесь в подробности спора, мы хотим только воскресить в памяти читателя одну из страниц истории Франции, иначе печатаемый далее роман Монтегю не будет вполне понятен.

Людовик Шарль был рожден Марией Антуанеттой, супругой короля Франции Людовика XVI, в Версале в 1785 году, 27-го марта, и при рождении получил титул герцога Нормандского. По смерти же своего старшего брата он был провозглашен наследником французского престола и возведен в звание дофина. Все знавшие его отзываются о нем, как о здоровом, жизнерадостном ребенке, подававшем большие надежды, который все время, пока находился при родителях, выказывал большую сметливость и хладнокровие.

В период революции Людовик Шарль последовал за своими родителями сперва в Тюильери, затем в Варенн и, наконец, в Тамплъ. 3-го июля 1793 г. он был разлучен с матерью и передан на воспитание в грубые руки башмачника Симона, от которого его взяли только в январе 1794 года, но, как оказа-

лось, слишком поздно. Здоровье ребенка было окончательно надломлено и он, как говорят официальные документы, умер 8-го июня 1795 года. Тело дофина было похоронено на кладбище Маргариты и засыпано известкой. Однако, когда в 1815 году могила была разрыта, в ней не оказалось никаких следов тела.

Тотчас же после смерти Людовика Шарля в Париж распространился слух, что дофин не умер и что ему удалось бежать из пределов Франции. Спустя несколько лет в Европе появилось несколько лиц, выдававших себя за Людовика XVII; из них наиболее серьезным претендентом на французский престол явился человек, по фамилии Наундорф. Он называл себя Шарль-Людовик, тогда как официально принц всюду писался Людовик-Шарль. Однако Наундорф объяснил это тем, что при крещении его действительно называли Шарлем-Людовиком, после же смерти дофина король решил называть его Людовиком-Шарлем.

Эта маленькая неточность со стороны претендента кажется очень странной и непонятной, тем более что в остальном объяснении Наундорфа очень подробно и вполне совпадают с историей. Так, все его воспоминания из раннего детства очень правильны с психологической стороны. Большинство этих воспоминаний относится к разным историческим событиям, но ему запомнились лишь некоторые подробности, особенно сильно поразившие его детский мозг.

Из периода пребывания в Тампле Наундорф рассказывал много таких мелких подробностей, которые приводили в тупик даже людей, находившихся там на службе. О Симоне он говорил, что особенно его оскорбляло то обстоятельство, что башмачник спал с женой на кровати его родителей. Жена Симона, по его словам, принимала деятельное участие в его побеге. Самый же побег был организован Жозефиной Богарнэ, впоследствии женой Наполеона I и императрицей Франции, Гошешем, Пишегрю и Фротте.

Спасение принца из Тампля описано не совсем невероятно, но разные побочные обстоятельства до того запутали этот факт, что в нем еще и теперь трудно разобраться. Прежде всего, принц вовсе не покидал сперва Тампля, а жил в комнате под крышей, в то время как его друзья старались уверить правительство, что он бежал. Правительство решило замолчать его бегство и посадило на его место какого-то немого мальчика, которого нескольким докторам было приказано осмотреть. Тем не менее по Парижу распространился слух, что в Тампле держат какого-то мальчика, который вовсе не дофин. Тогда немого решили отравить, но так как доктор давал ему противоядие, и мальчик не умирал, то его заменили другим, уже умчавшим. Когда этот мальчик умер и конвент разрешил похоронить его, друзья дофина вынули умершего из гроба и

положили в него самого принца Людовика Шарля. Труп же скончавшегося мальчика был похоронен впоследствии в саду Тампля и Наполеон, приказав раскрыть могилу, убедился, что все было так, как ему рассказала Жозефина. Гроб, в котором, как думали власти, находился покойник, был отправлен на кладбище Маргариты. Дузья же принца привезли в карете ящик, наполненный макулатурой, и во время пути успели переложить принца из гроба в ящик, а в гроб напихали макулатуры, которая потом и была погребена. Дофина переодели затем в платье девочки и увели в укромное убежище, где он и оставался в течение некоторого времени, после чего его переслали в Вандею.

Из Вандеи принц переехал в Венецию, оттуда в Триест и, наконец, в Рим, где его взял под тайное покровительство папа Пий VI.

Здесь принц первое время проживал в монастыре, затем поселился в маленьком загородном доме, куда приехала швейцарка, у которой он находился во время пребывания в Париже. Эта швейцарка вышла замуж за часовщика, от которого дофин выучился часовому мастерству. Однако его пребывание, по видимому, было открыто его врагами. Швейцарка и ее муж побегли в один день трагической смертью, и принцу пришлось бежать из Италии. С этого времени начались странствования претендента.

Было бы скучно перечислять все скитания и приключения этого короля без трона, тем более что историческая их достоверность еще нуждается в подтверждении. Скажем лишь, что в 1812 году принц, под именем часовщика Наундорфа, проживал в Шпандау в Германии, недалеко от Берлина, где сорока трех лет женился на шестнадцатилетней девушке. В 1825 году к нему, возвращаясь из русского плена, заехал французский офицер, который взялся был его эмиссаром во Франции и взял от него письмо к герцогине Ангулемской, сестре дофина. Спустя некоторое время туда же отправился и сам Наундорф с семейством. Однако все его попытки добиться свидания с герцогиней не привели ни к чему. Его обращения к русскому государю и прусскому королю тоже остались без результата. Наундорфу пришлось терпеть большую нужду. Он переехал из Франции в Швейцарию, затем опять в Англию и, наконец, 10-го августа 1845 года умер в Дельфте (в Голландии), оставив после себя жену, двух сыновей и двух дочерей.

Среди других искателей приключений, претендовавших на титул дофина Франции, выделяется еще некий Людвиг Эбер, рассказывавший о себе, что он был воспитан генералом Клебером, сподвижником Наполеона, а в 1808 г. отправлен в Америку, где прожил вплоть до своей смерти, совпавшей со смертью Наундорфа.

Вот в кратких словах исторические данные, имеющиеся относительно походов претендентов на французский престол, выдававших себя за сына несчастных Людовика XVI и Марии Антуанетты. Нет сомнений, что большинство из них были самозванцы, вроде наших Димтриев Самозванцев, и только по поводу одного Наундорфа история не решается произнести свое последнее слово.

Французский романист Монтегю, следуя общеизвестному принципу, что роман - не история, становится решительно в сторону того мнения, что дофин не умер, а бежал при помощи Жозефины Богарнэ, которая в качестве придворной дамы королевы Марии Антуанетты, знала его ребенком. Если Монтегю придает субъективное освещение фактам, то сами факты, тем не менее, имеют серьезную историческую подоплеку.

Вечером, накануне Аустрелицкого сражения, около девяти часов, император Наполеон вышел из своей палатки. Он с минуту наблюдал неясные огни неприятельских бивуаков, расположенных за глубоким ручьем, на обширной равнине, противоположной французскому лагерю, а потом отдал своим адъютантам приказ сесть на лошадей и сам медленно поднялся на седло.

Стояла безлунная ночь; холодный туман, ступившийся к вечеру, делал сумрак еще гуще. В такой темноте ехать становилось затруднительно, но солдатам эскорта пришла в голову счастливая мысль зажечь длинные факелы, устроенные из соевых ветвей, обернутых соломой. Неверный, красноватый свет озарил небольшой продвигавшийся вперед отряд.

Солдаты всех полков издали узнавали императора. Вдоль всей линии бивуаков французской армии запылали тысячи импровизованных факелов из пучков соломы и целые ряды огней раскинулись направо и налево на огромное пространство; забили бесчисленные барабаны, загремели звуки музыки и тысячи голосов слились в единодушном крике.

- Да здравствует император!

С высоты холмов мрачный, немой и неподвижный неприятель мог видеть свет и движение французских войск, одушевленных горячим энтузиазмом.

Завтра, второго декабря, был день годовщины коронации императора. Это совпадение казалось солдатам счастливым предзнаменованием и еще более усиливало доверие войск к своему непобедимому вождю.

Ночь прошла спокойно, но с зарею заговорили пушки. Наполеон, окруженный своими маршалами, в числе которых были Даву, Ланн, Султ, Бернадотт, Мюрат, Бессьер, распределял назначения и роли каждого в предстоявшем сражении.

Полным галопом помчались военачальники к своим отрядам и двинули их вперед. Уже на рассвете французская армия, вся охваченная одним могучим порывом, начала осаду высоких холмов, где бесстрастно занимали свои позиции русские войска. Французы взбиралась на крутые склоны с оружием в руках, а, подойдя ближе, открыли огонь по первым линиям врага и снова бросились вперед, сокрушая все на своем пути. Музыка гремела военный марш, барабаны подхватили популярный мотив, энтузиазм все увеличивался...

- Начали хорошо!.. - сказал Наполеон, запуская пальцы в свою табакерку.

Гренадеры маршала Удино первые достигли цели; двадцать пять тысяч молодцов в мохнатых шапках овладели хол-

мами, оттесняя и стакливая в равнину смятые отряды русских солдат, выбитых из позиции.

С левого крыла маршал Ланн теснил, давил неприятеля, отодвигая его к местности, занимаемой кавалерией Мюрата, которая колола и рубила его.

Центр армии, под начальством Сульта и Бернадотта, по двигался в свою очередь, побеждая по всему фронту, обращая в бегство русских и австрийцев, перехватываемых на пути отступления маршалом Даву.

В это время на темном и мрачном дотоле небе появилось аустерлицкое, ставшее с тех пор легендарным, солнце, как бы приветствовавшее победу французов и рассыпавшее золотые искры на сверкавшее в воздухе оружие.

Слишком зарвавшийся вперед отряд Сульта, под предводительством принца Жозефа, брата Наполеона, неожиданно попал в очень опасное положение: его обступила со всех сторон неприятельская кавалерия, тесня его отовсюду и рассеивая; гвардейцы и кирасиры великого князя Константина Павловича, брата императора Александра I (что тоже казалось странным совпадением) отняли у него знамя.

Наполеон немедленно направил на них мамелюков, стрелков и конных гренадеров своей гвардии, под начальством Бессьера и генерала Раппа.

Столкновение было ожесточенным и кровопролитным. Опрокинутые и разбитые русские отряды отступили за деревню Аустерлиц, с неисчислимыми потерями, оставляя после себя груды мертвых тели раненых. В руках французов осталось множество пленных, и между ними князь Репнин, командовавший л-гв. конным полком.

Этот избранный полк состоял из лучшей столичной молодежи и был особенно ненавистен французам, знавшим, какому необузданному хвастовству предавались обыкновенно эти высокопоставленные гвардейцы, издеваясь над неприятельской армией. Французы избивали их беспощадно, яростно пронизывая их длинными клинками своих сабель, с торжествующим возгласом:

“Пусть поплачут петербургские дамы!”

Австро-русские колонны бежали по всей линии: ими овладела полная паника. Отряды перемешались, артиллерия с кавалерией, обоз с пехотой. Спасались, кто как умел. Одни бросались в болото; но там их избил вала французская пехота, другие в беспорядке теснились между двумя прудами, но там гнались за ними по пятам французские гусары. Наконец, неприятельская масса бросилась искать спасения на льду огромного озера, который был так толст, что казался вполне надежным. Пять или шесть тысяч человек были уже на середине озера Сатган, но тут Наполеон приказал артиллерии от-

крыть огонь по льду, и последний сейчас же дал трещины по всем направлениям. Раздался зловещий треск, вода хлынула потоками... Послышался отчаянный вопль ужаса и смерти. Люди, лошади, пушки, телеги медленно, величественно погружались в воду вместе с глыбами льда, опускаясь в открывающуюся бездну. Кое-где уже плавали на поверхности воды трупы...

Наступила мертвая тишина. Все было кончено; сражение было окончательно выиграно.

На протяжении двух верст были разбросаны трупы трех побежденных наций; их подбирали целый день. Но и к наступлению ночи их лежала еще масса, распростертых на снегу или погребенных под развалинами горящей деревни.

В этот час вечерних сумерек, когда сигналы сзывали войска французских аванпостов, один из унтер-офицеров обоза удалился от конвоя сопровождаемых им раненых и один зашел во двор уединенной фермы, половина строения которой превратилась уже в обломки. Стены еще стояли, но были пронзаны пушечными выстрелами. Пустынное место производило зловещее впечатление.

Став посреди двора, унтер-офицер громко крикнул:

- Кто тут? Откликнетесь! Есть здесь кто-нибудь? Ответьте!

Он прислушивался: ничто не шелохнулось, над развалинами царило мертвое, щемящее молчание.

Тогда унтер-офицер крикнул снова:

- Никого? Здесь никого нет?

Вдруг он вздронул: ему послышался слабый стон позади... Обернувшись он громко крикнул еще раз:

- Кто здесь?! Я жду... Отзовитесь!

До него долетел слабый, как дуновение ветерка, голос:

- Ко мне!

На этот раз не могло быть сомнений. Унтер-офицер перешагнул через кучу навоза, побежал к рухнувшей стене, разбросал ее обломки и склонился над ними.

Перед ним лежал на грязи, в своем блестящем мундире, один из молодых офицеров-конногвардейцев, которые еще сегодня утром так горделиво кичились над французской армией. Его каска откатилась в сторону, сабля все еще держалась крепко сжатой руке, лицо было мертвенно бледно и весь он был залит кровью. Немного дальше можно было разглядеть при свете сумерек темную массу его околешней лошади.

"Хорошая находка! - подумал унтер-офицер, - это какой-нибудь русский вельможа".

Раненый, собрав все последние силы, попробовал начать говорить:

- Что сражение? - задыхась спросил он.

- Выиграно.
- Кем?
- Нами.
- Нами? Кем?
- Французами, черт возьми!
- А... Вы - француз?
- И горжусь этим!

Дрожь пробежала по телу раненого, Он продолжал:

- Кто Вы? Как Ваше имя?

- Жером Кантекор де ла Коррез, квартирмейстер обоза, к Вашим услугам. А Вы, Ваше сиятельство?..

- Я? Я... - нерешительно ответил раненый, - я - князь... Борисов.

- Так... Куда Вы ранены? Я позову людей, через четверть часа Вы будете в амбулатории, а недели через две и на ногах. В Ваши годы поправляются легко.

Все это было сказано одним духом, так что раненый не успел вставить ни одного слова.

- Я погиб, я это знаю... Помощь бесполезна: у меня пуля в желудке и раздроблено бедро. Мое дело кончено.

Кантекор громко сделал неудобное замечание:

- А Вы хорошо говорите по-французски для русского!..

Князь Борисов закрыл глаза и тихо сказал: "Я жил во Франции", - а затем, с трудом переведя дыхание, продолжал, несмотря на свою страшную слабость:

- Оставим это... время дорого, его так мало для меня... Вы - унтер-офицер и, я полагаю, человек честный...

- Черт возьми!..

- К тому же у меня нет выбора. Я доверюсь Вам... Слушайте: там, у седла моей лошади... Вы ее видите?..

- Вижу.

- Там есть сумка... в ней двести луидоров. Это - Ваша добыча...

Кантекор поклонился.

Раненый продолжал:

- Там есть еще бумаги... Эти бумаги Вы должны сжечь на моих глазах, тут - же, не рассматривая и не читая их... Это - любовные письма, Вы понимаете... они могут компрометировать знатную даму... Вы поняли меня, товарищ?..

- Совершенно.

- Затем, - продолжал кавалергард, - Вы возьмете из кобуры мои пистолеты и придержите мою руку, пока я прострелю себе голову: я слишком страдаю... Услуга милосердия... обязательная для солдата, даже для врага... Не правда ли, товарищ?

Кантекор нахмурился и размышлял с минуту.

"Начнем с начала, - подумал он, - посмотрим сумку".

Не отвечая раненому, он подошел к мертвой лошади, наклонился и отвязал кожаную сумку, ремнем привязанную к седлу. Открыв ее, он медленно ощупал золото и тихо вернулся назад.

Русский следил за ним тревожным взглядом.

- Пистолеты, - крикнул он дрожащим голосом, - Вы забыли взять мои пистолеты...

- Вы непременно хотите этого? - пожал плечами Кантекор, а затем вернулся к лошади, взял пистолеты и бросил их на снег.

- Спасибо! - облегченно вздохнул Борисов, а в то же время унтер-офицер, стоя над ним, пробормотал про себя:

- Надо рассмотреть все получше...

- Зачем? - быстро перебил раненый.

Кантекор прикусил язык и, сухо рассмеявшись, поспешил сказать:

- Я говорю, что надо огня, чтобы сжечь Ваши бумаги.

Крепко держа зубами кожаную сумку, он стал рыться свободными теперь руками в своих глубоких карманах, откуда постепенно извлек пучок соломы, конец длинной восковой свечки и огниво. Он высек огня на клочек соломы и зажег свечу, причем весело прибавил:

- Вот мы как! В затруднение не приходим!

Во тьме наступившей ночи мерцающий огонек осветил его лицо. Конечно в эту минуту, пленный пожалел что доверился ему. Но, как он сказал, выбора у него не было.

Физиономия Кантекора не внушала симпатии: плутовской вид загорелого лица, бегающий взгляд циничных глаз не вызывали доверия к себе.

Он обернулся, прикрепил свой факел для защиты от ветра в трещину обвалившейся стены, затем с довольной усмешкой опустил в карман золотые монеты и принялся со спокойнейшим видом рассматривать бумаги.

- Жгите! Жгите же! - повелительным голосом, ставшим резким и громким от сильнейшего неврного напряжения, крикнул ему тот, кто назвал себя князем Борисовым.

- Тише! Тише, молодой человек! Торопиться некуда... Прежде чем что-нибудь уничтожить, надо узнать, в чем дело, - наставительно заметил Кантекор, делая успокаивающий жест раненому, а затем с прежним невозмутимым видом открыл пакет с письмами.

- Каналья! - простонал кавалергард, и нечеловеческим усилием приподнялся на правом локте, схватил было саблю, но силы изменили ему, и оружие упало на землю.

Кантекор оттолкнул его ногой и без всякого стеснения стал разбирать надписи на конвертах, читая вслух:

“Графу Арману де Тэ, принцу де Груа, поручику конной гвардии”. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, - считал он, - все на одно имя... Сомнения быть не может. Ты - такой же русский, как и я! Посмотрим дальше... Дело-то, кажется, скверно!..

Он открыл наудачу один из листков и пробежал его взглядом. Ему бросились в глаза отдельные фразы, имена:

“Герцог Ангиенский... мученик... Ривьер... Полиньяк... Иммармон... Узурпатор... Бонапарт... Прованс... д’Артуа... Молодой король, король истинный... Узник Тампля... ослепленной любовью к дочери Корсики...”.

Мелькнули женские имена: “Герцогиня Шеврез... графиня де Гиш... мадам Кюстин... маркиза д’Этиоль”, много раз попало на глаза имя “Полина Боргезе”...

Не читая далее, Кантекор сложил бумаги, опустил их в карман к луидорам и подошел к умирающему самозванцу, катавшемуся теперь по земле с кровавой пеной на губах.

- Граф Арман де Тэ, принц де Груа поручик конной гвардии, француз на русской службе, эмигрант, изменник своей родине, отступник и ренегат! Все ли твои титулы я перечислил? Граф и принц! Примите мой привет! - иронически раскланялся перед ним Кантекор.

- Подлец! - простонал еле слышно тот.

- Можете быть уверены, - продолжал унтер-офицер, - что Ваши бумаги в хороших руках! Через несколько дней его превосходительство Жозеф Фуше, министр полиции, рассмотрит их с подобающим вниманием, и если Ваши друзья получат некоторые неприятности, то будут обязаны этим Вам. Накануне битвы следует сжигать с а м о м у такие любовные письма!

- Бандит! Разбойник! Наполеоновский солдат! - мог еще произнести умирающий.

Унтер-офицер на этот раз оскорбился. Он нагнулся, поднял пистолет и сказал торжественным тоном:

- Изменник своему знамени! Император приговаривает тебя к расстрелу. Я исполняю приговор императора его именем!

Затем, не прицеливаясь, на расстоянии трех шагов, этот судья, ставший палачем, разрядил свой пистолет выстрелом в окровавленное, беспомощное тело, извивавшееся перед ним в предсмертных судорогах... Выстрелив, он сделал грмасу и почувствовал потребность в оправдании.

- Он сам этого просил, - пробормотал он и, повернувшись спиной к трупу, мерным шагом вышел со двора фермы.

Позади него, оставленный на съедение волкам, в добычу воронам, всем ужасам ледящей ночи, остался лежать на снегу труп в блестящем мундире, окрашивая кровью землю...

Кантекор шел, весело побрикивая золотом в кармане и думая про себя:

“Ну, сегодня я не потерял времени напрасно!”

Достигнув аванпостов французской армии, он назвал себя и прошел в лагерь.

II

Жером Кантекор де ла Коррез не был простым солдатом. В двадцать семь лет у него было уже бурное прошлое, полное всевозможных, иногда весьма сомнительных приключений.

Его отец держал гостиницу на пустынной дороге Ма-Шевалье, стоявшую на опушке Кюбесского леса. Шесть месяцев в году она была занесена снегом; она имела очень дурную репутацию, которой вполне соответствовало ее название “Приют повешенного”, данное в память прежнего владельца, окончившего жизнь самоубийством. Путешественники здесь были редки, даже в лучшее время года, зато нужда была тут постоянной гостьей.

В пятнадцать лет Жерому надоела нищета. Его тянуло вон из родительского дома и хотелось повидать свет. В одно прекрасное утро он, даже не попрощавшись ни с кем, исчез из дома, бросив отца и мать, братьев и сестер. Правду сказать, если он оставлял много желать, то и другие члены семьи были немногим лучше.

Отец Кантекора был человек грубый и, когда не было хлеба, кормил семью тумачами. При таких условиях семейная жизнь была не из отрадных; дети были угрюмы, жена болезненна. Она прожила недолго, умерла молодой.

Жером вышел из дома с палкой в руках, с парой деревянных башмаков за плечами и без гроша в кармане. Какой-то прохожий дорогой обратился к нему с вопросом:

- Куда идешь, мальчуган?

- В Париж! - гордо ответил тот, не задумавшись.

Это было в начале 1793 года. Париж танцевал в это время карманьолу и любителям ловить рыбу в мутной воде было полное раздолье.

В продолжение долгого пути мальчик жил воровством. По прибытии в Париж ему посчастливилось приютиться у одного булочника, большого патриота и филантропа, с увлечением посещавшего парижские клубы, чтобы слушать политических ораторов. Он взял с собой и маленького Кантекора, и тот скоро вошел во вкус этих посещений. Таким образом он присутство-

вал неотлучно при всех событиях этого кровавого года. Он увлекался красноречием ораторов до полного восторга, а, когда подрос, то и сам принял деятельное участие в событиях. Перед ним прошли жирондисты, любимцы, Бриссо, Верньо, Дантон и Робеспьер; он ревел от горя, видя смерть Марата; сопровождал до ступеней эшафота Шарлотту Корде, рукоплескал палачу, срубившему ее голову. Он видел казнь Марии Антуанетты, госпожи Дюбарри, Полины, Роланд, и присутствовал, не только как свидетель, но как сообщник всех этих кровавых расправ. В обществе санкюлотов он научился пить.

Булочник, покровительствовавший ему, был выбран президентом одной партии и взял его к себе секретарем, для чего Кантекор изучил незнакомую ему до тех пор грамоту. С этих пор он считал свою будущность упроченной.

Скоро он выказал особую способность выслеживать людей и все время, пока продолжался террор, он, несмотря на свою молодость, был усердным поставщиком гильотины.

Затем он на время скрылся из вида и появился снова на сцену уже бригадиром первого гусарского полка. Ему было тогда двадцать два года и ему очень шел красный доломан и длинные усы. Скоро он присоединился к клике - к обществу всех отбросов, худших людей этого гусарского полка.

В 1804 году Кантекор находился в числе тех двухсот кавалеристов, под командой Орденера, которым удалось дерзкой выходной похитить герцога Ангиенского и замка Эттенгейма в Баденском герцогстве, в трех верстах от Рейна, и отвезти его пленником в Париж, где он погиб в Венсеннской башне.

После этого сомнительного подвига, заставившего пожалеть о себе самых ярких приверженцев империи, Кантекор, получивший галуны квартирмейстера, сопровождал в следующем году Наполеона в австрийской кампании. Она окончилась для императора победой при Аустерлице, а для Катекора - счастливым поворотом судьбы.

И вот вечером этого знаменательного дня в лагере, когда его товарищи спали, растянувшись на соломе, он при свете костра, рассмотрел подробные бумаги графа де Тэ, которые случай предоставил в его руки.

Все они имели форму писем и носили штемпель Англии этого постоянного убежища врагов Франции. Ни одно из этих писем не было подписано, но было очевидно, что речь шла о готовившемся заговоре. Это доказывали имена Ривьера, Полиньяка, этих последователей Кадудалья, помилованного императором и содержавшегося в Венсенне, Бруслара - этого неуловимого шуана, смеявшегося над агентами Фуше и над жандармами Савари, открыто поставившего целью своей жизни - смерть "тирана" и "людоеда" Бонапарта; все это несом-

ненно указывало на существование тайного заговора против новорожденной империи.

Кантекор не мог скрыть свою радость. Мечта, которую он втайне лелеял долгие годы, близилась к осуществлению.

Прошло с этого дня два месяца, и он добился в Париже приема у министра юстиции; двери Фуше открылись перед ним, когда он разложил перед ним свои важные бумаги и доказал все их значение. Министр полиции спросил, что он желает получить в награду. Тогда Кантекор, не задумавшись ни на одно мгновение, без запинки, ответил:

- Место в полиции, мой отпуск кончился. Я хочу быть полезным и знаю, что могу им быть.

Фуше улыбнулся: хитрый и смелый плут понравился ему. Он немедленно зачислил Кантекора в отряд особых шпионов, и ему не пришлось раскаться в этом, по крайней мере сначала.

Жером Кантекор сделался политическим агентом, что он, справедливо, или нет, считал своим призванием. Его дебют был удачен; в то же лето он нашел случай зарекомендовать себя, и вот каким образом.

Только что утвердившись в своих новых обязанностях, он первым делом позаботился разыскать самолично тех лиц, имена которых он нашел в письмах Армана де Тэ, окончившего свою жизнь при его неблагоклонном участии.

Ривьер и Полиньяк содержались в Венсеннской тюрьме. Преследуя Бруслара, он потерял напрасно время и труды, безуспешно разыскивая следы того, кого прозвали "Неуловимым", - ни малейшего указания, никакого следа он не нашел.

Ему больше посчастливилось относительно Иммармона и Прюнжэ д'Отрем; он узнал, что единственные дворяне во Франции, носившие эти имена, жили оба в замке де Пали, близ Компьена. Эти оба эмигранта, казалось, примирились с событиями дня и жили спокойно, вдали от политических течений, занимаясь единственно своими имениями. Обои им едва было по двадцати пяти лет. Граф Жан де Прюнжэ выказывал большую привязанность к своей кузине Изабелле д'Иммармон, отвечавшей ему взаимной нежностью. Если они имели какие-нибудь замыслы, то скрывали их очень искусно: в их тихой деревенской жизни ничто не возбуждало подозрений. Во всяком случае их местопребывание было теперь известно.

Кантекор, еще малоопытный в делах политики, не брал в расчет женщин; из всех поименованных в письмах лиц для него оставался теперь загадкой молодой король (какой - Бог его знает!), о котором писали, что он без ума влюблен в Полину Боргезе. Найти след было нетрудно: он вел в Рим.

Там Жером Кантекор узнал много нового, собрал разные сведения и не сомневался уже в том, что попал верно и его

попытки увенчаются успехом. Фуше поддерживал его, рекомендуя молчание и осторожность.

Из Рима Кантекор вернулся в Париж, преследуя по пятам красивого молодого человека, с изящной фигурой и темно-синими большими глазами, называвшего себя де Гранлисом; он казался очень благородным, созданным для поклонения и преданности, а вместе с тем в течение всей своей жизни, в прошлом и в настоящем, был одним из самых несчастных, несправедливо преследуемых судьбой людей.

Около семи часов одного из июньских вечеров Кантекор следовал за этим молодым человеком через заставу Руль, где тогда оканчивалась деревня Нельи, под Парижем. Шпион следил за ним по всем улицам, среди прохожих, как тень, не пуская с него взора, ни на минуту не теряя его из вида, пожирая его взглядами.

Передать его в руки полиции было величайшей удачей, потому что он был беглецом и изгнанником почти со дня рождения, и во время террора, и во время Директории преследуемый консульством так же, как и империей. А если бы Бурбоны утвердился на престоле своих предков, то его изгнание стало бы еще более несомненным. Кантекор теперь уже знал все это.

Этот молодой человек, так опасный для себя самого, быстрыми шагами направился к предместью Сэнт-Онорэ.

Чудный летний день клонился к концу; посреди улицы играли дети, а на порогах домов сидели и стояли женщины, толкуя о своих делах, в ожидании возвращения мужчин после дневной работы. Заходящее солнце золотило почерневшие черепицы крыш и играло на стеклах запыленных окон. Тишина и спокойствие, разлитые в воздухе, как-будто навевали надежды, оживляя радость жизни.

Де Гранлис, не замечая окружающего, всецело погруженный в прошлое торопливо шел вперед. Несмотря на свои двадцать лет, Кантекор уже задыхался, преследуя его и бормоча под нос:

- Куда он так несется? Неблагоразумно заставлять людей бежать таким образом. И притом еще вечер такой жаркий!

Проходя он бросил завистливый взгляд на кабачок, где рабочие и солдаты опустошали стаканы и бутылки, и с глубоким вздохом проговорил про себя:

- Если наша судьба бежать - будем бежать, черт возьми! Придет когда-нибудь и моя очередь и пить, и смеяться...

Между тем молодой человек с прежней скоростью пробежал уже все предместье. Перед одним маленьким домиком он было замедлил шаг, как бы колеблясь, но затем пошел дальше и не останавливаясь достиг площади Согласия. Там он остановился и издали задумчиво наблюдал открывшуюся перед ним картину. В этот тихий час большая площадь казалась еще

обширнее, лишенная красовавшихся на ней раньше статуи Людовика XV и потом статуи свободы.

Де Гранлис без сомнения вызывал в своей памяти другое время и другое зрелище этой легендарной площади. Ему мерещилась кипящая, ревущая толпа, окружающая эшафот на обгащенной кровью земле. Ему слышались гремящая песнь карманьолы, стук колес тележки, глухой звук ножа... Здесь, в ста шагах перед ним, работала гильотина, смертоносное, ненасытное чудовище. Здесь скатились тысячи голов, здесь погиб цвет французского дворянства... Тут же погибли Людовик XVI и Мария Антуанетта, а с ними - королевская власть.

Молодой человек медленно снял шляпу и стоял неподвижно, устремив взор на страшную площадь, будучи погружен в глубокую задумчивость. В тридцати шагах от него, спрятавшись за толстое дерево, следил за ним во все глаза Кантекор. Даже ему на мгновение пришло желание последовать примеру де Гранлиса и обнажить голову. Хотя он и не сделал этого из уважения к своим принципам, но все же стоял печальный, рассуждая про себя:

“Ну, да, это понятно... Паломничество”...

Прошло минут двадцать; де Гранлис не трогался с места. Агент Фуше зевал, стоя за деревом, и выходил из себя.

Наконец молодой человек сделал прощальный жест и медленно направился в сторону улицы Рояль. Кантекор шел по его следам. В улице Анжу они миновали новую церковь Св. Магдалины, по идее Наполеона превращенную в храм Славы; налево виднелась старая церковь того же имени, разбитая кирпичами и ломами... Квартал изменил свою физиономию.

Вдоль всей улицы Анжу тянулись фасады новых, частных домов, выстроенных на земле благочестивых бенедиктинок. Листва деревьев старинных садов иногда превышала стены.

Кантекор был в недоумении: куда же, наконец, они идут? Он не мог угадать это при всем желании, но вспомнил, что в былые времена не раз проходил этой дорогой, радостными криками провожая тележку с телами казненных...

В конце улицы Анжу де Гранлис остановился перед красивым двухэтажным домом, стукнул молотком у входных дверей и стал прислушиваться. Шпион, прильнув к стене за углом, тоже насторожил уши.

Дверь полуоткрылась; последовал короткий разговор между прибывшим и кем-то внутри дома; один просил и настаивал, другой, казался, колебался и возражал; наконец он уступил и де Гранлис вошел в дом.

Кантекор немедленно вышел из своей засады и быстро очутился перед подозрительным домом, как раз во-время, чтобы дверь не успела захлопнуться. Решительной рукой он придержал половинку двери и в свою очередь проник в вестибюль.

Какой-то старик испуганно попятился перед ним, говоря:

- Сюда нельзя, нельзя! Кто Вы?

Кантекор не смутился и грубо ответил:

- Я иду, куда входят другие... Кто я? Полицейский, милый друг! Молчи или берегись! Ты принимаешь беглецов, я видел. Ну, прочь! Пропусти меня!

- Ах, если бы Вы знали, если бы Вы видели, слышали этого млодого человека! - нечал испуганный старик. - Его отец, его мать погребены здесь...

- Что такое ты толкуешь? Что же здесь такое?

- Здесь бывшее кладбище Святой Магдалины, - печально ответил старик.

- Черт возьми, ведь это верно, - пробормотал с невольным трепетом Кантекор. - Ну, все равно: я должен видеть, - и он прошел дальше.

Бывшее кладбище после террора было куплено адвокатом Оливье Деклозо. Преданный роялист, он хотел спасти таким образом от осквернения обагрившую кровью землю, где покоились изуродованные тела короля Людовика XVI, королевы Марии Антуанетты, Шарлотты Корде - драгоценные для него останки. Здесь же покоились кости Роланд, Дюбарри и многих тысяч обезглавленных аристократов... Теперь здесь был разведен сад.

Итак, несмотря на все предосторожности, несмотря на то, что царевичи сжигали известью тела своих великих жертв, чтобы когда-нибудь впоследствии не удалось "поклониться останкам тиранов", все-таки осталось возможным паломничество верных к своей святыне, придворных без Двора - к погибшему королевству.

Кантекор прошел узкий коридор и очутился сейчас же в мрачной ограде. Здесь было множество деревьев, большей частью грабов, и крестов, обозначающих могилы.

В конце узкой аллеи шпион заметил де Гранлиса, склонившегося над низеньким холмиком, осененным двумя плакучими ивами. Это была королевская могила, в углу стены, близ колодца.

Кантекор не был трусом. На войне он отличался выдающейся храбростью, о чем красноречиво говорили рубцы многих ран на его теле. В чистом поле, при дневном свете, он не боялся ни Бога, ни дьявола, как он утверждал, и он не лгал. Но - у каждого свои слабости - он не мог выносить атмосферу кладбища, в особенности при наступлении ночи.

Смеркалось. Дрожь пробежала у Кантекора по спине и он тревожно оглядывался кругом, припоминая многое...

Как часто мальчишкой, ради своего удовольствия, из преданности республике, он провожал сюда с песнями и смехом тела тех, кто здесь зарыт! Он вспомнил Дюбарри с распущенными волосами, тщетно умолявшую палача о пощаде, вспомнил молчаливую королеву Марию Антуанетту, надменную госпожу Роланд, других женщин, которых он преследовал тогда своими свистками, своей наглой бранью...

Что это? Там как-будто приподнялась земля... А это дерево? Стрелочка оно так похоже на темную фигуру обезглавленной женщины?... Черт возьми! Какое зловещее место!.. Точно голоса слышатся под землей... Что, если откроются все эти могилы; если земля выбросит на поверхность скелеты, если появятся о нем и, держа в руках свои окровавленные головы?..

Холодный пот выступил у Кантекора на лбу, голова кружилась. Медленно, не оглядываясь, пятился он к дому

Старик ждал его.

Едва овладев своим голосом, Кантекор спросил:

Другого выхода нет?

Нет

Хорошо, я ухожу. Смотри ни слова обо мне тому молодому человеку, слышишь?

- Я не скажу ничего.

- Отлично, прощай!

Он вышел из сада, из дома, с отвращением, как из логовища змеи.

Между тем де Гранлис неподвижно стоял над общей могилкой короля и королевы. У него были свои видения...

Он вспоминал свое счастливое детство: Версаль, Трианон, прекрасных женщин, графинь и маркиз, игравших пастушек среди белых барашков, с голубыми лентами, резвые хороводы, которые водили принцессы, роскошные наряды, солдат с блестящим оружием. Ему слышались звуки труб на королевском дворе, пение Марии Антуанетты в белом салоне для избранных, под звуки клавесин. Ему виделся Компьенский замок, где все были веселы и забывали строгости этикета, Тюильери в зимнюю пору...

Потом неожиданно декорация изменилась. Ароматный воздух, полный смеха, весен, дорогих духов, сменился запахом пороха, народа, дикими криками угроз, оскорблений. Он, ребенок, умевший только улыбаться, научился трепетать. Исчезли любовь, преданность, радость. На смену явилась ненависть, ярая, слепая, беспощадная... Как кровь, заалела ее красная шапочка.

Потом - Варенн*, те незабываемые дни, потом Тампль, наконец - заключение... Среди всех этих сцен де Гранлис ясно

* Небольшой город в Мааском департаменте. Здесь 22-го июня 1791 г. бежавший из Парижа король Людовик XVI с семьей был остановлен и принужден возвратиться в Париж. Этот момент был поворотным в ходе Великой французской революции.

представлял себе действующих лиц, большей частью погребенных теперь здесь, после долгих мучений, после жгучих страданий... Теперь они покоились здесь мирно, невозмутимо...

Он призывал их, протягивая к ним руки. Ему чудилось, как и Кантекору, что земля приподнимается, что на его голос молча встают из недр земли несчастные страдальцы-обитатели этого мертвого царства. Как в бреду, видел он их тени у подножия эшафота. Перед ним были весь двор, весь Версаль, весь Трианон, принцы, принцессы целой вереницей, с королем и королевой во главе.

Медленно, торжественно подвигались они к нему, точно прошлое шло навстречу настоящему, приветствуя будущее.

Как они были бледны! Какой ужас был в глубине их взоров! У всех, у мужчин и женщин, виднелось точно кровавое ожерелье вокруг шеи, след "красной крови проклятых аристократов", след ножа гильотины.

Де Гранлис отступил от этих призраков прошлого, от этих привидений, наполнявших кладбище, но они шли и шли, со всех сторон... Это был точно парад всего дворянства королевства.

- Король!.. Королева!..

Ударил невидимые барабаны, раздался торжественный гимн во славу Божию. Его прервал отдаленный, глухой, сначала неясный шум, затем последовали рев, крики, слившиеся потом в пение марсельезы, карманьолы, рев опьяненного народа...

В эту минуту пронеслось дыхание бури, деревья склонились, роняя листья, вихрь сбрасывал черепицы, целые крыши, Ошеломленному молодому человеку казалось, что ураган вместе с облаком кровавой пыли снес головы с плечь всех этих бесчисленных тел.

Не будучи больше в силах выносить охвативший его ужас, де Гранлис вернулся в дом, охранявший все тайны былых времен. Смущенно поблагодарил он старика и вышел большими шагами, отирая слезы на глазах. Почти бессознательно дошел он до улицы Сюренн. Там он осмотрелся и вернулся в предместье Сэнт-Онорэ.

Наступила ночь, светлая, прозрачная, усеянная звездами, озаренная бледной луной. За де Гранлисом, старательно заглушая шаги, опять шел по-пятам Кантекор. Долго шли они; в наступившей тишине редко слышались шаги запоздалых прохожих.

Де Гранлис остановился перед домом, где виднелись освещенные еще окна часового магазина, и после минутного колебания вошел туда. Полицейский остался ждать.

Время шло; прошло четверть часа, половина.. Огонь в окнах потух, ставни лавки закрылись.

Ладно, - пробормотал агент Фуше, он остается; здесь, как видно, логовище зверя. - Отойдя от дома, он призвал двух полицейских в форме и отдал им краткие приказания, указав на дом. Затем он окликнул пустой фиакр и бросил кучеру адрес: - набережная Магаке, полицейское управление.. скорее!

Кучер поморщился, но стегнул лошадь и погнал ее рысью.

III

В конце предместья Сэнт-Онорэ когда-то был маленький переулок, скорее одна из мелких улиц, окаймленных облупившимися стенами, зимой занесенная снегом, летом засыпанная пылью; эта улица выходила к кладбищу Эрранси, туда, где теперь находится парк Монсо. Несколько лет тому назад одному из владельцев пришла фантазия загородить проход в узком месте улицы каким-то строением, вроде сарая, где хранились тележки торговцев. Затем, со временем, этот сарай был заброшен и мало-помалу развалился. Скоро сообщение по проулку возобновилось, но этот проход знали только местные жители, другим он известен не был.

Это место точно нарочно было создана для каких-нибудь таинственных исчезновений, для темных приключений и подозрительных личностей, столь обильных в это смутное время.

На самом углу этого проулка и предместья, имея выходы на обе улицы, стоял низкий дом, где помещалась лавка, а над ней жилое помещение под остроконечной черепичной крышей. Уже лет двадцать как этот дом был занят небогатым часовщиком по имени Гиацинт Боран. Он поселился в этом мрачном жилище со своей маленькой двухлетней дочерью Ренэ; у него был подмастерье Блэзо, жена которого, толстая Жанна, служила для домашних услуг. Он охотно рассказывал соседям, что овдовел и переехал с прежней своей квартиры, на улицы Марэ, спасаясь от грустных воспоминаний.

Прошло три месяца, и новые жильцы, скромные, тихие и спокойные, перестали возбуждать любопытство; к ним привыкли и даже выказывали некоторые уважение.

Они пережили революцию, террор, директорию безо всяких тревог; вонсульство, империя - тоже оставляли их в покое. Словом, это были вполне спокойные люди.

Часовщик, в черной шелковой шапочке, вставив большую лупу в правый глаз, целый день трудился над своей мелкой работой, которая по-видимому поглощала все его внимание, но, сидя у окна, он мог видеть все, происходившее на улице.

Иногда какой-нибудь прохожий останавливался перед перед скромной выставкой: трое позолоченных, цинковых столовых часов, ряд серебряных карманных, сережки, кольца, табакерки да брелоки составляли все убранство узкого окошка. Прохожий любовался на выставленные предметы и как бы в рассеянности барабанил пальцами по стеклу. Если Боран медленно поднимался с места, то прохожий с беззаботным видом отходил от окна; если же часовщик снимал свою шапочку и откладывал работу, тогда прохожий решительно входил в лавку.

Вот что, наконец, заметил опытный шпион, Кантекор, но сколько надо было потратить на это времени, труда и терпения!

Большую частью эти таинственные посетители-клиенты "папа Боран", как называли часовщика по соседству, состояли из стариков, старушек, почтенных дам, отдававших запахом бергамота и испанского табака, по своим годам уже несомненно принадлежавших к старому режиму и бывшим вне всяких подозрений. Они входили, садились на деревянные стулья, говорили медленным, тихим голосом, пока часовщик, для приличия, рассматривал какую-нибудь старинную луковицу, бывшую предлогом для посещения.

В уголке подмастерье Блэзо продолжал свою работу; позади лавки, где была кухня, служившая и столовой, толстая Жанна передвигала кастрюли, приготавливая обед; Ренэ, сначала девочкой, а потом взрослой девицей, стояла у дверей, глядя на прохожих...

Что могло быть невиннее этой маленькой торговли, этих безобидных, смиренных людей? Иногда в лавке встречались какой-нибудь старичек и старушка, случайно или намеренно, кто мог бы это сказать? Были ли они знакомы раньше? Может быть;;; Они обменивались вежливыми поклонами, тысячью учтивостей, а, может быть, и какими-нибудь сообщениями - кто знает?

Иногда, загорелый молодец, имеющий вид моряка, бравого и коренастый, входил в лавку, торговал часы или табакерку, расплачивался ассигнациями... Что могло быть невиннее? Кто мог заподозрить, что в этой пачке кредиток проскакальзывало какое-нибудь письмо, предупреждение, какие-нибудь подозрительные имена?

Однако это случалось не раз во время террора и директории.

Несмотря на весь свой смиренный, безвредный вид, дом Борана был центром крупного заговора роялистов.

Сын бывшего лакея Людовика XV, часовщик, был горячим сторонником королевской власти и служил ей слепо, по своему; но иногда и мелкая преданность оказывает крупные услуги.

На чердаке, под остроконечной крышей, находился чулан, высокий и узкий, скрывающийся за потайной дверью, совершенно незаметной за штукатуркой. Когда дверь была заперта, чердак казался пустым, его можно было окинуть одним взглядом. В случае нежелательного посещения, осмотр не открыл бы ничего, кроме множества паутины, тщательно охраняемой. Чулан занимал восемь квадратных футов и мог свободно вместить двух человек, а в случае необходимости даже трех. Он находился под самой крышей, старые черепицы которой пропускали в трещины между собой достаточно свежего воздуха, а во время дурной погоды и большие капли дождевой воды, что составляло неудобную сторону этого помещения. Чулан был расположен на западной стороне чердака, выходящей на упомянутый выше проулок, пустынный даже днем, не говоря уже про ночное время.

Внутри все убранство чулана состояло из двух соломенных матрасов.

Многие из вождей роялистского восстания проводили здесь по несколько дней в последний десяток лет: граф Фроттэ, Пишегрю, Шаретт, а позже Жорж Кадудаль*, сам неуловимый Бруслар и многие другие из знаменитых в то время заговорщиков.

Несмотря на это, до самого 1806 года ни малейшее подозрение не зародилось среди полиции, хотя она, переживая все политические движения, оставалась обычно хлопотливой.

Гражданин Боран в трагические дни гильотины, папа Юлоаг - во время консульства и империи, сохранил за собой все ту же репутацию почтенного, спокойного человека, вполне чуждого политическим партиям, живущего исключительно для своей дочери, составлявшей всю радость его жизни, и для своей процветавшей маленькой торговли.

В начале 1795 года семейство часовщика неожиданно увеличилось прибытием его племянника, который был немного моложе Ренэ, насчитывавшей в это время двенадцать лет своей жизни.

В одно прекрасное утро соседи увидели в лавке это новое лицо, представленное им при случае под именем Шарля Боран, сына Сильвена Борана, младшего брата Гиацинта. Племянник

* Фроттэ и Кадудаль были самыми непримиримыми борцами за королевскую власть и самыми упорными вождями шуанов. Самое незначительное движение роялистов-шуанов (так прозвали крестьян Коттро, в департаменте Майенны) быстро разлилось (в 1793 г.) по всей Вандее и Бретани и началась малая, но жестокая война с республиканским правительством. Тысячи республиканцев гибли в схватках и засадах. Шуанов поддерживало английское правительство. С небольшими перерывами восстание шуанов продолжалось до 1800 г., когда был разбит их главный вождь Кадудаль, в 1804 г. казненный Наполеоном.

часовщика прибыл в Париж из своего родного города, чтобы изучить ремесло под руководством своего дяди и впоследствии пристроиться самому в столице.

Это был блондин, с изящным и бледным, несколько утомленным лицом, и последнее вызвало справедливые замечания многих, что, как видно, воздух Нормандии не отличался особенной целебностью, если тамошние дети были так хрупки на вид. Но Боран объяснял бледность своего племянника возвратной лихорадкой, и никто не требовал более подробных пояснений такого незначительного дела.

Шесть лет провел мальчик в тяжелой атмосфере предмета, редко выходя из дома, часто хвоя, присматриваясь около Блэзо или самого Борана к устройству часового механизма, ко всем подробностям специальности, необходимой для избранной им профессии. Между делом он много читал, в особенности книги по истории Франции. Все эти занятия удерживали его дома, как и тех, у кого он жил.

Летом, по воскресным дням, все семейство, включая работника и служанку, отправлялось за город, в Ванва, где у Борана был маленький домик и садик. Это жилище было уединенно, в стороне от дороги, и там нечего было опасаться любопытных глаз и ушей.

Все весело забирались в нанятую для этого тележку, нагруженную кроме того провизией. По прибытии на место припасы выгружались и все входили в дом. Здесь сейчас же происходила каждый раз одна и та же странная перемена в отношениях этих людей.

- Ваше высочество! Наш принц! - говорил Боран, падая на колени со всей своей семьей перед своим учеником, - не надо больше комедий, на этот день по крайней мере; позвольте Вашим слугам воздать Вам должное и обожать Вас!

Шарль не без достоинства поднимал распростершихся перед ним друзей и играл до наступления ночи свою таинственную роль обожаемого принца.

Кто же был этот мальчик, по-видимому такой ничтожный в повседневной жизни, которому, однако, воздавали королевские почести люди, знавшие тайну его происхождения? До сих пор этого никто не знал.

Все, окружавшие сначала ребенка, потом юношу, обходились с ним по необходимости так, как того требовало его скромное положение: просто, фамильярно, иногда грубовато-дружески.

Этих предосторожностей и соблюдения их со всей точностью строго потребовал граф де Фроттэ, который привел ночью к Борану этого десятилетнего страдальца, измученного, бледного, с длинными, распущенными локонами, дрожащего от страха и лихорадки, завернутого в шинель графа. Самолюбие

принца часто страдало от такого обращения, конечно не со стороны приютившей его семьи, а со стороны посторонних людей, видевших в нем лишь ничтожного мальчишку-ученика.

Еще один строгий приказ был отдан генералом-роялистом: звание ребенка должно было оставаться полной тайной для всех, кроме Борана и его семьи; ни под каким видом его нельзя было открыть никому из инсургентов или скрывавшихся шуанов, также искавших приюта на чердаке дома Борана, как бы эти люди ни казались преданны и облечены доверием. Исключение было допущено лишь для троих вождей: Кадудала, Шаретта и Бруслара, но граф добавил, что от сохранения строжайшей тайны зависела жизнь маленького беглеца.

Этот приказ исполнялся с точностью. Граф де Фроттэ мог сложить свою голову на эшафоте; его завет и из-за могилы исполнялся свято и ненарушимо.

Жестокий урок покорности пришлось вынести потомку великих предков; может быть, впоследствии он не раз вспоминал его.

Дочь часовщика, Ренэ, была старше принца на три года, и между ними возникла глубокая дружба. Сначала она смотрела на него с высоты старшей, как на царственного ребенка, и привязалась к нему со всей преданностью добровольной рабыни. Со своей стороны несчастный мальчик, перенесенный из атмосферы угроз и ненависти в этот тихий и мирный уголок, охотно шел навстречу каждой ласке, ища отдыха от ужасов прошлого. В этой дружеской, теплой среде он развивался быстро, и скоро отношения между ним и Ренэ изменились. Настала его очередь обращаться к Ренэ с нежной снисходительностью юноши, превращающегося в мужчину, чему еще более способствовало его высокое происхождение.

Когда ему исполнилось пятнадцать, а ей восемнадцать лет, и он стал красивым юношей, а она - хорошенькой девушкой с густыми черными волосами и блестящими глазами, между этим переодетым королем и маленькой лавочницей, поверенной всех его мечтаний и грез и вместе с тем его преданной рабой, возникли отношения, которые было бы очень трудно определить, равно как и характер их взаимной привязанности. Иногда они, сами не зная, почему, краснели и смущались присутствием друг друга.

Прошел еще год этой тесной, интимной жизни в маленьком домике, где почти соприкасались локти, а дыхания и души точно сливались вместе. Но вот в один прекрасный вечер в окно часовщика постучал высокий старик, сказал Борану условленный пароль и передал ему пожелтевший листок бумаги; последний ничего не сказал бы другому, но сразу был признан Бораном, Там стояло лишь несколько слов, написанных его

собственной рукой: “Передать полученную вещь по назначению”, а затем следовала его подпись. Когда-то он сам написал эти строки по просьбе генерала де Фроттэ, чтобы современем передать принца не иначе, как подателю этой странной записки.

Взволнованный Боран тяжело вздохнул, но, четверть часа спустя, принц сел в поданную к дверям карету и уехал, веселый, радостный, ни разу не оглянувшись, весь полный честолюбия и жажды новых впечатлений. Ренэ рыдала, закрыв лицо руками, толстая Жанна следовала ее примеру, а Боран и Блэзо тихо сказали:

- Куда он поехал? Увидим ли мы его еще когда-нибудь?

С тех пор Ренэ перестала петь за своей работой, как это делала раньше.

Пять лет прошло без всяких известий, ничто не напоминало скромным людям об исчезнувшем друге семьи. Они постоянно вспоминали его в беседах друг с другом и печально смотрели на его опустевшее место за столом. Иногда слышался тихий упрек:

- Все-таки он мог бы послать нам весточку.

Потом настало время отчаяния: Бруслар уведомил их, что их принц умер... Стали говорить о нем, только вспоминая прошлое.

В один июньский вечер 1806 года все обитатели лавочки часовщика были на своих местах, занятые своим обычным делом. Боран, у своего узкого окошка, слупой в глазу, рассматривал пружину часов; Блэзо, посади него, в глубине лавки, возился с мелкими колесиками; Жанна гремела посудой в кухне, перемывая тарелки; Ренэ, молчаливая, уже ставшая старше, побледневшая, добросовестно склонилась над своей работой. Вдруг легкий стук заставил всех поднять глаза.

За окном красивый молодой человек, с изящной фигурой, тихо постукивал ногтями по стеклу. Это был сигнал, посредством которого эмигранты или бывшие шуаны просили приюта, осведомляясь, можно ли безопасно пройти в дом.

Но уже столько времени никто не искал приюта у часовщика, кроме Бруслара, которого он слишком хорошо знал, для того, чтобы не узнать с первого же взгляда, что все, подняв голову, переглянулись, не зная, отвечать, или нет.

Вдруг Ренэ, смотревшая сквозь стекла на посетителя, тихо вскрикнула и побледнела, как смерть. Призывный стук в окно с нетерпением повторился.

- Отец, отец! - крикнула Ренэ, глядя на часовщика таким взглядом, что тот немедленно сдернул со своей лысой головы шелковую шапочку, что означало: “Можете войти”.

Дверь распахнулась, звякнул звонок, посетитель вошел в лавку. Он был молод, высоко и гордо держал красивую голову

и с улыбкой скрестил руки на золотом набалдашнике индийской трости.

Боран и его подмастерье с улыбкой смотрели на него, Жанна выглянула из кухонной двери с тарелкой в руке, спокойной глядя, "кто пришел". Одна Ренэ, вскочив с места, сжала руки, впилая жадным взглядом в глаза незнакомца и, дрожа от волнения, не могла выговорить ни слова. Наконец из ее груди вырвался подавленный крик:

- Шарль! Наш принц!

Боран и Блэзо вскочили с места, Жанна всплеснула руками, подняв тарелку и полотенце.

Довольный произведенным эффектом, принц отбросил свою трость и, привлекая к себе Ренэ, воскликнул:

- Ты узнала меня, ты - первая! Знаешь ли ты, что ты стала красавицей с тех пор? - и он поцеловал ее в обе щеки, как бывало делал это раньше.

Девушка вспыхнула от смущения.

- Да, - вздохнул принц, - я ничего не забыл; ничего и никого, - прибавил он, взлядывась в окружающих. - А ты, Ренэ, думала ли ты когда-нибудь обо мне? - спросил он, глядя на девушку полным нежностью взглядом.

- Всегда, постоянно, - пролепетала та, краснея еще более.

Лицо принца просияло, но Боран перебил его:

- Ваше высочество, оставались все время...

- Тише, - остановил его молодой человек, приложив палец к губам, - меня зовут де Гранлис.

- Несмотря на расстояние, Вы всегда присутствовали между нами, - продолжал Боран. - Дочь сказала правду: всегда постоянно мы вспоминали о Вас; мы ждали какого-нибудь известия, спрашивали себя, почему Вы не вспомните своих преданных слуг, воображая, что наша глубокая привязанность заслуживала Вашего благоволения...

Принц покраснел и поспешил сказать:

- Я никак не мог сделать это, мои бедные друзья!.. Я все расскажу Вам теперь. У меня было столько приключений, столько опасностей... Я снова испытал заключение, тюрьму... Мне еще раз удалось спастись и бежать, почти чудом...

- Кто же осмелился? - воскликнула снова побледневшая Ренэ, глаза которой пылали негодованием.

- Кто осмелился?.. - повторил принц. - Все они же, эти бунтовщики, мои дяди, которые безо всякого права и доказательств считают меня интриганом, авантюристом, отказываются признать меня своим племянником, законным наследником того, что они украли у меня! Они доказали, что я могу всего опасаться это... Эти тайны принадлежат не мне одному, и я не имею права выдавать их даже таким преданным людям, как Вы.

Он произнес последние слова с тем видом достоинства, который умел хорошо принимать на себя и который производил такое сильное впечатление на окружающих. Так был и на этот раз; все низко склонилось перед ним, искренне признавая себя недостойными.

Двое прохожих остановились перед лавкой, хотя и плохо освещенной, но все-таки бросавшей поток света на еще довольно оживленную улицу. При виде их Боран вспомнил свою обычную осторожность.

- Господин Гранлис, - тихо сказал он, - потрудитесь войти в столовую, отсюда Вас слишком хорошо видно.

- Ты прав, Боран, - спохватился принц, быстро обернувшись спиной к улице, - прав тем более, что я сегодня целый день в пути, не завтракал и не обедал. Мне будет приятно поужинать.

- Неужели? - печально воскликнула Ренэ, в отчаянии от такого признания?

Жанна бросилась растапливать свой погасший очаг, Блэзо закрыл лавку, а часовщик спустился в погреб, чтобы сделать честь своему гостю бутылкой лучшего вина. Немного погодя Гранлис спокойно ужинал свежей яичницей, холольным мясом, фруктами, запивая их хорошим вином.

Стоя у стены, хозяева лавочки жадно смотрели на него, как на вновь найденное дитя; они любовались его аппетитом, его манерами, поспешностью, с какой он опустошал свой стакан. Кончив ужин, он зевая сказал, что сильно устал, и попросил устроить его на покой. Ренэ взялась проводить его в тайное убежище на чердаке, где Жанна поспешила устроить временную постель, надеясь завтра устроить гостя поудобнее. Принц, в сопровождении молодой девушки, поднялся по узкой винтовой лестнице, которая вела из лавки в первый этаж, а оттуда на чердак. Взираясь по ступеням, он тихо произнес про себя:

- Мне кажется, что я стал на пять лет моложе, что я все еще - ученик часовщика... А ведь то было в сущности хорошее время.

Звучно раздались шаги молодых людей среди пустого чердака, голоса звучали тише, подавленные воспоминаниями.

Ренэ поставила лампу на пол и привычной рукой нажала незаметную пружину в стене. С легким звуком, похожим на тяжелый вздох, перед принцем открылась потайная дверь.

Он обнажил голову и задумчиво остановился на пороге, тихо произнося слова точно во сне, точно он был здесь один:

- Все они скрывались здесь, несчастные беглецы, такие, как и я теперь! Они прятались здесь, как затравленные звери, эти герои, страдавшие за мое дело... Генерал Людовик Фроттэ, самый преданный мне из всех: генерал Шаретт, опла-

квиваемый мной герой; генерал Пишегрю, могучий Жорж Кадудаль - ужас "Синих" и гордость "Белых"! Нормандцы, вандейцы, бретонцы, одинаково мужественные, соединившиеся в одной могиле, все равно дорогие моему сердцу... Вы знали мою тайну, Вы знали, кто является Вашим королем, и Вы признавали его перед лицом Бога! Но Вы все погибли прежде времени, полные сил и молодости, покинув меня одиноким среди множества опасностей!..

Он замолк, но его губы шевелились, как бы в тихой молитве.

Потом он заговорил опять, с еще более пылким выражением:

- Все погибли в такое короткое время: Фроттэ, Шаретт - от французских пуль; Пишегрю - кто знает как: самоубийцей или убитым? Кадудаль - обезглавленный на проклятом эшафоте, как мой отец, моя мать, как все мои родные!

Его голос дрогнул от рыданий...

Ренэ слушала его, прислонившись к стене, бессильно опустив руки...

- Кто заменит мне вас, мои дорогие союзники, мои храбрые воины? Погибли, мертвы все верные хранители погибшей королевской власти! Остается только в отчаянии последовать Вашему геройскому примеру

- Ваше высочество! - воскликнула Ренэ, простирая руки к принцу.

Он вздрогнул. Если он рисовался своими словами, то только перед собой самим.

- Ах, да!.. Ты тут, малютка, ты тут... Что же, послушай мои сожаления о погибших друзьях. Прими в них участие и ты, еще живущая, чтобы служить мне всем своим преданным сердечком, милая подруга прошлых дней!

Ренэ рыдала, закрыв руками лицо.

Долго еще говорил принц, все в таком же печальном роде. Наконец девушка ушла, оставив его одного в потайном убежище, скрытом от всего мира. Тщательно закрыв дверь, Ренэ спустилась вниз, дрожа от волнения.

Взглянув на нее, Боран встревожился:

- Что с тобой? Ты так возволнована, ты плакала?

- Вы сами заплакали бы, как я, - горячо ответила Ренэ, больше чем когда-нибудь увлекаясь своей привязанностью к принцу, - если бы слышали, как он вспоминал о своих умерших друзьях, обещая им свое вечное воспоминание, как он говорил обо всех нас, его приверженцах... Да, отец, Вы заплакали бы сами от умиления и жалости!

- У него великое сердце! - пробормотал тронутый Боран.

Даже Блэзо и его жена казались растроганными.

Целый час шел неиссякаемый разговор о счастье вновь видеть принца, о его красоте, доброте, уме и красноречии; все пророчили ему блестящее будущее. Только, когда на башне соседней церкви пробило одиннадцать часов, разошлись на ночлег обитатели домика Борана, но не скоро еще им удалось заснуть, так как они были взволнованы событием дня.

Ренэ, погруженная в глубокую задумчивость, лежала на своей узкой девичьей кровати, в своей простенькой, почти бедной комнатке, все украшения которой заключалось в легкой этажерке розового дерева, уставленный кое-какими безделушками, оставшимися ей от молодой, рано умершей матери.

Какую безграничную радость испытала она, увидев перед собой царственного товарища своих детских лет, так сильно любимого, дорогого принца! Исполнилось то, что еще вчера было для нее заветнейшей мечтой всей жизни.

Но почему это огромное счастье так глубоко смутило ее? Она не хотела или не могла ответить на этот самой ей неясный вопрос. Да, этот неожиданно явившийся желанный гость, уже не был ребенком. Это был молодой человек, настолько красивый, что, даже помимо его королевского происхождения, такая наружность не могла остаться незамеченной. Теперь прежнее дружеское чувство Ренэ к Шарлю, чувство сестры, приняло иной, более сложный характер. Когда он обнял ее, как бывало, со всей нежностью брата, она, сама не понимая почему, почувствовала какое-то смутное, непонятное волнение, полное незнакомого до тех пор блаженства, но вместе с тем и страдание. Она еще не сознала, что от неустанных дум о своем отсутствующем герое, в этом возрасте, когда сердце бьется сильнее юношеской, жаркой кровью, ее тихая привязанность незаметно перешла в более пылкое чувство пламенной любви.

Пока "господин де Гранлис" не появлялся на сцене, Ренэ обожала его издали; ее любовь дремала, оставаясь лишь смутной мечтой; но первое свидание, первый поцелуй пробудил ее к жизни; платоническое чувство приняло иной характер. В объятиях своего божества проснулась женщина.

Но он и она! Какое безумие!

Не сознавая еще вполне ни своего чувства, ни его последствий, бедная Ренэ, томимая бессонницей, старалась каким-нибудь понятным образом объяснить себе это чувство, равно как и смутное сознание какого-то невольного проступка, в котором ее укоряла совесть.

Тянулся час за часом, но она все не могла сомкнуть глаз.

Хозяин дома, сам Боран, тоже не спал, сидя на своей большой кровати, волнуемый в свою очередь иными тревогами и беспокоемством. Его взгляд рассеянно блуждал по загроможденной разным кламом комнате. Он беспокойно прислушивал-

ся к каждому звуку на улице, в особенности в переулке, к вою ветра в трубе, к неверным шагам пьяницы-прохожего, громко разговаривавшего с самим собой в ночной тиши. Он бледнел и нервно вздрагивал при каждом раздававшемся звуке.

Однако было уже не в первый раз, что он давал под своей кровлей приют беглецам. Не раз и прежде Кадудаль или Писегрю, Шаретт или Фроттэ, Бруслар и много-много других, занимали чулан на чердаке, но, несмотря на их присутствие, часовщик спокойно спал.

В те времена он рисковал в такой игре своей головой, но тогда все как-то привыкли к ужасам; никто не дорожил своей жизнью, охотно жертвуя ее заранее. Боран, как и все тогда, считал позорным спокойно стариться.

Он вспоминал теперь, как приютил у себя королевского ребенка, этого самого принца, за которого дрожал в настоящее время. Тогда принц был еще слишком мал, чтобы подвергаться непосредственным опасностям, немедленной казни, как герцог Ангиенский.

При этом воспоминании Боран почувствовал, как холодный пот выступил под синим фуляром, служившим ему ночным колпаком... Он не мог отогнать от себя это видение...

Неожиданный плен, Венсенская башня, заранее готовый военный суд, безжалостный приговор и в темных рвах крепости, под столбом, на котором качался фонарь, двенадцать ружей, направленных в обнаженную белую грудь...

Видение было так живо, что у него пересохло во рту, захватило дыхание... Борану показалось в эту минуту, что на улице раздались мерные шаги военного отряда.

IV

А в это же самое время в тайнике, лежа на двух толстых матрасах, полуодетый на случай тревоги, принц набрасывал золотым карандашом неровные строки, при свете низкой лампы под зеленым картонным абажуром, на котором с одной стороны был изображен император Наполеон, с другой - императрица Жозефина.

Время от времени он громко вздыхал, поднимая взор к небу, то есть к отверстию черепичной кровли.

Наконец он прочел вслух написанное стихотворение:

*“О, ты, чья красота прекрасней всех видений
Ты вся - любви мечта, царица наслаждений!
Чтобы тебя любить, безмолвно обожая,
Готовь я все забыть, что пережил, страдая!”*

Два или три раза он повторил эти слова, упиваясь ими, и снова призывал на помощь вдохновение, но - увы! - оно не появлялось. Тогда принц, откинув голову на подушку, погру-

зился в мечты, вызывая в душе образ богини, которой посвящал свое произведение.

Он припоминал тот день, когда впервые встретил эту очаровательную прекрасную молодую женщину, которой поклонялась вся Европа, признавая ее богиней красоты.

Это было на Аппиевой дороге, близ Рима. Она медленно проезжала мимо в великолепном экипаже, запряженном чудными лошадьми, и улыбалась приветствовавшей ее красоту восторженной толпе. Она была одета в платье из блестящей, вышитой золотом и серебром, ткани и в длинное манто лилового атласа, открытое и без рукавов; но ее шею окружал лебяжий пух, потому что начиналась уже осень и погода была свежа.

Несмотря на холод, ее руки были покрыты только газом, грудь полуобнажена, на ногах были только шелковые чулки и ажурные туфельки, как того требовала тогдашняя мода. На красивой головке был лиловый же бархатный ток, с двумя белоснежными перьями. На изящной шее красовался крест византийского золота, окаймленный роскошными бриллиантами, на цепочке из дорогих жемчужин.

Она проезжала, небрежная, торжествующая, сводя людей с ума одним своим присутствием. По общему приговору, она была прекраснейшей из всех красавиц того времени, всех Фрин, Венер и Сафо Франции, в роде Талльен, Кастелэ, Рекамье.

И он, несчастный изгнанник, беглец, не имеющий родины, затерянный в пестрой толпе, почувствовал, как его сердце рванулось к этой незнакомой ему красавице. Он спрашивал себя, кто она, это небесное видение, спустившееся на землю? Один из восторженных зрителей около него дал ему ответ на этот вопрос.

- Это - принцесса Полина Боргезе, сестра императора, несравненная царица красоты...

Принц не стал слушать дальше.

Полина Боргезе, сестра Наполеона, его враг, существо, которое он должен был ненавидеть всеми силами души! Так говорил ему рассудок, но горячее сердце рассуждало иначе: он может любить только ее одну на свете; он навек сохранит в душе ее обожаемый образ; он покорен, очарован, прикован на всю жизнь к этой сестре своего злейшего врага - Бонапарта!

С тех пор прошло шесть месяцев, но сердце изгнанника осталось неизменным.

В тот день, сам не зная зачем, он, как безумный, следовал за экипажем своей волшебницы; видел, как она вошла во дворец Боргезе, и с тех пор проводил дни и ночи вблизи ее роскошного жилища.

Он изучил порядки дома и ко времени ее прогулки всегда был тут; он - наследник благороднейшего рода, наследник королевской семьи - обнажал голову и низко склонялся перед этой корсиканкой, принимавшей участие в деяниях своего брата-узурпатора.

Она должна была невольно заметить его, его высокий рост и гордую осанку. Наконец она улыбнулась ему. Капризная и своевольная, вся под властью минутных впечатлений, Полина не могла пренебречь этим безмолвием, упорным поклонением.

В тот же день, со всей смелостью своего возраста и характера, принц явился к ней, во дворец Боргезе, решившись открыть ей свое чувство, готовый пожертвовать даже жизнью, лишь бы не остаться для нее простым прохожим, покорить ее в свою очередь, ничем не пренебрегая, чтобы добиться победы.

Она приняла его из любопытства, под его ложным именем, и дерзко спросила, какой милости он ждет от нее.

Он мог теперь видеть вблизи это дивное создание, это физическое совершенство и в то же время самую испорченную, самую эксцентричную из женщин того времени. Полина Бергезе исполняла все свои минутные капризы, была способна на какую угодно выходку под влиянием своей фантазии. Она позировала обнаженная перед знаменитым скульптором Канова, чем вызвала восторг художника и его славу, как и вечное восхищение потомства. Она обожала сама себя, не зная пределов своим самым сумасбродным фантазиям и желаниям. Она носила прозвище, которым чрезвычайно гордилась, - за ее кокетливость и изящество ее прозвали: "царица моды".

В двадцать два года Полина Бонапарт овдовела после смерти генерала Леклерка, а на двадцать третьем снова вышла замуж за блестящего Камилла Боргезе. Она не любила своего второго мужа, как и первого, но вышла за него ради титула принцессы, а главное ради прельщавших ее бриллиантов громадной стоимости.

Такова была эта женщина, которую в детстве Наполеон называл Полеттой.

Добившись приема, потерявший голову Гранлис, указывая на окружающих ее фрейлин, молча подал принцессе открытое письмо, где он говорил о своем действительном звании и отдавался всецело в ее власть. Письмо кончалось следующими строками:

"Я прошу у Вас одного: если Вы не дадите мне никакой надежды, то передайте меня своему брату, и дело будет конечно. Это - мое единственное желание".

Читая это послание, принцесса покраснела и ее рука дрогнула. Она подняла взор на стоявшего перед ней молодого человека, ожидавшего своего приговора, пристально всматриваясь в его лицо.

Кто это? Сумасшедший, искатель приключений или действительно тот, за кого он себя выдает? Казалось, он был слишком молод, чтобы так нагло лгать, и, несмотря на свое очевидное волнение, нисколько не походил на сумасшедшего. Его осанка, его изящные платье говорили за него... Значит...

Приключение становилось занимательным.

Оправившись от мимолетного волнения, принцесса взяла карандаш, набросала несколько строк на поданном письме и, отдав его обратно Гранлису, отпустила его любезным жестом.

Он молча поклонился и вышел из комнаты, не будучи в состоянии произнести ни одного слова.

- Ну, этот не болтлив! - заметил кто-то из присутствующих.

- "Этот"? - с негодованием воскликнула Полина, вспомнив о происхождении де Гранлиса, более знатном, чем чье бы то ни было, не исключая ее собственного.

Этим было сказано все: она уже защищала его.

Выйдя на улицу, Гранлис нетерпеливо развернул письмо. Там было написано следующее:

"Я не выдам Вас брату. Дайте возможность видеть Вас. Я посмотрю и обдумаю... Немедленно уничтожьте письмо".

Гранлис пришел в восторг; она не гнала его, позволяла себя видеть, значит, она поверила ему! Голова у него кружилась от счастья. Ведь ему было только двадцать лет!

Как они увидятся снова, где и когда - он не мог себе представить. От Полины Бонапарт можно было ожидать всего, смелостью и дерзостью она не уступала своему брату. Но ей нельзя было покорять себе царства и она довольствовалась тем, что ночью, переодетая мальчиком, бегала по улицам, посещая кабаки итальянских портов, смешиваясь с толпой пьяных матросов, чокаясь с ними своим стаканом, распевая их циничные песни. Основываясь на этом, Гранлис был уверен, что она сумеет найти выход, обладая умом, способным на все хитрости, на самые сложные, запутанные интриги. Конечно она устроит встречу, здесь или там, днем или ночью.

Так оно и было: они виделись наедине то тут, то там.

Гранлис рассеял ее последние сомнения, доставил ей доказательства, убедил ее вполне тем легче, что она заинтересовалась им лично, его наружностью и изяществом породы, унаследованным им от своей матери. Как мужчина, он нравился ей так, как не нравился еще никто до сих пор. Кроме того ее занимал их маленький заговор, их тайна.

Однажды вечером она, в серьезном разговоре, призывая его к смелости, открыла Гранлису путь к блестящему будущему. Она сказала ему:

- Вы готовы на все, чтобы быть любимым мной... Вы предлагаете мне в доказательство этого отказаться от своих закон-

ных прав, от требования обратно родительского трона... Совершенно напрасно, дитя мое, я хочу совсем не этого. Слушайте меня внимательно! С Вами говорит сестра Наполеона. Я не глупа и искренняя, я долго размышляла. Я хочу, чтобы Вы сами вернули себе утраченное наследство, своими собственными руками. Теперь время людей энергичных, с сильной волей. Вспомните слова Вольтера: "Императором сделался счастливый солдат"... так вот: поступите в императорское войско, оставшись французом и теперь.

Гранлис широко открыл глаза: эти слова превосходили все его ожидания и предположения.

Между тем Полина продолжала, не обращая внимания на его удивление:

- Станьте солдатом, заслуживайте чины, под начальством моего брата. Сделайте то, что делали другие: Бонапарт, Гош, Марсо; в двадцать пять лет будьте генералом, а в тридцать станьте маршалом, но, подымаясь, благодаря своим собственным силам, по ступеням общественной лестницы, продолжайте хранить тайну своего происхождения. Придет день, когда настанет время открыть ее. Это будет тогда, когда покрытый славой Наполеон признает в Вас бесстрашного вождя, смелого, как Ланн, пылкого, как Мюрат... Тогда моя мечта может превратиться в действительность. Наполеон, не имеющий потомков, может подумать о Вас, законном наследнике короны, может усыновить Вас, соединив прошлое с настоящим, сделать Вас королем, даже императором, после себя... Сейчас Вы удивились моему предложению служить во французской армии, а между тем эти полки - Ваше законное убежище, их форма - для Вас лучшая защита: не среди гренадеров Франции будут искать Вас наемные убийцы Ваших дядюшек! Понимаете ли Вы это?

Гранлис размышлял.

Она продолжала.

- Обстоятельства благоприятствуют этому плану. Я знаю, что император хочет образовать два полка под начальством Изембурга и Тур д'Оверна, исключительно из дворян. Достаньте от этой бездетной креолки Жозефины патент капитана в одном из ее полков, и следуйте за своей звездой!

- Моя звезда - Вы, - пробормотал Гранлис, как в бреду, смущенный потоком смутных, противоречивых мыслей, нахлынувших в его встревоженную голову.

- А я через месяц отправлюсь в Париж, - весело улыбнулась Полина, - подышать придворным воздухом и проветрить свои бриллианты...

- Я поеду за Вами!

- С условием - во всем повиноваться мне?

- Все, что хотите!

В награду Полина протянула ему для поцелу кончики сових розовых пальцев. Он был без ума от этой женщины, покорявшей все сердца.

Подбивая принца на это опасное предприятие, Полина Боргезе следовала своей врожденной склонности к эксцентричным выходкам и к разным заговорам. Вся семья Бонапарта интриговала против своего главы, которому завидовала, против Жозефины, которую ненавидела; враждовавшие между собой братья и сестры соединились против Наполеона, все изменили ему в последний час, кроме Полины, которая осталась верна низверженному орлу

Однако это не мешало ей во время его славы вести против него пылкие интриги, в роде последнего приключения с влюбленным принцем. таким образом была решена его судьба.

Когда он сообщил об этом некоторым из своих приверженцев, они сочли его сумасшедшим, что было почти правдой. Тем не менее они решились следовать за ним повсюду и защитить его в случае надобности собственным телом.

Обо всем этом размышлял теперь принц, находясь в тайнике дома Борана. Мало-помалу его мысли смешались, голова склонилась на подушку, и он заснул, шепотом повторяя заветное имя:

- Полина! Полетта!..

Вдруг он вздрогнул, открыл глаза: ему показалось, что дом полон каких-то звуков, шума...

Когда Борану послышались на улице шаги солдатского отряда, он ошибся: этот шум приближался и замолк перед дверью его дома. Часовщик поспешно вскочил с кровати и начал одеваться, тихо позвав сквозь полуоткрытую дверь: "Рене!"

Она прибежала сейчас же, разбуженная и встревоженная тем же шумом, похожим на то, как-будто солдаты окружали дом.

- Отец, отец! - вскрикнула она, ломая руки, - он погиб, погиб!

- Нет, - старался успокоить ее Боран, - тайник надежен...

В эту минуту раздались громкие голоса Блезе и Жанны, спавших в лавке:

- Кто там?

- Погодите! Мы встретим Вас, как следуете, каналы!

Пробуют открыть дверь, отомкнуть замок... Однако это не воры: и те отрядами не ходят... Пойдем туда! - сказал Боран.

Они спустились в ту минуту, когда Блезе старался защитить толстой палкой подававшуюся дверь. Жанна звала на помощь. Муж был обезоружен в одно мгновение, а жене чья-то грубая рука зажала рот.

Вошло человек пять-шесть. За ними извне тихо закрыли дверь.

- Молчать, если дорожите жизнью! - приказал повелительный голос. - Именем закона!

Говоривший начальник отряда был человеком грубого вида, в котором под городским платьем, легко было узнать военного.

Около него стоял тщедушный человек низкого роста, небрежно завернувшийся в широкий поношенный плащ.

- Кантекор, вели дать побольше света, - сказал он.

- Сейчас, Ваше превосходительство! - ответил тот, знакомый нам уже Кантекор, оборачиваясь к Борану.

При тусклом свете поставленной на прилавок лампы можно было разглядеть присутствующих; к тому же Кантекор уже несколько ознакомился с ними раньше.

- Господин Боран, Вы слышите? Дайте свечей, лампу!.. Главное - как можно меньше шума, ради Вашей же пользы... Не надо скандала, все обойдется тихо. Пусть никто не пробует бежать, - добавил он, - улица оцеплена, Нас много и сопротивление не имеет смысла. - Он вынул из кармана пару пистолетов и внушительно объявил: - у каждого из моих людей имеются такие же.

Бледные и безмолвные, Боран и Ренж вставили свечи в жестяные подсвечники и зажгли их дрожащими руками. Блэзо и Жанна последовали их примеру, и лавка ярко осветилась.

- Спрашивай, Кантекор, - приказал дурно одетый "генерал", придвинув себе стул и опустившись на него, надвинув шляпу на глаза и стараясь скрыть подбородок в складках своего галстука. Но Боран узнал его, несмотря на его старания, и вздрогнув шепнул дочери:

- Сам Фуше!

Ренэ прислонилась к стене, чтобы не упасть.

Кантекор спокойно рассмотрел одного за другим обитателей дома и потом сказал, качая головой:

- Ваши лица не доказывают спокойствия совести; думаю, что нет надобности объяснять вам цель нашего прихода. Самое лучшее для вас - покориться силе... Господин Боран, выдайте нам своего гостя и тогда мы с ним поговорим.

Собравшись с духом, почерпнув мужество в своей преданности принцу, Боран ответил громким, спокойным голосом:

- Наши лица - лица мирных людей, оторванных от сна насильем, и наше волнение очень естественно. Что касается какого-то гостя, то я не понимаю, о чем Вы говорите.

Фуше и Кантекор обменялись быстрым взглядом, как бы говорившим: "Ты ошибся? Не так ли?" - "Не беспокойтесь, я уверен в том, что знаю". Недаром же следил Кантекор за своей добычей, от самой границы следуя за ней по пятам.

- Я - мирный часовой мастер, - продолжал Боран, - меня двадцать лет знают в этом квартале, где я живу честно; это известно всем. Если Вы представители закона, то должны покровительствовать честным людям, а не тревожить их по ночам без всякой причины...

- Эта песня знакома мне, - перебил его Кантекор, - никто не способен на искреннее сознание. Таким образом Вы вынуждаете нас к насилию, к обыску? Тем хуже для Вас, но результат будет тот же самый.

Ренэ поспешила на помощь отцу:

- Господа, если вы действуете по какому-нибудь доносу, то над Вами просто посмеялись; наш домик слишком мал, чтобы скрывать тайну, а мой отец - мирный гражданин, вовсе не занимающийся политикой; это всем известно.

- Молодая девица, - послышался скрипучий голос Фуше, - кто сказал Вам, что дело идет о политике?

Ренэ покраснела и опустила голову, поняв, что сказала лишнее.

- Молодая девица, - повторил Кантекор, - это Вы смеетесь над нами. Это простительно в Вашем возрасте, да и Ваша красота заслуживает снисхождения... Однако будет болтать! Время для нас дорого... Укажите нам дорогу... Ты, толстуха, - обратилась он к Жанне, - бери лампу и посвети нам.

- Толстуха! - проворчала обиженная жена Блэзо, - а ведь я не называла тебя верзилой, невежа!

Кантекор не удостоил ее ответом. Он сделал знак четырем своим помощникам, и обыск начался. За Кантекором и его людьми следовал насторожившейся Фуше, за ним - старавшийся казаться спокойным Боран, потом - терявшая голову Ренэ, за ней - ошалевший от страха Блэзо.

Перерыли все в лавке, в кухне, в столовой; осмотрели полы, стены - нигде ничего...

- Поднимемся, - сказал Фуше, - птицы гнездятся наверху.

Он шутил, будучи в отличном настроении, так как очень любил такие ночные приключения, такую охоту за людьми; это было его призванием. На этот раз преследование имело особый интерес. Поэтому-то он отправился сам, презирая могущую представиться опасность.

Весь отряд гуськом потянулся по лестнице; под тяжелыми шагами скрипели ступени. По прибытии на первый этаж поиски возобновились.

В комнатах Борана и Ренэ переставили всю мебель, отодвинули от стен кровати, обыскали сверху донизу открытые шкафы, и опять не нашли ровно ничего.

- Выше, выше, говорю Вам! - нетерпеливо крикнул Фуше, - я чую дичь, чувствую ее...

На чердаке он остановился и потянул воздух, бормоча:

- Внимание! Внимание!

По четырем углам большого чердака были поставлены четыре свечи. Кантекор взял лампу из рук Жанны и внимательно осмотрел стены.

Фуше продолжал говорить вслух, поучая одних и пугая других:

- Здесь что-то слишком пусто, точно хотят дать понять: "здесь ничего нет, видите, ровно ничего!". Вот потому-то тут что-нибудь непременно есть. Осмотрите каждую щель, каждый гвоздь, каждую ямочку, в особенности со стороны проулка: там в фасаде дома заметна какая-то выпуклость.

Слыша это, Боран чувствовал, что у него от страха подгибались ноги, а Ренэ крепко сжимала челюсти, чтобы не стучали зубы.

Тщательно, медленно, доска за доской, исследовали Кантекор и его люди шероховатые стены. Время шло; они ничего не могли найти.

Фуше топал ногой. Он сам пустился по горячим следам и не допускал ошибки, а между тем...

Он следил за Ренэ, надеясь судить об успехе поисков по выражению тревоги на ее девичьем лице. Но она опустила голову под этим пытливым взглядом и отошла в тень, посеяв сомнение в голове начальника полиции.

Ищейки начали терять терпение, бесплодно осмотрев тысячи шероховатостей, трещин, старых следов от гвоздей, запуская железные прутья в каждое скольконибудь подозрительное отверстие. Все было напрасно.

- Если тут есть тайник, - пробурчал начавший сомневаться Кантекор, - то он уж слишком хорошо скрыт!

Фуше рассердился.

- Стоило обещать мне королевскую добычу, заставить меня провести бессонную ночь, чтобы придти сюда! И все это напрасно! Дело плохо, милейший!

Лицо Кантекора вытянулось; он заметно повесил нос, чувствуя немилость начальника: он знал, что тот не прощает неудач и предпочитает иметь дело хотя с мошенниками, но знающими свое дело. Для успокоения совести он запустил еще раз свое железное лезвие в трещину стены, хотя и не надеялся уже на успех.

Фуше остановил его.

- Кончайте! Не сидеть же нам тут до утра!

Ему пришла в голову одна идея, которая должна была удалась.

Он позвал к себе ближе Борана и Ренэ и, стоя посреди пустынного чердака, заговорил умышленно громким, ясным голосом:

- Я знаю, что вы скрываете здесь лицо, которому запрещено пребывание во Франции. Я не говорю, что это лицо имеет какие-либо дурные цели, но моя обязанность разыскать и остановить его. Так как наши поиски бесполезны и вы отпираетесь, не хотите сознаться, то этот дом будет завтра же разрушен дотла, а Вы, Боран, и Вы, сударыня, - он повысил голос, обращаясь к Ренэ, - будете отправлены в Консьержери; тишина и уединение тюрьмы будут полезны Вам. Если Ваше пребывание там продолжится на долгие годы, то вина будет Ваша: Вы этого сами желаете.

Когда он кончил говорить, в стене, исследованной уже сто раз, бесшумно открылась настежь потайная дверь, и на ее пороге показался Гранлис. Все невольно вскрикнули и попятиться.

Молодой человек подошел спокойно и величественно, с надменно предупредительным видом и обратился к Фуше:

- Довольно! Вы ищете меня? Я здесь!

Как верно рассчитал министр полиции, принц не мог допустить гибель своих верных слуг и не вмешаться для их спасения: для этого он был слишком великодушен.

Фуше никогда не отличался особенной вежливостью, но при этом трогательном появлении даже он склонился и приподнял шляпу.

- Эти люди приняли меня, не зная, кто я, - продолжал Гранлис, - если кто-нибудь виновт, то лишь я один. Располагайте мной, я покорюсь силе еще раз!

- Мне надо допросить Вас. Будете Вы отвечать? - обратился к нему Фуше.

- Может быть; смотря по вопросам.

- Хорошо! - согласился Фуше и тихо отдал какое-то приказание Кантекору, а тот, сияя от радости, передал его подчиненным.

Немедленно были принесены снизу два стула и небольшой стол.

- Пусть выйдут отсюда все, кроме Борана, его дочери и Вас, Кантекор. Нам лучше говорить здесь без свидетелей, - распорядился Фуше.

Чердак опустел, двери заперли.

Фуше, указав Гранлису на стул, предложил:

- Потрудитесь сесть, сударь!

Принц машинально повиновался.

Фуше, также сел перед столом, медленно вынул из кармана бумаги и серебряный карандаш и приказал:

- Кантекор, лампу сюда! Так, хорошо.

При бледном свете лампы можно было видеть этого тщедушного рыжего человека, цареубийцу и террориста, во всем его безобразии.

В сорок два года он казался почти стариком. Его бледное, безкровное лицо, с бегающими, лукавыми глазами выдавало натуру неизменную, бесстрастную, без всяких принципов и без предрассудков. Говорил он глухим, однообразным голосом.

- Вы видите, я удалил своих людей, они находятся на лестнице или в нижнем этаже, - начал он, - я не нахожу нужным, чтобы они слышали нас. Теперь приступим к делу. Если у Вас есть оружие, потрудитесь отдать его мне.

- У меня нет оружия, - сказал Гранлис.

- Ваши бумаги?

- У меня их нет при себе.

- Честное слово дворянина?

- Я даю Вам его.

- Хорошо, я верю Вам.

- А это? - лукаво спросил Кантекор, выходя из тайника, куда он проскользнул за спиной принца, и держа в руке листок бумаги, на котором были набросаны стихи в честь возлюбленной Полины.

Принц вырвал листок из его рук и разорвал его на мелкие кусочки.

- Что это такое? - строго спросил Фуше.

- Просто стихи, Ваше превосходительство, самые невинные, в честь красавицы. Клянусь Вам...

Фуше спрята лицо в свой галстук с довольным видом; он любил подмечать мелкие слабости великих людей. После некоторого молчания он резко спросил:

- Ваше имя?

После мгновенного колебания принц, успокоительно улыбнувшись Ренэ и Борану, твердо произнес:

- Шарль Луи де Гранлис.

- Вы в этом уверены? - лукаво спросил министр. - Хорошо! Будем продолжать. Вы, как Вам известно, изгнаны из Франции, а между тем Вы здесь.

- Это - правда; но многие эмигранты вернулись со мной; мы думали, что время стало спокойнее.

- Тогда почему же Вы скрываетесь?

Принц покраснел и, порывисто встав с места, воскликнул:

- Прежде всего, кто Вы такой, чтобы допрашивать меня? По какому праву? По какому поводу? Вы поймали меня - отлично, но не злоупотребляйте этим! Я приехал во Францию, я - понимаете? - я сам, чтобы поступить на службу в императорскую армию, без всякой задней мысли, единственно с целью служить своей стране, все равно при каком правлении, желая приобрести себе славу независимо от каких бы то ни было имен. Вот и все! Если во времена империи это - преступление, тем хуже для императора!

- Господин Гранлис, - спокойно ответил Фуше, молча выслушавший принца с ледяным выражением бесстрастного лица, - я отвечу по порядку на Ваши вопросы. Кто я, какое мое звание и права? Я - Жозеф Фуше, министр императорской полиции.

- Вы! Вы! - содрогнулся принц.

Фуше подумал, понял и улыбнулся почти зловещей улыбкой.

- Да, я понимаю Вам... Тяжелые воспоминания... Но оставим их. Вы приехали во Францию служить в императорской армии? Как рассчитываете Вы достичь этой цели под вымышленным именем?

- Я надеюсь на покровительство при дворе, помогавшее мне и раньше.

Фуше подумал, понял и улыбнулся почти зловещей улыбкой.

- Императрица... - проговорил он. - Да, да... Все это очень странно... Ведь у Вас есть другая протекиция... в Италии, в Риме!..

Гранлис побледнел; полиция уже проникла в его заветную тайну! Пользуясь его смущением, Фуше холодно произнес:

- Вы неосторожны! Пример герцога Ангиенского должен был бы остановить Вас на пути.

Принц гордо вытянулся при этом роковом намеке и сказал:

- Если Вы хотите придти к тому же, то действуйте скорее!

При этих словах Боран и Ренэ бросились к нему и с плачем хотели защитить его своим телом.

- Никто не думает об этом, - сказал Фуше в раздумье, - никто, уверяю Вас.

В первый раз в своей жизни бывший царевый был в затруднении. Целый рой противоречивых соображений нахлынул на него.

Он говорил себе, что дать возможность Жозефине тайно покровительствовать этому прирожденному врагу императора значит держать ее в своих руках так же, как и Полину Боргезе. Он соображал, что, владея такой важной государственной тайной, он увеличит еще более свое и так громадное могущество; что, служа в императорской армии, принц будет больше, чем где-нибудь, под его наблюдением и в его власти, что, может быть, впоследствии будет выгодно предать его дядюшкам.

Наконец Фуше думал, что можно пощадить молодость принца, не нанося ущерба императору, и приобрести, таким образом, его признательность, что будет не лишней предпосылкой: ведь времена и обстоятельства могли измениться... Он часто видел такие примеры на своем веку!

А если узнает обо всем император?.. Всегда можно будет прибегнуть к внезапному аресту, сделав вид, что то была просто хитрость с его стороны... Конечно, разумеется...

Медленным, благосклонным жестом Фуше успокоил общее волнение и заговорил примиряющим тоном:

- Господин Гранлис! Дайте мне честное слово первого во Франции дворянина, что Вы сказали мне истинную правду, что Вы не замышляете ничего против императора и империи, и я закрою глаза и отпущу Вас на свободу. Если удастся, Вы поступите в армию, если же нет - снова покинете Францию. Но знайте, что там или тут, но я всегда буду следить за Вами: от меня ничто не скроется. К тому же наш договор основывается на взаимном доверии. Теперь отвечайте: желаете Вы подчиниться ему?

Гранлис молча размышлял. Боран и Ренэ смотрели на него умоляющим взглядом, вдали, под небом Рима, мелькал образ обожаемой Полины, для которой он готов был пожертвовать всем... Он глубоко вздохнул и произнес:

- Господин Фуше, я даю Вам свое слово первого дворянина, что сказал истинную правду; что ничего не буду злоумышлять против императора и империи, что или поступлю во французскую армию, или снова уеду из Франции в изгнание. Я принимаю Ваши условия... Я вынужден сделать это. Скрываться я больше не буду, но и Вы, надеюсь, не будете ничего предпринимать против меня?

- В свою очередь я обещаю это, - сказал Фуше, не смея сослаться на свое честное слово. - Надеюсь, что если впоследствии Вы вспомните этот вечер, то вспомните его добром... - Затем, обращаясь к часовщику, он строго сказал ему: - Пяццинт Боран, пусть этот урок послужит Вам на пользу... Завтра же тайник должен быть уничтожен и никогда больше никакой подозрительный человек не постучит у Вашего порога, ница приема. Если Вы преступите это приказание, то помните, кто от этого пострадает...

Боран поднял руку, готовясь дать торжественную клятву, но Фуше раскланялся с принцем и пошел к выходу, За ним последовал смущенный, ничего не понимавший, Кантекор.

На улице, прежде чем сесть в карету, Фуше сказал Кантекору:

- Если ты не хочешь погибнуть самым жалким образом, забудь этот вечер навсегда. Ты ничего не видел, не слышал, ничего не знаешь... Но с этого дня я поручаю тебе этого молодого человека, я представляю его тебе. Ты должен знать всегда, во всякую минуту, где он, что он думает, что делает... При таких условиях твоя карьера будет упрочена навсегда.

Кантекор рассыпался в благодарностях, однако, когда карета министра полиции скрылась из глаз, он долго задумчиво стоял на месте.

В лавке часовщика подданные окружили своего принца, поздравляя его с таким неожиданно благоприятным исходом. Но он был в страшном негодовании и весь дрожал от ярости.

- Я должен был уступить этому человеку, этому негодяю, этому убийце! И я сделал это ради Вас, ради других... О, конечно не ради себя! Негодяй, негодяй отъявленный, который и теперь изменяет своему господину, не выдавая меня ему! - Но вдруг его лицо вспыхнуло ярким румянцем и он воскликнул: - друзья мои, нам надо не плакать, а радоваться. Ведь поведение этой ищейки, которой все известно, является блестящим доказательством того, что наши надежды исполнятся в будущем! Значит, не мы одни предвидим, как пышно расцветут снова лилии родной Франции!

V

По просьбе знатных жителей Компьена, завидовавших Рамбулье, где в Сэн-Клу и Мальмезоне была постоянная резиденция императорского семейства, Наполеон отправил в середине июля Жозефину и Гортензию провести две недели в этом городе, обещая скоро приехать туда и сам.

Однако компьенский замок был в очень плохом состоянии, так что императрица и двор едва устроились там. Придворные интриги последовали туда за ними, усиленные в это время последней затеей Наполеона.

Он давно уже искал возможности использовать большое количество бывших эмигрантов и молодых дворян, желающих служить правительству, но не в качестве обыкновенных, простых солдат. Для этой цели Наполеон приказал выбрать между пленниками Аустерлица шесть тысяч лучших людей, из которых образовал два полка на жаловании Франции.

В этих новых полках Наполеон раздавал звание офицеров по своему собственному желанию. Не было необходимости служить долго, чтобы приобрести эполеты офицера даже высшего ранга. Достаточно было иметь хорошее происхождение, принадлежать к знатной семье и выказывать усердие к службе.

Конечно такие производства не соответствовали установленным правилам, но зато дали возможность Наполеону приблизить к себе около сотни молодых людей, хорошо воспитанных, образованных и богатых, вырвав их из опасной праздности и атмосферы заговоров, царившей в Париже.

Эти полки скоро получили названия по имени своих начальников, графа Тур д'Овьена и немецкого принца Изембурга. Дальнейшие назначения подали повод к всевозможным

ожиданиям и интригам: каждый имел своего кандидата или желал получить назначение сам. Во время пребывания двора в Компьене все эти искания удвоились. Они образовались по преимуществу к Жозефине, как аристократке в душе, не скрывавшей своей симпатии к золотой молодежи. Здесь, на даче, императрица была свободнее, доступнее, чем в Тюильери, и этим пользовались ради своих происков.

Все соседние замки, число которых было значительно в окрестностях города, все гостиницы, в особенности "Золотой Колокол", были переполнены желающими поступить на службу в некотором подозрении, влекли за собой без своего ведома целую категорию лиц иного сорта: полицейских и шпионов различных партий и национальностей. У Наполеона были свои агенты, у Талейрана - свои; у Фуше, Савари, Демара, Дюбуа - свои. Все они шпионили друг за другом. Комитет безопасности завидовал министерству или префектуре и наоборот.

Граф Прованский и граф д'Артуа* держали своих агентов в Париже, французских и иностранных.

Все державы Европы: Англия, Россия, Австрия, Пруссия, имели свои собственные осведомительные бюро близ Тюильери.

Сыщики проникали повсюду; они окружали Жозефину, находясь даже среди ее придворных дам, которым Фуше дорого платил за такие услуги.

Следили за самим императором, за принцами; сыщики соперничали между собой в искусстве, смелости и хитрости. Интриги кипели кругом и часто вокруг искренней, благородной молодежи, всевозможные агенты, переодетые, неузнаваемые, орудовали втихомолку, подстерегая и выслеживая друг друга.

В субботнее утро двор Компьенского замка был по обыкновению переполнен толпой просителей; они пробрались на первый этаж, на лестницу. Все они были занесены с самого начала в особый список, но императрица, без всякого стеснения, выбирала из списков наудачу имена знакомых, лучше рекомендованных ей людей, а иногда просто понравившуюся ей фамилию. Каждое утро она принимала с дюжину кандидатов, от десяти до двенадцати часов, если только не была занята чем-нибудь другим, или не страдала мигренью. Вообще она охотно играла свою роль благодетельницы. Вся эта пылкая, изящная, изысканная молодежь занимала и увлекала ее. Это был ее мир, она охотно царил в нем, принимая поклонения, просьбы, молебны со всей томной грацией креолки и обещая каждому исполнение просьбы.

---

* Два брата погибшего короля Людовика XVI.

Иногда Наполеон сердился, отказывал сначала, но Жозефина настаивала и в конце концов брала верх, иногда призывая на помощь свою дочь от Богарне Гортензию, своих фрейлин, и перед таким потоком женских просьбы император уступал.

- Скоро дамы будут назначать моих генералов! - ворчал он иногда.

- А почему бы и нет? - спрашивала какая-нибудь сумасбродная красотка.

- Ах, вы, плутовки, плутовки! - смеялся великий человек.

Влияние Жозефины в таких случаях было так велико, что впоследствии это производство офицеров по ее выбору доставило им многозначительное прозвание: "кадеты императрицы".

Пока эти кадеты прогуливались в ожидании вдоль и поперек широкого двора замка, то по одному, то группами. Они странно походили друг на друга, будучи одного круга, одного воспитания, одинакового обхождения. Многие из них были более или менее близкими родственниками. Все они были одеты одинаково, по последней моде: в голубой камзол, жилет с цветами, белые панталоны и полувысокие сапоги. Их возраст колебался между двадцатью и тридцатью годами и каждый из них желал быть, по крайней мере, капитаном, считая свою знатность достойной этого. Эти бывшие эмигранты уже снова приобрели свою прежнюю резвость, считая, что делают честь правительству, принимая у него службу, надевая мундир его полка. Они намеренно громко называли друг друга своими громкими титулами:

- А, Маркиз!

- Здравствуй, виконт.

- С добрым утром, герцог!

- Привет барону!

И каждый из них отдал бы десять лет жизни, чтобы свергнуть "узурпатора" и, махая белым знаменем, крикнуть: "Да здравствует король!".

Наполеон это прекрасно знал, но он знал также и то, что, зачислив этих аристократов в свое войско, он будет держать их в железной руке, имея возможность уничтожить их в любую минуту.

На ступенях лестницы стояли трое молодых людей самого аристократического вида и тихо разговаривали между собой, внимательно следя за слугами, докладывающими императрице об ожидающих и вызывавшими фамилию следующего за вошедшим лица. Молодой человек, стоявший на верхней ступени, головой выше своих собеседников, блондин лет двадцати с правильным, красивым лицом, ясно выражавшим каждое движение его души, - был уже знакомый нам де Гранлис. Он говорил с двумя смуглыми, худощавыми, но сильными молодыми людьми, по-видимому одного с ним возраста.

- Вы увидите, Прюнжэ, и Вы, Иммармон, что сегодня нас еще не примут. Если так будет продолжаться, то мне придется пробыть недели две в "Золотом Колоколе"; хотя там и очень весело, однако...

- Принц, то есть господин де Гранлис, - спохватился поклонившись Иммармон, - отчего Вы не желаете принять мое предложение? Воспользуйтесь гостеприимством моей матери; замок в двух шагах от города...

- Там могут встретиться опасности.

- Какие? - спросил Прюнжэ.

- Не более, чем здесь, - возразил Иммармон.

- Гораздо более, - заметил Гранлис, - к тому же я не хочу никого компрометировать.

Молодые люди низко поклонились, и Прюнжэ тихо сказал:

- Вы знаете, что наш долг, наше единственное желание - полнейшая преданность Вашему высочеству...

- Я знаю это, - ласково улыбнулся принц, - но у Вас есть мать, у Иммармона - сестра... Они еще так недавно вернулись во Францию, что не следует подвергать их опасности нового изгнания... Поучимся ждать. Это - искупление прошлого!

- Слишком уж много этих искуплений! - проворчал сквозь зубы Прюнжэ.

В эту минуту слуга вызвал:

- Господин Мартенсар! Господин Рантвиньи!

- Мартенсар! - презрительно повторил Иммармон, - этот плебей! Вот кого предпочитают нам! Вам, Ваше...

- Кто же меня знает? - пожал плечами Гранлис.

- Мартенсар, сын архимиллионера, банкира Жозефины, - продолжал Прюнжэ, - которому она должна огромные суммы. Значит, можно сказать наверное, что этот плебей будет принят.

- Натиньи? - спросил Гранлис, - кто это? Я не знаю.

- Какой-нибудь провинциальный дворянчик, - пояснил Прюнжэ, - этого имени я не встречал при дворе прежнего времени. Теперь так многое изменилось, так многое забылось...

- Да, но и мое имя... что оно может напомнить прежним обитателям Версаля? - усмехнулся принц. - Людовик, иначе де Гранлис.

- О, слишком многое, - проворчал Иммармон, - оно слишком ясно. Я советовал Вам взять другое, попроще, менее индизательное.

- Ба, - устало сказал принц, - не все ли равно? На все воля Божия.

Снова раздался голос слуги:

- Граф де Тэ, князь де Гроа! Граф Новар!

- Вот это - настоящие дворяне, - заметил Прюнжэ, знавший, казалось, все гербы Франции.

- Да, подтвердил Гранлис, - князья де Гроа, графы де Тэ - старинная семья, когда-то самые верные слуги короля. Все изменилось, - прибавил он со вздохом.

- Почему знать? - заметил Иммармон, - а мы сами? Не следует судить по одной наружности.

Прошло с четверть часа.

Постепенно были вызваны маркиз Невантер д'Орсимон, Миколле де Марш. Каждое имя вызывало у стоявших на ступенях лестницы свои комментарии, в дурную или хорошую сторону.

Наконец слуга произнес своим громким голосом:

- Господин де Гранлис, граф де Прюнжэ, д'Отрем, виконт д'Иммармон!

Гранлис крепко пожал руки своих друзей, причем произнес:

- До свидания! Моя судьба решается... Если меня не арестуют, приходите через час в "Золотой Колокол" пообедать со мной.

- Арестуют? Это почему? - воскликнули те.

Молодой человек - сын Людовика XVI - поднялся на остальные ступени и вошел в галерею. Его спутники издали медленно следовали за ним.

- Знаешь, кузен, я боюсь, - шепнул один из них.

- Я тоже...

- Что, если он не выдержит своей роли? Он такой нервный!

Притом здесь, в этом замке, столько воспоминаний прошлого... Что, если его примут не так, как он ожидает?..

- Подождем!

Они видели, как вошел в апартаменты Жозефины тот чья участь так беспокоила их.

Императрица принимала посетителей в бывшем салоне Марии Антуанетты, выходявшем террасой на огромный парк, полулежа на узкой кушетке бледно-зеленого шелка, украшенной орлами. Она была одета в легкую индийскую кисею; ее шея и руки были открыты; легкая жемчужная диадема украшала ее красивую головку. Несмотря на свои сорок три года, Жозефина умела еще казаться молодой, благодаря своему искусству одеваться и приятному голосу.

Около нее сидели ее дочь Гортензия, уже месяц считавшаяся королевой Голландии, но не торопившаяся ехать к своему царственному супругу; она казалась младшей сестрой императрицы и уступала ей в красоте.

Вокруг них полукругом расположились придворные дамы, соперничая между собой красотой, роскошью нарядов и знатностью рода.

Между ними выделялась своей молодостью и ослепительной красотой Луиза де Кастеле. Года два тому назад она вышла замуж за драгунского капитана, мало бывавшего в обществе; она обожала мужа, он платил ей взаимностью, но то служба, то игра в карты часто разлучали молодых супругов. Луизу очень любили при дворе за ее всегда веселый характер, отлично подходивший к роду ее красоты. Великий художник Грез умерший в старости от нищеты, в самые блестящие дни своей славы избрал эту белокурую красавицу своей моделью из всех отличавшихся красотой придворных дам. Казалось, она разливала свет и радость вокруг себя, сияла очарованием. Самые угрюмые лица пряснялись при виде ее; даже император в минуты гнева не мог устоять против этой ликующей красоты. Луизу прозвали "колдуньей", и она считала это лучшим комплиментом.

Позади этого женского ареопага стояли у дверей несколько дежурных офицеров; там же были камергер и шталмейстер.

Вся эта картина была величественна; царил строжайший этикет. Зал был тоже великолепен; отделанный золотом потолок представлял различные аллегории работы знаменитых художников; на стенах виднелись портреты еще времен королей; обои изображали мифологические сцены. Огромные окна-двери, открытые на террасу, позволяли видеть обширный парк с зелеными лужайками и белоснежными статуями.

Слуга возгласил на пороге зала:

- Господин де Гранлис.

Принц вошел и потупился, будучи ослеплен яркими солнечными лучами, но затем грустным взглядом окинул все кругом. Медленными шагами направился он к императрице и шага за три от нее поклонился несколько высокомерно, без следа униженности.

Обыкновенно Жозефина протягивала руку входившим не столько для поцелуя, как для того, чтобы взять представляемые обыкновенно письма. Но у этого красивого молодого человека не было в руках никакой бумаги; он так мало походил на других, казался таким особенным, что императрица удивленно посмотрела не чего. Окружающие тоже молча рассматривали вошедшего. Стояло глубокое молчание, точно каждый смутно предчувствовал, что эта сцена - не что иное, как пролог какой-нибудь драмы.

Гранлис стоял перед императрицей неподвижно и безмолвно, как бы ожидая слова поощрения. Но крайней мере она так поняла это, а потому покраснела и с некоторым усилием произнесла:

- Господин де Гранлис, если не ошибаюсь... Что Вам угодно от меня?

- Мадам, - медленно начал молодой человек, - у меня нет никаких рекомендаций и я желал бы поговорить с Вами наедине, без свидетелей.

Он сказал "мадам", а не "Ваше величество", как того требовал этикет, и свободно выразил свое желание, не придавая ему формы просьбы.

Шокированные придворные нахмурились, дамы сделали гримаску... Но сама Жозефина, легкомысленная креолка, не казалась смущенной таким нарушением этикета. Гранлис понравился ей и заинтересовал ее с первого взгляда; кроме того, к ее собственному удивлению, он как-то смущал ее, и она даже не могла объяснить себе это.

Уступая его желанию, она отпустила всех дам, даже Гортензию, сделала знак офицерам выйти за двери. Когда первый камергер остановился было шагах в десяти, как бы из предосторожности, она жестом приказала ему удалиться. В зале осталась одна Гортензия, в дальнем углу перелистывавшая альбом.

- Вы желаете получить патент на звание офицера в полку Изембурга или Тру д'Оварна? - заговорила императрица.

- Да, мадам!

- Вы знатного рода?

- Да.

- Почему же тогда у Вас нет никого, кто рекомендовал бы Вас при дворе передо мной? Никакого покровительства?

Гранлис улыбнулся; взоры его синих глаз, устремленные на императрицу, сверкнули ярким огнем.

- Простите мадам, у меня есть покровительство, а именно - Ваше.

- Не понимаю, - произнесла Жозефина, - перестаньте говорить загадками; объяснитесь прямо!

Ее тон стал резким, почти повелительным.

Гранлис решился.

- Вы уже спасли меня один раз; может быть это послужит основанием сделать то же еще раз.

Заинтересованная Жозефина приподнялась и склонилась к странному просителю.

- Я спасла Вас? Когда? Каким образом?

Тогда на глазах внимательно следивших за этой сценой придворных, наблюдавших из соседней комнаты, молодой человек приблизился и тихо и быстро произнес несколько слов, имен, чисел. До Гортензии долетело:

- Тысяча семьсот девяносто пятый год... Фроттэ... Барас, Тампль... палачи... милосердие...

Императрица отступила с внезапным движением удивления всматриваясь в юношеское лицо своего собеседника, затем невольно склонилась перед ним и произнесла:

- Вы! Вы! Ваше высочество!

Затем она подала принцу свою руку и увлекла его на террасу. Можно было еще расслышать, как она сказала ему:

- Вы похожи на свою бедную мать... Как невероятно все это!..

Остальные слова унес в парк утренний ветерок...

Они говорили еще долго. В минуту увлечения голос Гран-лиса зазвучал выражением гнева, долетели фразы:

- Измена... бунтовщики-дяди... гражданская смерть... подлость... покушения... Убежище в армии...

Жозефина беспокойно оглянулась кругом и успокоила юношу тихим, предостерегающим жестом. Было очевидно, что, говоря со своим странным просителем, она оказывает ему знаки величайшего уважения. Когда она отпускала его, они оба по-видимому пришли к полному соглашению. Наконец против всех правил церемониала императрица проводила его до дверей зала. Вся свита была поражена до крайности.

На минуту Гранлис остановился у дверей, взволнованно осмотрелся кругом, взглянул на обои, мебель, картины на стенах и тихо проговорил:

- Какие воспоминания!

Но императрица, приложив палец к губам, еще раз остановила его. Он спохватился и сказал уже громко:

- Благодарю Вас за Вашу доброту. Значит, Вы обещаете?

Жозефина наклонилась к нему и шепнула так тихо, что это могла слышать одна Гортензия:

- Да, государь.

VI

В это самое время Жозеф Кантекор сильно волновался.

Прибыв накануне в Компьен, он блуждал по улицам около замка в одежде крестьянина, приехавшего на субботний базар. Он был хорошо переодет, хотя в то время не достиг еще истинной ловкости в умении изменять свой вид. Повременам он, как-будто бесцельно блуждая, подходил к воротам замка. Когда кто-нибудь выходил оттуда, он старался попасться на дороге и, кланяясь с самым невинным видом, пристально всматривался в лица дворян.

Он уже таким образом разглядел многих, как вдруг заметил издали новое лицо, одетое в глубокий траур. Этот человек шел медленно, опустив голову, в глубокой задумчивости; за ним тащилась по пыли толстая палка, надетая ремешком на руке.

Кантекор всматривался в подходящего субъекта с прежним вниманием; но вдруг он вздрогнул, побледнел, его глаза расширились, лицо выразило безграничное удивление и ужас.

Незнакомец шел дальше, не замечая крестьянина.

Кантекор прислонился к большой тумбе на площади, отирая пот с лица и бормоча:

- Не может быть, это невероятно... я брежу... Но такого сходства не бывает... Правда, я очень мало и плохо видел того, это, может быть, - другой... Но у меня есть причины помнить то лицо... и вот - он передо мной... он самый в двадцати шагах расстояния, на обеих ногах. Если он не умер - значит, смерть не существует больше. Мне, мне просто делается страшно... Во всяком случае я должен удостовериться...

Он последовал за человеком, причинившим ему такую тревогу, видел, как тот прошел площадь Ратуши и пошел в гостиницу "Золотой Колокол".

"Теперь он у меня в руках", - подумал Кантекор, входя вслед за ним в большую гостиницу.

Как только они вошли, навстречу незнакомцу поспешил молодой аристократ, протягивая ему руку и дружески говоря:

- Ну, что, граф де Тэ, Вы довольны, как и я?

- Да, господин Мартенсар, насколько я могу быть доволен, - ответил ему граф де Тэ.

Кантекор не мог слушать дальше: ему не хватало воздуха, он вышел из дома.

- Это - он! Боже мой, это - он! Мертвые воскресают... - бормотал Кантекор, - он носит траур по себе самому!..

Мало-помалу он успокоился; инстинкт ищевой проснулся в душе труса; он остановился и повернул обратно в гостиницу "Золотой Колокол".

"Однако, если он жив, зачем он во Франции? Не хочет ли и он вступить в аристократический полк? Зачем? Ведь он - враг императора и Франции, наверное он замышляет что-нибудь дурное... Внимание! Не зевай, Кантекор! Берегись! Может быть, это в конце концов - опять новая удача... Смотри в оба!"

Быстро и уверенно вошел он в гостиницу. Был полдень. Колокол церкви Св.Иакова ответил бою часов на ратуше. Площадь по случаю базара кишела народом и движением. Однако час завтрака пробил не только на часах, но и в желудках; поэтому мало-помалу пустели улицы и наполнялись дома. Наступила тишина.

Когда Кантекор вошел в столовую гостиницы, там теснилась густая толпа богатых окрестных поселян и горожан. Но он не обратил на нее внимания. Его взгляд был устремлен на группу аристократов, среди которой он узнал, все с тем же трепетом, графа де Тэ князя де Греа, конногвардейца с аустерлицкой фермы, который, несмотря на печальное выражение лица, казалось, чувствовал себя совершенно здоровым.

Эта группа молодых вельмож состояла из утренних посетителей во дворе императорского замка.

Тут были, кроме графа де Тэ и де Гранлиса, виконт Иммармон, граф д'Отрем, маркиз де Невантер, граф Новар д'Орсимон, Микеле де Марш, Рантинья и Мартенсар. Последний сыпал любезностями, комплиментами и поклонами.

- Прошу Вас, господа, - говорил он, - сделать мне одолжение, приняв мое приглашение, идущее от чистого сердца. Я отлично понимаю великую честь, которой прошу: вы все знатного рода, а я - только сын скромного банкира...

Многие улыбнулись, так как огромное состояние отца Мартенсара, уже десять лет бывшего поставщиком всей армии и придворным банкиром, было известно всем. Нередко принцы пользовались его услугами, а Жозефина имела у него открытый счет, грозивший стать бесконечным.

- Однако надо приучаться быть товарищами: ведь завтра все мы, без различия титула и звания, станем офицерами императорской армии. Так представимся же друг другу и по-товарищески позавтракаем вместе. Я уже просил вас сделать мне честь, разрешить принять заботу об этом угощении и его издержки на свой счет.

Шевалье д'Орсимон, красивый молодой человек без всякого состояния, проворно ответил:

- Издержки - да, на это я согласен, что же касается меню, то здесь я хочу участвовать в выборе, считая себя первым гастрономом Франции.

- Хвастун! - сказал сын банкира.

Теперь засмеялись все, кроме бедного де Тэ, который едва мог улыбнуться.

- Господин Мартенсар, - сказал де Гранлис, - я в отчаянии, что должен отказаться от этой чести: у меня самого есть приглашенные, виконт Иммармон и граф д'Отрем.

- Это - не беда. Я принимаю на себя уплату по Вашему обязательству: это - простая финансовая операция, обычная в нашем семействе.

Снова раздался смех над остроумным ответом; многие уже готовы были сдать на такое радушное, дружеское обращение, но в эту минуту послышались отдаленный шум и гул голосов на улицах, затем мерный звук лошадиного топота, привлекая молодых людей к окнам зала.

Они увидели мчащуюся открытую коляску, голубую с золотом, запряженную четверкой белых лошадей и окруженную отрядом егерей с обнаженными саблями. В ней сидел император, по своему обыкновению неожиданно примчавшийся во дворец. Он появился, как блестящее видение, в зеленом мундире гвардейского стрелкового полка. Недалеко от него сидел Бертье, перед ним Совари и полковник главного штаба. Наполеон казался замечательно молодым и могучим. Не кланяясь, он пристально смотрел на эту гостилицу, откуда раздавались

восторженные крики приветия. Он мог видеть в окнах эту молодежь, которую он так любил, на которой думал основать свое могущество.

Микеле де Марш, Мартенсар, Рантинья, д'Орсимон махали шляпами, крича во все горло:

- Да здравствует император!

Д'Отрем, Новар, Тэ, Невантер, молча обнажили головы. Гранлис тоже почти невольно приподнял свою шляпу.

Император проехал. Последний всадник его конвоя исчез среди облака пыли. В гостинице сразу все стихло; наступила какая-то торжественная тишина.

В углу зала Кантекор делал какие-то заметки.

Де Гранлис обернулся к Мартенсару и изменившимся, дружеским голосом сказал:

- Я принимаю Ваше приглашение за себя и за своих товарищей... Да здравствует император!.. Жизнь так хороша!

Следуя его примеру, Новар, Тэ, Невантер согласились в свою очередь.

- Примемся за выбор меню, шевалье д'Орсимон! - произнес Мартенсар, увлекая того по направлению кухни.

В соседней с общим залом комнате три служанки проворно накрыли стол на десять приборов, Хозяин гостиницы предвидел хорошую наживу и решил заранее отделить своих знатных гостей от общей толпы. Он был совершенно прав, так как дом был полон разных подозрительных личностей. По базарным дням гостиница вообще была полна народа, но в эту субботу больше, чем когда-нибудь.

Кантекор, уничтожая рагу из баранины, наблюдал за публикой и делал недовольную гримасу. Здесь было много знакомых ему субъектов, загадочных личностей, которых он видел бродившими вокруг Пале-Рояля и во многих общественных местах, где он бывал по долгу своей службы. Если он узнавал их, то конечно был узнан в свою очередь. Его переодевание было, конечно, детской игрой для профессиональных сыщиков, и он хорошо знал это по своему собственному опыту, прекрасно угадывая своих собратьев по ремеслу, агентов графа Прозанского, графа д'Артуа, даже своей собственной полиции под платьем грубого бельгийца, говорившего со слишком уж сильным акцентом, под егерским мундиром или блузой рабочего. Было ясно видно, что собрание в Компьене стольких представителей старинных фамилий возбуждало любопытство и недовольство многих партий.

Бурбоны, естественно, желали, по крайней мере, в точности знать новых изменников своей партии, а императорское правительство, принимая последних, все-таки хотело удостовериться в их искренности. Таким образом гостиница "Золотой Колокол" являлась в данное время средоточием всевозможной

полиции, и каждый жест, каждое движение присутствовавших подлежало строгому наблюдению.

Только, может быть, эти десять будущих офицеров аристократического полка не замечали странности окружавшей их среды.

Мартенсар и Орсимон вернулись из кухни с сияющим видом, размахивая карточкой выбранных блюд. С громким говором все пошли в отдельную комнату, дверь которой оставалась, однако, открытой для слуг.

Кантекор уселся как раз напротив, так что мог видеть все, происходившее внутри комнаты.

Мартенсар, в качестве амфитриона, громко заговорил:

- Господа, товарищи! Садитесь пожалуйста, где хотите, этикет сегодня отсутствует: ведь мы будем все равны под нашими эполетами! Занимайте свои места пожалуйста!

Молодые люди сели; стол был круглый, а потому не могло быть различия мест. Иммармон и д'Отрем непринужденно заняли места около Гранлиса, по обе стороны его.

Между тем какой-то человек, лет пятидесяти, низкий, широкоплечий, с большим носом и густой черной бородой до самых глаз, одетый богатым горожанином, с шумом пошел в общий зал, сел на стул около Кантекора и грубо оттолкнул его, сказав:

- Подвинься!

Кантекор заворчал: он не любил, когда ему мешали, особенно при интересном зрелище. Но его сосед взглянул на него таким пылающим взглядом и таким тоном приказал: "Молчи, мужик!", - что тот ошеломлен от удивления. Опомившись он поклялся себе отомстить за это при первом удобном случае.

Прибытие этого человека произвело впечатление на окружающих, которые ели и пили, стоя у буфета; на него со всех сторон устремились любопытные взгляды. Слишком оригинальным казался этот человек, и тот, кто отправился бы следить за ним, вероятно напал бы на хороший след...

Не обращая ни на что внимания, он поглощал теперь ломти холодного мяса, запивая их большими глотками вина из поминутно наливаемого стакана. Время от времени он, обтирая лицо, бросал взгляд в окно на своего слугу, сторожившего лошадей. Тот убирал за обе щеки хлеб с бараниной; перед ним, на каменной скамье, стояла пенившаяся кружка светлого пива. Держа в руке возжи обеих лошадей он, в свою очередь, не спускал глаз со своего хозяина.

Вдруг незнакомец вздрогнул и выпрямился прислушиваясь.

Дверь в соседнюю комнату, где завтракали будущие офицеры, была притворена, но теперь она открылась перед хоро-

пенской служанкой Бастьенной, которая несла на большом блюде новое кушанье.

- Цыплята а-ля Маренго! - громко объявила она.

Это блюдо было изобретено и получило свое название после блестящей победы Наполеона в Италии в бытность его первым консулом.

Приверженцы Наполеона: Мартенсар, Орсимон, Микеле де Марш и Рантиньи, принялись горланить:

- Да здравствует император!

Остальные, чтобы не дразнить гусей, принялись смеяться... Поднялся страшный шум, ураганом вырвавшийся в общий зал.

Человек с черной бородой ударил кулаком по столу, крикнул страшное проклятие и устремил пылающий взор в соседнюю комнату.

Оттуда вышла Бастьенна, покрасневшая и растрепанная, но улыбающаяся. За ее платье уцепился Рантиньи, но он выпустил ее из руки при виде публики и вернулся на свое место за стол.

Шум замолк: рты работали со всем аппетитом двадцатилетнего возраста. В наступившей полутьмине ясно слышались отдельные фразы. Молодежь тешилась своими титулами и, несмотря на преданность некоторых Бонапарту, все делали вид, что и не помнят о недавнем еще существовании республики, а в особенности - террора.

Раздавались громкие обращения:

- Вина, виконт Иммармон?

- Благодарю, маркиз Невантер.

- Не угодно ли рака, господин де Гранлис?

- Охотно, граф д'Отрем.

- Граф де Тэ князь де Гроа, - церемонно произнес Мартенсар, - оставьте ради Бога свой мрачный вид! Ведь молодые люди бывают только раз в жизни. Кто знает, что ждет нас завтра? Выльем же за будущее, каково бы оно ни было, и за настоящее... Вот это конечно сразу развеселит вас; посмотрите-ка на эти пыльные бутылки: это - шамбертень, вино императора!

- Да здравствует император! - снова закричали ярые бонапартисты, и их четыре голоса звучали точно целый десяток.

При этих криках сосед Кантекора вскочил с места, оттолкнул свой стул, так что тот опрокинулся на пол, и, схватив тарелку, бросил ее со всего размаха в соседнюю комнату. Она упала как раз посреди стола, разбив четыре стакана и три блюда.

Сидевшие за столом с шумом поднялись со своих мест.

В общем зале тоже все пришло в движение.

Не обращая внимания на толпу, виновник суматохи громко крикнул:

- Тарелку бросил я. Я не могу равнодушно слышать, как сын или племянник Иммармона, д'Отрема, этих друзей генерала Фроттэ, погибших, как и он, под выстрелами "синих", как сыновья казненных на гилотине Новара и Невантера, изменяют своему имени, изменяют прошлому, прославляя узурпатора! Подлецы, изменники, ренегаты! Я когда-нибудь рассчитаюсь со всеми вами, а пока бросаю вам в лицо, как перчатку, свое имя, чтобы его знали все вы. Я - Бруслар, друг Кадудала, последний из шуанов! Да здравствует король!

Последний крик затерялся в общем шуме. Мортенсар выскочил первый и бросился на Бруслара, но тот с необыкновенной силой скрутил его руки.

Кантекор, не помня себя, кинулся вперед, решившись хотя бы с опасностью для жизни схватить легендарного врага Наполеона, довольный возможностью отомстить ему и за себя.

Со всех сторон бросились вперед, кто за, кто - против Бруслара. Агенты Фуше хотели во что бы то ни стало захватить ненавистного шуана, голова которого была оценена в двадцать тысяч франков. Шпионы графов д'Артуа и Прованского сочли своим долгом защищать его. Даже среди посторонних посетителей гостиницы оказались приверженцы или противники Бруслара.

Гранлис, восхищавшийся в душе поступком шуана, был одного мнения с Иммармоном и д'Отремом; Новар, Тэ, Невантер, несмотря на оскорбление, ничего не имели против него, а четыре империалиста - Орсимон, Мартенсар, Микеле и Рантиньи - были готовы сорвать голову Бруслару.

Пошли в ход кулаки, бутылки, но шуан, поддерживаемый своими сторонниками, вынул из кармана два пистолета и, направив их в упор на нападавших, крикнул:

- Стой! Я убью первого, кто сунется ко мне! Вы должны знать мой обычай!

Отступили даже самые храбрые, не имея в руках оружия.

Шуан воспользовался этим, чтобы медленно отступить, не опуская пистолетов. Дойдя до двери, он одним прыжком выскочил на улицу, вскочил на свою лошадь, которую слуга, услышав шум, держал наготове, сам сидя уже в седле, и оба помчались прочь от гостиницы, где еще шла свалка противников. Скоро оба всадника скрылись в глубине леса.

- Ищи ветра в поле! - философски заметил козьяин гостиницы, входя снова в общий зал.

Долго еще длились споры. Кантекор, в отчаянии от того, что ускользнул такой отъявленный враг императора, обвинял всех в этом бегстве, в особенности же толстого бельгийца и егеря. Те с негодованием отказывались, думая об одном, как бы поскорее удрать из этого опасного места. Они были правы, так как оба служили шпионами у графов Прованского и д'Ар-

туа. Они больше всего боялись скандала, который погубил бы их, выдав их звание. Пока же они оба ссылались на свое великодушие, заставившее их принять сторону слабого, защитить одного, на которого напали десять человек.

- Слабого! - проворчал Кантекор, получивший от Бруслара такой удар, от которого у него до сих пор болели бока, - при помощи трех таких слабых я справился бы со всеми вами, черт побери! Ну, делать нечего, это дело кончено, нечего о нем больше и толковать; до следующего раза...

И трое сыщиков, прекрасно узнавших друг друга, стали пить вместе, объединяемые своей профессией и неудачей.

Между тем в соседней комнате, куда теперь закрыли дверь, будущие офицеры, с беззаботностью своего возраста, продолжали на этот раз без помехи свой прерванный завтрак; голько разговоры приняли несколько более серьезный тон. Говорили о приеме императрицы, о полученных обещаниях. Она была так приветлива и любезна со всеми, что многие удивлялись: она как-будто осталась верна прежним традициям и ее двор походил на салон предместья Сен-Жермен. Там слышались имена старой аристократии, и жена Наполеона проявляла явную слабость к громким титулам.

- Чего же вы хотите? - пожал плечами д'Орсимон, - прошлое еще слишком живо в ее памяти; ведь это же - ее собственный круг.

- Ну, не особенно, - поджал губы д'Отрем, - ее род не из очень знатных.

- Однако это не помешало гилотинировать Богарнэ, - заметил Мартенсар.

Гранлис улыбался своей тихой улыбкой, слушая эту болтовню.

- Вы правы, - продолжал д'Отрем. - Императрица знала настоящих дворян только в передней гильотины. Но надо сознать, что теперь она готова оказать им всякие услуги. Она - добрая женщина.

- Может быть, - успехнулся Микеле, - только для других, а не для своего собственного супруга.

Кое-кто рассмеялся.

- О, ее супруг! Этому-то она дала себя знать! - подмигнул Иммармон.

- Послушайте, господа, - вступился Мартенсар, - это - ваша благодарность за все милости императрицы? Подумайте лучше о тех, кто пользуется этой самой императрицей, чтобы добыть себе места, деньги, чины, а у нее за спиной ее же злословить!

Фраза была резка в особенности в устах всегда угодливого и любезного молодого человека.

- Вы правы, господин Мартенсар, - поддержал его Гранлис.

- О, пожалуйста, не величайте меня господином... Просто Мартенсар! Я - только сын буржуа, не больше!

- Простите, - улыбнулся снова Гранлис, бросив взгляд на своего соседа справ, - Ваша правда; я не имею никакого права... Да, я первый подтверждаю, что императрица Жозефина - сама доброта; я лично должен быть вдвойне благодарен ей за прошлое и за настоящее.

- В добрый час! - воскликнул Мартенсар, - это хорошо сказано!

Он дружески протянул через стол свою руку Гранлису, тот, после минутного колебания, скрыв свое удивление, дружески пожал протянутую ему руку. Д'Отрем и Иммармон молча переглянулись.

Рантины - может быть, без всякого намерения - еще усилил неловкость положения.

- Господин де Гранлис, - важно сказал он, - Ваше свидетельство для нас очень ценно, но, отнюдь не желая обидеть Вас, позволяю себе заметить, что Вы, как и я, представляете здесь собой лицо не особенно большой знатности, в роде только что упомянутых Богарнэ. У нас с Вами нет никакого титула, наше имя очень скромно. Настоящие же вельможи, - те, кого сейчас назвал Бруслар: виконт Иммармон, маркиз Невантер, граф д'Отрем, граф Новар, граф де Тэ князь де Гроа, - или говорили против императрицы, или молчали, не подняв голоса в ее защиту. Приходится с грустью сознаться в этом... А между тем я полагал, что в армии императора все должны быть преданы представителям империи!

Среди окружающих поднялось заметное движение; партии начали принимать определенный характер: с одной стороны было шесть роялистов, с другой - четыре ярых поклонника империи.

Предчувствуя настоящую ссору, де Тэ заговорил первый раз в течение всего завтрака. Его голос, манеры, странная красота бледного лица сразу поразили его товарищей, и они слушали его без всяких возражений.

- Господа, - начал он, - какое нам дело до чужой совести? Мы все - французы, завтра все будем офицерами. Наша обязанность, наш долг - преданность родине, презрение опасностей. И этот долг, я полагаю, мы должны исполнить без всяких задних мыслей. Никто не имеет права спрашивать с нас большего, справляясь о наших побуждениях. Каждый может иметь свои личные соображения, которые никого не касаются, раз он честно исполнял свой долг. Я первый признаюсь, что у меня есть своя личная цель при поступлении на службу, но я не считаю нужным никому доверять ее: мне достаточно своей

собственной совести. Вам конечно также достаточно Вашей... Не правда ли? Ну, и отлично, будем квиты!

Он был прав, это признали все. Грозивший подняться спор не имел больше никакого смысла.

- Господин Мартенсар, забудем прошлое и спасибо за Ваш завтрак, - продолжал де Тэ.

- Надеюсь, что он не последний и я еще не раз угощу Вас, - весело ответил молодой буржуа, снова ставший милым и любезным.

Все взяли свои шляпы, висевшие на вешалке, и вышли из комнаты, не обращая внимания на глазевших посетителей гостиницы.

Кантекор, когда они проходили мимо, снял шляпу и низко раскланялся. Он еще раз пристально всматривался в лица молодых людей, тщательно запоминая их черты.

Благодаря выходке Бруслара, он знал теперь имена некоторых из них и они были знакомы ему; они встречались в письмах, украденных им у конногвардейца, которого он считал мертвым и который выходил теперь из гостиницы, не узнавая его. Эти имена возбуждали в Кантекоре подозрения, наводили его на мысль о какой-нибудь вредной затее, доказывали, что молодые люди носят маску, ложно разыгрывая роль примирившихся с обстоятельствами. Но, как хороший сыщик, он ясно видел, что все эти люди, считая в том числе и Бруслара, плохо знают друг друга и действуют не сообща.

На пороге гостиницы молодые люди стали прощаться, обмениваясь рукопожатиями и любезностями. Эта сцена была прервана неожиданным событием.

К гостинице крупной рысью подъехало роскошное ландо, украшенное блестящими гербами. Напудренный лакей соскочил на землю, а кучер в парике и треуголке торжественно и величественно сдержал горячих лошадей, разбрасывавших белые клочья пены. Позади ехали два конных пикера, державших в поводу оседланных лошадей. Все это напоминало доброе старое время, когда еще не было проскрипций, революции и гильотины.

В ландо сидела немолодая, но еще свежая дама, а около нее - красивая молодая девушка во всем блеске юной красоты, кого-то искавшая глазами среди группы молодежи.

- Иммармон, твоя мать и сестра, - сказал д'Отрем.

Виконт проворно оглянулся, но его предупредили Гранлис и Прюнжэ. Остальные молодые люди смотрели издали, почтительно приподняв свои шляпы, так как эти дамы внушали невольное почтение.

Гранлис раскланялся стоя у коляски, и, к удивлению присутствующих, ему был отдан еще более низкий поклон. Иммармон быстро проговорил:

- Осторожнее! На нас смотрят!

Дамы сейчас же приняли непринужденный вид, а Иммармон обратился к своей матери:

- Господин Гранлис, это - моя мать, Вы угадали... А это - моя сестра Изабелла, будущая графиня Прюнжэ д'Отрем!

- Господин Гранлис, - нерешительно проговорила госпожа Иммармон, - разрешите похитить Вас... Неудобно дворянину Вашего звания жить в гостинице. Вы удостоили быть другом моего сына и племянника Прюнжэ; сделайте же честь нашему дому своим высоким присутствием.

Гранлис колебался. Он хорошо помнил, что ему еще следует остерегаться, хранить свою свободу, не выбирая определенного места для своего пребывания, но трудно было устоять перед просьбой матери Иммармона и против чудных глаз его сестры. Поэтому он произнес:

- Я не могу сопротивляться и принимаю Ваше приглашение, хотя знаю, что не следует... Пусть будет по Вашему желанию.

- Благодарю, Ваше... сударь! - промолвила, покраснев, молодая девушка и хотела уступить место своему высокому гостю.

- Остаюсь на месте, Изабелла, - остановил ее Прюнжэ, - помни, что мы среди публики. Господин де Гранлис будет любезен сесть на переднюю скамейку, ехать не далеко.

- Конечно, - улыбнулся Гранлис, влезая в ландо и садясь напротив дам.

Иммармон и Прюнжэ сели на оседланных лошадей, кучер щелкнул бичем и ландо помчалось. Молоде люди скакали по обеим сторонам экипажа, в двадцати шагах ехали два пикера.

Мартенсар проговорил:

- Кто может подумать, что была революция?

- Иммармон любит пышность, - справедливо заметил Микеле, - он поощряет ее, где только можно...

- Пусть их! - заключил Рантиньи, - наде еще считаться со знатью, аристократии предстоит еще долгая жизнь.

VII

Пока завтракали в гостинице, завтракали и во дворце.

Император, явившийся как снег на голову, прежде всего потребовал есть. Он был чрезвычайно голоден, а в таких случаях его настроение бывало невыносимо.

Он сухо поздоровался с Жозефиной и Гортензией, не ответил на поклоны придворных, не обратил внимания даже на Луизу Кастеле.

Все притихли. Дамы осаждали вопросами Бертье и Савари, но те качали головами и не хотели отвечать.

- Не потому же император так расстроен, что голоден? - приставали к ним. - Тут что-нибудь другое... Что такое?..

Они отзывались незнанием.

В ожидании завтрака Наполеон одиноко ходил по террасе, нервно стегая злыстом ветки апельсиновых деревьев в кадках.

Наконец можно было идти в соседнюю столовую; он подал руку Жозефине, Бертье - Гортензии, генерал Савари - Луизе Кастеле.

Наполеон ел скоро и очень мало, пил из маленького стакана свое любимое вино шамбертен и скоро облегченно вздохнул, утолив свой аппетит. Окинув тихо сидевших за столом придворных беглым взглядом, он спросил:

- Ну, что с вами? Отчего у всех такой похоронный вид?

Все поспешили рассмеяться: гроза прошла.

- Послушай, Наполеон, - тихо и нежно сказала Жозефина, - у тебя есть причины тревожиться?

- Ну, так что же? - ответил он, - разве я должен давать в них тебе публичный ответ? Впрочем это - не секрет, я могу сказать... Да, у меня неприятности с Пруссией.

Водарилось глубокое молчание.

- Опять война! - вздохнула Гортензия.

- Нет еще, малютка, - сказал Наполеон, - во всяком случае я не ищу ее.

Видя, какое действие произвели его слова, император стал умышленно весел и начал по обыкновению дразнить придворных дам. Он уверял Луизу Кастеле, что у нее делается красный нос и она скоро будет похожа на старую англичанку. Та делала вид, что поверила, и приходила в ужас, что очень забавляло великого человека.

Конец завтрака был очень оживлен и весел. Жозефина была остроумна и мила, император улыбался ей. Она не забыла своих протезе и нашла, что теперь самое удобное время предъяснить список.

После кофе Наполеон встал из-за стола и, сложив руки за спину, пошел на террасу. Там он тяжело опустился в кресло и вынул из кармана свою табакерку.

Он начал полнеть; цвет лица у него стал лучше, он не походил больше на прежнего, худощавого и смуглого корсиканского офицера. Теперь его лицо было спокойно и выражало сознание своей силы. Остался только тот же пронзительный взгляд глубоко сидящих глаз, который в часы гнева не мог вынести никто.

Вокруг императора, в отдалении, поместились придворные Жозефина, Гортензия, Бертье и Савари расположились в трех шагах.

Императрица решилась и заговорила своим томным голосом креолки, которому придавала детски-наивное выражение, когда хотела что-нибудь выпросить. Император, уже по этому тону понимая, в чем дело, нахмурил было брови, хотя еще не пришел в дурное настроение.

- Наполеон, - сказала та, - как ты мне позволил, я приняла еще несколько прошений от кандидатов в аристократические полки Изембурга и Тур д'Оверна.

- У Изембурга полк набран, - буркнул Наполеон.

- Тогда к Тур д'Оверну, - не сдавалась императрица.

- Тур д'Оверн! - передразнил властелин Европы. - Прежде всего я ничего не позволял...

- Разрешил однако...

- Это не одно и то же!

- А какие знатные имена я представлю тебе! Все эти молодые люди ослепленные твоей славой, покоренные твоим величием, жаждут служить тебе, драться за тебя и умереть на твоих глазах.

- Говори, дальше... Ведь сказать все можно... - проворчал Наполеон, постукивая пальцами по крышке табакерки. Потом, повинувшись понятному любопытству, он сделал первую уступку. - Ну, как же зовут этих молодчиков? - спросил он.

- Луиза, список у Вас? - обратилась Жозефина к Луизе Кастеле.

Та улыбаясь подошла к ней с листком бумаги в руке.

- Вот он, Ваше величество.

Наполеон, любуясь красавицей, резко спросил у нее:

- Вы теперь - секретарь?

- Да, секретарь граций, государь, - ответила Луиза кланясь Жозефине.

- Куртизанка!

- О, государь!

- Ну, что-ж такое! Куртизан* - куртизанка - только и всего!

Император рассмеялся. Все шло отлично.

- Ну, читай свой список! - благосклонно сказал Наполеон жене.

- Граф де Тэ князь де Гроа, - начала она.

- Этот! - вскочил Наполеон, - фамилия неисправимых шуанов! Это - бретонец из бретонцев! Он присоединяется к нам! Это невозможно! Один из них погиб около Тинтеннака, с оружием в руках!

- Это - дядя нашего де Тэ. Он - второй сын графа де Тэ, покончившего жизнь самоубийством после тяжелой семейной

---

* Придворный.

драмы. Это - смелый и хороший человек, он сделает Вам честь. Принимаешь ты его?

- Может быть, по размышлении... Не правда ли, Савари?

- Понял, государь.

- Продолжай!

- Мартенсар.

- Сын?.. Ах, да, ведь Вы говорили о знаменитости... Этому, конечно, нельзя отказать в ней!.. Его не принять нельзя: это причинит, пожалуй, неприятность кое-кому. Не правда ли, Жозефина?

Императрица слегка покраснела.

- Его отец хорошо принят при дворе, - сказала она, - он многим оказывает услуги и безусловно предан нашей семье.

- Это я знаю. Хорошо, этот принят. Называй теперь свою знать, самых знатных.

- Маркиз де Невантер.

- Невантер? Эрве де Невантер?

Громадная память Наполеона сохранила все имена.

- Да, государь.

- Тот, который участвовал в заговоре Кадудаля, Пишегрю и Моро! Он был приговорен к смертной казни вместе с другими, и я помиловал его только ради его молодости. Он был присужден к двум годам заключения, а теперь он просит себе чин?

- Государь, - тихо сказала императрица, - Вы помиловали его ради его молодости, но также и потому, что Фуше представил его письма, где этот юноша, увлеченный своей семьей, сожалел, что шел против Вас, восхищался Вашим величием... Это восхищение теперь только возросло; он готов теперь служить у Вас простым солдатом - это все, чего он просит.

- Нет, - точно отрезал Наполеон. - И так - все враги? Другие?

- Жак д'Иммармон...

- Так... Вы сговорились с целой шайкой шуанов? Иммармоны непримиримы; если здесь ко мне присоединится один из них, то все остальные злоумышляют против меня в Англии. Все они из шайки Фроттэ... Этих людей мне не нужно... И не просите - бесполезно. Ваш список сегодня не удачен.

- Господин де Гранлис.

- Это еще что такое?

- Очень старинная и знатная фамилия...

Жозефина зампнула, тем более что на нее были устремлены любопытные взгляды всех придворных, для которых Гранлис оставался загадкой.

Император насмешливо продолжал:

- Не знаю никаких "лилий" во Франции, ни "великих", ни малых*. Гранлис - это имя едва ли может мне нравиться...

- Ведь все лилии, большие и малые, у Ваших ног, государь, заметила Жозефина.

- Все это - пустые фразы! Дальше, продолжай!

- О, государь!..

- Продолжай или оставим это дело совсем, как хочешь...

Жозефина заглушила тяжелый вздох, но продолжала:

- Граф Жак де Прюнжэ д'Отрем.

- Да что это, Вы бились об заклад, что ли?! - разразился Наполеон. - Еще семья отъявленных роялистов, соумышленников Кадудала и Фроттэ! Я говорю Вам, что Вас обманывают, что Вашей добротой злоупотребляют! Это опять - какой-нибудь новый заговор, и Вы без своего ведома открываете доступ измене, которая все время неустанно преследует меня! - Он вырвал из ее рук бумагу и громко стал читать имена. - Гранлис - нет! Почему этот стоит первым? Де Тэ - нет, д'Отрем - нет, Микеле де Марш, Рантиньи - нет и нет! Новар - не знаю такого, нет! Орсимон - какой титул?.. Нет, Мартенсар - да. Единственный, знатен - как кошка на крыше, но по крайней мере не изменник.

Жозефина была смущена.

- Государь, позвольте мне, - попробовала вмешаться Гортензия.

- Ничего не позволю. Твоя мать сошла с ума: если бы я послушал ее, то был бы убит через три дня!

- Нельзя говорить такие вещи, государь, - покачала хорошенькой головкой Луиза де Кастеле.

- В самом деле, колдунья? Не надо ли спросить позволения у Вас?

- Вы не получили бы его, государь!

Император несколько успокоился. Он все еще держал в руке злополучный список, и Жозефина не теряла надежды, зная, как часто меняется настроение Наполеона.

В это время позади императора, шагах в тридцати, появился адъютант: издала сделал знак генералу Савари и медленно скрылся.

Генерал, начальник жандармского корпуса в империи, небрежно поднялся с места, сделал несколько шагов и незаметно вышел вслед за позвавшим его офицером. Минуту спустя он вернулся, заметно озабоченный.

На дворе слышался звук оружия, и вдоль решетки выстроилась шеренга гренадеров. Заметив это, Наполеон быстро встал с места.

---

* Гранлис в переводе значит великая лилия. Лилия составляла герб французских королей.

- Что это значит? Что случилось? Удвоили стражу? По чьему приказанию? Это - Вы, Савари? Вы сейчас уходили, я видел. Почему?

- Государь, - ответил смущенный Савари, - когда дело идет о Вашей особе, никакие предосторожности не излишни.

- Значит, есть опасность? - прошептала Жозефина, невольно подходя к императору ближе.

- Отойди! - отстранил ее Наполеон. - Савари, отвечай, я хочу знать.

- Не смею ослушаться, - поклонился Савари. Государь, четверть часа тому назад в гостинице "Золотой Колокол" произошел скандал, столкновение нескольких молодых вельмож, - именно тех, имена которых только что прочла императрица, - с каким-то незнакомцем, который оскорбил их, упрекая в измене своему званию, выразившейся в присоединении к Вашей армии. Незнакомец скрылся, так как он был вооружен, все же остальные не имели при себе оружия.

- Его имя известно? - спросил Наполеон.

- Да, государь.

- Говорите! Это - главный зачинщик!

Савари колебался.

Император топнул ногой.

- Скажешь ли ты наконец!

- Бруслар... - шепнул Савари.

Бруслар! - яростно крикнул Наполеон, так как это имя обладало свойством приводить его в бешенство.

Бруслар был его худшим врагом, единственным, кого он не мог покорить, это был кошмар Наполеона. Последний из шуанов сопротивлялся ему уже десять лет. Друг Фроттэ, Кадудалья, Моро и Пишегрю, он поклялся убить сначала Наполеона - первого консула, а потом императора. Эта угроза преследовала "тирана", "узурпатора", как он называл Наполеона по всей Франции. Ни полиция Фуше, ни жандармы Савари, ни все шпионы империи не могли ни остановить Бруслара, ни разыскать его тайного убежища, И вот теперь, среди ясного дня, в гостинице, перед многочисленной толпой, в нескольких саженях от замка императора, он снова появился, дерзко издеваясь над его могуществом, изрыгал оскорбления и снова бесследно исчез, оправдывая свое произвище "неуловимый".

Наполеон дрожал от ярости, произнося бессвязные слова: - Сообщники! Слабость! Нерадение! Виноваты все!..

Придворные опустили головы; даже Бертье внимательно разглядывал свои сапоги. Савари побледнел, дамы застыли в неподвижных, беспомощных позах, как и Жозефина с Гортензией. Наконец повелитель несколько успокоился.

- Я хочу знать подробности! Как узнали Бруслара? Савари, рассказывайте все, слышите - все, все! Я так хочу!

Тогда генерал рассказал на свой лад приключение в гостинице, которое слышал уже и сам из третьих уст, причем оно все время изменялось и переиначивалось, что происходит неизбежно со всеми историями.

- Государь, - начал он, - Бруслар вошел в общий зал, около которого в соседней комнате завтракали молодые люди; дверь туда была открыта. Со своего места он слышал имена Иммармона, д'Отрем, Невантера и других. Молодые люди заказали цыплят а ла Маренго; когда их принесли, они стали кричать: "Да здравствует император!".

Лицо Наполеона несколько прояснилось.

Савари продолжал:

- Потом, когда подали шамбертен и вспомнили, что это - Ваше любимое вино, государь, крики: "Да здравствует император!" - раздались с новой силой.

- Слышишь, Наполеон? - шепнула Жозефина.

- Тише! - скомандовал тот, - продолжай, Савари!

Он снова сказал генералу "ты", это было хорошим знаком.

- Тогда Бруслар вскочил, бросил тарелку в середину их стола, обозвал их изменниками, предателями и крикнул свое имя. Все вскочили, бросились к нему, но у него, как видно, были сообщники в гостинице, которые вступились за него... Направив пистолеты на нападающих, он отступил к двери, прыгнул на лошадь, которую держал его слуга, и поскакал в лес...

Все невольно взглянули на зеленую чашу вдали. Жозефина вздрогнула.

- Его преследовали? - резко спросил Наполеон.

- Да, государь, но не сейчас, так как не решались тревожить Ваше величество за столом, вызвав меня.

- Негодяи! - буркнул Наполеон. На минуту он задумался, потом протянул гневно смятый листок бумаги с именами кандидатов Бертье и сказал ему: - маршал, я даю патент поручиков этим десяти кадетам; сделайте все, что нужно.

Жозефина и Гортензия бросились благодарить его нежными объятиями.

Он нетерпеливо высвободился.

- Оставьте меня в покое... Это очень понятно: я получил доказательства их преданности. Ну, и отлично, очень рад поверить этому. К тому же там, где они будут, их сумеют караулить.

Таким образом, благодаря вмешательству Бруслара, и в особенности меню, составленному Мартенсаром и Орсимоном, десять претендентов на места офицеров получили свое назначение.

Иногда мелкие причины вызывают крупные последствия.

VIII

В эту самую субботу, часов около пяти, Луиза Кастеле вышла из парка с книгой в руке и углубилась в лес. Она была вся в белом, по примеру императрицы, с легким зеленым шарфом, накинутым на плечи. С самым невинным видом она вошла под сень деревьев, направилась по одной из дорог и скоро очутилась на перекрестке так называемого Зеленого дуба. Под тенью этого огромного дерева стояла грубая деревянная скамья. Концом шарфа Луиза смахнула с нее листья и, грациозно усевшись на скамейку, казалось, погрузилась в чтение. Вокруг все было тихо; сюда не долетал шум большого города; только звук рожка прозвучал со стороны дворца и снова наступила полная тишина. Хорошенькая женщина продолжала читать. Потревоженная ее приходом белка засыпала ее листьями, не спелыми еще желудями, мелкими кусочками сухих ветвей. Луиза помахала на нее своим шарфом, и испуганный зверек скрылся в зелени.

Вдруг с правой стороны дороги слышались тяжелые, приближающиеся шаги. Луиза положила книгу на скамейку около себя и ждала.

В конце аллеи показалась фигура крестьянина, несшего тяжелую корзину. Он шел, насвистывая и отирая лоб красным платком. Он остановился перед скамейкой, поставил свою корзину на землю и скромно сел на дальнем конце скамьи.

- С Вашего позволения! - сказал он, - я так устал, и к тому же очень жарко... В Париже теперь можно спечься.

При слове "Париж" Луиза вздрогнула.

Агенты, посылаемые к ней Фуше, должны были в первой же фразе произнести это слово, чтобы быть узнаваемыми ею.

Она повернулась, пристально смотрела на крестьянина и наконец шепнула:

- Это - Вы, Кантекор?

- К Вашим услугам, - ответил тот, на этот раз своим обыкновенным голосом. - Я хорошо переодет, не правда ли?

- Очень, - улыбнулась Луиза, - если бы не пароль, я не узнала бы Вас. Слушайте внимательно то, что я сообщу Вам. Скажите Фуше, что императрица приняла несколько новых офицеров в аристократический полк. Если он хочет, то может получить список их имен. Между ними находится - слушайте хорошенько! - некий Гранлис.

- Хорошо, я знаю.

- Очень странный человек - это Гранлис. Он пожелал говорить с императрицей наедине и сказал ей что-то, что поразило ее. Она увлекла его на террасу, где они говорили минут двадцать, и все время она относилась к нему с таким почтением, какого не оказывает и Наполеону. Заметьте это!

- Уже заметил, - и Кантекор прибавил про себя: - с давних пор!

- Это верно - очень знатное лицо, какой-нибудь иностранный принц, вероятно. Но что ему понадобилось в армии? Мне кажется, что надо обратить на него особое внимание министра полиции.

- Это будет сделано. Больше ничего? - спросил Кантекор.

- Разве этого недостаточно?

- Нам всегда мало! - пошутил Кантекор. - До свидания!

- До свидания, Кантекор, до субботы!

- Да... Мое почтение!

- Добрый вечер!

Кантекор пошел было прочь, но, отойдя на несколько шагов, ударил себя по лбу и вернулся.

- Простите, я хотел задать Вам вопрос...

- Сделайте одолжение, друг мой.

- Вы видели сегодня на приеме некоего графа де Тэ, не правда ли?

- Да. Ну, и что же?

- Так... Вот Вы образованы... Скажите, верите ли Вы в то, что мертвые воскресают?

- Право не знаю, - нерешительно ответила Луиза, суеверная, как большинство женщин ее времени. - А что?

- Видите ли, я имел полное основание считать де Тэ мертвым, мертвым наверное. Так Вы мне ничего и не скажете? Во всяком случае благодарю Вас.

На этот раз шпион Фуше действительно ушел, таща свою корзину и волоча толстую палку, и скоро исчез из вида.

Луиза встала и продолжала свою прогулку, рассуждая про себя:

“Я поступаю дурно, это я отлично знаю. Вот что значит выдти замуж за красивого молодца без всякого состояния, увлекающегося картежной игрой! Ну, что в конце концов я все-таки служу императору”.

Она искренне верила в это.

IX

В это время Гранлис, так озабочивавший столько времени императорскую полицию, был уже гостем в старинном замке Иммармонов, имевшем очень оригинальный вид. Он был окружен рвами, окопами, соединенными между собой круглыми зубчатыми башнями. Внутри этого укрепления находились три огромные, тяжелые башни со сторожевыми постами и черневшими амбразурами для крепостных орудий. Этот древний замок выдержал не сдаваясь три осады в три разные века. Под ним находились огромные подземелья, полные всевозможных

легенд и призраков. Самая древняя, северная часть грозила превратиться в развалины. Все вместе имело внушительный феодальный вид.

Во время пути от гостиницы до замка, продолжавшегося минут двадцать, в ландо не было произнесено ни слова. Гранлис, сидевший на передней скамейке, любовался пейзажем, улыбаясь иногда Иммармону и д'Отрему, скакавшим по обеим сторонам экипажа. Мать и дочь сидели против него, полуопустив головы, в самых почтительных позах. Но иногда, сквозь опущенные ресницы, мелькал быстрый взгляд Изабеллы, украдкой брошенный на принца.

Экипаж въехал в длинную аллею, окаймленную столетними вязами, потом миновал каменный мост над глубоким ровом. Показался во всем своем великолепии древний замок. Гранлис залюбовался его величавым видом.

Топот лошадей вызвал эхо под тяжелыми сводами; ландо въехало на замковый двор и остановилось перед главным подъездом.

Д'Отрем и Иммармон соскочили на землю и подали руку дамам; Гранлис рассеянно вышел из экипажа, не обращая ни на кого внимания. На него часто находили такие минуты глубокой рассеянности, удивлявшие в человеке, хорошо воспитанном. Изабелла закусил губы, но ее мать, казалось, нашла это естественным, зная обычаи бывшей придворной жизни.

Все вошли в огромный зал, десять окон которого выходили на долину и извилины реки. На стенах висели большие портреты предков в железных латах, в синих и малиновых камзолах, в париках и кружевных воротниках, все они казались красивыми и имели воинственный вид.

Шедший позади Прюнжэ старательно запирал за собой все двери. Все молчали, вероятно не доверяя слугам, хотя те все были привезены из Англии и не понимали французского языка. Но в то смутное время все подавало повод к подозрению.

Когда наконец они остались совершенно одни, с минуту еще царило полное молчание. Потом внезапно сцена изменилась. Перед выпрямившимся, принявшим величественный вид де Гранлисом склонились на одно колено все присутствующие и виконтесса д'Иммармон торжественно произнесла:

- Государь, благодарю Вас за великую честь, которую Вы делаете нашему дому!

Гранлис протянул руку каждой из дам, ласково и величественно поднял их и сказал виконтессе:

- Сударыня, Ваше гостеприимство трогает меня. Я дорожу им, как и Вашей особой: Вы напоминаете мне прошлое и погибших мучеников, и развалины былого... Я счастлив, что я у Вас... Что касается Вас, - обратился он к Изабелле, - я не могу

видеть такую красавицу в подобном положении. Не Вам склоняться на колени перед бедным Гранлисом, скорее ему следует стать на колени перед Вами...

Взгляд Изабеллы блеснул таким огнем, перед которым едва ли мог бы кто-нибудь устоять. Иногда она бывала так ослепительно хороша, что походила на неземное видение, как например в эту минуту, когда ее глаза горели таким ярким блеском.

Тревога и злое чувство ревности заставили побледнеть графа д'Отрем при виде взгляда его невесты на высокого гостя. Он невольно сжал кулаки и переглянулся со своим двоюродным братом. Тот понял его волнение. Между тем, оба они знали безумную любовь принца к Полине Боргезе, так как он не пожелал хранить от них свою заветную тайну. Несмотря на это, они боялись неожиданного сердечного увлечения, минутной прихоти этого наследника стольких легкомысленных монархов.

Виконтесса, не заметившая или не желавшая ничего заметить, ответила растроганным голосом:

- Государь, здесь нет более Гранлиса... Здесь законный наследник царствующего дома Франции, наш король, Божьей милостью, Людовик Семнадцатый!

- Да здравствует король! - раздались три голоса, хотя осторожно пониженные.

Гранлис, или Людовик XVII, печально улыбнулся.

- Станный король! - сказал он. - Ведь его народ не знает даже о его существовании, и корона похищена у него уже два раза!

Потом он мерным шагом своих предков в Версале подошел к высокому, приготовленному для него креслу, опустился на него и королевским жестом предложил воим подданным расположиться вокруг. Он рассказал им свою баснословную историю: приготовленный графом Фроттэ, преданным ему до последнего дыхания шуаном, побег из башни Тампля, которому тайно помогал Баррас, по настоянию Жозефины Богарнэ, теперешней императрицы, и который был осуществлен супругами Симон*. Он был вынесен из тюрьмы, скрытый в большой корзине прачки, а его место занял бедный немой ребенок, который погиб за него. Фроттэ отвез его в предместье Сэнт-Онорэ, к часовщику Борану, способному на все жертвы ради короля.

Он прожил в семействе часовщика долгие годы, унеженный, никем небедомый, умноженно забываемый своими дядями, которые старались выиграть время, думая, что оно принесет забвение.

---

* Симон был одним из тюремных сторожей Тампля. (См. роман Ж. Мюльбах "Трагедия Королевы").

Когда шестнадцать лет от рода он предстал перед ними со всеми доказательствами своего происхождения, с душой, полной воспоминаний, с ним обошлись, как с интриганом и авантюристом, назвали его сумасшедшим и, в качестве такового, снова заключили его в башню Экосс, еще более непристойную, чем Тампль. Однако через двадцать месяцев его сторонники сумели вырвать его отчаянно смелой выходкой.

С тех пор он блуждал из страны в страну; из Германии в Швейцарию, оттуда в Италию, всюду преследуемый ненавистью людей, в особенности того, который уже называл себя Людовиком XVII, отвергнутый своей сестрой Марией Терезией, ставшей герцогиней Ангулемской, которая могла стать будущей королевой, если бы Бурбоны когда-нибудь взобрались на трон.

Было несколько покушений на его жизнь, и он спасся от них почти чудом. После двух из них у него до сих пор остались шрамы... Наконец, устав служить мишенью для иностранных убийц, он решился, несмотря на пример герцога Антиенского, искать убежища на собственной родине, под мундиром императорской армии, надеясь найти себе безопасность. Во всяком случае он предпочитал Наполеона своим дядьям, ставшим его худшими врагами, его вечными палачами. Теперь его жребий брошен. Что бы ни случилось, будущее не могло быть хуже прошлого...

Принц говорил с увлечением, иногда краснея, иногда со слезами на глазах. Только имени Полины Боргезе он не произнес.

Слушавшие, звавшие отчасти его историю, приходили в негодование, слыша некоторые новые для них подробности.

- Государь, государь! - шептала иногда Изабелла.

- Да, все против меня! - продолжал Людовик XVII, - все против моей семьи, против нашей крови, все, даже сестра! Это - ужасно! Мои враги воспользовались этой легендой и моей смертью, прастым газетным сообщением о ней в июне тысяча семьсот девяносто пятого года. Я более не существую, став жертвой гражданской смерти, может быть, худшей, чем действительная. В тюрьме, может быть, я умер бы скорее, но теперь мое имя вычеркнуто из истории, я уничтожен!

- Государь, но мы знаем все это, как знали это наши отцы, погибшие за королей. Когда-нибудь мы возвысим свой голос!

- Вы знаете, да, иначе не может быть. Вы, Иммармон, и Вы, Брюжэ, были в Тюильери и Версале первыми товарищами моего детства. Вы, виконтесса, были придворной дамой моей матери-королевы. Ваши отцы были сначала интимными друзьями при дворе, затем товарищами Шаретта и Фроттэ, моих лучших союзников. Бедный Фроттэ! Ах, если бы он был жив, если бы были живы те, другие!

- Мы заменим их, государи! - восторженно сказал д'Оверн.

- На это я надеюсь. Но времена изменились. Вступая на службу в императорский полк, я обязался честью ничего не предпринимать против Наполеона. В этом я поклялся Жозефине, и сдержу свое королевское слово. Но, как мне сказала сама Жозефина, потомства у них нет... Война имеет свои случайности... Если Наполеон умрет раньше меня, тогда у меня будут развязаны руки! Тогда я прокричу свое имя на всю Францию! И если тогда на моем пути встанут графы Прованский, Артуа или герцог Ангулемский - о, тогда, друзья мои, приготовьте свои шпаги!

Он побледнел и, встав с места, протянул руку, угрожая своим далеким врагам. Настало молчание, все примолкли.

- Странная женщина эта Жозефина!.. - задумчиво сказала виконтесса.

- Да, - улыбнулся принц. - Наполеон окружен сетями, сама императрица - может быть, бессознательно - против него. Несмотря на многие разочарования, на измены аристократов, которым она оказывала покровительство, она все-таки остается верна этой знати, к которой считает себя принадлежащей. Между населением Парижа ходят памфлеты, пущенные в ход при дворе. В армии новые начальники, новые маршалы, все честолюбивые, все жадные до наживы, все ненадежные... Вот почему я могу надеяться, что не долго ждать, пока орды будут повержены, а лидеры восторжествуют! Не правда ли, друзья?

Все снова приветствовали его слова.

- Во всяком случае я надеюсь, что на этот раз обманул полицию моих дядюшек: она не пойдет искать меня среди императорской армии, их кинжал короток, чтобы достать меня там... К тому же я буду все-таки сражаться за родину, за Францию!

Прюнжэ, стоявший у окна, заметил в эту минуту какого-то мальчишка, вроде конюха, нерешительно разглядывавшего замок с моста и державшего какую-то бумагу в руке.

- Что надо этому человеку? Я пойду посмотреть, - сказал он.

- Что такое? - спросил Иммармон.

- Какое-нибудь извещение, курьер... Останься, я вернусь.

Минут через пять молодой граф вернулся, держа в руках запечатанное письмо.

- Дело сделано! - воскликнул он еще на пороге, - послушайте, государь, что нам пишут: "Господа, императрица Жозефина представила сегодня утром наши прошения императору, и он назначил всех нас поручиками полка Тур д'Оверна. Нам прислали известие о значении в гостиницу, с адъютантом его величества. Считаю приятным долгом сооб-

щать вам об этом. Мы должны явиться к министру и ждать окончательного назначения через два месяца. Пребывание в Компьене теперь бесполезно, и мы возвратимся в Париж. В ожидании увидеть Вас в новом мундире, шлю свой искренний привет. Да здравствует император! Мартенсар, Господам д'Иммармону, де Гранлису и Пржюэнз д'Отрем, в замок Депа-ли".

- Дело сделано! - повторил и Людовик XVII, а затем протянул руку своим двум союзникам и горячо добавил: - простите, друзья мои, что я против вашего желания, против ваших убеждений, увлекаю вас за собой в свой неведомый путь... Простите, что я так злоупотребляю вашей преданностью, но мой род уже три столетия пользовался услугами вашего, и я сделаю то же.

- Государь, мы созданы, чтобы следовать за Вами! - сказал Иммармон.

Более пылкая Изабелла горячо воскликнула:

- Подданные принадлежат своему королю душой и телом, все, без исключения, без разбора! Испытайте, государь!

Ее большие глаза горели огнем, впиваясь в этого двадцатилетнего короля, которого она надеялась, может быть, излечить от недостойной его страсти; она также знала о его любви к сестре императора.

Еще раз ее брат и кузен, считавшийся ее женихом с детства, тревожно переглянулись и отвернулись в сторону.

В настоящую минуту, - просто ответил Людовик, - дело идет об опасностях, в которых принимают участие только мужчины.

Раздосадованная красавица сильно покраснела и отошла в сторону. Молодые люди вздохнули свободнее.

- Теперь, - продолжал Людовик, - мы должны привыкать к своему новому положению и хорошо исполнять принятые на себя роли, что, как можно заранее предвидеть, будет иногда не легко. Покоримся! Мне уже приходилось не раз переносить неожиданные испытания со времени своего возвращения во Францию. Только что сегодня утром мне надо было слушать любезности господина Ринтиньи, шутки Мартенсара... это было при вас! Но хуже всего то, что придется казаться изменником своему собственному делу, ренегатом прошлого, как сегодня назвали всех нас; быть вынужденным выслушивать оскорбления какого-нибудь Бруслара, - знает он или нет о моем существовании? - оскорблении, которыми восхищаешься в душе, не смея подать о том вид, не смея благодарить этого человека, как бы я того желал! Сегодня, когда я слушал его слова, мое сердце замирало от радости, от гордости, при виде этого храбреца, этого истинного рыцаря, а между тем я не мог, не смею броситься ему на помощь, защитить его!

- А мы-то, - воскликнул Прюнжэ, - я прихожу в бешенство, когда подумаяю, что этот честный малый считает нас за подлецов и негодяев.

- Прюнжэ, - с достоинством произнес Людовик, - настанут времена, когда все это изменится.

В эту минуту, точно достаточно было произнести для того его имя, легендарный Бруслар снова появился на сцене, правда - издали, но блестящим образом. Позади группы деревьев, в долине, раздались шум, крики, военная команда.

В зале замка все бросились к окнам, видя, что случилось что-то необыкновенное. Они увидели всадника, за которым гнались двадцать других. Несмотря на расстояние, зоркие глаза молодых людей сейчас же узнали преследуемого и все они разом вскрикнули: - Это - он! Это - Бруслар!

- За ним гонятся жандармы! - добавил Иммармон.

- Так, так! Пусть гонятся собаки - кабан хорош! - воскликнул Людовик, наклонившись с балкона, причем его глаза заблестели, как при виде интересной охоты, и он улыбался.

- Государь, - печально сказала виконтесса, - если бы побольше было таких кабанов, то Вы сохранили бы свои владения.

- Я знаю, - живо сказал принц, - и поверьте...

Он замолк, увлеченный представившимся зрелищем. Было очевидно, что лошадь у Бруслара была много лучше, чем у жандармов, и если бы не встретилось какого-нибудь препятствия, перерезавшего ему путь, он конечно должен был бы уйти от них. Бруслар сам понимал это, и, верный себе, только забавлялся погоней. Он поддерживал равное расстояние между собой и преследователями, но его лошадь оставалась свежей, не вспотевшей, а полицейские кони уже задыхались под ударами шпор, покрытые потом и пеной. несколько раз Бруслар оглядывался, тобы подразнить скакавшую за ним свору.

Командовавший отрядом воспользовался потерянными им минутами, чтобы пустить в него пулю из револьвера, но та просвистела над его шляпой.

Тогда Бруслар отряхнулся, как мокрая собака, разразился громким смехом и несколькими скачками далеко опередил жандармов, не дожидаясь вторичного выстрела.

- Bravo! - восторженно крикнула Изабелла.

- Тише! - остановил ее брат, - голос может долететь туда. Душой мы за него, наружно - за его врагов! Так нужно!

- Да, - сказал принц, - это новое испытание.

Бруслар мчался дальше, как вдруг его тайные друзья увидели, что он разом остановил лошадь так внезапно, что она осела на задние ноги.

- Черт возьми! - проворчал дальневзоркий Прюнжэ, - еще жандармы впереди! Его окружают!

У безмолвных зрителей сжалось сердце, они всей душой стремились к одинокому, окруженному врагами, шуану, который снова пустился скакать.

Вдруг он решительно и смело повернул направо к старинной стене, окружавшей границы замковых владений. С внешней стороны она осыпалась от времени в течение веков и была высотой не более двух аршин, но с внутренней сохранила свою первоначальную высоту около двух сажен. Все содрогнулись, видя, что Бруслар направился в эту сторону, не подозревая громадного обрыва по ту сторону, замаскированного извне осыпавшеюся частью стены. Если он рискнет сделать скачек, то может разбиться вместе с лошадьёю, тем более что по эту сторону стены земля была выложена каменными плитами.

Между тем беззаботный Бруслар приближался, полный смелости и отваги...

Поощряя свою лошадь голосом, рукой и коленями, он заставил ее сделать страшный скачек; она перепрыгнула стену и, к ужасу зрителей, скользнула всеми четырьмя копытами по каменным плитам, на которых ее железные подковы оставили глубокие полосы.

Бруслар, откинувшись назад, не шевельнулся в седле. Он осмотрелся и поскакал дальше, как-будто этот безумный прыжок был просто детской забавой, углубляясь под сень деревьев все тем же быстрым галопом.

- Какой результат? - спросил отвернувшийся было от окна принц.

К своему удивлению он увидел, что Иммармон и Прюнжэ исчезли.

- Они откроют ему заднюю дверь, в лес, - задыхаясь сообщила ему Изабелла, еще более прекрасная в своем волнении. - Вот какое несчастье быть женщиной! - вскричала она, ломая руки.

Заметив, что Людовик любит ее, она улыбнулась ему и снова бросила на него пылающий взгляд.

К стене, которую только-что перескочил Бруслар, подъехали в эту минуту и жандармы. Один из них слез с лошади, взобрался на стену и сделал гримасу при виде обрыва, а затем, обернувшись к товарищам, громко сказал им:

- Это - не человек, а дьявол! По ту сторону - почти шесть метров, - он преувеличил, - а он все-таки исчез!

Подпоручик, командовавший отрядом, выбранился. В это время подъехал второй отряд жандармов и началось оживленное совещание. Затем оба отряда соединившись направились к главному въезду в замок. Он был заперт; массивные ворота преграждали доступ на каменный мост. Жандармы стали кричать, стуча своими саблями в ворота:

- Именем закона! Именем императора!

Наконец тяжелые половинки ворот медленно растворились.

Между тем на другом конце зала виконтесса д'Иммармон, смотревшая в окно, выходявшее на запад, тихо позвала:

- Государь! Изабелла! Посмотрите, идите сюда!

Те поспешно подошли: далеко за стенами замка скакал вскадник, свободный, как ветер, мчавшийся к густым лесам, где скрыться было уже легко. Это был Бруслар.

Жандармы с шумом въехали во двор. Хозяин дома, д'Иммармон и его кузен граф д'Отрем встретили их на подъезде замка с довольно высокомерным, удивленным видом.

- Чему мы обязаны честью вашего посещения? - спросил офицера виконт д'Иммармон.

- К Вам вошел изменник, где он?

- Мы никого не видали, - спокойно ответил тот. - Где он вошел, откуда? Не понимаю, что Вы хотите сказать. Я вижу тут только Вас и Ваших людей, присутствие которых удивляет меня.

Раздосадованный офицер, видя, что он теряет время, а с ним и след беглеца, забыл вежливость.

- Прежде всего кто Вы сами? Я имею право спрашивать, - сказал он. - Какой-нибудь эмигрант вероятно?

- Осторожнее! - остановил его Приюнжэ, - Вы заходите слишком далеко.

- Кто Вы такие? Что это за местность? - повторил тот, сдерживая свою горячившуюся лошадь.

- Вы находитесь в моем замке Депали, я - виконт д'Иммармон. А это - мой кузен, граф Приюнжэ д'Отрем. Достаточно Вам этого?

- Нет!

- Тогда я прибавлю наше звание: мы оба - поручики благородного полка Тур д'Оверна.

Жандарм, видя перед собой старших чинов, должен был сдаться.

- Пусть так, господа, я Вам верю, - поклонился он, переменяя свой прежний тон. - Если Вы - офицеры императора, я могу сказать Вам, что мы преследуем Бруслара... Голова этого дерзкого шуана оценена. Он скрылся у вас; хотя вы этого не видели, но мы-то знаем это. Долг каждого доброго подданного облегчить нашу задачу. Разрешите обыскать Ваш парк, кусты и заросли.

- Сделайте одолжение! - спокойно сказал Иммармон, - но здесь так много выходов... Если здесь и был Бруслар, то теперь он, конечно, уже далеко.

- Это мы увидим, - резко сказал офицер.

Целый час жандармы обыскивали кусты, но не нашли никого, хотя видели пять или шесть ворот, которые могли

служить для бегства; офицер, отчаявшись в успехе, собрал наконец свой отряд и уехал рассерженный, не простившись с хозяевами.

- Императору пришла блажная идея давать места этим птицам, - ворчал он дорогой. - Все они - каналы и ничего больше!

Он был не совсем неправ.

Молодые люди, возвращаясь в зал к принцу, обменивались мыслями.

- Право, император дал нам сегодня утром хороший козырь в руки, - сказал д'Отрем, - не знаю, как нам удалось бы без него отделаться от этой злой собаки... А каковы были бы последствия домашнего обыска? Заподозрили бы нашего Гранлиса, подвергли бы его, пожалуй, допросу. Этот господин, может быть, не оказался бы таким стоворчивым, как Фуше, и тогда...

- Мы должны еще поставить свечку Мартенсару, который прислал нам известие о назначении, - ответил Прюнжэ, - без него у нас не оказалось бы этого оружия.

- Это верно, - рассмеялся виконт.

Но граф опустил голову и глубоко вздохнул.

- Что с тобой? - удивился его кузен.

- Мне пришло в голову, друг мой, что мы еще только четыре часа состоим офицерами императора и уже изменили ему...

- Что же делать? - нахмурился Иммармон, - в этом виноваты обстоятельства, а не мы...

Когда они вошли в зал, принц Людовик сидел между обеими дамами и оживленно говорил с ними.

- Мы видели, произнес он, обращаясь к ним, - он спасен, не правда ли? Благодарю Вас! Он узнал Вас! Это удивило его!..

- Не думаю, чтобы он узнал нас, - сказал виконт, - не успел вероятно... Когда мы подошли, он стоял перед воротами, спешившись, напрасно стараясь выломать их, дрожа от нетерпения. Я прошел вперед и отпер их ключом. Бруслар, глядя на нас, вскочил в седло и крикнул нам: "Спасибо, добрые люди, не бойтесь, никто не узнает об этом"! - и умчался, как ветер.

- Да сохранит его Бог! - с чувством сказал принц.

В это время их внимание обратило на себя новое происшествие, замеченное ими через окно зала.

Вдали показался легкий плетеный шарабан, запряженный серым пони, которого гнал крупной рысью кучер в ливрее. В легком экипаже сидела молодая женщина в токе с перьями; она склонилась вперед и криком поощряла и без того слишком быстрый бег лошади, которая скакала беспорядочным галопом, увлекая за собой слишком легкий экипаж, скакавший и подпрыгивавший при этой безумной езде.

- Диана! - воскликнул виконт взволнованным голосом и, обернувшись к принцу, пояснил: - маркиза Диана д'Этиол, яркая роялистка, вдова убежденного заговорщика, убитого в Кибероне, наша родственница по своей собственной семье; она из рода Ларшанов, которые все погибли на эшафоте.

- Кажется, она направляется сюда, - проговорила Изабелла.

- О, нет, это невозможно! - возразила виконтесса. - Она презирает нас и отказалась от родства с нами, с тех пор как считает нас примирившимися с императором... О, это - кажущееся примирение.

- Какая ложь, какая несправедливость! - вздохнул принц. - Бедные друзья, сколько вы уже переносите из-за меня!..

- Да, она едет сюда, к замку, - подтвердил Прюнжэ. - Ну, государь, берегитесь! Это - экзальтированная, восторженная женщина, она не способна хранить тану. Не выдайте себя ей, государь, она упадет к Вашим ногам, потом побежит к себе, вот туда, где виднеются между деревьями остроконечные кровли, велит ударить в набат, соберет крестьян, раздаст им оружие и поведет их на Компьенский замок с криком: "Да здравствует король!"

- Неужели она имеет такое влияние? - спросил заинтересованный Людовик, удивленный его словами.

- Да, благодаря своей красоте, пылкости и красноречию. Это - женщина старого времени, эпохи лиги или фронды, это - героиня, но героиня несносная, созданная для помехи лучшему делу. Она всегда действует порывами, всегда по-своему. Ее тридцать лет не сделали ее умнее.

Слушая слова своего друга, виконт опустил голову, как будто они были неприятны ему. Можно было подумать, что молодая вдова маркиза не была безразлична двадцатитрехлетнему виконту.

Задумавшаяся Изабелла, казалось, погрузилась в мечты...

Между нею и Дианой не было особенной симпатии. Брюнетка с голубыми глазами не могла любить черноокою блондинку. Но, насколько они различались физически, настолько походили одна на другую с нравственной стороны: обе были честолюбивы, кокетливы, горды, обе презирали низших. Это был частейший тип эмигранток, считавших, что они оказывают Франции большую честь, удостоив вернуться туда со всей своей ненавистью и злобой, которую они даже не трудились скрывать.

- Она, конечно, снова является упрекать нас за измену, - мрачно сказала виконтесса. - Государь, будьте готовы заранее к тому, что, не зная Вас, она предаст и Вас своей общей анафеме: одно уже Ваше присутствие здесь осуждает Вас и ее

глазах, и Ваше терпение подвергнется большому испытанию. Но мы еще раз предупреждаем Вас, что довериться ей - значит, погубить всех нас.

- Возможно, - слабо согласился Иммармон.

Слово было за Изабеллой, и она грубо, не выбирая выражений, произнесла:

- Я лучше желала бы видеть ее среди наших врагов, но не здесь, между нами. Поклявшись ей, что она прекрасна, ее можно заставить снять свою рубашку и сказать все, что она знает. Со своими любовниками у нее нет тайн: перед ними она обнажена душой так же, как и телом.

Послышались негодующие возгласы.

- Изабелла! - воскликнула сконфуженная виконтесса.

- Сестра! - остановил ее побледневший виконт с выражением упрека.

Прюжэ, казалось, был возмущен.

Людовик XVII был удивлен; несмотря на то, что итальянская принцесса приучила его к свободным выражениям, все же такая смелость поражала в такой молодой и красивой девушке.

Между тем маркиза Диана д'Этиол, въехавшая во двор замка, вышла из экипажа и, нервно подбирая платье, поднималась по лестнице. Растрепанные ветром белокурые пряди волос нависли на ее глаза, которые ярко горели; казалось, она была в величайшем волнении. Остановившись на пороге, ни с кем не здороваясь, она громко крикнула:

- Где он?!

Никто не ответил ей, делая удивленный вид.

- Где Бруслар? - крикнула она еще громче.

Изабелла церемонно подошла к ней и сделала реверанс.

- Здравствуйте, маркиза! Как Вы поживаете? - насмешливо спросила она, - какой добрый ветер занес Вас сюда?

- Я знаю, что он скрылся у Вас в парке, мне сказали это... За ним сюда же въехали жандармы... Он выехал от меня... Он схвачен?! Отвечайте! Я так страдаю, Вы видите...

- Так Вы очень любите его? - мрачно спросил Жак д'Иммармон.

- Да, я люблю его, - пылко ответила она, - люблю, как истинного героя чести и храбрости!

- Будьте счастливы! - горько сказал виконт, - он теперь далеко, если все еще продолжает скакать.

- Благодарю, Жак, - томно сказала она, - благодарю, несмотря ни на что, несмотря на Ваши преступления...

- Диана! - с упреком сказала виконтесса, - Вы пришли оскорблять нас?

- Полно! - презрительно сказала Изабелла, - что упало, то разбилось, не стоит подбирать куски.

Не обращая на нее внимания, маркиза окинула присутствующих беглым взглядом и продолжала:

- Так, значит, это - правда?.. Я не хотела верить, когда Бруслар сказал мне... Сегодня утром в гостинице Вы, благородные потомки знатнейших фамилий, вы продались, нанялись, и кому?! Вы прославляли Бонапарта, вы кричали "да здравствует император!". - Она обратилась к принцу: - И Вы, господин "Не знаю - кто", Вы тоже были там! Одно это Ваше присутствие доказывает, что и Вы - изменник!

- Господин де Граблис, - поспешил назвать виконт.

- С чем и поздравляю; тогда все понятно, Граблис? Такой фамилии я не знаю; во Франци и нет дворян такого имени, оно вымышленно, комедиантское, вероятно скрывавшее какого-нибудь шпиона узурпатора, посланного соблазнять других... И это удастся, даже здесь у Иммармонов, даже с Прюнжэ! Какие времена! Счастливы те, кто умер! Кровь мучеников, Бог даст, когда-нибудь задушит вас, ренегатов.

Принц не спускал взора с горячившейся женщины, и в глубоком волнении крепко сжал руки. Причина этого была понятна: маркиза Диана походила, как две капли воды, на принцессу Полину Боргезе; у нее были те же манеры, те же жесты, та же страстность и пылкость, даже тот же звук голоса, та же прелесть, с той лишь разницей, что она была на несколько лет старше возрастом. Она оскорбляла его, а он был в восхищении; она выражала презрение - странно! - но за это он еще более уважал ее; она готова была ударить его - он желал бы обнять ее.

- Вы молчите, Вам нечего сказать? - продолжала маркиза. - А впрочем, что мне за дело до Вас! Может быть, это - Ваше ремесло, как и всякое другое в настоящее смутное время, когда торжествует порок, когда поправлены все права! Это - дело Ваше и не касается меня... Отомстите мне, если можете!.. Я говорю тем, чья кровь течет в моих жилах, то есть, Иммармону, Прюнжэ! Вы, говорят, - офицеры императора? Значит, вашему знатному роду конце, и я благодарю Вас за это. Бог даст, Вас убьют в первой стычке, и судьба избавит Францию от ваших детей. Имея таких отцов, каковы бы были они? До свидания, кузены, кузины! Если когда-нибудь воскреснут славные битвы, будет борьба кругом Компьенского замка, о, тогда... тогда вы запляшете, господа, а я заплачу за музыку!

- А пока попрыгайте Вы! - бросила ей Изабелла, с яростью следя за восхищением принца.

Уходящая уже маркиза грозно обернулась:

- А ты, негодная, ты получишь кнут!

Не дав времени ответить, Диана подобрала платье и, гордо поджав голову, вышла, сильно хлопнув дверями.

Виконтесса, ее сын и племянник переглянулись, Изабелла рванулась вперед, как раненая львица. Принц казался удрученным. Он неверными шагами подошел к креслу и спустился в него, закрыв лицо руками.

- Она очаровательна, прелестна! - бормотал он. - Как она похожа на... Я не в состоянии переносить, что такая красавица презирает меня, не знает, кто я...

Для него, как и для его прадеда Людовика XIV, женщины представляли весь интерес жизни.

Х

В начале августа парижские газеты известили о прибытии ее императорского высочества, принцессы Полины Боргезе, героини Гвастилла. Она остановилась со своей свитой у своей сестры Каролины, в Елисейском дворце. Муж не сопровождал ее.

Гранлис был в восторге, ожидая исполнения всех своих надежд. В это время он забыл все заботы о своем потерянном троне, о непризнанном величии, они отошли у него на второй план. Безумно влюбленный, он совершал тысячи неосторожностей.

Так, он осмелился явиться в Елисейский дворец в первый же вечер, на парадный прием, когда его божество было окружено тесной толпой придворных, явившихся на поклон.

Полина была и довольна этим, восхищаясь его смелостью, и разгневана, боясь последствий. Поэтому она сделала вид, что встречала этого дворянина в Италии, среди товарищей своего мужа, принца Камилла. Впрочем никто не обратил на это особого внимания, так как общество было довольно смешанное.

Людовик пошел дальше: когда Полина проходила мимо него, он ловко и незаметно передал ей сложенную записку.

Она была поражена; это могло погубить их обоих или, по крайней мере, дать обильную пищу злословию. Но она спрятала записку, оставив до более удобного случая желание излить свой гнев на слишком смелого поклонника.

Оставшись одна, она прочла записку. Гранлис умолял ее немедленно назначить ему свидание, послав это известие в надежное место, к часовщику Борану, в предместье Сэнт-Онорэ, на углу переулка Мо-Вестус.

Полина сначала решила не отвечать, чтобы наказать его; но следующим утром она написала ему ответ и послала с италъ-янской прислужницей, очень смышленной и предавнной.

Просто одетая женщина спокойно пошла по улице, глядя на номера домов, не возбуждая ничьего подозрения. В лавке

Борана ее встретила Ренэ; осторожно осмотревшись, итальянка вынула письмо из-за корсажа и вручила его ей, говоря:

- Господину Гранлису, синьора!

- Да, я знаю, - вздохнула девушка, - он сейчас придет.

Итальянка ушла, довольная исполненным поручением.

Ренэ уже отчасти знала, в чем дело. Принц, часто посещавший лавочку Борана, служившую ему почтой "до востребования", не долго сумел скрывать свой роман, хотя, чтобы не тревожить еще более добрых людей, не сказал им о положении и имени своей героини. Боран и его дочь думали, что это - какая-нибудь знатная дама, и несколько не удивлялись, что он не открыл им ее имени. У бедной Ренэ при известии об этой интриге, к собственному удивлению, больно сжалось сердце. Однако разум скоро взял верх: какое право имела на этого принца она - самая скромная, самая последняя из его подданных? Сама мысль о любви к нему казалась ей чудовищным преступлением, святотатством, и она дала себе клятву изгнать навсегда из своего сердца эти дерзкие мысли.

Но не так-то легко справиться с сердцем, и часто бедная девушка ловила себя на тех же предсудительных мечтах. Она страдала, плакала, бледнела... Ее отец приписывал все это тревогам за принца, подвергавшегося в Париже всевозможным опасностям.

Вследствие этого и теперь, получив это письмо, встревожилась не одна Ренэ, а весь дом! Даже толстая Жанна вздыхала:

- Что-то с ним, с нашим королем?

Людорик пришел через полчаса и еще с порога крикнул:

- Ну, что, принесли?

Ренэ молча подала ему бледно-голубой сильно надушенный конверт. Гранлис вскрыл конверт и прочитал письмо. Его лицо просияло огромной радостью и гордостью, глаза заблестели. Он спрятал листок у себя на груди и обратился к присутствующим:

- Друзья мои, хорошие новости: я - офицер императора. Живу я теперь в Сэн-Жерменском предместье, на углу улицы дю Бак и Вавилонской, в маленьком, хорошо обставленном домике, с двумя ходами. Если когда-нибудь придет ко мне спешное известие, то надо доставить его мне туда. Самое лучшее будет, если это сделает Ренэ. Если кто-нибудь увидит ее входящею ко мне, то ее скорее сочтут за мою возлюбленную, чем за политического агента. Не правда ли, малютка?

Он рассмеялся при этой мысли, но Ренэ было не до смеха, и она лишь молчаливым кивком головы согласилась на его лестное доверие.

Принц простился со своими друзьями и поспешно вышел. Дорогой он весело напевал от избытка радостного чувства.

Как только за принцем закрылась дверь, новый посетитель с шумом вошел в лавочку часовщика.

- Здравствуйте, - сказал он, - вот и я!

Боран побледнел и с трудом сдержал видимую досаду.

- Мое посещение Вам не нравится? Я угадываю почему, - и смешиливо сказал гость, - Вы охладели, Боран.

- Шевалье Бруслар, - тихо возразил часовщик, - я не охладел, но Вы все такой же легкомысленный. Вы не даете себе труда подать условленный сигнал и врываетесь неожиданно, как ветер...

- Будет, - сказал Бруслар, - каждому своя судьба. Мой последний день предопределен свыше и его ничто не изменит... Письма у Вас есть?

- Нет!

- Успокойтесь, я уйду.

Боран, видимо, облегченно вздохнул.

- Видите, как Вы довольны, что я уйду! - заметив это, произнес Бруслар. - Я для Вас опасен и это беспокоит Вас... Конечно, Вы старитесь и имеете право на спокойствие. Но я думаю, что у Вас дурные знакомства. Вот, например, этот молодец, который только-что вышел от Вас, я знаю его. Я видел его в Компъене и слышал, как он кричал: "Да здравствует император!". И он еще называется благородным... Его имя Гранлис, то есть "великая лилия", а, по-моему, скорее - великая свинья! Вероятно это - сыщик, и если он попадетсЯ в мои руки - пусть побережет тогда свою шкуру!

Негодующие, испуганные возгласы были ответом на его слова, но Бруслар не дал Борану времени для ответа, пожал плечами, бросил на всех презрительный взгляд и вышел, громко хлопнув дверьми и крича во все горло, не обращая внимания на прохожих:

- Все они такие! Все, все!

Он быстрыми шагами пошел по улице, так что полы его платья раздувались по ветру. Вдруг он остановился и сделал брезгливую гримасу.

Недалеко от него стоял у окна модного магазина Гранлис, на которого загляделись оттуда две хорошенькие продавщицы.

Бруслар спрятавшись в углубление дверей и наблюдал, рассуждая сам с собой:

- Раз ты тут, я не выпущу тебя. Это - перст провидения: Бог предаст тебя в мои руки, и я принимаю этот подарок.

Наконец Гранлис небрежной походкой пошел дальше.

В то время улица в предместье Сэнт-Онорэ представляла собой узкую, извилистую дорогу, которая к тому же была сильно запружена экипажами, тележками, одноколками, наводившими ее. В особенности около полудня здесь тянулась непрерывная вереница ручных тележек мелких торговцев,

вокруг которых толпились суетливые хозяйки, что еще более затрудняло движение по ней.

В этом хаосе Бруслар, следивший за Гранлисом, потерял его из вида. Его забавляло это преследование, напоминавшее доброе старое время, времена генерала Фроттэ... Ему казалось, что он преследует "синего" на своей родине, в Нормандии; только дома заменяли здесь кусты, а ручные тележки - молодые рожицы...

Этот человек, преследуемый сам, подвергавшийся опасности был взятым за горло первым попавшимся полицейским, находил огромный удовольствие следить за молодым, которого он считал ренегатом, врагом королевства, шпионом узурпатора. Нельзя же было заподозрить его, Бруслара, в этом грубом буржуа, расталкивавшем локтями народ, поднимавшем палку над ставковившимися на его дороге, казалось, занимавшем всю ширину улицы своей массивной фигурой. Выдать его могла только его чудесная, черная, как смоль, борода, с которой он никогда не хотел расстаться и которой гордился, она одна обращала на себя внимание и представляла для него наибольшую опасность. Но Бруслар не обращал на это внимания, взяв себе за правило, что, чем больше производишь шума, тем меньше навлекушь на себя подозрений.

Таким образом он шел следом за Гранлисом. Молодые работницы и швейки оглядывались по два раза на их пути: сначала, чтобы взглянуть еще раз на изящного блондина, весело улыбавшегося им, показывая свои белые зубы, а вторично - чтобы разглядеть получше, почти со страхом, этого огромного смуглого молодца, похожего на хищного зверя, сильного, могучего и мрачного!

Так, друг за другом, они дошли до Пале-Рояля. Несмотря на вред, причиненный ему революцией, это здание все еще представляло собой центр парижского шума и движения.

Конечно, эта местность сильно изменилась в последнее время, после необыкновенной роскоши герцогов Орлеанских, но все-таки в 1806 году Пале-Рояль оставался огромным базаром всевозможных увеселений: игорных домов, притонов всех категорий, где царили дорогие куртизанки и дешевые ночные феи для бедных студентов; тут же, выходя и на соседние улицы, помещались всевозможные рестораны. Здесь же продавались разные животные, пестрые южные птицы, крикливые попугаи, лаявшие в своих клетках собаки. Все вместе производило невероятный шум и гам. Продавцы разных лавок громко зывали покупателей. В подземных гrotтах играла музыка, плясали обнаженные "нимфы".

Все это было переполнено шумной толпой разнообразного люда, где перемешались все национальности, все партии, без различия политической окраски. Здесь можно было видеть

множество офицеров, проигравших в какой-нибудь час все свое состояние - цену многих битв и ран. Пале-Рояль с утра была всегда переполнен публикой, а вечером сиял тысячью огней, на которые, как мухи, летели посетители.

Гранлис вошел туда торопливым шагом, как человек, спешащий на свидание. К нему подошла хорошенькая цветочница, предлагая свой товар; он остановился пошутить с ней. Бруслар остановился тоже, Свирепо наблюдая за ним.

- Так, так! - закричал он, - ухаживают за девушками, нюхают цветочки, наслаждаются жизнью!.. Погодите! Сделай-ка путь между Канном и Балонью, я тебе всажу пулю в лоб, несмотря на твои прекрасные двадцать лет!..

Поблизости оказался Рантиньи; поймав Гранлиса в его ухаживании за цветочницей, он присоединился к нему и принял участие в болтоене.

- Господин Гранлис, Вы - как и я - любите все, что красиво, где бы это ни было! - насмешливо сказал он. - Черт возьми, Вы правы! А ты, плутовка, чем зажгла свои глазенки?

- Адским пламенем! В них горят все чертенята!

- Ах ты, бесенок, бесенок! Настоящая дочь Парижа!

Наконец молодые люди пошли дальше, взяв цветов и сунув экую в руку хорошенькой цветочницы.

Бруслар не последовал за ними, он, махнув рукой, скрылся в толпе.

Но к чему идти за ними, - проворчал он, - теперь я ничего не могу сделать, пока... Он ничего не потеряет от ожидания... Придет мое время!..

Утешая себя надеждами на будущее за неудачи настоящего, он отказался от преследования.

Перед кафе Шартр, за круглым столом, уставленным разноцветными бутылками, сидели на желтых стульях несколько молодых людей. Между ними были граф де Тэ, все еще в трауре, граф де Новар, маркиз Невантер, Мартенсар, Микале де Марш и д'Орсимен.

При виде Гранлиса и Рантиньи они встали и церемонно раскланялись, прибывшие сели за тот же стол, и Рантиньи сказал:

- Господа, я только что из министерства; дело решено, наше назначение подписано. Начало нашей службы будет считаться с первого сентября, но мы имеем право немедленно одеть мундир установленного образца.

Последние слова возбудили общий восторг и все молчаливо и внимательно слушали описание новой формы, сделанное Рантиньи: белый мундир с красными отворотами, треуголка с золотыми шнурами и императорской кокардой и шага, главное - шага!

- Недурно! - весело воскликнул Орсимен.

- Скажи - великолепно! - подтвердил Мартенсар, - мы все будем восхитительны в таком наряде!

Все весело смеялись, представляя себе эффект, который произведет их новый мундир на прекрасных дам. Только Эдмонд де Тэ, не увлекаясь тщеславными мечтами, оставался по-прежнему задумчивым и, узнав о последнем распоряжении, встал с места и простился. Гранлис последовал его примеру, попросив сообщить Иммармону и Прюнжэ, что он был и ушел, без всяких дальнейших объяснений.

Оставшиеся продолжали разговор.

- Какой странный наш Гранлис! - заметил Микеле де Марш, - это - живая тайна. Он всегда точно витает в облаках, а когда просит - точно приказывает. Кто он однако? Кто знает его происхождение, его семейство и род?

- Хотя бы он происходил по прямой линии от самого Юпитера, все-таки это - не причина так держать себя, - заметил Мартенсар.

- Конечно, - согласился Орсимон. - Вы слышали его поручение к Иммармону и Прюнжэ? И здесь, в Париже, как в Компьене, он обращается с ними, как с лакеями... просто смех!

- Ну, это - их вина, - отозвался Новар, - они сами обращаются с ним, как с господином, вот что удивляет меня. Ведь они сами достаточно богаты и знатны. Вот поэтому-то я думаю, что здесь есть что-то, чего мы не знаем.

- Если он сдержан с мужчинами, - вступился Рантиньи, - то с женщинами наоборот, хотя бы с самыми простыми. Я сейчас видел, как он очень усредно любезничал с цветочницей в трех шагах отсюда. Я вовсе не осуждаю его, потому что и сам делаю то же: я люблю красивых девушек, всяких!

Компания, не стесняемая присутствием мрачного де Тэ, чопорного Гранлиса, Прюнжэ, и Иммармона, развеселилась со всей непринужденностью молодых, только что произведенных офицеров.

Скоро подошли и два кузена, Иммармон и Прюнжэ, и немедленно справились о Гранлисе. Узнав, что он ушел неизвестно куда, они, казалось, были поражены, многозначительно переглянулись, рассеянно выслушали известие о назначении и о новой форме и, почти не простившись, поспешно устремились в ту сторону, куда скрылся их товарищ.

- Ну, что? - подмигнул Мартексар, когда они отошли, - точно две кормилицы, которые потеряли своего сосунка!

Общий смех встретил это оригинальное сравнение.

Между тем Гранлис в обществе де Тэ шел по галлереем Пале-Роялия. Его спутник шел молча, не начиная разговора.

Веселые продавщицы, сомнительные золотошвейки или модистки напрасно бросали вызывающие взгляды на двух кра-

сивых молодых людей: один не замечал их, другой стеснялся молчаливого спутника.

С первой же встречи личность Эдмонда де Тэ князя де Гроа привлекала и интересовала принца. Он мечтал о том, чтобы подружиться с ним, открыть ему свою тайну, приобрести и его доверие.

Нервный и впечатлительный принц, желая добиться исполнения какого-нибудь своего желания, быть способен на всякую неосторожность, на всякую рискованную выходку. Так было и на этот раз.

До самого кафе Режанс, находившегося тогда напротив того места, где оно и теперь, обезкураженный принц напрасно старался обратить на себя внимание своего мрачного, молчаливого спутника, и это не мало раздражало его. Перед входом в кафе де Тэ приостановился и с глубоким вздохом снял свою шляпу. Из сочувствия к нему Гранлис сделал то же. Тогда бретонец заметил, наконец, его присутствие и тихо сказал:

- Вы правы, что обнажили голову, - хотя, конечно, Вы сделали это из вежливости, не зная почему... Здесь, на этом месте, двенадцать лет тому назад, во времена проклятого террора, произошло одно историческое происшествие, которое касалось моего отца и моей матери.

- Позвольте мне, у кого отец и мать пошли на эшафот, попросить у Вас объяснения? - обратился к нему принц.

- А, Ваш отец и мать?.. Бедный мальчик! Какое это было страшное, жестокое время! - сказал де Тэ.

“Бедный мальчик”! Принц покраснел от такого обращения, но Эдмонд де Тэ не заметил этого и продолжал говорить тихо, как бы сам с собой:

- Да, это было тогда, когда тележки осужденных проезжали здесь каждое утро к эшафоту... Здесь, в этом самом кафе... Вы знаете, здесь собирались любители шахматной игры, начиная с Вольтера, Руссо, Дидро, кончая Наполеоном. Робеспьер также приходил сюда. Он часто сидел один, так как немногие осмеливались играть с таким партнером, как он. Если кто-нибудь и находился, то конечно Робеспьер всегда выигрывал, но не столько благодаря умению, как благодаря внушаемому им страху. Однажды вечером, когда партнера не находилось, в кафе вошел молодой человек небольшого роста, с красивым, женственным лицом и смело занял место за шахматным столом. Молча подвинул он первую фигуру за шахматным столом. Молча подвинул он первую фигуру на шахматной доске. Робеспьер сделал то же, и партия началась. Молодой человек выиграл. Робеспьер просил и получил реванш. Но молодой человек выиграл опять. Его партнер кусал ногти с досады, однако признал свое поражение и спросил цену проигрыша, которая не была обусловлена.

“- Голова человека, - сказал молодой человек, - я выиграл ее... Плати скорее: завтра она уже будет в руках палача.

“Он вынул из кармана заранее приготовленный приказ об освобождении графа Оливье де Тэ, заключенного в Консерьер-жери. Там недоставало только подписи.

“Не говори ни слова, Робеспьер подписал приказ, отдал бумагу и спросил:

“- Кто же ты, гражданин?

“- Скажи - гражданка! Я - женщина, графиня де Тэ. Я спасла своего мужа. Спасибо и прощай!

“Эта женщина была моя мать, ее призраку поклоняюсь я, проходя мимо этого кафе... Ах, кто мог предвидеть тогда весь позор, весь ужас будущего!.. Однако зачем я рассказал Вам все это? Иногда воспоминания требуют исхода, должны излиться хотя перед кем бы то ни было, хотя бы то был первый встречный.

Задетый еще раз, Гранлис потерял терпение. Он чувствовал жгучую потребность разыграть короля, смыть полученное унижение, удивить и поразить. Ему хотелось поставить на должное место слишком смелого подданного, не сумевшего угадать скрытое от него божество. Он выпрямился, принял величественный вид, подражая Генриху IV в Лувре, Людовику XIV в Версале, и надменно обратился к графу:

- Ваша история занимательна и делает Вам честь, но Вы забыли вывести из нее мораль. Поступок Вашей матери еще раз доказывает, что благородные, знатные люди умели действовать и торжествовать над несчастиями; но воинственная знать - ведь это такое жалкое меньшинство. Слово “аристократ” чаще означает человека наглого, дерзкого, самоуверенного, признающего только свои права и презирающего весь остальной мир...

- Господин де Гранлис, так может говорить только человек низкого происхождения.

Принц разразился громким, несколько искусственным смехом.

- Это Вы говорите мне, бретонский графчик? Ну, так знайте, что Ваши знатные предки низко кланялись моим в продолжение целых веков, и едва ли их замечали среди множества других придворных...

- В самом деле? Кто же Вы такой? - гневно спросил де Тэ.

Проходивший мимо работник остановился в трех шагах от них, обернувшись к ним спиной, разглядывая выставку ювелира, но чутко прислушиваясь к разговору. Не обращая на него внимания, принц с высоко поднятой головой и пылающим взором громко произнес:

- Бретонец! Я - сын королей, которым служили твои предки! Последуешь ли ты за мной?

Эдмонд де Тэ побледнел и, пристально глядя на принца, медленно обнажил голову.

- Государь!.. Это - правда... я должен был догадаться... Я знаю Вашу историю... Теперь я понимаю Иммармона и Прюнгжэ, понимаю все... Если бы моя жизнь принадлежала мне - я отдал бы ее Вам! Когда-нибудь Вы... вы также узнаете все... Все равно! Да, я следую за Вами!

Работник с рассеянным видом, засунув руки в карманы, пошел прочь, рассуждая про себя:

"Однако наш маленький король охотно рассказывает про свои дела. Его история становится секретом полишинеля, сколько людей уже знают его! Ну, а мой милейший де Тэ оставил, должно быть, и память, и свой здравый смысл на ферме Аустерлица... Он держит себя, точно ни в чем не виноватый... А может быть, Фуше прав, что существуют не одни графы де Тэ? Это возможно, но не доказано... Во всяком случае не зевай, Кантекор, это будет самое лучшее".

В это время шедшие навстречу граф Жан д'Отрем и виконт Жак Иммармон заметили принца и поторопились к нему.

- Господа, - сказал тот, не отвечая на их поклон, - вот граф де Тэ теперь наш: я все открыл ему.

Оба кузена нахмурились и разом покраснели, но низко поклонились. Затем Иммармон тихо спросил принца, не отвечая на его заявление:

- Ваше приказание, государь?

- Никаких на сегодня. Я не нуждаюсь в Ваших услугах, хочу быть свободен, - ответил принц.

- Но, - начал было Прюнгжэ.

- Никаких! - оборвал его принц. - Я сказал.

Он пошел прочь, уводя с собой де Тэ. своего нового любимца, уже неблагодарно отдаляясь от своих лучших союзников. В глубине души он был недоволен ими обоими за то, что оба они, брат и жених, поспешили удалить его, по возможности, из замка. Депали, от близкого соседства с увлекающейся Изабеллой. Он не хотел простить им, что они усомнились в его честности относительно красивой девушки, а главное заподозрили его в измене своей богине, несравненной Полине Боргезе.

"Одна она, никто более!" Это было девизом Людовика, и он вырезал его на своей печати, которую всегда носил при себе. Впоследствии некоторые наивные солдаты вообразили, что эти слова относились к его короне... Увы, король думал не о ней! Удаляясь от Иммармона и Прюнгжэ, он искал свободы, необходимой ему теперь, когда приехала в Париж Полина. Хотя он и открыл им тайну своей любви, но отнюдь не хотел делать их свидетелями своего успеха. Кроме того он во время своих странствований привык к независимости и свободе, от которых

ему теперь было трудно отказаться. Во всяком случае ему хотелось теперь сохранить за собой свободу действий.

Граф и виконт были встревожены, зная легкомыслие и непоследовательность принца, постоянно окруженного шпионами, подозреваемого и преследуемого со всех сторон. Благоклонность Фуше казалась им скорее ловушкой, чем защитой. Оставались еще личные агенты императора, сыщики Савари, Демареца, Реалья, сыщики графов Прованского и д'Артуа, еще более заинтересованные преследованием молодого короля без трона, несчастного племянника коварных дядюшек. А ведь в многолюдных улицах Пале-Рояля вполне легко было получить удар кинжала, легко было из-за пустяка попасть в схватку и получить в ней смертельный удар, грозила масса всевозможных, непредвиденных опасностей.

Однако послушаться приказа принца они не могли и им оставалось только смотреть ему вслед, пока он не скрылся из глаз.

- Кузен, - сказал Прюнжэ, - мне кажется, что этот юноша играет и своей головой, и нашими и что можно считать нашу игру проигранной заранее.

- Если мы не можем защищать его, на что тогда нужны мы? - ответил виконт, опустив голову.

- Да, наша задача трудна, - сказала Иммармон. - Во всем виновата Изабелла; не будь ее, мы удержали бы его в замке.

- Жак, - с укором сказал Прюнжэ, - зачем ты напоминаешь мне об этом? Я и то слишком хорошо помню это...

- Бедный друг, прости меня! - проговорил виконт, - мне это не легче твоего... Да, не одни розы в служении королям!

XI

Между тем Гранлис и граф де Тэ быстро шли по улице Сэнт-Онорэ, не замечая Кантекора, следовавшего за ними по пятам. Верный предписанию Фуше, он каждый день в разных одеяниях бродил вокруг принца, знал его жилище, его посещения Борана, все его привычки, всю его жизнь. Но во всем этом до сих пор он не находил ничего подозрительного. Молодой человек держал свое слово и был только офицером императора, его поведение до сих пор было безупречно.

Видя "своего принца", как он называл его, в обществе графа де Тэ, Кантекор сделал было невольную гримасу, но потом с подогретым усердием пустился по этому двойному следу.

Граф все еще оставался для него живой загадкой. Несмотря на все свои усилия, на все добытые о нем сведения, он ничего не мог понять в этом таинственном человеке. Был ли это действительно его конногвардеец с аустерлицкой фермы, или кто-

нибудь из его семейства - оставалось тайной. Если бы Кантекор не был так всецело занят принцем, к которому он даже привязался, как крестьянин к обработанному им лугу, он, конечно, съездил бы в Морбиган, чтобы узнать все на месте. Но служба удерживала его в Париже.

На этот раз представлялся случай узнать что-нибудь, и, конечно, Кантекор, не желая упустить его, усердно следил за молодыми людьми. Они говорили между собой без стеснения, считая себя одинокими в этой шумной толпе. Один был вообще беззаботен по своей натуре, другой - глубоко равнодушен ко всему, хотя бы это была какая-нибудь катастрофа. Так дошли они до Елисейских полей.

Де Тэ беспрекословно следовал за принцем. Здесь они остановились около деревянной скамьи в тихом уголку, под густой тенью деревьев. Гранлис посмотрел на часы, и, видя, что у него в распоряжении есть еще свободный час, шел сам и жестом пригласил де Тэ сесть рядом с ним на скамью.

Кантекор скользнул за деревья и расположился на траве в позе отдыхающего рабочего; но, закрыв глаза, он чутко насторожил уши... Молодые люди не подозревали его присутствия, и таким образом ему удалось подслушать разговор, объяснивший ему таинственную личность графа де Тэ князя де Гроа, так глубоко интересовавшую его.

- Граф, - заговорил Гранлис, - я знаю деятельную, воинственную роль Вашего семейства во время восстания шуанов, знаю подвиги Вашего отца, Ваших дядей. Один из них погиб со шпагой в руке, около Тиктениака... Какое то было время! Какие люди! Но что случилось с Вашим отцом? Этого я не слышал...

- Никому, кроме Вас, принц, я не ответил бы на этот вопрос, - с усилием произнес де Тэ, - потому что это - тайна моей жизни. Но Вы имеете право знать все, и Вам я должен рассказать все, чтобы Вы могли понять, почему я считаю свою жизнь принадлежащей не мне, и не смею предложить ее Вам. Я поступил в императорскую армию с единственным намерением быть убитым в первом деле. Это - самоубийство, которое допускает моя религия.

- Граф, граф! Какие неразумные слова!.. Зачем умирать в двадцать пять лет, когда впоследствии, с Божьей помощью, я высоко превознесу Вас своими милостями, своей дружбой?

- Благодарю, государь, - печально сказал де Тэ, - но теперь слишком поздно: я дал обет.

- Перступный обет не может быть действительным.

- Выслушайте меня! Сейчас я сообщил Вам смелый поступок моей матери, добывшей голову моего отца, играя в шахматы с Робеспьером... Действуя так, она поступала, если это - правда, под влиянием угрызений совести, а не по влечению сердца. Она хотела загладить этим свои прежние проступки,

известные тогда только ей одной, смягчить укоры своей совести, искупить свои былые ошибки этой смелостью, героизмом своего поступка...

Голос молодого человека дрогнул от воления.

Гранлис смотрел на него с глубоким состраданием.

- Только своему королю я могу доверить свой позор, ему одному, - продолжал де Тэ.

- Никто, кроме меня, никогда и не узнает об этом, - успокоил его принц.

Тогда, собравшись с силами, де Тэ открыл ему, наконец, мрачную тайну своей жизни.

В 1775 году Амелия де Сантре вышла замуж за Оливье де Тэ. Через четыре года у них было два сына: Арман, родившийся через три года после свадьбы, затем Эдмонд, родившийся в 1780 году и рассказывавший теперь свою историю принцу.

Они жили в своем замке очень уединенно, но с первого же года своей семейной жизни они время от времени проводили несколько недель в Париже, у старого барона де Тривьер-Абанкур, своего родственника. Все их несчастье и произошло от этих посещений. Там собиралось большое и очень легкомысленное общество. Графиня Амелия отличалась замечательной красотой; она пользовалась полной свободой, благодаря безграничному уважению к ней мужа, бывшего старше ее на пятнадцать лет и оказывавшего ей полное доверие. Проходили год за годом и ни малейшее подозрение не касалось молодой женщины, никакая тень клеветы не омрачала ее чистой репутации. В свете их считали образцовыми супругами.

Несмотря на это, графиня страдала иногда мрачной меланхолией, без всякой видимой причины. Тогда муж говорил ей:

- Это - действие наших туманов и морских ветров... Тебе надо проехаться в Париж.

Много раз графиня охотно принимала это предложение, и супруги отправлялись в столицу. Но в 1785 году она резко отказалась от поездки и объявила, что никогда более не покинет своего уединенного замка. Муж не противоречил ей; с тех пор он ездил в Париж один, каждую зиму, оставляя в своем замке жену с подроставшими детьми.

Она была добра к ним обоим, но не всегда справедлива, отдавая заметное предпочтение старшему сыну, хотя к этому, казалось, не было никакого основания. Арман де Тэ был вспыльчив, заносчив, презирал низших, выказывал жестокость к животным, был вообще полнейшим эгоистом. Эдмонд, рассказывавший принцу историю своей жизни, не мог конечно хвалить себя, но его детство было светлое, тихое, мечтательное, согретое любовью к людям.

Но вот во Франции разразилась политическая буря и забушевала со страшной силой. Головы полетели с плеч; испуганная знать скрывалась или обращалась в бегство. Глубокое молчание воцарилось в угрожаемых замках. Тогда все, кто носил имя де Тэ князей де Гроа, образовали свои отряды, подняли белое знамя за своих королей и начали преследование синих. Они присоединились к Кадудалю и вместе с ним повели ожесточенную партизанскую войну.

Двое графов де Тэ пали в битве; третий принужден был бежать в Англию от ожесточенного преследования, но потом вернувшись погиб славною смертью, с оружием в руках.

Четвертый, старший, граф Оливье, был арестован во время перемирия во дворе собственного замка. Препровожденный в Париж, он уже считал себя погибшим. Но его супруга, графиня Амелия, оставив своих сыновей, имевших тогда шестнадцать и пятнадцать лет, на попечение преданных слуг, последовала за мужем, этап за этапом, до самого места заключения. Через три дня после того состоялась ее известная партия в шахматы с Робеспьером, окончившаяся освобождением графа.

С торжеством вернулись супруги в свой родной замок, и с тех пор графиня, прославившая героиней, забыла все свои мрачные мысли. Чудом спасенный от эшафота, граф проникся беспредельной благодарностью к жене и жил только для своей семьи.

В противоположность графине, он больше любил младшего сына; старший, заметив это, стал ревновать отца к брату.

Вследствие различия характеров они никогда не были особенно дружны, но в это время превратились в настоящих врагов. Оба поразительно походили лицом на свою мать: у них были те же правильные, тонкие черты, глаза - синие, как море; но выражение лица было у них разное: у одного - надменное и повелительное, у другого - задумчивое и серьезное. Разница возраста между ними была всего в одиннадцать месяцев. Сходные наружностью, они ненавидели друг друга.

Время прошло спокойно до 1804 года, когда новая драма, на этот раз семейная, навсегда разрушила мир этой семьи.

Графиня Амелия, застигнутая однажды сильной бурей, вернулась домой, промокшая насквозь. Вечером она почувствовала себя дурно, а на другой день она, и вообще хрупкая здоровьем, была совсем плоха.

Местный доктор и без того был малосведущ в медицине, а у постели такой знатной пациентки совсем потерял голову, и лечил ее без всякой системы. Через три дня графиня Амелия была в агонии.

Позвали приходского священника, считавшегося в этой местности святым. Это был фанатик, безумно преданный своей

религии. Необразованный, сын простолюдина, он ненавидел грех всеми силами души; грубый и резкий, он умел влиять на крестьян, но совершенно не годился для деликатной и нежной натуры умирающей аристократки... Целый час провел он у смертного одра графини.

Через закрытые двери граф и его сыновья слышали несколько раз настойчивый, умоляющий крик: "Я не хочу! Я не могу!"; затем снова слышался лишь повелительный голос священника, которому больная больше не возражала... Часто слышались резкие слова духовника: "Ложь! Обман!". Наконец дверь открылась и на пороге появился священник со строгим, неумолимым лицом, Он провозгласил:

- Входите! Входите все! Зовите слуг!.. Пусть все идут сюда. Надо, чтобы все слышали эту исповедь, она должна быть публичной... Это - Божья воля, это единственное средство спасти погибающую душу страшной грешницы!

Пораженные члены семьи вошли в комнату; за ними последовали семь-восемь человек слуг и служанок, живших в замке.

Опрокинувшись на подушки, мертвенно-бледная графиня едва дышала. Неумоливый служитель алтаря приказал ей:

- Признавайся теперь, заблудшая дочь греза, в своей вине! Тебя слушает и на тебя взирает Сам Бог!

Графиня заговорила глухим, точно замогильным голосом:

- Я обманывала всех... Я казалась верной женой, но была изменницей... Оливье, бедный друг мой, ты дрожишь от удивления, от испуга, ты думаешь, что это - бред?.. Нет, я говорю в полной памяти и подтверждаю: да, я виновна, я обманывала тебя!.. Один из наших сыновей - не твой сын...

Граф побледнел и сжал кулаки. Из уст сыновей раздались два восклицания, одно от ярости, другое от горя.

- Который? - крикнул вне себя Арман.

Но умирающая остановилась, не имея сил продолжать. Однако Арман продолжал кричать, топая ногами:

- Который? Который?

Она могла только прошептать:

- Простите, простите меня!

Никто не ответил ей, только Эдмонд молча подошел ближе к ее изголовью.

Тогда графиня Амелия приподнялась последним усилием и с упреком бросила священнику тихие слова:

- Вот что Вы сделали, батюшка!

Испуганные слуги толпились у дверей, граф и его сыновья, волнуемые различными чувствами, неподвижно, молча стояли кругом...

Священник начал говорить:

- Вся ее жизнь была сплошным обманом, постыдной ложью...

Но граф Арман де Тэ грозно крикнул ему:

- Довольно! Убирайтесь вон!

Фанатик-священник молча вышел из замка, ни минуты не раскаиваясь в сделанном.

В этот самый вечер граф Оливье де Тэ раздробил себе голову выстрелом из револьвера, не будучи в состоянии проклипать ту, которую так любил, кому был обязан своей жизнью.

Оставшись одни, оба брата стали взаимно упрекать друг друга в незаконном рождении; один объяснял особую любовь к себе матери сознанием с ее стороны его прав законного сына, другой наоборот видел в этой привязанности только указание на преступное увлечение, на воспоминания былой любви.

Призвали и допрашивали священника. Но тот, подняв взор к небесам, объявил, что это - "тайна Божия".

Искать какого-нибудь указания по сходству было невозможно, так как оба брата были похожи друг на друга и на свою мать.

Они порешили покинуть родину, отчий дом, забыть все прошлое. Земли, леса, фермы и замки были проданы и обширные владения графов де Тэ были разрушены навсегда. Наследники разделили между собой вырученную от продажи сумму и разошлись в разные стороны.

- Я знаю, - закончил свой рассказ граф Эдмонд де Тэ, - что мой брат поступил в русский л.-гв. конный полк великого князя Константина Павловича и был серьезно ране при Аустерлице; но молодость и крепкое здоровье взяли верх и он остался жив. Когда-нибудь мы, может быть, еще встретимся с ним...

- И что же тогда? - спросил принц.

- Тогда, тогда, - просто сказал Эдмон, - так как он русский, а я - француз, то пусть он побережется! - Он замолк, а минуту спустя продолжал: - Вы видите, государь, почему жизнь мне в тягость... Я не могу пережить позор своей семьи, гибель отца, разорение своего рода... Я должен умереть, я уже более не существую...

- Я надеюсь доказать Вам, граф, - ласково сказал Гранлис, - что Ваш долг заключается не в том, что есть в жизни другая цель, кроме бесполезного самоубийства. Мы будем сражаться вместе, и под свист пуль я сумею убедить Вас в этом.

Он встал, и новые друзья пошли дальше.

Проходя мимо Кантекора, растянувшегося во весь рост и громко храпавшего на все лады, они полюбовались на него.

- Вот кто спит сном праведника! - заметил принц. - Как сладко он спит! Я завидую ему.

Они прошли мимо.

Когда они отошли шагов на сто, Кантекор сделал очень естественный вид просыпающегося человека и пробормотал про себя:

- Уф! Какая тяжесть скатилась с моих плеч! Теперь я понимаю... Мертвые не воскресают, нет, нет! Это мне нравится, а то у меня их несколько на совести. Значит, существует два графа де Тэ; мой был тот, Арман. И всетаки негодяй, кажется, поправился; как видно, живучи в этом роду...

Рассуждая таким образом, он не терял из вида молодых людей и видел, как принц пожал руку графа и сел в изящную закрытую карету без всяких гербов.

- Это еще что такое? - удивленно воскликнул Кантекор, - куда это отправляется мой принц?

Его взгляд упал на двух огородников, шедших перед ним и также внимательно следивших за отъезжающим экипажем.

Кантекор остановился и почесал нос, ворча:

- Я знаю этих милейших субъектов! Верно! Как Бог свят!..

Он обогнал их и заглянул им в лицо. Оба огородника нахмурились, надвинули свои соломенные шляпы на лоб и повернули налево.

- Уртуль- агент герцога Прованского, Тронкой - графа д'Артуа! - пробормотал, видимо, смущенный Кантекор.- Два шпиона-роялиста по следам моего принца! Это не нравится мне... Лучше бы они проваливались, а то мы поговорим иначе... Я не позволю тронуть моего "мальчика".

Видя, что за ними идут, огородники разошлись в разные стороны.

"Так, так; сбивайте след, раздваивайте его - меня это не удивит... Видали мы таких", - думал Кантекор, следуя за Уртулем, которого считал, опаснее.

ХП

Между тем карета, уносившая принца, катилась вдоль берега Сены, по направлению к Отейлю. Скоро она остановилась у белого домика, скрытого в густой зелени тополей и вязов, кустов душистых роз и сирени. Это местечко называлось Фоли-Бегоньер.

Около середины XVIII века некто де Бегоньер, советник парламента в Париже, увлекшись в шестьдесят лет от роду семнадцатилетней танцовщицей, по имени Розалинда, выстроил этот домик здесь, где было тогда чистое поле, и сделал его укромным уголком своей тайной любви. Домик стоял посреди миниатюрного парка, на берегу искусственного озера, отражавшего его позолоченные балконы.

До сих пор, несмотря на то, что прошло пятьдесят лет со времени его основания, этот домик представлял собой самый

удобный и самый надежный приют для нежных свиданий, требовавших тайны и тишины. Сюда не мог проникнуть ничей нескромный взгляд сквозь решетки, окутанные густой зеленью.

Со времени первых владельцев домик был необитаем и заброшен. Полине Боргезе пришла фантазия купить и отремонтировать его. Ни император, ни Жозефина, ни принц Камилл не подозревали о существовании этого прелестного местечка, которое Полина приготовила себе на всякий случай, без особого намерения.

Как только карета остановилась, в решетке открылась калитка. Гранлис выскочил из экипажа, и тот немедленно отъехал. В саду принца встретила итальянка-прислужница, красивая брюнетка, с глазами, казалось, отражавшими в себе солнце Тосканы, с приветливой улыбкой, открывавшей бело-снежные зубы.

- Это - ты, Мария?.. Где принцесса? - спросил Гранлис.

Та указала на дом, скрывающийся в густой зелени деревьев. Принц бросился туда. Свежий, женский голос приветствовал его:

- Здравствуйте, господин де Гранлис!

Молодой человек остановился на пороге, ослепленный неожиданным переходом от солнечного света к полутьме комнаты.

Раздался громкий смех, и он рассмотрел белую фигуру, лежавшую на низкой кушетке.

- Полина! Полина! - воскликнул принц и тотчас же очутился на коленях около кушетки.

- Мне надо было бы выбрать тебя за твою вчерашнюю смелость... Ты подвергал себя страшной опасности, - проговорила принцесса.

- Что-ж такое? Я хотел как можно скорее увидеть тебя!..

- Ты мог погубить и меня вместе с собой...

- А ты могла не узнавать меня, вот и все.

- Негодный! - воскликнула Полина и закрыла ему рот своей мягкой, нежной и теплой рукой.

Людовик сначала поцеловал душистую ладонь, потом стал осыпать поцелуями всю обнаженную до плеча руку. Полина не сопротивлялась ласке. откинувшись на подушки и закрыв глаза...

Хлынувший потоком дождь не помешал им. Время мчалось незаметно.

Часа два спустя они медленно появились из внутренних комнат и тихо, под руку, вышли в сад. Дождь перестал; легкий ветерок разогнал последние облака. Алмазные капли дождя на мокрых листьях деревьев горели разноцветными искорками.

Птицы громко щебетали, приветствуя выглянувшее снова солнце, по дорожкам ползали красноватые улитки.

Встряхивая своими белокурыми волосами, прелестная, как Диана, Полина увлекала принца за собой по молчаливым аллеям сада. Они бродили по дорожкам, глядя в глаза друг другу, обмениваясь иногда новыми поцелуями.

В стоявшем посреди сада "хроме любви" они произнесли клятвы в вечной верности. В ту минуту было забыто все прошлое, история, все на свете. Здесь больше не было ни государя, ни принцессы, ни этикета; были просто двое влюбленных, повторявших вечно юную песнь любви.

Оба они были искренни в эту минуту: Полина любила своего короля, насколько она была способна любить, он обожал ее до самозабвения. Да и как могло быть иначе? Кто мог бы остаться равнодушен к ее обаятельной красоте? Она знала свою силу и пользовалась ею, не думая о том, что, играя другими, она может быть ранена собственным оружием, погибнув вместе с ним.

Вообще то было время сильных ощущений и невероятных приключений, время преобладания сердца над разумом. Полина и Грандис были вполне детьми своего века. Тогда дорожили только настоящим, не помышляя о будущем. "Все и сейчас же!" - было общим девизом. Он взял свое начало в страшные времена гильотины и продолжался теперь, под гром пушек, напоминавший, что жизнь коротка. Философия фатализма была распространена повсюду.

В это время казалось, что судьбой управляет император, но он мог быть убит в первом сражении, и что тогда?..

Ни о чем подобном не заботились влюбленные. Они щебетали о своей любви и были полны в ту минуту лишь друг другом.

Принцесса Боргезе забыла своего царственного супруга, своего брата-императора, свой род Бонапартов и свободно отдавалась последнему из Бурбонов. Это было вполне просто: посылая его искать славы на поле бивты, она не могла отказать ему в этом доказательстве любви, так как он легко мог погибнуть вдали, не получив ничего взамен. Грандис потребовал задаток, Полина великодушно согласилась на это требование.

Она поздравляла его с поступлением в армию, но нашла звание поручика довольно жалким.

- Жозефина могла бы сделать что-нибудь лучшее, - сказала она и стала издеваться над императрицей. - Не знаю, что будет дальше, но эта женщина окружает себя худшими врагами своего мужа, сама помогает их честолюбию...

- Ну, а ты сама? - подразнил ее Людовик.

- Я? Я! - разгорячилась Полина, сверкая глазами и делаясь еще краснее. - Разве я изменю? Знай, что я не изменю На-

полеону никогда, что бы ни случилось. Я люблю брата, я всем обязана ему и до конца ногтей чистокровная Бонапарт! Я люблю тебя, это - правда, но это - мое личное дело. Ты - король и с этим я ничего не могу поделать. Но если бы ты был парикмахером - было бы то же самое. Я заметила тебя, еще не зная, кто ты, и ты отлично знаешь это, дрянной фат, и хочешь, чтобы тебе повторяли это. Я помогу тебе выдти из мрака твоего настоящего положения, это я обещала, это решено, но никогда не сделаю этого в ущерб своему брату, это также решено! И если ты будешь действовать против него, я сумею наказать тебя за это...

- Каким образом?

- Очень простым: перестану любить тебя...

- Это будет моим смертным приговором! - церемонно раскланялся принц.

Оба рассмеялись и сели на скамью, Людовик рассказал ей про роковую ночь в "тайнике" у Борана. При имени Фуше Полина побледнела и произнесла:

- Я не труслива, но этого человека боюсь. Со своим бледным лицом, красными глазами, со своим постоянным ледяным молчанием, он напоминает мне вампира...

Узнав, что Фуше упоминал про Италию, про Рим, про нее - Полина еще более перепугалась. Как мог он узнать это?

- Он знает все, - проговорил Грандис.

- И ты думаешь, что он искренен, что он не выдаст, не продаст тебя тому или другому?

- Нет, - пояснил принц, оказавшийся проникательным на этот раз, - сейчас едва ли... Он приберегает меня... более выгодному...

Чувствуя непрочность почвы под своими ногами, грозящее впереди крушение, они еще более дорожили друг другом, своей любовью и теснее сжимали в объятиях один другого, в ожидании будущих бед.

Полина расспрашивала о его товарищах по назначению в полке, советовала ему остерегаться их, не выдавать себя перед ними. Людовик мельком заметил, что Иммармон, Прюжэ, де Тэ вполне надежды, а остальные - хорошие ребята, которых он понемногу привлечет на свою сторону. Она советовала быть осторожным с ними, но он улыбался, будучи уверен в своей силе, в умении понравиться.

Услышав подробности истории в гостинице "Золотой Колокол", она преклонила Бруслара и смеялась, предполагая, что приключение с ним не мало поможет избежать назначение от Наполеона. При имени Изабеллы Иммармон и Дианы д'Эвюа, которыми наивно восхищался принц, она нахмурилась и погрозила ему пальцем.

- Берегись! Если твою тайну узнают, то за тобой будут гоняться все интриганки нашего двора; между ними много молодых и красивых... Смотри, если когда-нибудь... Ты помнишь, говорят: "ревнива, как корсиканка", и говорят не напрасно. Смотри же, берегись!

Людочка рассмеялся, но покраснел, вспомнив впечатление, произведенное на него красотой Изабеллы, прелестью Дванды... Двадцать лет давали себя знать, но нет! Нет! Он любит только ее одну, несравненную Полину!

Чтобы лучше убедить ее в этом, он вынул листок бумаги и прочел ей тихим голосом, который, однако, успела расслышать давнишняя подкравшаяся Мария, стихотворение, написанное им в честь своей возлюбленной в злополучную ночь у Борана, а теперь исправленное и дополненное:

*"О, ты, чья красота прекрасней всех видений,
Ты вся - любви мечта, царица наслаждений?!
Чтобы тебя любить, безмолвно обожая,
Готов я все забыть, что пережил страдая"...*

Полина нашла стихотворение прелестным, пришла от него в восхищение и с самым довольным видом спрятала листок за своим открытым воротом. Ведь ей было тоже всего двадцать три, а ему - двадцать один год, возраст, когда мелочи наполняют жизнь.

Полина была свободна; двор был в Рамбулье, Наполеон в отъезде по военным делам. Отделавшись от докучных придворных под предлогом нездоровья, она могла свободно располагать своим временем.

Четыре дня Грандис оставался у нее, в Фоли-Бегоньере, не показываясь домой, что приводило в отчаяние Иммармон и Прюкже, искавших его повсюду, как верная собака ищет козляка. Это привело в очень скверное настроение Кантекора, в своих отчетах Фуше не признавшего, что он потерял из вида принца. Кроме того это исчезновение сильно тревожило Борана и его дочь, так как Рене уже два раза приносила на квартиру Грандиса письма, доставленные тайнственными посланцами, и оба раза не только никого не нашла, но ей сказали, что непостоянный жилец редко ночует дома. Это известие совсем сразило бедную девушку.

Где он? Что с ним?

Эти вопросы беспокойно задавали себе Иммармон и Прюкже, Боран и Рене, и в особенности сбитый со следа Кантекор. Он подумал было о Полине Боргезе, но не мог предположить, чтобы она скрывала у себя возлюбленного в Блисейском дворце. Это было неправдоподобно.

Но все имеет свой конец, а в особенности дни счастья.

В Рамбулье двор удивлялся отсутствию принцессы. Император известил о своем предстоящем послезавтрашнем прибытии

из Страсбурга. Свобода блаженных дней любви подходила к концу. Людовик, этот король без трона, и принцесса Боргезе зависели от многих. Делать нечего; влюбленным пришлось расстаться и отложить до более удобного времени свои свидания.

Кантекор был в восторге, когда на пятое утро, дежуря на своем посту, на углу Вавилонской улицы, он увидел, наконец, возвращавшегося домой принца. Он был бы конечно еще более доволен, если бы мог знать, где тот провел эти четыре дня, но это было невозможно.

В то же утро и Ренэ снова пришла к Гранлису. На этот раз она имела счастье быть принятой и видеть свое божество.

Принц встретил ее с распростертыми объятиями, с выражениями благодарности. Два принесенные ею письма он небрежно бросил, не распечатывая, на ближайший стол: его теперь не интересовало ничто, кроме его любви.

Ренэ пробыла не более пяти минут; ей было не по себе в этом уединенном жилище, но она ушла, растроганная добротой принца.

После ее ухода, тот распечатал, наконец, забытые было письма. Оба они были написаны одним твердым и крупным, но незнакомым ему почерком:

“Господину Гранлис. Настоятельно просим Вас пожаловать в Компьен, в замок Депали, ради важных для Вас интересов. Понедельник, 8-го августа”.

Подписи не было. Второе письмо было еще настоятельнее: “Четверг. Необходимость. Покорнейшая просьба прийти немедленно. Вас ждут”.

Принц задумался. Что это значило? Кто вызывал его таким настойчивым образом? Иммармон? Виконт или его мать? Прюньжэ? Об Изабелле он не думал, считая невозможным для нее такой легкомысленный поступок.

- Все это надоедает мне, - пробормотал он, - сегодня я не расположен отправляться в путь. Может быть, завтра, если погода будет хороша...

Днем пришел портной и принес новый мундир; последний очень шел Людовику, так что он пожелал, что его не видит Полина. В новом наряде он отправился по улицам города и имел удовольствие видеть, как на него оглядывались прохожие, а солдаты отдавали ему честь, что очень забавляло его. Побывав повсюду, где он имел обыкновение бывать, и нигде не встретив Иммармона и Прюньжэ, Людовик заключил, что они, вероятно, вернулись в Компьен и письма посланы ими.

Однако эта мысль беспокоила его. Может быть, ему следовало выказать большую поспешность на это обращение? Вероятно грозила какдая-нибудь опасность... Он решил поехать верхом на другое утро и кстати показать себя в новой форме и в провинции, уже удивив ею Париж.

Между тем Кантекор явился для отчета к министру полиции. Фуше принял его немедленно.

- Что принц? - спросил он.

- Здоров.

- Благограумен?

- Вполне.

- Отлично! Нельзя ли оставить его без надзора на два или три дня?

- Конечно можно.

- Хорошо. Слушай: твой приятель Бруслар приготавлиет сюрприз к приезду императора. Он хочет напасть на него на большой дороге между Боннелем и Рамбулье с двадцатью пятью шуанами, переодетыми стрелками гвардии; сам он оденет мундир их капитана. Я вспомнил про тебя...

- Благодарю; ведь я имею кое-что против этого Бруслара.

- Вот именно поэтому я и выбрал тебя; ты хорошо знаешь его в лицо. Ты возьмешь сотню драгун и отправишься с ним в Компьен, где подготавливает своих сообщников Бруслар, а именно, в замке д'Этиол, у маркизы Дианы, этой готовой на все сумасбродки. Надо, чтобы вас никто не видал.

- Само собой разумеется.

- Ночью вы должны окружить замок и захватить Бруслара. Наверно дело не обойдется без сопротивления, без кровопролития.

- Это я знаю.

- Назначено двадцать тысяч франков награды.

- Приятно!

- Бруслар должен быть взят, живой или мертвый - безразлично.

- Он может читать себе отходную.

Фуше вынул из ящика стола заранее приготовленные бумаги и произнес:

- Вот твое назначение комиссар-делегатом, вот военный приказ, вот сто луидоров на расходы, в которых я не спрошу отчета. Отправляйся и поторопись, как с герцогом Ангиенским.

- Понимаю.

- С тобой будет драгунский офицер, капитан Кастеле...

- Муж Луизы де Кастеле?

- Он самый; человек надежный и преданный императору, да кроме того нуждающийся в деньгах. Солдаты тоже выбраны подходящие... Когда вы отправитесь?

- Как только соберу своих людей. Я имею полномочия?

- Полные; Кастеле только сопровождает тебя, не более.

Кантекор раскланялся и пошел, но Фуше остановил его:

- Маркизу д'Этиол задержите под стражей в замке до нового распоряжения. Обыщите замок сверху донизу!
  - Великолепно.
  - Ступайте! Желаю удачи.
  - Расчитывайте на меня. Благодарю Вас, генерал!
- Кантекор вышел.

XIV

В это время Изабелла Иммармон была одна в замке Депа-ли. Ее мать, брат и жених были в Париже и могли вернуться не ранее нескольких недель. Рассерженная девушка отказалась ехать в Париж и осталась в замке, окруженном лесами. Она не любила выходить из дома и лишь иногда прогуливалась по пустынной дороге на берегу реки.

Она не могла простить ни брату, ни жениху то, что они убедили принца внезапно уехать из замка, хотя он чувствовал себя там отлично, а она радовалась его высочайшему присутствию. Сама она плохо сознавала характер своего чувства к высокому гостю и последствия его. Конечно ей было бы лестно вырвать сердце бедного короля из когтей корсиканки, сестры тирана и узурпатора. Эта задача была смела и соблазнительна, но Изабелла не испугалась ее. Она рассчитывала на свою красоту, которую отлично сознавала, не допуская, чтобы какая бы то ни было женщина, хотя бы сама знаменитая красавица Полина Боргезе, могла превзойти ее в очаровании и искусстве нравиться. Она знала истории многих женщин, которых благосклонность королей ставила иногда выше королевы: Монтеспан, Лавальер, Фонтанж, множество иных фавориток... Между тем, несмотря на пример госпожи Поластрон, разделявшей несчастья графа д'Артуа, она чувствовала в глубине души, что времена изменились и роль фаворитки не имела теперь прежней привлекательности и славы. Наконец она сомневалась и в будущем своего принца... Кроме того ее окружало строгое семейство: мать, не признававшая незаконных связей, хотя бы и с особами королевского дома, брат - неспособный ни на какие сделки с совестью, наконец жених, смело предъявлявший свои права, освященные взаимными клятвами.

Изабелле казалось, что она когда-то любила его, однако теперь она поняла, что то была привязанность детских лет, привычка, общность прежних и давних воспоминаний, но только не любовь.

А Людовик?! О, он обладал в ее глазах всеми достоинствами красоты, славы, добродетелей; на его челе ей виделась королевская корона в ореоле мученика. В двадцать лет он пережил всевозможные впечатления жизни от Версаля до Там-

пля, от придворного блеска до мрачного изгнания и одиночества...

Какое огромное счастье быть причастной к его трагической судьбе в качестве утешительницы, поверенной и помощницы, ожидая в будущем блестящей награды гордого торжества! В своих пылких мечтах Изабелла следовала всюду за своим героем, делила с ним тысячи опасностей, спасала его, поддерживала, окружая неутомимой преданностью, горячей любовью, конечно вполне разделяемой им... Потом... потом торжество коронавания в Реймсе, или в соборе Парижской Богородицы. Она опять с ним, рядом, разделяла его торжество, как делила горе, сознавая, что она спасла его и Францию... Эти мечты были упоительны.

Но зато пока положение было не из радостных. Ее слишком предусмотрительный брат и ревнивый жених тонко дали понять его высочеству, что ни один из них не обладают покладливостью Дюбарри и что известного рода услуги не входят в пределы их преданности. Как ни деликатно было объяснение, тем не менее принц уехал раздосадованный, ни с кем даже не простившись, и она не знала, увидит ли его еще когда-нибудь.

Запершись в своей комнате, Изабелла мечтала, изощряя свое воображение, изобретая невероятные романы с двумя действующими лицами, строя всевозможные воздушные замки.

Наконец она приняла неожиданное решение и написала принцу известное уже первое письмо. Однако, отослав его с курьером, она сейчас же раскаялась и испугалась последствий. Если он явится на ее призыв, чем она объяснит свою смелость и заставит простить ей такое забвение правил этикета? Она не знала этого, но не хотела думать об этом, полагаясь на вдохновение минуты.

Прошли два, три дня, скучных, однообразных, полных мучительного душевного разлада, ожиданий, опасений и радужных грез, но Людовик не приехал.

Тогда Изабелла нетерпеливой, дрожащей рукой написала второе письмо и послала второго курьера.

Прошло еще двое мучительных суток... Изабелла отчаялась и сердилась, то раскаяваясь, то возмущаясь. Она бледнела от тревожений и ее лучший друг - зеркало, не утешал ее. Но она продолжала упорно ждать, каждое утро мечтая: - "Сегодня! Сегодня непременно!", - но так как принц все не приезжал, то каждый вечер, ложась спать, она утешала себя мыслью: - "Завтра, завтра непременно".

Измененная ожиданием, Изабелла целыми днями полулежала в кресле, слушая монотонный бой часов. Время тянулось бесконечно долго, она скучала до отчаяния. Замок казался совсем безлюдным и молчаливым, как огромный собор; даже

слуги не показывались. Тяжелая атмосфера собиравшейся грозы еще более расстраивала нервы.

Чувство тоски и одиночества овладело Изабеллой и она, эта гордая девушка, совсем упала духом. Горячая слеза скатилась по ее побледневшей щеке и она тихо прошептала: "Луи!", вообразив себя искренне и безнадежно влюбленной в принца.

А в это самое время Людовик в блестящем мундире, который обращал на него общее внимание на протяжении всего пути от Парижа до Компьена, блуждал в лесистых окрестностях замка Депаля и, наконец, остановил свою лошадь перед небольшой калиткой в стене парка, той самой, через которую недавно скрылся Бруслар. Всадник толкнул ее, и она сейчас же распахнулась, так как не была заперта изнутри. Людовик взял свою лошадь под уздцы, провел ее в парк и привязал к стволам березы.

Гранлис был великолепен в новом мундире поручика императорской армии. Все "кадеты императрицы", как уже называли офицеров новых дворянских полков Наполеона, поспешили одеть свою новую форму: одни - из кокетства и щегольства, другие - ради собственной безопасности. Кто осмелился бы, исключая, может быть, только Фуше, заподозрить шуана, не говоря уже о принце королевской крови, под мундиром офицера императорской армии?

Дорогой солдаты и жандармы отдавали честь Гранлису, как поручику, и он ехал в прекрасном настроении, решив, что его вызвали Иммармон и Прюнье, позавидовавшие графу де Тэ и пожелавшие вернуть себе его внимание, а может быть, и предохранить от опасностей, от Полины Боргезе - чудачки! - рискуя даже ради этого увлечением Изабеллы.

Какое безумие эта любовь к нему молодой девушки! Людовик обещал себе быть осторожным, полным достоинства и величия, чтобы отблагодарить своих друзей за это новое доказательство их преданности, которое глубоко тронуло его. К тому же Полина теперь вернулась в Рамбулье, он был свободен и пребывание в Компьене, под сенью лесов, в такое жаркое время улыбалось ему.

Людовик шел по узкой дороге, ведущей к дому. Тяжелые капли дождя изредка падали с потемневшего, как пролитые чернила, неба. Приближение грозы заставило замолчать птиц. Все кругом зловеще замолкло. Только шум шагов молодого человека раздавался по сухой еще дороге.

Нервный, впечатлительный принц вдруг остановился, смущенный каким-то неясным предчувствием, но затем, написав это влиянию погоды, он беззаботно двинулся вперед по алле и вышел к замку.

Пока он жил здесь, он познакомился с расположением комнат, а потому теперь без колебаний поднялся по гранитной лестнице и вошел в замок.

Не залаяла ни одна собака, не появился ни один лакей.

“Что за запустение?” - подумал принц, но пошел дальше.

Его шагит гулко раздавались под высокими сводами галерей и огромных зал.

Однако Людовик был спокоен. Ведь он был здесь у себя, так как был королем. Эта идея забавляла его. Он прошел по массивной лестнице с полированными каменными перилами, миновал площадку первого этажа и вошел во внутренние апартаменты.

Везде были та же тишина, то же безмолвие...

“Принц в заколдованном замке спящей царевны”, - подумал заинтересованный приключением Гранлис.

Вдруг он неожиданно остановился посреди главного зала и нахмурил брови. В его памяти воскресли недавние воспоминания, а в уме мелькнуло сознание истины..

Ведь в замке не было никого, кроме, может быть, Изабеллы. Тогда... Со стороны смелой девушки здесь могла быть ловушка, и это встревожило принца... Он открыл наудачу одну из дверей, выходящую в узкий светлый корridor. Там тоже были безмолвие и пустота... Не будучи в состоянии долее выносить неизвестность, принц громко крикнул:

- Иммармон! Прюнжэ! Иммармон! Есть тут кто-нибудь?

В глубине коридора хлопнула дверь, послышались легкие шаги, раздался громкий крик, и перед Людовиком появилась сияющая, испуганная Изабелла со следами слез на лице.

Эти слезы объясняли все. Они были доказательством всей истории несдержанной страсти; они говорили и о письмах, и о призыве, о расставленной ловушке для чести принца.

- Вы! Вы, государь! Наконец! - воскликнула Изабелла.

В глубине души она торжествовала, но в то же время бросила беспокойный взгляд на видневшуюся сквозь окно дорожку, где ей уже чудились брат и жених, скакавшие к замку. Что произошло бы тогда? Какой позор, какая семейная драма!

Но нет; дорога, где бушевал теперь сильный ветер, была пуста...

Разразилась гроза. Два страшные удара грома потрясли всю окрестность, засверкали огненные зигзаги молнии.

Принц нервно закрыл окно и оба нерешительно переминались. Не было возможности произнести ни слова во время такого грохота налетевшей бури, да кроме того смущала неожиданная серьезность положения.

- Где Ваша мать, Ваш брат, Ваш кузен? - спросил наконец принц сухим, холодным тоном.

- В Париже, - опустив голову, ответила Изабелла.

- В самом деле? Тогда кто же писал мне?

- Я, - едва донеслось до него.

- Вы! Но, Боже мой, зачем же?

- Другой на Вашем месте понял бы это... - тихо послышалось в ответ.

Изабелла была прелестна в своей позе, с опущенной головой и спустившимися белокуроыми локонами, из-под которых она украдкой следила за выражением лица принца.

Тот смутился в свою очередь и закрыл глаза, вызывая в памяти образ Полины, чтобы овладеть собой. Этот двадцатилетний принц, несмотря на свое высокое положение, был застенчив с женщинами: он еще мало знал их, а теперь был смущен не менее Изабеллы.

Неожиданный случай вывел их обоих из неловкого положения.

Лошадь принца, испуганная грозой, сорвалась с привязи и, руководимая инстинктом, бежала теперь через парк и его лужайки прямо к конюшням. За нею гнался слуга, спрашивавший себя, не свалилась ли она с неба, и мокший на проливном дожде. Изабелла открыла окно и сквозь шум бури отдала краткое приказание:

- Лошадь в конюшню! Позаботиться о ней!

Пока она снова захлопнула окно, принц пришел в себя и оправился. Он машинально повторил ее фразу, еще звучащую в ушах.

- Другой понял бы это?.. Кто другой? С кем Вы равняете меня? Все это очень странно и печально... Положительно воздух этого замка не благоприятствует мне: меня то пригlašают сюда, то удаляют, и каждый раз я получаю лишь оскорбления.

- Простите, государь! - стала умолять Изабелла, - действительно я была слишком смела, но если бы Вы знали, если бы могли знать, Вы пожалели бы...

- Кого?

- Меня.

- Бедное дитя! - смягчился принц. - Что же случилось? Расскажите мне, я слушаю, и дай Бог, чтобы я мог помочь Вам.

- Да, Вы, только Вы можете сделать это! - пылко воскликнула Изабелла. - Государь, мужчины могут доказать свою преданность на деле, в битве, на поле сражения, отдавая свою жизнь, а у нас, женщин, есть только наше сердце, чтобы отбить его... Посмотрите в мои глаза, читайте в моем сердце и знайте, жить мне или умереть!

Изабелла встала прямо перед принцем, глядя ему в лицо пылающими, прекрасными глазами. Ее жаркое дыхание агонизировало ее волос в всего ее обильнейшего существа - ее золотистая высокая грудь - все было соблазнительно-близко к нему.

Он потупился, чувствуя, что ему стоит только протянуть руки, чтобы Изабелла упала в его объятия. У него кружилась голова, путались мысли, в памяти мелькнули слова Полины Боргезе: “Берегись! Берегись! За тобой будут гоняться интриганки всего мира, когда твоя тайна станет известной, между ними будут молодые и красивые... Берегись!”. Ему казалось, что он видит, как Полина грозит ему пальцем, и он мгновенно остыл и замкнулся в своем королевском величии.

Отступив на шаг, он торжественно произнес:

- Какие странные речи! Чтобы слушать их, Вы заставили меня уехать из Парижа, бросить свои дела? Конечно, красота имеет свои права, но Вы несколько злоупотребили ими. Где я? Кто Вы? Я в замке Депаля, у своего верного подданного, Жака Иммармона, Вы - его сестра, будущая супруга Жана де Прионжэ, так же глубоко преданного мне. Чего же Вы ждете от меня? Измены, преступления? Вы хотите, чтобы я под кровом своих друзей сделал постыднейший проступок, погубив сестру одного и невесту другого?..

- Я никогда не выйду за Жана, - прервала Изабелла.

- Может быть, - возразил принц, - но я не хочу быть причиной этому? Как можете Вы думать, чтобы я унизился до такой степени?..

Она дрогнула и отступила в свою очередь.

- Как можете Вы предполагать, что я в состоянии воспользоваться заблуждением юного существа, - правда, прелестного, но принимающего преданность к королю за любовь к своему принцу?.. Изабелла д'Иммармон! Придите в себя, опомнитесь! Достоин ли первого дворянина Франции то, что Вы предлагаете мне?

Она слушала, крепко стиснув зубы, и, наконец, разразилась:

- К чему все эти фразы, государь! Вы не искренни. Лучше было бы сказать правду.

- В самом деле? Какую же?

Изабелла более не владела собой, гнев бросился ей в голову:

- Какую? Какую? - уже закричала она. - Все эти фразы о долге, об Иммармоне и Прионжэ, о семье были бы очень кстати, если бы Ваше сердце, - она осмелилась коснуться пальцем до его груди, - было свободно, а не отдано недостойной любви, которая - как и Ваша - то же не что иное, как измена!

- Сударыня! - предостерегающе воскликнул Людовик.

- Что, государь? Я преклоняюсь перед Вашим величеством, но наши отцы и братья не для того умирали на эшафоте, гибли в героической борьбе шуанов, чтобы прямой наследник из королевской виснул на шее одной из Бонапартов и служил ее проклятому брату, чтобы угодить сестре, этой дрянщи...

- Сударыня! - бешено крикнул Гранлис. "Полина - дрян!" Это подействовало на него как пощечина. Он покраснел и ответил тоже оскорблением: - а так? Где мы однако? Кто позволил девченке... Разве так говорят со своим королем?!

- Ну, ну!.. Королевские уши слышали еще и не то, - окончательно теряя голову, продолжала Изабелла, - Дюбарри, например, никогда не стеснялась в своих выражениях...

Принц задыхался и не находил слов. Но, несмотря на это, он должен был признаться, что Изабелла Иммармон в своем гневе была прекрасна, как богиня. Кроме того он сознавал, что она права относительно Полины Боргезе, что, если бы не эта принцесса, он не устоял бы перед стоявшим перед ним искушением, и это смутило его.

А между тем Изабеллой овладели страх и отчаяние. Она, не помня себя, бросилась на колени и, ломая руки, стала молить его:

- Государь! Государь! Простите меня! Я сошла с ума, я не помню, что говорю!.. Свою собственную честь и честь семьи, собственную жизнь и жизнь всех моих родных, все в мире я отдала бы за одну надежду понравиться Вам!.. О, как я мечтала, как мечтала эти дни! Любить Вас, следовать за Вами, разделять с Вами все опасности, защищать Вас собой! Я ничего уже не помню, ни кто Вы, ни кто я... Кто бы Вы ни были, Вы - все для меня, все на свете!..

Людовик не мог видеть ее в таком положении; он поднял ее с колен и тихим голосом проговорил:

- Забудем все это!.. Ваши оскорбления - ребячество... Кроме того я привык встречать их с самого детства, со времен Тампля... Я буду помнить только Вашу преданность мне, в которой я не сомневаюсь. Я надеюсь когда-нибудь доказать Вам все свое уважение, всю свою братскую привязанность к Вам, Изабелла д'Иммармон, до тех же пор я останусь самым верным Вашим другом.

Она позволила поднять себя, поддержать и отвести к креслу и упала в него; заливаясь слезами. Принц стоял около нее, не зная, что говорить, что делать.

Гроза стихла; слышались только отдаленные раскаты удаляющегося грома. В комнате царило молчание, изредка прерываемое рыданиями униженной в своей любви девушки.

Но гордость не позволяла ей смириться. Она порывисто вскочила с места и в припадке безумия, в пароксизме истерики стала рвать руками и ногтями легкий газ и кружева своего платья, обнажая шею и грудь, громко крича:

- Разве Ваша Полина Боргезе лучше меня?! У нее было два мужа, десятки возлюбленных, у меня же никого, ни одного! Смотрите, разве она прекраснее меня?!

Изабелла стояла перед Людовиком полуобнаженная, с дрожащими губами, с пылающими страстью глазами, мечущими молнии, непреодолимо обаятельная и соблазнительная в своей дивной красоте.

Увлеченные этой сценой, ни принц, ни она не слышали поднявшегося шума на дворе. Гранлис, пораженный, ослепленный, протянул к ней обе руки, но для чего?.. Чтобы оттолкнуть или привлечь ее к себе?.. Это осталось его тайной. Она с торжествующим криком бросилась к нему.

В эту минуту под внезапным, сильным толчком распахнулись настежь двери комнаты. В них показались бледные, с искаженными лицами Иммармон и Прюнжэ, в новых императорских мундирах. При виде представившегося им зрелища оба отступили: один - с криком ярости, другой - с глухим стоном...

Настало трагическое молчание.

Изабелла считала себя погибшей. Принц понимал невозможность объяснения, брат и жених боялись сами себя.

- Это я, я одна, - начала было Изабелла.

- Довольно! - громовым голосом перебил ее виконт, - убирайся вон отсюда! Сейчас же!

Принц невольным движением хотел вступить за девушку.

- Простите, государь! - остановил его виконт, - здесь хозяин - я; я же - единственный судья, глава семьи, так как мой отец умер за Вас... Изабелла, ступай отсюда, оденься!..

- Жак, - холодно сказал граф де Прюнжэ, - я отказываюсь от своих прав жениха: все кончено.

Изабелла гордо подняла голову при этом оскорблении, дерзко улыбнулась и величественно вышла из комнаты.

Трое молодых людей остались одни. Принц начал:

- Господа, по-видимому все против меня...

- Государь, - перебил его виконт, - вот уже шесть дней, как мы Вас старательно ищем повсюду, не подозревая, что Вы здесь...

Принц пожал плечами, видя заблуждение своих друзей.

Не замечая этого, Иммармон продолжал:

- Мы боялись за Вас, как верные друзья, опасность какой-нибудь ловушки, западни, преступления... У нас было одно желание: найти Вас, спасти, защитить какой бы то ни было ценой. А Вы... Вы скрывались здесь; за все прошлое, за все наши заботы Вы внесли позор, бесчестие и горе в наш честный дом.

- Господа! - еще раз попытался говорить принц.

На этот раз его прервал негодующий Прюнжэ:

- Это - его сестра; это - почти моя жена... Ничто не остановило королевского каприза! Восемнадцатилетняя девушка,

ослепленная королевским величием, преданная своему государю до самоозабления - вот чем Вы воспользовались, Ваше величество! Вы начали свою карьеру достойным подвигом, государь!

Принц мог бы несколькими словами разъяснить роковое недоразумение, по крайней мере, заронить сомнение в сердца своих друзей. Но тогда ему пришлось бы выдать, обвинить Изабеллу. Однако рыцарское чувство не позволяло ему обличить девушку, вся вина которой состояла в любви, излишней любви к нему. Ради этого он сдерживал все более бушевавший в его душе гнев.

Но виконт разжег его новым оскорблением.

- Государь! - как в бреду заговорил он, указывая на портреты своих предков по стенам, - государь! Эти тридцать человек были обречены на смерть, защищая Ваших предков, которым они служили. За это их награждали лентами, крестами, орденами, которыми они гордились, потому что они любили своих королей, как и короли любили их! Эти ленты, эти кресты и ордена - вот они все здесь! - Он распахнул крышку готического сундучка и, полными пригоршнями черпая оттуда футляры и коробки, стал бросать их к ногам принца. - Я возвращаю их Вам, я не хочу их более! Пусть навсегда исчезнет все прошлое, наша слава, вся история нашей семьи! Все были глупцами, когда жили и умирали за Ваших предков!

Кресты, ордена, муаровые ленты падали из его рук и застилали пол зала; летели синие ленты, широкие красные шнуры, кресты св. Людовика, св. Михаила, Святого Духа, мальтийские кресты, все знаки отличия, все награды за храбрость.

Смертельно бледный принц сомтрел на этот блестящий поток, протянув руки, не то угрожа, не то умоляя этим непровольным жестом. Более спокойный Прюнжэ замер, сознавая всю тяжесть нанесенного оскорбления.

Наконец принц прервал тяжелую сцену взрывом негодования:

- Иммармон, Прюнжэ, вероломные изменники, бунтовщики! Осмелились бы Вы говорить так со своим королем, если бы он был на троне, со скипетром в руке?! Нет, Вы склонили бы перед ним головы или потеряли бы их на плахе. Негодяи! Вы пользуетесь моими несчастиями, чтобы оскорблять меня! Вы заставляете меня пожалеть о моих палачах, об изгнании, где мне изменяли только чужие! Отвергнутый принц, не имеющий приюта, все-таки остается дворянином и предлагает Вам удовлетворение, какого Вы пожелаете. Но кроме того он требует объяснения этих оскорблений. Вы оба лжете, как бабы... Но довольно слов... Защищайтесь, тот или другой, или оба пооче-

реди, обнажайте шпаги! Пусть шпаги Бонапарта пригодятся на что-нибудь... Защищайтесь, говорю Вам! Я требую этого!

Принц выхватил из ножен свою шпагу и ждал, сверкая глазами, нетерпеливо стуча ногой по полу.

Испуганных кузенов охватило сомнение и они стояли в нерешимости.

- Защищайтесь! - снова крикнул принц, - или я подумаю, что Вы - трусы!

Иммармон обнажил свою шпагу, Прюнжэ последовал его примеру, но отступил шага на три.

Молча скрестили шпаги принц и виконт, но едва оба лезвия встретились, как Прюнжэ отвел своей шпагой оружие Иммармона и отдал ему честь принцу.

- Довольно! - сказал он, - государь, мы благодарим Вас за честь, оказанную нашему дому!

- Что это значит? - надменно спросил принц, не опуская шпаги.

- Это значит, что если бы Ваш проступок был в двадцать раз хуже, то в эту минуту он был бы тысячу раз искуплен!

- Мой проступок? - воскликнул принц. - Ах, зачем я не могу говорить!

- Говорить буду я, - раздался ясный голос с порога комнаты.

Все оглянулись: в дверях стояла Изабелла; молчаливо, никем не замеченная, она подошла во время этой странной дуэли. Она повторила: "Говорить буду я!" - и медленно двинулась вперед.

Брат и кузен не смели теперь противоречить ей. Они сознавали, что поторопились и слишком далеко зашли в своих предположениях, как и в своих действиях.

Изабелла, бледная, величественная, подошла к Людовику и склонилась перед ним колени. На этот раз он не поднял ее.

- Простите, государь, - начала она холодным, ровным голосом, в котором изредка слышались нотки не умолкшего гнева, - простите меня и их, которые судят, ничего не зная. Простите! Я осмелилась анонимными письмами, обманом вызвать Вас сюда под предлогом грозящей Вам опасности или важного дела. Это была западня, невыразимо дерзкая со стороны Вашей нижайшей подданной. Я сделала это и прошу прощения только у Вас одного... Я надеялась вырвать Вас из когтей недостойной Вас страсти, - ее голос дрогнул от волнения, - но убедилась, что недостаточно хороша для взятой на себя роли. Вы не торопились ответом на письма, только сегодня Вы удостоили пожаловать сюда. Прошел едва час с Вашего приезда до прибытия этих господ.

Иммармон и Прюнжэ удивленно переглянулись.

- Прошел только час... Если мое слово не достаточно для них, пусть они унижутся еще немного и спросят лакеев: те скажут правду. В этот час я плакала, кричала, умоляла Вас, но Вы оттолкнули меня! Это было жестоко, но Вы видели в том свой долг. Я валялась у Ваших ног и получила в ответ только упреки, напоминания о нашем обоюдном достоинстве. В припадке нервной истерики, не помня себя, я изорвала на себе платье... Тогда вошли сюда эти господа и немедленно, ничего не видев, не слышав, осудили нас обоих с высоты своей непомерной гордости, своего невероятного тщеславия... Осудили меня - это не важно, но они осудили и Вас, а это уже непростительно. Простите, государь! Вы знаете, что я говорю правду. Я виновна только в своей любви, в своей тщеславной самонадеянности; я признаюсь и каюсь в этом, но только Вам одному, а не этим господам, из которых один, правда, был мой брат, а другой - только дальний родственник, которого я более не знаю... Простите, простите меня, государь!

Изабелла все еще стояла на коленях, умоляюще сложив руки, Принц подал ей свою руку и помог встать.

- Ваша вина забыта, В а м я прощаю! - произнес он, а затем, обернувшись к испуганным молодым людям, продолжал: - вот то, что я не мог сказать и что подтверждаю своим королевским словом, хотя мало забочусь о том, поверят мне или нет. Прощайте, Изабелла д'Иммармон! Если когда-нибудь настанет время, когда я буду в состоянии отплатить за оказанные мне услуги и отомстить за полученные оскорбления, я не забуду Вас тогда! Я сохраню о Вас печальное, но не злобное воспоминание и не забуду Вас, однако не забуду тогда и других, - значительно прибавил он, проходя мимо Иммармона и Прюнжэ, но не удостоив их ни одним взглядом.

Те, низко опустив головы, не знали, на что решиться.

- Государь, - запинаясь начал Иммармон, - по-видимому все против нас...

Принц прервал его:

- Довольно! Я только что говорил Вам то же само, но Вы не захотели выслушать меня, теперь же не желаю слушать я. Во времена моих предков Вас ждали бы изгнание, Бастилия или смерть... Я - король без трона, не могу сделать ничего иного, как выразить Вам свое полнейшее презрение. Впрочем я могу еще дать Вам совет: ступайте к императору и выдайте ему меня, тогда Ваше дело будет доведено до конца.

- Государь! - воскликнул Прюнжэ, - этого мы не заслужили!..

- Вы заслужили все! - гневно перебил его принц, выходя из зала, причем никто не осмелился проводить его, как то следовало.

Выйдя на двор, он потребовал свою лошадь. Ее подал ему лакей, сильно удивленный при виде этого третьего офицера в белом мундире, взявшегося неведомо откуда. Изабелла следила за ним, стоя у окна; она видела, как Людовик проехал мост и углубился в длинную аллею парка. Тогда, скрестив руки на груди, она обернулась к молодым людям и презрительно бросила им в лицо:

- Теперь Вы довольны?

Надменно выпрямившись, она, в свою очередь, оставила зал.

Ее брат и кузен стояли совершенно растерянные, не будучи в состоянии собрать мысли, ненаходя слов...

- Что теперь делать? - вздохнул наконец виконт, - куда он теперь отправился, один?

- Для нас все кончено, - со слезами на глазах сказал Приюжэ. - Он никогда не забудет этого... А теперь, в таком настроении, он способен на всякую опасную выходку, может погубить себя. Тогда это будет наша вина. Мне не пережить этого, тем более что...

- Что? - спросил виконт.

- Тем более что теперь Изабелла потеряна для меня... Право этого всего слишком много для одного человека и сразу...

XV

Между тем Гранлис быстро удалялся от негостеприимного для него замка. Было около семи часов вечера; солнце начинало садиться. В порыве гнева молодой человек поехал, не разбирая, по первой попавшейся дороге. Его лошадь тяжело дышала и слегка прихрамывала.

- Ты устала, бедняжка, - спохватился принц, замедляя ход, - ты не успела там отдохнуть в это время. Впрочем ведь и я тоже... - прибавил он с горькой улыбкой. - Если попадетесь на дороге деревня или подходящая гостиница, я остановлюсь там на ночь. Это будет лучше, тем более что я не обедал... Черт меня возьми, если я знаю, где я... Лес, лес и лес кругом... Тут можно проблуждать целую неделю...

Он слегка ударил по крутой шее своей лошади.

- Послушай-ка, ты! У тебя есть чутье... Не чувствуешь ли ты где-нибудь поблизости конюшни? Ступай прямо туда!

Лошадь, точно понимая слова, подняла голову, потянула воздух чуткими ноздрями и громко заржала. Из глубины леса ей ответило другое ржание.

- Ага! - сказал принц, - здесь есть неподалеку люди. По крайней мере я могу хоть спросить дорогу... Эй! Эй! Сюда, товарищи!

Но никто не ответил на окрик принца, никакого движения не было заметно в чаще леса, никто не появлялся. Молодой человек крикнул уже во весь голос:

Алло! Эй! Золотой тому, кто укажет мне дорогу! Я жду!
Ничто не шелохнулось. Принц нахмурился.

Наступила ночь. Лес окружал его со всех сторон. Он не знал даже, откуда, с какой стороны приехал сюда. Занятый своими мыслями, он не замечал дороги. Дело было плохо.

Провести ночь в этом лесу, пользовавшемся плохой репутацией, служившем верным убежищем множеству бродяг, преследуемых полицией, было далеко не завидным делом. Конечно во время своих скитаний принцу случалось встречать и более серьезные приключения, грившие еще большей опасностью, но в этот злополучный день еще это неприятное обстоятельство было ему чересчур тягостно. Он печально пустил свою лошадь далее, наугад, полагаясь на свою счастливую звезду, чтобы выбраться на дорогу.

Он ехал уже с полчаса; становилось все темнее. Ничего не попадалось навстречу. Только стада серых зайцев разбежались при его появлении да рыженькие лани останавливались на краю дороги, с недоумением, но без всякого испуга глядя на него. Один раз даже крупный кабан угрюмо перебежал дорогу, под самым носом у лошади, что заставило ее пугливо шарануться в сторону, а Гранлиса - громко выбраниться.

Однако провести ночь в этом лесу! проворчал он, становится совсем темно. И все из-за этих Иммармонов, мужского или женского рода?

Неожиданно позади него раздался топот двух, а может быть, и трех лошадей.

“Наконец-то выход из этого положения или хоть развлечение! - подумал принц, пробуя, легко ли вынимается из ножен его шпага, причем заметил про себя: - как видно, шпага императора не любит терять даром время!”

Всадники приблизились.

“Может быть, это - те самы, которые не ответили давеча на мой зов!” подумал Людовик и решил удвоить осторожность.

Он поставил лошадь под дерево и выпрямился на седле с грозным видом. Если бы не мундир, то его самого можно было бы принять за разбойника, подстерегающего свою добычу. Эта мысль заставила его улыбнуться.

Наконец показались три рослых молодца на крепких лошадях. При виде Гранлиса они поехали шагом.

Разглядывая их лица, он не мог определить, кто они; он только видел, что это наполовину крестьяне, наполовину горожане, и по-видимому без всякого оружия. Один, казалось,

был лет пятидесяти пяти, с густой черной бородой; обоим другим было лет около тридцати.

- Здравствуйте, господин офицер, - заговорил старший, - чудесный вечер, прекрасный вечер, не правда ли?

- Я заблудился и мне не до вечера, - сказал Гранлис. - Не знаете ли Вы здесь какой-нибудь гостиницы, где можно было бы поесть не отравившись и уснуть, чтобы не ели блохи?

Трое всадников рассмеялись над оригинальностью вопроса.

- Следуйте за нами, если наше общество Вам не противно. Мы сами едем в гостиницу в Ретонде; кушанья там удобосъедаемые, а спящих там никто не ест.

- Хорошо, - сказал принц, принимая предложение за намерением иного средства избежать ночевки в лесу, - едем!

Он поехал рядом со старшим всадником, и все трое углубились в лес. Сумрак спустился кругом, под темными ветвями, хотя на небе показалась бледная луна. Ехали молча; говорить, казалось, было не о чем. Младшие всадники ехали позади, не раскрывая рта; насколько Гранлис мог видеть, у них был довольной угрюмый вид.

- Красивая у Вас форма, - заговорил старик, - только я не видывал такой. Позвольте спросить, какого Вы полка?

- Я - поручик дворянского полка Турд'Оверна, - не колеблясь ответил принц, несмотря на недоверие к своим спутникам, которое начал ощущать в душе.

- Поздравляю, - поклонился старик, - да, я слышал об этой новинке. Там все офицеры - дворяне, кажется?

- Да, все или почти все: есть два-три разночинца с большим состоянием, - небрежно сказал принц.

- По Вашему тону можно заключить, что Вы не принадлежите к ним? Не правда ли, я не ошибаюсь?

- Конечно, нет! - опрометчиво воскликнул принц, не замечая, что его искусно подвергают допросу, на который он отвечает.

- А между тем Вы служите императору! - раздался резкий голос позади.

Принц удивленно обернулся, задетый этим замечанием, и гордо сказал:

- Что Вам за дело? Ведь я не спрашиваю Вас, кто Вы и кому служите?

Один из младших всадников хотел уже ответить резко, но старший прервал готовую вспыхнуть ссору:

- Молчи, Эмери! Этот дворянин прав; его поведение нас не касается. Каждый имеет свои понятия - дурные или хорошие - вот и все!

Он закончил свою фразу успешкой, не понравившейся Гранлису.

Может быть, принц высказал бы свое мнение по этому поводу, но старик продолжал приветливым тоном:

- Это - мои сыновья, Эмери и Рауль Леконт. Я - торговец лесом Леконт; мы едем по своим делам, по части рубки деревьев...

- Лучше рубить деревья, чем отнимать кошельки, - дерзко заметил Гранлис. - Должен сознаться, что давеча Вы показали мне в темноте очень подозрительными...

- Спасибо, - проворчал Эмери.

- Благодарю покорно! - буркнул Рауль, в первый раз еще подавший голос.

Леконт рассмеялся громко, но не совсем естественно.

- Что же делать? - сказал он, - нельзя одевать в путь праздничное платье. Да мы, сельские жители, не очень-то заботимся о туалете, правду сказать...

Они выехали на площадку, где стоял деревянный крест, укрепленный кучей камней. У подножия его лежали два человека, мертвые или спавшие крепким сном. Однако при приближении путников один из них приподнялся, потянулся, как после долгого сна, и отдал низкий поклон всадникам.

- Добрый вечер тем, кто в пути! - произнес он.

- Добрая ночь тем, кто спит! - сейчас же ответил Леконт.

- Ветрено на дороге!

- А под деревьями темно! - последовал ответ.

- Ступайте с миром!

- Благодарим.

Всадники проехали мимо. Второй спавший не тронулся с места.

- Вы знаете этих людей? - резко спросил принц старика.

- Я? Совсем не знаю.

- В самом деле?! Ваш разговор удивительно походил на обмен условленным паролем.

- Почему Вы знаете? Вы были на войне? - спросил Рауль.

- Нет, - живо ответил принц, - но ее вели из-за меня...

- Что это значит? - спросил Эмери, но не получил ответа.

Впереди показались блестящая при лунном свете река Энн, темневший через нее мост, а на том берегу мелькали огни в окнах дома.

- Вот гостиница! - сказал Леконт, указывая своей палкой на низкое строение, едва обрисовавшееся на той стороне.

Копыта лошадей застучали по доскам моста. Все замолчали, погруженные в свои мысли.

Перед гостиницей "Великий Монарх" всадники сошли на землю и отдали своих лошадей подбежавшим слугам.

Войдя в первый зал, Леконт сделал знак хозяину и поспешно предупредил его:

- Мы встретили дорогой этого господина, который желает поужинать и ночевать здесь. Я хвалил ему Вашу гостиницу, не осрамитесь.

- Постараюсь, чтобы господин был доволен, - поклонился трактирщик, открывая перед Гранлисом дверь в соседнюю комнату.

Его спутники молча раскланялись и прошли в другое помещение, в другую сторону здания. Принц посмотрел им вслед и пробормотал:

- Черт их знает, все они похожи на заговорщиков, и мое присутствие здесь, да еще в этом мундире, совершенно неуместно. Здесь что-то готовится как-будто... Я попал не во-время. А, может быть, это - роялисты, верные подданные, партизаны... Ах, Полина! Какую роль ты заставляешь меня играть!

Трактирщик, почтительно склонившись, ожидал приказаний.

- Как Вас зовут? - спросил принц.

- Мартин, к Вашим услугам, господин офицер!

- Так вот, Мартин, дайте мне, что у Вас есть лучшего - лучшие кушанья, лучшие вина; не жалейте издержек. Я полагаюсь на Вас...

- Вы будете довольны, - повторил тот, выходя из комнаты.

Гранлис сел за небольшой столик и с любопытством осмотрелся кругом. Комната была невелика и почти квадратна, стояли четыре стола, на каждом были по два прибора. По стенам в рамках красного дерева висели старинные, вышедшие из моды гравюры, напомнившие принцу добрые старые времена.

Он отстегнул свою шпагу, положил ее около себя на ближний стул, повесил шляпу на вешалку и спокойно сел снова. В ожидании ужина он барабанил пальцами по столу, напевая мотив собственного сочинения. Но скоро он замолк и стал внимательно прислушиваться: снаружи, вне этой затерянной в глуши гостиницы, на берегу реки, происходило какое-то странное движение. Несколько всадников подъехали один за другим, потом раздался грохот большой кареты, запряженной двумя сильными лошадьми.

Принц встал и подошел к окну, но оно выходило на реку, а движение слышалось по ту сторону дома, во дворе.

- Право, - тихо проговорил Людовик, приобретший привычку громко говорить сам с собой во время своих неоднократных заключений, - право я попал, кажется, в самый центр интриги, и мне, пожалуй, было бы лучше оставаться ночевать на открытом воздухе...

Он не успел закончить фразу, как дверь открылась и вошла служанка, неся дымящуюся миску с супом.

- О, вот это хорошо! - оживился принц, садясь на место, - подавай скорее, дитя мое!

Пока служанка накрывала на стол, он рассматривал ее. Это была красивая брюнетка, лицо и фигура которой показались ему знакомыми. Он попытался было вспомнить, где видел ее, но потом перестал думать об этом? не все ли равно?

Поглошая свой суп, Людовик продолжал прислушиваться к шуму. Теперь до него долетал смутный говор многих голосов из той комнаты, куда прошли его бывшие спутники.

Служанка вошла снова, неся две запыленные бутылки вина и блюдо с рыбой. Она казалась встревоженной и тихо сказала принцу:

- Вы не узнаете меня? Нет? А я знаю Вас: я прислуживала Вам в июле, в гостинице "Золотой Колокол", в Компьене.

- Ах, да! - воскликнул Людовик, - я вспомнил: Бастьенна, не так ли? Я и то припоминал...

Она, казалось, была в восторге, что такой блестящий кавалер не забыл ее, и ее преданность ему сразу удвоилась.

- Да, Бастьенна... Поверьте мне, Вы здесь не в безопасности. В другом зале спорят о том, арестовать ли Вас, или бросить в реку.

- Однако!

- Ведь Вы - офицер императора, этого для них довольно.

- Кто же они такие?

- Хорошенько не знаю, - пожала плечами служанка, - шуаны, что ли... Вы знаете, что это значит? Одним словом, послушайте меня: ужинайте скорее, расплатитесь и исчезайте, не говоря ни слова. Ваша лошадь будет готова. Конюх влюблен в меня и сделает все, что я скажу... Когда Вас хватятся, Вы будете уже далеко. Судя по числу бутылок, заказанному ими, это будет не скоро. К тому же они думают, что Вы будете ночевать здесь.

- Спасибо, Бастьенна, - подумав сказал принц, - я сам подозревал что-то неладное... Вели приготовить лошадь, я последую твоему совету.

- Это мне надо благодраить Вас; Вы избавляете меня от большой тревоги.

Красивая девушка слегка покраснела, делая свое признание, и это несколько утешило расстроенного принца.

Кончив есть, он прицепил шпагу, застегнул пояс, надел шляпу и бросил на стол три луидора.

- Этого слишком много, - сказала Бастьенна, с нетерпением глядя на сборы принца.

- На остальное купи себе крестик на память о том, кого спасла.

Без ложной гордости девушка взяла деньги, поблагодарив милой улыбкой. Затем она провела принца коридором во двор, где слуга держал под уздцы его лошадь.

- Скорее добирайтесь до Компьена, - посоветовала она, - Ваша лошадь слишком утомлена.

- По какой дороге? - спросил принц, уже сидя в седле.

- Через мост, потом все направо, - торопливо сказала Бастьенна. - Скорее отравляйтесь в путь! Сюда идут...

Гранлис пустил свою лошадь крупным галопом и исчез во мгле ночи. На мосту он оглянулся; ему показалось, что за ним бегут, слышались голоса. Но это не испугало его; опередив погоню, он был уверен в своем спасении.

Однако минут через десять ему пришлось замедлить ход, из опасения, чтобы не пала его лошадь. Опять он был один, среди леса.

Луна ярко светила, освещая дорогу, но под деревьями было совсем темно. В густой чаще кстов и папоротников, под густой тенью старых буков и дубов Гранлис несколько раз замечал какое-то странное, подозрительное движение, похожее на движение какого-нибудь большого животного, пробирающегося сквозь чащу. Принц вспомнил о только что встреченном кабане и решил, что это - собратья последнего или лани, которые бродят среди кустов. Потом ему послышался как-будто говор под деревьями. Им овладело беспокойство. Он хотел погнать лошадь, но было заметно, что она слишком устала.

Он уже давно ехал направо от моста, но не было заметно никакой близости Компьена. Между тем лошадь принца споткнулась и захромала. Гранлис произнес несколько проклятий...

Позади него послышался галоп нескольких приближавшихся всадников. В это время он увидел впереди большой просвет между деревьями, что, конечно, означало близость какого-нибудь жилища. Тогда он сошел с лошади, взял ее под уздцы и отправился искать возможного гостеприимства. Лес перешел в дикий, необработанный парк. Повсюду царило полное молчание.

Принц подвигался вперед, ведя за собой тяжело двигавшуюся лошадь. Дорога повернула в сторону и вдруг послышался чей-то голос, а из мрака выступило какое-то здание.

Это был большой и красивый замок в стиле Людовика XIV, весь белый, с широкими, массивными ступенями большой террасы. Из двенадцати окон фасада четыре были ярко освещены и бросали светлые полосы на зеленую лужайку перед домом.

Громкий, сильный и могучий голос с чувством пел:

*“Где дня наслажденья,
Любви упоенья,
Блаженные дни?”*

Голосу аккомпанировали тихие аккорды клавесина, но он мог заглушить собой раскат грома или пушечный выстрел.

Удивленный и заинтересованный принц остановился послушать. Он думал, что люди, расппевающие под музыку чувствительные романсы, конечно не откажут в помощи заблудившемуся путнику.

Голос продолжал петь:

*“Дни юности ясной
Близ милой прекрасной -
Как кротки они!
Нам счастье дарили,
Восторги сулили
Дни юной любви!”*

- Клянусь небом, - пробормотал принц, - он ревет, точно буйвол!..

Лестное сравнение было прервано неожиданным образом: шпага была вышиблена из рук принца; его схватили, заткнули ему рот и моментально связали руки за спину, а ноги между собой, но довольно свободно, так что он мог переступать ими, когда его подняли с земли. Он мог рассмотреть четырех здоровых молодых, очень энергичного вида, которые потащили его вперед, к замку. Все это было сделано так быстро, что Людовик не успел пикнуть. Позади пятый субъект, такого же сорта, осторожно и бережно вел его лошадь. Однако эти люди не позоидили на простых разбойников.

Куда его веди? Мысль, что он вероятно увидит вблизи оригинального певца, несколько утешила пленника.

Тот в это время заканчивал растроганным голосом с большим выражением последний куплет своего романа:

*“Увы! Все промчалось,
Лишь память осталась
О прежней любви!”*

Пение было внезапно прервано появлением в комнате связанного принца, втолкнутого в дверь своими свирепыми провожатыми.

К своему великому удивлению, он узнал в певце, стоявшем около клавесина, Бруслара, а в красивой блондинке, аккомпанировавшей ему, - маркизу Диану д'Эстиол. Это было очень странно.

Бруслар, который не задумываясь мог бы ежедневно повесить перед своим завтраком по империалисту и вел беспощадную партизанскую войну из засады, где каждый шуан становился убийцей, Бруслар, посвятивший свою жизнь ненависти к Наполеону, этот самый Бруслар пел чувствительные

романсы! В своей частной жизни, любивший женщин, он слал самые нежные романсы, которые любил петь, будучи уверен в привлекательности своего голоса, как и своей наружности, не желая помнить о своих пятидесяти годах. Он считал себя неотразимым и еще в последнее время насчитывал семь-восемь амурных историй, где мог доказать свое нежное сердце и пылкий темперамент. У него были верные подруги, принимавшие его всегда с распростертыми объятиями, как, например, маркиза д'Эстиол в Компьене, госпожа Вобадок около Байе; в окрестностях Канна - Роза Банвилль, известная среди роялистов под именем Жанны д'Арк, которое она заслуживала не вполне, и многие другие обительницы провинции. В Париже у него были тоже свои сторонницы, такие же преданные и любящие, вроде госпожи Вакери, Эмэ Берюэ и других. Все эти роялистки были знакомы между собой, вели переписку, посылали одна другой своих протежэ, которые имели таким образом места остановок между Парижем и берегом моря, надежные убежища на случай тревоги. В замках, в квартирах знатных дам имелись тайники, как в доме Борана, где преследуемые полицией вожди шуанов могли пожить спокойно, окруженные заботами и вниманием.

В чем можно было отказать этим героям, ежечасно рискувавшим своей головой, служа своему делу? К тому же революция давала себя знать и тем, кто не хотел признавать ее: она уничтожала многие предрассудки, расшатала предубеждения. Наконец почти всеобщим девизом стало, что жизнь так коротка, а потому надо спешить пользоваться ею.

XVI

Итак, Гранлис, хотя и против своей воли, проник в зал замка, где Бруслар остановился, раскрыв рот, а Диана - опустив руки. Пение и музыка прекратились.

- Что это такое? - воскликнул старый шуан, - откуда этот солдат?

Он уже выхватил пару пистолетов, которые всегда имел наготове в карманах платья.

- Этот шуан прогуливается в своем белом мундире в парке маркизы, шпионит и, наверняка, подглядывает! - ответил один из схвативших принца людей.

- Подведите его ближе к свету да снимите повязку у него со рта; надо допросить его, - распорядился Бруслар.

Повязку сорвали с лица пленника.

- Господин Гранлис! - воскликнул Бруслар.

- Это - Вы, господин Гранлис? - присоединилась к нему маркиза Диана.

- Шпион!

- Сыщик!
- Рекрут Наполеона!
- Ренегат! - наперебой раздались гневные восклицания.

Бруслар подошел к отдувавшемуся принцу и продолжал:
- Вы осмелились явиться сюда? Однако Вы неосторожны!
- Уф! Дайте отдышаться, - вздохнул принц, - а потом, несмотря на то, что его руки и ноги были связаны, любезно раскланялся с Дианой и сказал: - я в Вашем доме, маркиза? Очень рад! Не будете ли Вы так любезны вступить за меня и предоставить мне снова свободу движений, как уже предоставили свободу слова?

Удивленная Диана не знала, что отвечать.

- Вы неудачно выбрали время для шуток, - вмешался Бруслар, - может-быть, это - Ваш последний час...

- Ну, это неизвестно! - беззаботно заметил принц, а Вы не знаете, что говорите, мой милый друг!

Он сопровождал свои слова самой милой улыбкой.

- "Милый друг"! - гневно разразился Бруслар, - да какое же наказание, какую казнь...

- Замолчите, Бруслар! - резко произнес принц, - недоразумение длится слишком долго!

Наступило внезапное молчание и принц продолжал:

- Я связан... Удалите лишних людей, я хочу говорить только с Вами, присутствие маркизы не лишнее, потому что и ей я должен сделать некоторый упрек! Ну, скорее!

- Выйдите, господа, и сторожите снаружи все окна и двери! - сказал Бруслар своим людям и, когда те вышли, обратился к принцу: - теперь я жду объяснения этой переходящей границы шуток. Кто же Вы, наконец, такой?

- Это надо было спросить прежде всего и Вам, и маркизе, прежде чем оскорблять меня при встречах, - надменно сказал принц. - Но я прощаю Вас; избыток усердия доказывает преданность.

Бруслар и маркиза переглянулись, очевидно думая, что имеют дело с сумасшедшим. Это было единственным объяснением.

- Шевалье Бруслар! Слушайте внимательно слова генерала Фроттэ: "Человек волнуется!"

- "Его направит Господь!" - сейчас же дрожащим голосом ответил шуан.

- "Куда ты идешь?"

- "К Кресту".

- "Откуда ты идешь?"

- "С моря!"

- "Зачем?"

- "За лилиями!"

- Меня зовут Гранлис! - странным тоном продолжал молодой человек. - Бруслар! Развяжите меня!

Бруслар без возражений вытащил из-за пояса нож и перерезал веревки. Диана, сложив руки на коленях, слушала, ничего не понимая.

Гранлис отряхнулся, выпрямился и сказал:

- Ну что же, Бруслар?

- Я вижу, что ошибся, - ответил тот, - что Вы из наших... Но меня удивляет, что Вы, такой молодой, знаете все четыре пароля, завещанные нам генералом Фроттэ.

- Он сам научил меня им, Бруслар. Вы плохо соображаете и память у Вас не очезь хороша. Маркиза, если Вам не надоело, послушайте еще немного... Бруслар, у часовщика Борана нужно было дважды постучать в стекло, а входя в лавку произнести: "Сильный ветер"! На это отвечали: "Он дует с запада". Там, у Борана, жил белокурый бледный ребенок, которого Вы знали лет десяти-одиннадцати. Вам, конечно, сказали, что он умер.

- Господи Боже! - воскликнул шуан, а затем схватил молодого человека, как ребенка, своими сильными руками, привлек поближе к свету лампы и стал пристально всматриваться в его лицо своими блестящими глазами. Они мало-помалу теряли свое свирепое выражение и наполнились слезами. Если бы он не знал, что за ними наблюдают из окон, он опустился бы на колени. Взволнованный, смеясь и плача в одно и то же время, он бессвязно повторял: - да, да! Это - он! Истинно он, наш ребенок, наш маленький государь!

- Но кто же Вы, наконец? - вступилась Диана, подходя к принцу.

- Ваш король! - гордо подняв голову, надменно произнес Гранлис.

-Государь! Я у Ваших ног! - низко склонилась преде ним маркиза.

Бруслар, овладев собой, пустился в расспросы. Почему его не предупредили? Он кичего не стал бы спрашивать и сумел бы хранить тайну. Как могло случиться, что весть о смерти королевского сына, маленького дофина, трижды была объявлена среди шуанских отрядов? Какая измена! Какое преступление! В последний раз ее сообщили с такими подробностями, что сомневаться было невозможно!

- Знаю, знаю! - сказал принц, опустившись в кресло, - и у подножия трона совершаются иногда величайшие подлости. Мы еще поговорим об этом. Вы принудили меня сбросить маску, но я желаю по отношению к Вам оставаться свободным, как раньше. Довольно с меня Иммармонов и Прюнжэ, от которых я, наконец, избавился.

- Государь! - смиренно спросила маркиза, - не могу ли я спросить Вас о моих родственниках?

- Конечно, маркиза, говорите!.. Вы так красноречиво можете говорить; я хорошо помню Ваши речи тогда, в замке Деспали... Вы были очень и очень красноречивы тогда.

- Вы жестоки, государь! - краснея сказала Диана, - разве я могла тогда знать, подозревать что-нибудь?

- Довольно, это не важно, - перебил ее Гранлис, - к тому же Вы были так хороши в своем гневе! Что Вы хотели спросить?

- Государь, чем прогневали Вас мои кузены? - застенчиво спросила молодая женщина. - Я признаюсь, что была неправа относительно их: я считала их изменниками и готова была просить у них в этом прощения. Но, если они не исполнили своего долга, я подожду извиняться...

- Никакого преступления они не совершили, - ответил принц, - но позволили себе невероятную дерзость, заслуживающую мою немилость; вот и все. Ваша кузина Изабелла...

- О, эту я ненавижу!

- Вот это откровенно! Соперничество хорошеньких женщин - это так понятно! Изабелла сумела под благовидным предлогом привлечь меня в свой замок...

- Дерзкая! - сорвалось у Дианы.

- А когда ее брат и жених застали меня там, они вообразили, что я явился туда сам с очень понятной целью, Произошел скандал. Они обошлись со мной, как с равным, осмелились осуждать меня, упрекать в вероломстве, и сделали все это в такой форме, что мне оставалось только обнажить шпагу. Повторяю - вот и все.

- Государь, - глухо сказал Бруслар, все пристальнее всматриваясь в лицо принца и все более признавая его, - если где-нибудь кто-либо стесняет Вас, Вам стоит только сказать... Вы знаете, это так нетрудно!..

- Нет, Бруслар, не надо насилия: Иммармон и Прюнжэ так же преданы мне, как и Вы. Теперь они, конечно, глубоко сожалеют о случившемся. Я рад, что избавился от их заботливости, которую они злоупотребляли; они сделали из меня почти своего пленника, а я видел на своем веку довольно тюремщиков и не желаю иметь их еще. В моей жизни есть одна тайна, которую должны уважать те, кто любит меня, а не стараться проникнуть в нее; это было бы против моего желания. Я поступил в императорскую армию: во-первых, ради своей безопасности, а затем ради другой, еще более важной цели. Нося свою теперешнюю форму, я вынужден не знать Ваших действий; я не могу любить Наполеона, но не могу и не хочу быть замешанным в войне, которую Вы против него ведете. На время я дал свое честное слово в этом.

Бруслар молча слушал неясное, сбивчивое объяснение принца. Маркиза с любопытством старалась угадать, какие высшие интересы могли руководить ее королем.

- Государь, - заговорил Бруслар, - если дело обстоит так и я не могу предложить Вам сегодня же встать во главе нашего предприятия, то Вам нельзя оставаться здесь. Мы ждем много народа, очень много... Ах, если бы все они знали! Как жаль, что первая обязанность подданного повиноваться воле своего государя, не смея возражать ей, исполняя ее, как бы жестока она ни была! Да, я преклоняюсь перед ней... Вы - мой повелитель, Вас направляет и руководит Вами Сам Бог!

Принц несколько смутился и опустил голову: им руководил не Бог, но богиня в образе Полины Боргезе.

- Маркиза, - продолжал Бруслар, - поручаю Вам его величество. Проводите его в отдаленную комнату. Он не хочет ничего знать - пусть так! Но лучше, если и наши друзья не будут знать о его присутствии. Ступайте, государь! Пора, я слышу шум на дворе... Это - Ваши приверженцы, которые готовы служить Вам, хотя Вы отказываетесь от их услуг... Ну, не о чем говорить теперь... Вино откупорено - надо пить его, и надеюсь, что Вы не откажетесь, государь, от протянутого Вам стакана...

- Тише, Бруслар! Я не хочу быть Вашим сообщником, - прервал старого шуана Гранлис и, подавая руку Диане, сказал ей: - пойдете, маркиза! Верно мне суждено скрываться весь свой век!

Бруслар закрыл дверь за вышедшими и поспешил выйти на крыльцо. Там сходили со своих лошадей, переговаривались между собой, человек двадцать всадников, приехавших порознь, с разных сторон.

- Пожалуйте, господа! - крикнул Бруслар, - заседание открыто.

Все разом вошли в дом и между ними можно было видеть впереди всех Леконта-лесопромышленника с его двумя сыновьями. Бруслар протянул руки отцу и оба бородача обнялись.

- Здравствуйте, граф Форас, здравствуйте, старый товарищ! Как давно мы с Вами не виделись!

- Со времен Кадудалья, Бруслар! - отозвался Леконт* и представил Бруслару своих двух сыновей.

- Молодцы! - просто сказал шуан, протягивая им руку.

Между тем подошли остальные.

Здесь, под различными костюмами, собрались последние представители покоренных, разбитых, почти уничтоженных

---

* Le comte - граф.

шуанов. Надо признаться, что это были более мелкие члены шуанского движения, группировавшиеся вокруг бороды Бруслара, как вокруг своего знамени, храбрые, преданные, но отнюдь не води, не главные деятели восстания, что впрочем и спасало их до сих пор от эшафота или расстреляния. Это были люди с не особенно блестящим прошлым, но мечтавшие, может быть, о будущей славе.

Здесь были графы де Форас, Бассион-Геберт, Пардиан, маркиз Д'Ормансэ, барон Пужи; затем еще один высокий молодой человек, одетый во все черное; Бруслар почтительно поклонился ему и сказал:

- Арман де Тэ! Едва оправившись от своих ран, Вы уже спешите примкнуть к нам?... Это достойно Вашего славного рода!

- Это - мой долг, - просто ответил Арман де Тэ.

Затем здесь были бретонцы, нормандцы, вандейцы, всякого рода крестьяне и наемники, авантюристы, пользовавшиеся удобным случаем, даже роялистские шпионы, вроде Ургуля и Тронкуа; но все они были сильными и смелыми людьми, знакомыми со сражениями, не боявшимися их.

Не считая Бруслара, здесь было двадцать пять человек.

Они молча выстроились вдоль стен, опираясь на свои сабли. Под их одеждой можно было различить скрытые пистолеты и кинжалы.

Дворяне сели вокруг стола, посреди зала.

- Товарищ! - заговорил Бруслар, - Вы знаете, что я чуждаюсь убийства, что даже на злодея я не нападаю сзади, не предупредив его, этого чудовища, тирана! Однако надо, чтобы это чудовище исчезло: земля слишком долго терпит его присутствие...

- Смерть Бонапарту! - раздались грубые, озлобленные голоса.

Когда снова настала тишина и волнение утихло, Бруслар продолжал:

- Завтра, в воскресенье, тиран возвращается в Париж; в понедельник он будет в Рамбулье. Мы будем ждать его между Рамбулье и Бонеллем. Его, как всегда, сопровождают двадцать пять стрелков; нас так же двадцать пять, не считая меня, значит, силы разные. Мы тоже оденемся стрелками; одежда и оружие готовы: их сейчас провезли в гостиницу в Ретонде. Вот мой план. Вы отправитесь отсюда отдельно, как приехали сюда, по-двое или по-трое, не больше. Вы доедете до Бонелля; там в гостинице "Французское Экю" Вы найдете мундиры солдат, оружие и переоденетесь. Я к Вам присоединюсь в понедельник на рассвете. Мы будем ждать проезда императора, спрятавшись в лесу, а потом, что Бог даст! Каждый из Вас получит десять луидоров и бумагу, где будут подробно означены путь,

все стоянки, все гостиницы, в которых можно остановиться в безопасности. Все предусмотрено, все заранее приготовлено. - Он раздал двадцать пять билетов и продолжал: - слушайте меня хорошенько! Когда покажется карета императора, мы преградим ей путь. Я вызову Бонапарта на поединок, один на один. Произойдет замешательство, подымется шум. Каждый из Вас выберет себе противника, как и я. Мы победим и заслужим себе вечную славу! Мы спасем Францию и королевство! О нас будут говорить впоследствии: "Сражение двадцати пяти", как теперь говорят: "Сражение тридцати!". Поняли вы все, все слышали?

- Да здравствует король! - единодушным кликом ответили двадцать пять могучих голосов.

- Еще одно! - продолжал Бруслар. - Чтобы не случилось досадных недоразумений, прикрепите на свои шляпы белые кокарды, когда настанет время. После меня, в случае моей смерти вашими начальниками будут граф де Форас, де Тэ, Пужи и д'Ормансэ. Теперь, товарищи, вам подадут пить, а пока каждый может высказать свое мнение, и оно будет выслушано... Теперь мы здесь все равны, как было прежде, при Фроттэ, Шаретте, Кадудале, да упокоит Господь их души среди правденых!

- Аминь! - произнесли несколько голосов, а другие подхватили:

- Да здравствует король Людовик!

"Увы!" - подумал Бруслар, опустив голову.

Он не знал теперь, за кого шли сражаться, а может быть, и умирать, все эти храбрые люди... Сомнение было тяжело ему, оно могло быть причиной нерешности, способной погубить дело. Он почти сожалел в эту минуту, что случай привел сюда законного наследника трона Франции, лишённого своего престола.

XVII

Между тем этот наследник сидел в отдаленном будуаре с маркизой, и оба они вели дружескую беседу.

Маленькая комната, слабо освещенная двумя лампами под розовыми абажурами, была обтянута белым шелком, вышитым бледными цветами, и меблирована во вкусе Людовика XV. Диана принимала здесь только избранных; сюда же привела она своего высокого гостя-героя. Наедине с ним она горячо расспрашивала его о прошлых приключениях, о настоящих планах, о будущем... Она умышленно подчеркивала свое смирение верноподданной, чтобы дать принцу сильно почувствовать всю дерзость Изабеллы Иммармон.

Но Людовик был осторожен, говорил общими фразами, помнит мнение, высказанное о маркизе в замке Депали:

“Эта сумасшедшая способна любой безумной выходной погубить все дело”.

Он уже отчасти сожалел, что открыл свою тайну, хотя против желания, по необходимости, этому иступленному Бруслару и полоумной Диане д’Эгиол.

Теперь он болтал с ней чрезвычайно любезно, но только о пустяках. Его снова поразило сходство маркизы с Полиной Боргезе; можно было подумать, что та была ее младшей сестрой, и это не мало подкупало принца в ее пользу, вызывая невольную симпатию к красивой вдовушке.

Она в, в свою очередь, забыла все свои прежние увлечения, считая в том числе и Бруслара, и уже воспламенилась пылкими мечтами о всевозможных подвигах ради своего преследуемого короля. Она, как Изабелла Иммармон, уже готова была на все, не отделяя женщины от фанатичной сторонницы королевского дела, мечтая занять первое место в сердце своего законного государя.

Полина Боргезе была права, предупреждая своего возлюбленного, что за ним будут гоняться всевозможные красавицы, как только он откорое свое инкогнито. Ее предсказание исполнялось уже вторично.

Чтобы польстить принцу, Диана восхваляла теперь доброе старое время, когда аристократия занимала первое место, доброту его отца-короля, красоту Марии Антуанетты, жизнь в Трианоне - все, это она знала только понаслышке, так как ей было всего лет шестнадцать во время великого переворота, смерти Людовика XVI и залитого кровью трона Франции. Но, по ее мнению, и наступившее время империи не уступало всем ужасам террора, продолжая его кровавую вакханалию, с той разницей, что нож гильотины сменили жерла пушек, а разнужданная жестокость разных негодяев уступила место тирании чудовищного узурпатора. Все изменилось к худшему: сыновья булочников, ничтожества сделались генералами, маршалами, герцогами и принцами, чуть ли не королями только по капризу корсиканского авантюриста. И это - Франция?! О, нет, никогда! Настоящая Франция живет и существует по ту сторону границы, рассеянная, униженная, но все еще гордая, хотя и вынужденная - правда, пока, в ожидании лучшего, - пользоваться подозрительным гостеприимством Англии, Германии или Италии. Но это лучшее могло наступить неожиданно, внезапно, в любую минуту, может быть - завтра же! Если Бруслару удастся его смелая затея, Франция будет избавлена от тирана, его власти придет конец и тогда, тогда...

- Тогда придет Ваше время, государь! - заключила Диана, подвинувшись ближе к своему гостю.

Принц ответил ей уклончиво, связанный данным словом, а еще более своей любовью к сестре этого самого тирана. В последнее время тяжесть своего величия начинала тяготить принца. Что значили все честолюбивые планы в сравнении с улыбкой любимой женщины? Королю без трона бесконечно милее всех его партизанов, хлопотавших о признании его своим законным государем, была красавица Полина, простиравшая к нему свои белоснежные руки среди таинственного сумрака ночи. Однако теперь принц улыбался, слушая речи пылкой маркизы, придвигавшейся к нему все ближе и ближе.

Ласковая кошечка, опытная в искусстве обольщений, она пускала в ход все свои ресурсы, весь арсенал тонкого кокетств, чтобы покорить себе этого свалившегося с неба принца, в которого она успела по-уши влюбиться в течение последнего пол-учаса.

Она продолжала говорить, пользуясь своим даром красноречия, которым обладала в избытке.

Если попытка Бруслара не удастся, то тогда можно поднять восстание в Вандее, в Бретани, еще плохо усмиренных. Ударят в набат со всех колоколен, именем истинного короля поднимут крестьян, бывших шуанов, недовольных новым правительством. Снова начнутся знаменитая борьба шуанов, среди кустов и камней, ночные нападения при лунном свете, среди степей, на берегу беспредельного моря... Бурная, славная жизнь сменит покорность и апатию, а если Бог отвернется от правого дела все-таки можно, по крайней мере, удивить мир и погибнуть с честью и славой!

В порыве увлечения Диана схватила руки принца и сжимала их в своих горячих руках пылким, многозначимымжатием. Принцу еще раз пришлось усиленно вызвать в своей душе пленительный образ Полины Боргезе. Но пылкие речи красивой вдовы были прерваны самым трагическим образом.

Издали неожиданно донеслись звуки выстрелов, послышались громкий шум и говор... Из замка раздались ответные крики: на сцене появился Кантекор со своими драгунами.

Принц вскочил с места и побледнел, понимая всю опасность своего положения, если его застанут в этом шуанском гнезде, среди заговорщиков, к тому же еще проигравших свое дело.

Маркиза д'Этиоль тоже поняла это и испугалась.

- Вы здесь! Надо бежать! - воскликнула она.

В комнату влетел, как буря, Бруслар, потерявший на этот раз свое обычное присутствие духа.

- Государь, - крикнул он еще с порога, - замок окружен со всех сторон! Нам изменили! Наша стража отбивается, подходят войска. Главное нечастье, что Вы среди нас!

Все трое замолкли, не зная, что делать. Выстрелы слышались ближе, уже на опушке парка.

- Бежать? Попробовать прорваться?! - сказал принц.

- А если Вас поймают? Будет еще хуже! Все равно узнают - отрывисто проговорил Бруслар.

- Спрятать Вас здесь? - живо предложила Диана, довольная предложением.

- Перерокут все сверху до низу! - заявил шуан.

- Бруслар! Бруслар! - слышались крики снаружи

Глава шуанов, в первый раз в жизни покинувший свой пост в критическую минуту, ломал руки... Тяжело было видеть отчаяние этого бесстрашного до сих пор человека.

Вдруг он ударил себя по лбу, его лицо просияло.

- Вы спасены, спасены, государь! - радостно воскликнул он. - Диана, принесите скорее веревки из зала, которыми был давеча связан принц. Они брошены на пол в углу. Я свяжу Вас и очень крепко, Ваше величество, обратился он к Гранлису - и мы отведем Вас в подвал... Когда явятся солдаты, начинайте кричать изо всей силы, шумите вообще, как только можете. Вас освободят: офицер императора окажется жертвой заговорщиков. Вам еще не отдали Вашей шпаги? Ну, и отлично!

Диана принесла длинную веревку. В одну минуту Бруслар сверху донизу связал принца (для него это было делом привычным), оставив ему только возможность передвигать ногами, чтобы он мог дойти до предложенного ему помещения.

Уф! - вздохнул принц, - однако ловко!

Что делать? Это необходимо, - заметил Бруслар. Теперь скорее следуйте за нами. Диана, берите лампу!

Странное трио двинулось по коридору, потом по сырой лестнице. Здесь Бруслар без церемонии втолкнул принца в пустой погреб. Там он окончательно связал ему ноги и принц растянулся во всю длину на брошенной на полу соломе.

- Отлично, - пробормотал довольный Бруслар, - поидемте, маркиза! До лучших дней, государь! Не забудьте кричать, как кошка, которую вешают!... Это необходимо для большого правдоподобия. Все обойдется, Бог даст, отлично.

- Благодарю вас, друзья мои! - произнес уже успокоенный Гранлис, которого забавлял такой оборот дела. - Спасайтесь скорее сами!

- Ну, нас-то не поймают, будьте покойны, государь! Смотрите же, кричите громче! - посоветовала Диана выходя.

Людовик слышал, как захлопнулась тяжелая дверь и зашумели два огромных засова. Оставшись один в темноте, растянувшись на соломе, он мог размышлять на свободе. Он думал о том (что значит молодость!), во что превратится его новый, прекрасный мундир после такой передыжки, вспоминал

события сегодняшнего несчастливого дня... Потом он стал мечтать...

Между тем тревога в замке росла. Шло торопливое совещание. Бруслар отказался от всех предложений защищаться.

- Глупости! - заявил он, - конечно их больше, чем нас. Надо уходить. В стенах парка есть обвалы, так что всадник может перескочить их. Нам это не в первый раз, бывало и не то... С Богом! Выбравшись в лес, там уже не трудно скрыться. Поэтому-то я и выбрал этот замок для нашей цели. Скорее, господа! До свидания! До скорого, надеюсь. На лошадей и в путь! Это - единственное средство.

Де Тэ и оба молодые Фораса горячо протестовали.

- Довольно! Не теряйте времени, дорога каждая минута! - гневно закричал, наконец, Бруслар. - Я - ваш начальник и приказываю вам! Повинуйтесь! К чему такое упрямство? Надо беречь себя для дела... У него не так много партизан! Отправляйтесь!

Все повиновались.

- А ты, Диана? - спросил Бруслар, оставаясь вдвоем с маркизой.

Та вздрогнула, выведенная из глубокой задумчивости.

- Я? Это не важно, спасайся ты, твоя жизнь драгоценна. Я останусь здесь, чтобы наблюдать за государем, обойтись с ним, как с врагом, на глазах солдат. К тому же, - рассмеялась она, - меня не съедят; ведь я - только женщина. Вышлют снова из Франции, вот и все. До свидания, шеваље, здесь или в Англии!

Бруслар привлек ее к себе и горячо прижал к своей груди, но Диана не ответила на эту ласку: этот шуан уже потерял ее сердце, верное королю, но не возлюбленным.

Он вышел на крыльцо, вскочил на лошадь и пустился в свой неизвестный путь.

XVIII

Между тем со всех сторон парка уже раздавались выстрелы, крики, брань многих голосов. Маркиза спокойно вышла на террасу и стала наблюдать происходившее кругом. Она видела сверкавшие среди кустов каски солдат уже неподалеку от замка: опасность приближалась. Она гордо выпрямилась; ее всегда увлекала борьба.

Впереди солдат верхом на лошади, в полувоенном, полугражданском одеянии, красовался Кантекор, громко отдававший приказания:

- К замку! К замку! Он или там, или в парке... Никто не выйдет отсюда: все выходы заняты.

Подъехав к террасе, он сошел на землю и со шляпой на голове приблизился к Диане.

- Маркиза д'Этиоль, если не ошибаюсь? - спросил он.

В ответ раздалась увесистая пощечина, так что шляпа слетела с головы агента Фуше.

- Нахал! - надменно сказала Диана, - со мной не говорят в шляпе!

Оглушенный Кантекор поднял шляпу и тихо заметил:

- Это стоит ответа! По приему сейчас видно хозяйку дома... Задержите-ка эту даму, - приказал он.

Маркиза спокойно протянула руки драгунам. Те связали их крепкой веревкой и повели Диану в зал, где еще горели свечи у пианино и на пюпитре лежали развернутые ноты. Диана села на кресло, приняв самый равнодушный вид.

Между тем солдаты обыскивали замок. Над головой маркизы слышались тяжелые шаги, грохот передвигаемой и роняемой мебели. Диана сидела, закрыв глаза, по-видимому совершенно спокойная, но в сущности страшно встревоженная двумя заботами: что случилось с Брусларом? Что ждало принца?

Кантекор просто разрывался на части, распоряжаясь то в парке, то внутри замка. Он не мог найти главное в своих розысках - Бруслара! Но он не потерял надежды на успех: дело только что начиналось, были приняты все предосторожности, все меры к тому, чтобы сделать на этот раз бегство невозможным.

И все-таки Кантекор сомневался. Он знал, что имеет дело с главным вождем роялистов, самым храбрым, самым ловким. По-временам он нервно крутил и кусал свои рыжие усы, судорожно сжимая эфес своей шпаги, Явиться к Фуше без Бруслара будет для него позором и может навсегда лишить его милостей всесильного министра полиции. Без Бруслара Кантекор считал бы себя обесчещенным: ведь у всякого свое понятие о чести.

Из парка выехал капитан Кастеле, высокий и лохматый молодец, и, остановив свою лошадь около полицейского агента, доложил:

- Мои люди держат там, около стены, десятерых шуанов, слышите их музыку? - Послышалась частая перестрелка. - Стрелять в них или быть поосторожнее?

- Постарайтесь взять их живыми, а не удастся - тогда... - он окончил фразу очень понятным жестом.

Офицер поскакал обратно. Перестрелка усиливалась.

Из замка выбежал запыхавшийся драгун, громко призывая начальника экспедиции Кантекора.

- Господин депутат, там кто-то ревет белугой в подвале, - доложил он, - не знаем кто! Можно посмотреть?

- Что еще? Подождите, я пойду сам. - Двум солдатам, сторожившим маркизу, он отдал приказ: - не трогайтесь с места! Если капитан спросит меня - я буду внизу, позовите меня.

Кантекор вместе с драгуном пошел к подвалу. Вверху лестницы стояли в нерешимости четыре солдата. Все прислушивались.

Чей-то громкий голос безостановочно кричал из-под земли:

- Ко мне! Ко мне! Офицер императора заперт здесь... Ко мне!

Кантекор вздрогнул: голос показался ему знакомым. Но он пожал плечами, пробормотав про себя: "Это невозможно! Я теряю голову", - а потом обратился к драгуну, державшему розовую свечу, взятую из будуара:

- Спускайся первый, я за тобой; остальные четверо - за мной!

Солдат стал осторожно спускаться по узким, скользким ступеням, что было не безопасно для людей, не знавших расположения местности, не имевших понятия, на какую глубину опускается эта лестница, нырявшая в глубокую темноту. Все облегченно вздохнули, когда почувствовали под ногами почву.

Кантекор пошел по узкому, душному коридору, куда едва достигали выстрелы и шум извне. Замолчавший было на время голос раздался в эту минуту с новой силой:

- Ко мне, добрые люди! Офицер императора!

Он раздавался из-за тяжелой, запертой крепкими засовами двери.

С помощью солдат Кантектору удалось не без труда отодвинуть эти гигантские засовы, энергично зацелкнутые сильной рукой Бруслара. Дверь открылась.

Драгун поднял над головой розовую свечу Дианы, и все увидели распростертую на соломе связанную фигуру императорского офицера.

Кантекор поспешил к нему.

- Добро пожаловать, господа! - самым естественным тоном воскликнул пленник. - Драгуны! Я очень рад...

На этот раз сомнения не оставалось, очевидность была налицо.

- Вы! Здесь? Вы, господин Гранлис?! Это не ясно!... - произнес было Кантекор, но спохватившись закончил: - здесь недостаточно светло, темно, как в печке!

- Да, мне было тут не весело! - сказал Гранлис, - пожалуйста развяжите меня, у меня болит все тело.

- Развяжите! - приказал Кантекор.

Два драгуна бросились исполнять приказание, но это удалось не сразу: узлы Бруслара были завязаны мастерски.

- Так Вы знаете меня? - спросил тем временем Гранлис Кантекора.

- Да, Ваша милость, я имел удовольствие встретить Вас у часовщика Борана.

К счастью в подвале было настолько темно, что бледности принца никто не заметил.

- А! - просто сказал он, стараясь быть небрежным и веселым. - Да, мне не везет вообще... Час тому назад меня схватили в лесу замаскированные люди, притащили сюда и бросили в этот подвал, отняв мою шпагу.

- В самом деле? - спросил успокоившийся Кантекор, сильно желавший поверить своему принцу. - Но что Вы делали в лесу в такое время?

- Я потерял дорогу. Я провел два часа в замке Депали у Иммармона; уехав оттуда, я пообедал в гостинице "Великий Монарх", там мне указали дорогу в Компьен, где я и попал в западню. Правду сказать, я не надеялся выдти из нее живым. А, спасибо, друзья мои! - Последние веревки упали: молодой человек расправил руки и с наслаждением потянулся говоря: - ах, как хорошо! Спасибо!

Кантекор удивился, глядя на него и говоря про себя: "Если все это - правда, то этот молодец не из пугливых, если же нет, то он прекрасно притворяется" - а потом вслух сказал принцу:

- Господин офицер, поднимитесь теперь наверх с нами. Там идет стычка и Ваше свидетельство нам необходимо.

- Извольте, - без малейшего колебания согласился Гранлис7

Все поднялись наверх и вошли в зал, где сидела под стражей Диана. При виде принца она, казалось, вышла из себя от гнева.

- Ах, вот он! Мы так и не успели застрелить его на перекрестке в лесу! Шпион! Служак! Первый из Вас, посланный на разведку! И теперь Вы еще будете отрицать это, солдат Бонапарта?! Вот теперь Ваши товарищи могут подтвердить Вашу подлость!..

"Недурно, - подумал Кантекор, - если все это - неправда, то вот еще одна бесподобная актриса".

Отряд драгун обыскал замок под начальством унтер-офицера Гискара, милого с мушкетерскими усами. Окончив свое дело, он доложил:

- Наверху нет никого, в этих стенах - ни души! Только груды всевозможных бумаг в шкафах.

- Их рассмотрят потом, - резко сказал Кантекор, - теперь нам нужны люди, а не бумаги.

Издали все еще доносились шум долгой битвы, выстрелы и крики среди тьмы густых деревьев парка.

- Садитесь, господин барончик, - предложил Кантекор Людовику, - придется ждать.

Несмотря на комедию, разыгранную маркизой, принц чувствовал себя плохо. При свете ламп он узнал в своем освободителе усердного полицейского агента, который сопровож-

дал Фуше в роковую ночь у Борана, поэтому знал, кто он и все, что касалось его, а так как его нашли теперь среди шайки шуанов, то он считал уже себя погибшим, и в его воображении вставал призрак герцога Ангиенского, окровавленный, пронзанный дюжиной пуль.

Однако внимание Людовика было привлечено новым шумом голосов, кричавших на все тона среди тьмы парка:

- Бруслар! Бруслар! Бруслар!

Кантекор просиял. Прискакал галопом всадник, доживший с торжеством, что Бруслар взят, и сейчас же ускакавший обратно.

Выстрелы стали реже и слышались уже за границами парка.

Кантекор уселся перед столом, приказал подать две лампы, разложил бумаги, вынул из кармана гушиное перо и чернильницу. Во всем этом он до смешного подражал Фуше, стараясь как можно более походить на своего начальника, однако никому не пришлось в голову смеяться в эту минуту.

- Так как Бруслар взят, то прикажите трубить сбор, - сказал Кантекор Гискару. - Несколькими шуанами больше или меньше важности не составляет.

Гискар вышел и скоро послышался сигнал, сзывавший рассыпавшихся по лесу людей отряда.

- Чем нас будет больше, тем лучше, - сказал Кантекор, потирая руки, - с Брусларом надо быть готовым ко всему...

На пороге появилась шумная группа: четыре шуана заставляли драгун тащить себя, все еще сопротивляясь, чтобы выиграть время. Кастеле весь в поту, возбужденный стычкой, кричал:

- Вперед, каналы! Прибавьте прыти, дьяволы! Кольните-ка этих свиней в зад хорошенько!

Сабли драгун исполнили курьезное приказание, что вызвало некоторое движение вперед.

И в этого грубого, неотесанного бурбона-офицера была влюблена по-уши красавица Луиза Кастеле, ради него поступившая на службу к Фуше, чтобы дать возможность этому грубияну свободно проигрывать в карты и чаще обедать у Вефура!

- Поднимай их, чертей! - скомандовал капитан.

Двадцать человек накинудись на четырех шуанов, подняли их и, таким образом, вся эта шумная толпа ввалилась в зал Дианы д'Этиоль, разбив вдребезги стеклянную дверь и опрокинув мебель.

- Ну, где же Бруслар? - нетерпеливо крикнул Кантекор, всматриваясь в толпу.

- Вот он, мерзавец! - крикнул Кастеле, вытаскивая за уку высокого шуана с густой черной бородой.

- Этот! - закричал Катекор, - тысяча чертей. Это - не он! Действительно ложный Бруслар оказался графом де Форас, охотно поддавшимся недоразумению, чтобы спасти главного вождя.

Кантекор, оттолкнув от себя стол, рвал волосы на голове. Смущенный Кастеле машинально вертел в руке шпагу.

- Капитан, - задыхаясь распорядился Кантекор, - скорее соберите отряд и продолжайте преследование... Он не мог уйти далеко... Его надо поймать - это необходимо; это - воля императора!.. Общайте окрестности!

- Сделаю все возможное и невозможное, - поспешил заявить сконфуженный капитан; - это все борода этого шуана наделала: приметы так сошлись у него и у Бруслара...

- Скорее! - торопитесь, Кантекор, - отправляйтесь! Оставьте мне человек сорок для этих господ и для тех, кого еще могут поймать...

Кастеле вышел, и сигнал снова возвестил сбор.

Дрожа от ярости, Кантекор снова занял свое место за столом. Он готов был выместить свою досаду на пойманных шуанах за бегство из более счастливых товарищей.

- Подведите ко мне этих людей! - повелительно приказал он.

В это время старый Форас заметил в темном углу зала Гранлиса, чувствовавшего себя в значительной степени неловко.

- А, лесной шпион! - закричал старик. - Вот ты где, каналья, со всем твоим важным видом! Жаль, что я не повесил тебя тогда же, на первом дереве! Так молод, красив, как девушка, и занимаешься таким позорным ремеслом! И это в двадцать лет от роду!

Кантекор не прерывал шуана, радуясь лишнему сведению. Значит, действительно принц был просто заблудившимся путником, а не сообщником заговора. Этот старик, кричавший с пеной у рта, не играл, конечно, комедии. Хорошо, что его слышали все присутствовавшие, которые могли потом засвидетельствовать все это.

- Вы знаете этого человека, поручик? - спросил он Гранлиса.

- Знаю, как первого встречного на дороге, - со скучающим видом ответил принц. - Это он указал мне дорогу в гостиницу в Ретонде; вот и все.

- Он ничего не говорил Вам, Вы ничего не знаете о нем?

- Нет, - ответил Гранлис, которого тяготила его подлая роль, так что он готов был бы с радостью сбросить свою маску, не боясь никаких последствий. Однако мысль о Полине остановила его и он добавил: - нет, я ничего не знаю, он ничего не говорил мне.

Де Форас посмотрел на него с недоумением, но его сын Эмери, с искаженным от боли лицом стоявший около отца, поддерживая левой свою раненую правую руку, шепнул ему довольно громко, с жестокой ненавистью в голосе:

- Комедия! Не верь ему! Ведь он уже донес все, что надо! Конечно это он выдал нас сегодня! Не давай ему возможности разыграть благодетеля, разоблачи его!

Старый граф, простодушный и увлекающийся, поверил словам сына.

- Не нужно комедии! - загремел он, - не нужно нам твоих милостей! Ты выдал нас, а теперь играешь в благородство! Ну, так я буду говорить за тебя. Ты встретил нас в лесу, прикинувшись заблудившимся. Я сказал тебе, что меня зовут Леконт, что я - торговец лесом. Поверил ли ты нам или нет - дело твое. Я указал тебе гостиницу "Великий Монарх", куда направлялись и мы. Мне следовало повесить тебя вот этими самыми руками... В Ретонде ты стеснял нас. Товарищи хотели разом прикончить тебя ударом кинжала и швырнуть в реку, но я настаивал, чтобы тебя просто заперли в комнате до завтра... Между тем - черт возьми! - ты показал нам пятки и в это время уже удирал к своему комиссару и драгунам!..

- Вы кончили? Это - все? - нетерпеливо проговорил Кантекор.

- Все на этот раз, а в следующий, если я останусь цел, я разможу ему его подлую голову!..

- Увидим, - сказал Кантекор, - заранее трудно загадывать.

Принц в своем темном углу до крови искусал губы, с отчаянием глядя на маркизу. Та незаметно сделала ему знак покориться.

- Итак, Вы - господин Леконт, торговец лесом? - начал допрос агент Фуше.

- Я, я! - окончательно вышел из себя старик, - я - господин граф* двумя словами, а не одним, граф Форас, эмигрант, шуан, заговорщик и прочее, и прочее, и прочее! А торгую я свинцом, чтобы стрелять в бонапартистов. Понял?

- Восхищен! - ответил Кантекор, - дня через три на Грельской площади Вы увидите, стоит ли наш свинец вашего; вежливость за вежливость! Этот молодой человек - Ваш сын?

- Да, виконт Эмери де Форас... Его брат, барон Рауль, скрылся от Вас, и хорошо сделал; он отомстит за нас.

- О, и меня Вам не удалось бы взять, если бы Вы ни прострелили мне руки, а в особенности, если бы отец не согласился прослыть за Бруслара... Мне пришлось защищать его вместо того, чтобы увлечь его за нами, а то, знаете, ночь так хороша!

---

* Le comte - граф.

- Виконт Эмери де Форас, - записывал Кантекор, - прекрасно! Посмотрим третьего. Ваше имя?

- Марки д'Ормансэ! - Молодой человек повернулся к Диане, поклонился ей и сказал: - поздравляю, маркиза! Вас тоже связали! С Вами обходятся, как с мужчиной, что Вы впрочем вполне заслужили своей храбростью. Я могу успокоить Вас: Бруслар, если все еще идет полным ходом, должен быть теперь уже в Нойоне!

При этом сообщении Кантекор побледнел. Но потом он пожал плечами; конечно это была просто бравада и местность Нойона была названа для того, чтобы сбить следы.

- Благодарю, Ормансэ! - сказала Диана, мило улыбнувшись красивому маркизу.

Кантекор продолжал допрос:

- Господин маркиз, Вы были, если я не ошибаюсь, товарищем Кадудаля?

- Именно. Доброе старое время! теперь наша компания стала меньше. Положим, избранных немного и в раю... Пишите, комиссар: маркиз д'Ормансэ, сын своего отца, верноподданный его величества, своего короля Божией ильстью!

- Bravo, мальчик! - воскликнула Диана, аплодируя концами пальцев своих связанных рук.

Гранлис удивлялся, слушая этих героев, готовых на смерть за свое дело, которое было его собственным! Какие люди! Как жаль их! Он готов был в эту минуту отдать все на свете, чтобы пожать им руки, открыться им, встать во главе их славной борьбы. Но одни из них оскорбляли его, другие не знали, презирали и видели в нем ренегата.

- Маркиз, я принужден записывать Ваши показания с точностью, - иронически предупредил Кантекор, - это - мой долг, но поверьте, мне очень жаль, что Вы ухудшаете свое положение.

- Комиссар, не вмешивайтесь не в свое дело, - перебил его маркиз. - Вы все равно не поймете этого, мы с Вами из разного теста. Мне нравится издеваться над тем, чему Вы служите; я очень рад умереть в двадцать пять лет, потому что все храбрые люди уже умерли и потому что тогда маркиза Диана надолго сохранит нежное воспоминание обо мне... Не правда ли, маркиза?

- Ah, Вы удивительно сумасбродны, Ормансэ! Но что скажет на это Ваша мать? - вздохнула Диана.

- Она, конечно, поплачет, - резко заявил молодой человек, - но ведь теперь все знатные матери плачут, потому что погибают их дети. Что же делать! Короли погибли первыми!

- Маркиз, берегитесь! Вы сейчас же растрогаетесь! - насмешливо протянул Кантекор.

- Я? Никогда! Что нужно сделать, чтобы убедить Вас в этом? Да!.. Вот... Долой Бонапарта! Да здравствует король Людовик! - крикнул звучным голосом молодой роялист.

- Заткните ему горло! - проревел Кантекор.

В одну минуту рот маркиза был завязан платком.

"Да здравствует король Людовик!" - этот крик проник в самое сердце законному наследнику престола, неведомому, забытому или презираемому собственными подданными.

Кантекор снова взялся за допрос:

- Четвертый! Ваше имя?

Ответа не было. Перед ним стоял теперь, со свежим кровавым шрамом на голове, бледный и мрачный, по обыкновению одетый в глубокий траур, граф Арман де Тэ. Побледнев еще более, но не от страха, а от бешенства, граф дрожал от гнева. С той самой минуты, как Гискар грубым толчком в спину втолкнул его в зал, его взоры ни на минуту не отрывались от сидевшего за столом комиссара. Сначала это был взгляд довольно равнодушный, но затем в нем промелькнула искра воспоминания, разгоравшаяся все больше и больше и, наконец, превратившись в уверенность, запылавшая ярким огнем жестоким ненависти и злобы.

- Ваше имя? - в третий раз спросил Кантекор.

Граф молчал, выжидая минуту, когда встретятся их взгляды, чтобы окончательно убедиться в смущении врага, которым он уже заранее наслаждался. Но Гискар потерял терпение.

- Слышишь, ты? Тебя спрашивают, скотина! - крикнул он.

Де Тэ покраснел при этом оскорблении и, каким-то чудом освободив свои руки, незаметно ощупывал свои карманы.

Кантекор положил перо и поднял голову.

- Послушайте, - начал он, - я Вас спраши...

Он не кончил своей фразы. Его лицо исказилось, пожелтело, взоры остановились в ужасе на окровавленном призраке того... Но ведь он знал, что тот жив, знал наверно... Который же это де Тэ, теперь попавший в его власть: новый друг принца, или нет, конногвардеец?

Он старался успокоиться, овладеть собой, а тем временем Гискар продолжал усердствовать:

- Твое имя, расчесанная по моде собака! Скажешь ты его наконец?

- Князь Борисов, - удостоил, наконец, ответом де Тэ, не вынимая рук из своих карманов. Этот господин знает меня; не правда ли, сударь? - обратился он к Кантектору.

Но комиссар почему-то медлил продолжением вопроса... Гискар, заметив строгий костюм графа, снова крикнул ему:

- По ком ты носишь траур, чертов шуан?

- По тебе, - яростно бросил ему де Тэ и, выхватив из кармана пистолет, выстрелил в упор, прямо в сердце Гискара, и послал вторую пулю наугад в Кантекора.

Тот, предупрежденный первым выстрелом, успел уклониться в сторону и пуля попала ему в плечо; он покачнулся, но остался на ногах. Гискар остался, неподвижно распростертый на спине, лежать посреди пола.

Так погиб квартирмейстер седьмого драгунского полка, обладаеть самых лучших усов во всем отряде.

Над его трупом произошла свалка. Де Тэ - князь Борисов - был сбит с ног ударами кулаков и тяжелых сапог.

Диана выпрямилась в своем кресле и кричала об убийстве, а Гранлис, забыв всякую осторожность, не помня себя, бросился в самую свалку.

- Господа! Господа! - кричал он, - двадцать на одного! Солдаты, постыдитесь! Это недостойно! Я запрещаю вам, я приказываю вам! - Он говорил тоном короля, но, заметив это, спохватился, замолчал на минуту, а затем снова продолжал: - я приказываю! Я, офицер императора, приказываю вам отпустить этого человека, я запрещаю вам бить его... Довольно!

Ему повиновались, его послушали, но не раньше, чем убийцы убедились, что их жертва прикончена: де Тэ лежал без движения около Гискара, вес в лохмотьях, такой же мертвый по-видимому, как и тот...

Кантекор, отойдя в сторону, обнажил плечо и стал рассматривать рану. Рассвирепевшие драгуны, оставшись без начальства, начали, неизвестно почему, ссору между собой, Царил полный хаос...

Капитан Кастеле между тем вернулся со своими людьми, обескураженный, расстроенный неудачей. Они потеряли многих товарищей, павших под выстрелами шуанов, и все-таки вернулись без Бруслара.

Кантекор был не в состоянии упрекать их за неудачу: его страшно мучила бессильно повисшая вдоль тела, раненая рука. Удачно начатый день кончался скверно.

Вдруг позади замка, в углу парка снова послышалась перестрелка, угасшую было надежду на успех. Кантекор хотел броситься туда, но рана дала себя знать: он побледнел и со стоном потерял сознание.

Неутомимый Кастеле бросился со совами драгунами к месту стычки, и она тотчас же приняла более ожесточенный характер. Пять-шесть шуанов, не сумевших найти выход из незнакомого парка, заняли заброшенную сторожку и яростно защищались, желая как можно дороже продать свою жизнь. Выстрелы из пистолетов отвечали из окон на ружейные выстрелы драгунов. Около пятнадцати солдат окружали избушку сторожа, когда их капитан подоспел с подкреплением. Вооду-

шевеление осаждающих удвоилось и они стали нападать еще настойчивее.

Из каждого окна избушки гремели выстрелы, люди падали с проклятиями и стонами... Это был настоящий ад! Наконец дверь поддалась под могучим напором двух драгун, которым помогал силач Кастеле, действовавший своими гигантскими плечами, как стенобитное орудие. Он работал с таким жаром, что влетел сквозь сорванную дверь прямо в середину ожесточенных врагов, посользнулся и упал на пол. Моментально его горло было перезано кинжалом.

Многолюбимый супруг красавицы Луизы Кастеле окончил здесь свой жизненный путь.

Над его неостывшим еще трупом были убиты, в свою очередь, последние шуаны, и в сторожке, ставшей местом резни, воцарилось мертвое молчание. Уцелевшие драгуны отнесли в замок окровавленный труп своего начальника.

Когда Кантекор узнал об исходе этой последней стычки, он несколько успокоился по поводу своей неудачи, и понятно — почему: Футье будет судить о трудности задачи по числу убитых и раненых. Рана Кантекора, смерть Кастеле докажут ему, что дело было жаркое, каждый исполнил свой долг, что сделано все возможное...

Кантекор распорядился, чтобы подобрали мертвых и положили их в зале замка; раненые были перенесены в другой, а пленники — в том числе оба Фюраса и Л'Ормансэ — заперты под крепкой стражей в третьей комнате. Один из уцелевших драгун был послан верхом в Компьен за доктором.

Кантекор несколько успокоился и отдохнул, хотя поврежденная его лицо искажалось от сильной боли и из груди вырывался стон. Он положил свою раненую руку на стол и старался не шевелить ею.

- Господин де Гранлис, — тихо позвал он.

Облокотившись на колени, закрыв лицо руками, принц сидел, погруженный в глубокую задумчивость. На оклик Кантекора он поднял голову. Тот заговорил громче, чтобы слышали солдаты, бывшие в комнате:

- Господин офицер, я прикажу вернуть Вам Вашу шпагу и лошадь, Вы можете ехать в Компьен, двое из моих людей проводят Вас. Если понадобится, не откажите засвидетельствовать то, что Вы видели.

- Хорошо, — отозвался принц, — я принимаю Ваше предложение, но видел я очень мало... мне не дали на это времени...

- Поезжайте, — повторил Кантекор, — и позвольте дать Вам совет не путешествовать по ночам среди лесов Франции.

- Постараюсь, сказал принц, — благодарю Вас.

Он вышел из зала; проходя мимо печальной, расстроенной Дианы — он почувствовал желание сказать ей словечко со-

чувствия. Но она, предвидя такую неосторожность с его стороны, предупредила его: когда он подошел к ней, она оттолкнула его ногой, бросив в то же время на него самый нежный взгляд, и громко крикнула:

- До свидания, каналья! Мы еще увидимся!

Принц понял ее намерение, раскланялся и вышел из зала. Мимо него пронесли в эту минуту бесчувственное тело графа Армана де Тэ. Он остановился, пораженный удивительным сходством братьев, и задумавшись глубоко вздохнул.

Наступала ночь.

Кантекор, не имея возможности повернуть голову к маркизе, с рукой, бессильно распростертой на столе, заговорил снова:

- Маркиза д'Этиоль, дайте мне честное слово, что Вы не будете пытаться бежать, тогда я разрешу Вам вернуться к своим горничным... Пора Вам на отдых: Вы вполне заслужили его.

- Сударь, - сказала Диана, успокоенная отъездом принца и спасением Бруслара, - если бы я считала бегство возможным, то не дала бы Вам этого слова. Но теперь я не нахожу возможности бежать одной пешком, среди леса, полного Ваших солдат... К тому же я страшно хочу спать... Принимаю Ваше предложение, а завтра утром прошу Вас без церемонии напиться со мной кофе.

Кантекор хотел было улыбнуться, но только поморщился от боли, и сделав знак солдатам, приказал:

- Развяжите маркизу, отпустите ее!

В одну минуту веревки были распущены.

На дворе выстраивался отряд драгун для переключки. Недоставало девятнадцати человек, мертвых или раненых, не считая капитана Кастеле и Гискара, то есть из строя выбыло двадцать один человек, иначе говоря - больше пятой части всего отряда. Дело было плохо.

Прошел еще целый час томительного ожидания.

Наконец прибыли два врача-хирурга из Компьена; это произошло как раз во-время: Кантекор слышал долетавшие стоны, крики, проклятия раненых и сам почти терял сознание от нестерпимой боли.

Ему разрезали платье, обнажили плечо: рана была не опасна, не глубока, но очень мучительна. Когда, наконец, ему перевязали руку, он вздохнул свободнее, мог встать с места и снова взяться за дело.

Перед телом капитана Кастеле врачи только покачали головой - тут все было кончено. Потом они занялись ранеными, что взяло не мало времени: семь драгун и пять шуанов тяжело стонали под перевязками докторов, среди окровавленного белья.

Восход солнца застал их еще за делом. Наконец все раненые, по возможности получив облегчение, были уложены на соломе и матрасах. Оба врача прошли с Кантекором в тот зал, где лежали мертвецы. При бледном свете наступающего утра стали рассматривать трупы. Между убитыми Кантекор с удовольствием узнал своих старых знакомых Уртуля и Тронкоя, шпионов, следивших за принцем.

- Худая трава из поля вон, - пробормотал он, - так они безопаснее.

Вдруг он вздрогнул, еще раз внимательно осмотрел распростертые перед ним трупы и громко крикнул:

- Одного не хватает! Графа де Тэ нет здесь!

Прибежавшие солдаты ничего не могли сказать. Они принесли тело графа вместе с убитыми драгунами и шуанами; больше они ничего не знали, кроме того, что он лежал у левой стены, под открытым окошком. Это место теперь было пусто.

- Этого надо было ожидать! - заворчал Кантекор, - я хорошо знаю, как он живуч... Ну, ладно: он не уйдет далеко!..

XIX

При первых выстрелах неприятеля Бруслар пустил свою лошадь через парк, где знал каждую тропинку, и легко перепрыгнул через знакомое место обвалившейся стены. Вслед ему раздались несколько выстрелов, но они не попали в цель.

Неловкие стрелки! - спокойно заметил он, пускаясь быстрым галопом через таинственно темневший лес, тоже хорошо известный ему.

Беглец не воспользовался ни одной из больших дорог, но поскакал извилистыми тропинками между кустов, где легко получил царапины, но зато не легко разыскать следы. На пути не раз попадались целые поляны колючих кустарников и папоротника, населенные всевозможными обитателями лесной чащи. Бруслар скакал уже с полчаса, не замедля своего безумного бега. Вдруг его лошадь споткнулась, дрогнула и тяжело упала на землю, так что Бруслар едва имел достаточно времени, чтобы соскочить.

- Ну, что такое?! Что с тобой? - тревожно спросил он, склонившись над головой неподвижно лежавшего животного, а затем выпрямился с громким проклятием, с полными слез глазами.

Весь левый бок лошади был залит кровью. Получив пулю в живот при выезде из парка, она вынесла еще такую быструю скачку, точно понимая, что спасает жизнь своему господину, и пала мертвой среди леса в последнем отчаянном усилии.

Бруслар приподнял мертвую голову своего коня, поцеловал его влажные ноздри и, заикаясь от волнения, дрожащим от слез голосом произнес:

- Прощай, прощай, мой друг, мой брат! Семь лет служил ты мне... Раз двадцать спас мне жизнь... Почивай с миром! Ты заслужил его... Почивай, я не забуду тебя.

Затем он медленными шагами вернулся на свой прежний путь. Кровавые следы раненой лошади обагрjali землю, кусты, ветви, листья папоротника: его след был намечен алой кровью по всему пути.

- Черт возьми! - пробормотал Бруслар, - меня разыскали бы на рассвете, рано или поздно: слишком уж ясно... Пора смешать им карты...

Прокрадываясь сквозь чащу, он направился снова к замку д'Этиоль, но на половине дороги свернул с пути и углубился в густую зелень папоротников, доходивших ему почти до самых глаз. С трудом пробирался он по этому зеленому морю и, выбравшись из него, очутился на опушке леса, где подымались высокие, прямые ели. Тут он упал на мягкий мох, чтобы перевести дыхание и отдохнуть.

Бруслар, опустив голову на руки, вспоминал события дня. Последний был неудачен. Не приведший к желанным результатам разговор еще не беда: можно начать снова, не жалея средств и людей. Но это открытие его плана было знаменательно: оно обличало измену.

С некоторого времени у него ни в чем не было удачи. За каждым его шагом следили: стоило ему шевельнуться с места, как немедленно около него оказывался драгун - справа, жандарм - слева, и другие синие или красные мундиры появлялись поблизости. Это начинало надоедать. Приходилось сознаваться, что завелся один или несколько изменников среди им самим организованного отряда, среди людей, которых он считал вполне надежными. Только этим и можно было объяснить постоянный неуспех его лучших планов.

Кроме того сегодняшней день обошелся не дешево. Из двадцати пяти человек, только что собравшихся в зале Дианы д'Эстиоль, сколько осталось живых в эту минуту? А главное, главное...

Бруслар опустил голову. Им овладело уныние, а вместе с тем в его душе поднялось жуткое сомнение в своем заветном деле, в его справедливости и законности. Он размышлял:

"Бурбоны? Граф Прованский, д'Артуа? Какие странные, непонятные люди! Их поведение в отношении Людовика Семнадцатого - ложь, воровство, преступление! А против своих приверженцев? Подлость, постоянная измена, все - чужими руками, ничем не рискуя сами... Ведь они - не законные наследники трона, а между тем так охотно играют эту роль в дни

удачи, при всякой же опасности скрываются со сцены. Сколько раз обещали преданным, ослепленным шуанам, что из Англии прибудет принц королевской крови, чтобы стать во главе их и идти на Париж! Увы! Каждый раз дул противный ветер и никто не появлялся! В Кибероне тоже ждали графа д'Артуа, а он прохладждался в Лондоне.

Герцог Беррийский*, как говорили, был более рышарем, но именно потому-то и не решался объявить себя законным наследником, не будучи им в действительности. Герцог Англиенский поплатился за всех без своего ведома, помимо своего желания. Он убит... Знал ли что-нибудь он?

А этот белокурый юноша, разъезжающий по дорогам Франции в белом мундире, под именем Гранлиса, этот сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты... Какая странная судьба, какое роковое сцепление обстоятельств! Что можно сделать для него, которого все отвергают, которому все изменили? Он вычеркнут из числа живых и отказывается действовать сам ради каких-то неизвестных соображений... Как вывести его на свет Божий и надеть ему на голову трижды отнятую у него корону? Бедный принц! Те, кто спас ему жизнь, вместе с тем предали его гражданской смерти!

Так размышлял под сенью леса Бруслар. Горькое чувство все более поднималось в его душе, им овладевало невольное желание покинуть свою неблагодарную задачу, бросить всех этих принцев-королей на произвол судьбы. Его легендарная преданность пошатнулась... Он почувствовал непреодолимое желание покоя и отдыха среди природы, вдали от кровавых столкновений, от лжи и обмана... Да, перестать быть Брусларом, превратиться в простого крестьянина.

Прошел целый час. Отдохнувший шуан поднялся и снова отправился в свой неведомый путь.

Показался бледный рассвет, когда Бруслар подошел к деревне Вье-Мулен, состоявшей из десяти, двенадцати убогих избушек, сгруппировавшихся около первобытной, полукаменной церкви.

Бруслар постучал в дверь первой от дороги избушки условным стуком. Она немедленно отворилась, и путник вошел в дом. Минут через двадцать он вышел оттуда переодетый крестьянином, с бородой, покрытой пылью почти до бела, в старой зеленой шляпе, надвинутой на глаза, в грязной и желтой, выцветшей блуз, в заплатах и дырах.

Из сарая выкатили старую повозку, куда запрягли такую же старую, белую лошадь. Бруслар сел в тележку, нагруженную дешевыми овощами, взял веревочные вожжи, щелкнул

* Герцог Беррийский - сын графа д'Артуа (род. в 1778 г.)

кнотом и шагом поехал со двора. Крестьянин, вышедший за повозкой, кричал ему вслед:

Счастливого пути, хозяин!

Жалкий экипаж со скрипом покатился по дороге, а широкоплечий шевалье Бруслар плотно сидел в нем, между кочанами капусты.

Деревня просыпалась: где-то залаяла собака, ей ответили другие, запел петух, заним другой... Солнце вышло из-за леса; птицы приветствовали его единодушным пением.

Бруслар ехал задумавшись, еще сильнее ощущая желание покоя и отдыха, забыв на время свои тревоги и сомнения...

Стук лошадиных подков вывел его из задумчивости. Он выпрямился и принял умышленно-грубый и наивный вид.

Показались два всадника, покрытые пылью от долгой езды, как-будто они скакали всю ночь... Бруслар сейчас же узнал их

Иммармон, Прюнжэ! - проворчал он, они, конечно, ищут принца.

Всадники остановились около него.

- Эй ты, старина! крикнул Иммармон, откуда ты едешь?

- Из Вье-Мулен, Ваша милость.

- Ты никого не встретил дрогой? - продолжал виконт

- Решительно никого, - ответил "старина"

- Спасибо! Прощай!

- Мое почтение, прекрасные господа!

Оба всадника исчезли в облаках пыли, а Бруслар продолжал про себя:

- Рано они поднялись на ноги, и место не особенно подходящее... Сейчас они наткнутся на драгун, будет потеха! Тем лучше, это окончательно спутает следы... Ну, едем дальше, "старина"!

Шуан громко рассмеялся, старая лошадь попробовал перейти на рысь и тележка загромыхала, скрипя всеми своими суставами. Картофель запрыгал в мешке, кочан цветной капусты выкатился на дорогу, увлекая за собой две репы...

Бруслар, играя свою роль, хотел с ворчанием слезть на землю, чтобы поднять свой товар, как вдруг из кустов раздался звонкий женский голос:

- Подождите, дедушка, я подберу Вам Ваших беглецов, а потом мы с Вами потолкуем.

На дорогу вышла красивая девушка, одетая служанкой из богатого дома; она обеими руками раздвигала ветки кустов, оберегая свое слишком белое лицо от старых колочек. Бруслар поздравил себя в душе, что так старательно играл свою роль.

Девушка легко перебежала дорогу, подняла скатившиеся овощи и смеясь подошла к повозке. Подавая Бруслару его товар, она весело сказала:

- А теперь за труды, в награду, позвольте мне сесть с Вами в тележку; я могу сесть на репу - ей ничего не делается.

- Ладно, - сказал Бруслар, рассматривая свою новую знакомую.

"Ты - такая же служанка, как я - огородник, - думал он. - Какие глаза, цвет лица, какая фигура под ситцевым платьем! Нет, это просто - принцесса, игравшая в поселянки, это ясно".

- Куда Вы едете? - спросила она.

- В Суассон.

- К вечеру Вы туда доедете?

- Может быть... Мы стары, но делаем, что можем...

- Ну, у меня нет выбора, - вздохнула она.

- Что же, садитесь, что ли? - грубовато предложил шуан.

Девушка легко влезла в тележку. При взмахе ее платья до ноздрей Бруслара долетел аромат ириса и розы, и они расширились от удовольствия.

- Черт возьми! - вырвалось у него.

- Кого черт возьми? - спросила девушка.

- Никого. Просто черт возьми!

Тележка загромычала дальше, но, почуяв лишнюю тяжесть, лошадь пошла еще медленнее.

- Ну-ну! "Коко"! - подогнал ее Бруслар.

- Ее зовут "Коко"?

- Да, мадемуазель!

- А Вас?

- Меня? Бонжан Баптист, к Вашим услугам. А Вас?

- Жанна Бертран, - без запинки ответила девушка.

- Отлично! - кивнул головой шуан, - самое лучшее сказать правду.

Девушка закусил губы, чтобы не рассмеяться.

Наступило молчание. Бруслару пришло в голову, что он напрасно взял с собой такую подозрительную попутчицу, что ему, переодетому в свою очередь, не следовало тащить с собой эту принцессу, так плохо переодетую водевильной служанкой. Это была еще лишняя опрасность, которую он себе навязал, а ему уже надоели ненужные опасности.

Со своей сторны, Жанна Бертран, украдкой разглядывая своего спутника, тоже почувствовала недоверие. несмотря на грязь, руки этого крестьянина были хотя и велики, но слишком белы и нежны для огородника и ее зоркий глаз заметил на них очевидные следы наскоро снятых колец. Она заметила также, что под грязным, изорванным платьем у него было белое и тонкое, барское белье, которое он, как видно, не догадался скрыть. Девушка все более удивлялась и тоже призадумалась;

она начала бояться этого случайного спутника и жалела теперь, что остановила его.

А в это время Бонжан обернулся сам к ней профилем, с самым невинным видом, оглядываясь на недавно скошенные поля. Неожиданное воспоминание мелькнуло в голове его соседки. Почему-то с этим лицом в ее памяти соединялись крики, шум, конский топот... Мелькнул образ человека, скакавшего во весь опор, спасаясь от двадцати других, сделавшего безумный скачек через стену парка...

- Бруслар! - сорвалось с ее губ невольное восклицание.

Крестьянин вздрогнул и обернулся к ней со свирепым видом.

- Скажите однако, малютка, кого же здесь обманывают? - сердито начал он.

- Будьте покойны, шевалье, - перебила его девушка, понимая, что теперь спасение только в том, чтобы сказать правду, - меня зовут Изабеллой д'Иммармон.

Шуан поклонился, бормоча:

- Я подозревал что-нибудь подобное...

- Вы считаете меня врагом и очень ошибаетесь.

- Да, теперь я знаю... - перебил в свою очередь Бруслар, - Вы из наших!

- А, Вы знаете? А знаете ли Вы о том, что мы уже однажды спасли Вас от преследования жандармов?

- Нет, этого не знаю... - удивился Бруслар. - Когда же это и как?

- В июле, после стычки в гостинице "Золотой Колокол", когда Вы выехали из замка маркиз д'Этиоль. Вспомните, Вы перескочили стену парка. Двое молодых людей отперли Вам калитку в лес. Это были мой брат и кузен. Через эту самую калитку ушла сегодня ночью и я, после одной тяжелой сцены... ушла, чтобы не возвращаться назад...

- А, я понимаю, - сказал Бруслар.

- Понимаете? Что именно?

- Да я сегодня вечером видел господина Гранлиса, он рассказал мне...

- Однако мы с Вами мало виделись, но, кажется, хорошо знаем друг друга, - почти весело заметила Изабелла. - А где теперь принц?

- Надеюсь, что он в безопасности, - ответил Бертуан.

- Только надеетесь? - побледнев спросила Изабелла, крепко сжав своей белой рукой загорелую руку шуана. - Скажите мне все!

Бруслар рассказал ей о насильственном прибытии принца в замок д'Этиоль, об открытии им своей тайны ему и маркизе, затем - о появлении в замке полиции и изобретенном им плане

спасения своего законного государя. Но, удался ли этот план, Бруслар не мог сказать.

- Как знать? Как знать? - лихорадочно повторила Изабелла. - Что, если он взят! Ему не миновать смерти на этот раз! И это все - вина моего брата и кузена... Какой ужас! Какой ужас!

- Успокойтесь, успокойтесь, - уговаривал ее Бруслар, плохо веривший сам в свои слова, - его спасет его мундир; можно побиться о заклад, что ему удалось выбраться... А знаете, я сейчас встретил Вашего брата и графа де Прюньжэ.

- Вы встретили их? - живо спросила Изабелла.

- Они спросили меня, не встретил ли я дорогой мужчину или женщину. Должно быть, они искали Вас.

- Уже? - удивилась молодая девушка, - хорошо, что мне пришлось в голову сесть к Вам в тележку.

- Не знаю, хорошо ли? - покачал головой Бруслар. - Вот Вы меня узнали очень скоро, я уже заподозрил Вас с первого взгляда... Двое переодетых людей опаснее, чем один. Дай Бог, чтобы дорога была свободна от жандармов, особенно после сегодняшней ночи. Однако что Вы рассчитываете теперь предпринять?

- Доехать до Парижа. Там моя мать. Братьев я больше не хочу знать, ни родного, ни двоюродного. Если мать примет меня - ну, там увидим: она всецело под влиянием моего брата Жана... У меня есть деньги, есть мои бриллианты. В худшем случае я уеду к родным, в Англию.

- То же предполагает сделать маркиза Диана, - заметил Бруслар.

- Да? И она? Что, она теперь меньше ненавидит нас?

- Она почти перестала сдираться на Вас... Итак, все уедут за море... Вот единственный результат наших усилий, нашей преданности!

- Увы, - вздохнула Изабелла, - звезда корсиканца еще не закатилась!

- Этот человек сильнее нас, - сжимая кулаки, сказал Бруслар, - ему покровительствует сам ад!..

XX

Между тем позади них Жак Иммармон и Жан де Прюньжэ продолжали тщательно исследовать дорогу, обыскивая кусты и надеясь, несмотря ни на что, нагнать Изабеллу, вернуть ее во что бы то ни стало домой и тем избежать позора и скандала.

Когда, при первых лучах рассвета, старая служанка прибежала впопыхах известить молодого виконта, что его сестра исчезла из своей комнаты, где она простояла у окна всю ночь, не ложась в постель, Иммармон понял, что она ушла совсем. После отъезда Гранлиса между обоими молодыми людьми на-

чалась жестокая ссора; оба осыпали один другого оскорблениями, сваливая друг на друга мучившую их ответственность за отъезд принца под самую ночь через темный и подозрительный лес. Оскорбления были тяжки, оба глубоко почувствовали их. Именно в это время молодая девушка решила навсегда покинуть этот дом, где ее ненавистный отныне брат был полным хозяином. Что она задумала, куда отправилась? Брат и бывший жених боялись, что она последует за принцем, а в порыве увлечения снова будет искать сближения с ним.

Едва дождавшись утра, молодые люди вскочили на лошадей и пустились на поиски, надеясь на счастливый случай. Дорогой они помирились.

Одна, пешком, Изабелла, конечно, должна была идти по большой дороге, избегая Компьена, где ее все знали, и пробраться в какой-нибудь город, где найти экипаж, который довез бы ее до какого-нибудь общественного пути сообщения. Кроме Компьена, на десять верст в окружности только в Суассоне была почтовая линия дилижансов между Лаоном и Парижем. Конечно там ее и следовало искать.

Их расчет был верен: если они сами не видели беглянки, то встретили Бруслара, который на четверть мили дальше посадил ее к себе. Они рассчитывали проехать версты три вперед и потом разехаться в разные стороны по разным дорогам. Бруслар, ехавший окольной дорогой, разбил все их предположения.

Напрасно оба всадника внимательно осматривали дорогу, кусты, прилегающие к ней поля - они не видели никого и ничего. Тогда, думая, что отъехали слишком далеко, они повернули обратно, по направлению к Компьену и замку д'Этиоль. Не подозревая происходивших там событий, они ехали с единственной целью отыскать беглянку.

На одном перекрестке дороги они увидели большую рыжую собаку, яростно лаявшую на чашу кустов. Прюнжэ заметил какое-то большое, продолговатое тело, лежавшее на земле, и, остановив лошадь, сказал:

- Там что-то есть; может быть, мертвое тело...

Они переглянулись, испуганные одной и той же страшной мыслью: оскорбленная, отчаявшаяся во всем Изабелла могла лишиться себя жизни в этом лесу... Оба соскочили с лошадей, привязали их к ветвям никозго дуба и бросились в кусты. Рыжая собака перестала лаять; она внимательно следила за молодыми людьми и, видя, что те направились в кусты, сочла очевидно свою задачу оконченной и спокойно, тихим шагом пошла к деревне.

- Ого! - вскрикнул Прюнжэ, шедший впереди.

- Что такое? - тревожно отозвался Иммармон.

- Человек, плавающий в крови.

Оба склонились над этим неподвижным телом, казавшимся трупом. Но нет! На ужасном, окровавленном лице горели блестящие, полные ненависти, широко открытые глаза.

- Тэ! Граф де Тэ! - воскликнули молодые люди.

Глаза раненого загорелись огнем бешенства.

- Послушайте, граф де Тэ, - заговорил Прюнжэ, склонив колени около этого полумертвеца, - скажите что-нибудь... Вы знаете нас - Иммармон, Прюнжэ? Что с Вами случилось?

Раненый с ненавистью смотрел на мундиры этих императорских офицеров-врагов... Наконец он глубоко вздохнул, разжал зубы, и из его бледных губ вылетело проклятие.

- Оставьте меня, подлые собаки! Лучше уж те... Оставьте меня умирать!.. Знаю я эти белые мундиры! Я только что видел один из них, там, среди полицейских ищеек!.. Зачем Вам спасать меня? Чтобы выгоднее продать потом?!.

- Он бредит? - тихо сказал Жан.

- Конечно, - согласился Жак. - Но откуда он взялся здесь? Как попал сюда?

- Я в полной памяти, в здравом уме, - отозвался раненый. Вы знаете меня? А я... я не знаю Вас! Вы - тоже шпионы! Все офицеры Бонапарта - шпионы, разбойники, каналы!..

- Ничего не понимаю! - пожал плечами Иммармон. - Нам подменили нашего де Тэ!

- Есть два де Тэ!.. Меня зовут Арманом: я - старший и единственный... Другой - незаконнорожденный! Он доказывает это, служа корсиканцу! Да, я - единственный и верен своей ненависти! Да здравствует король! Теперь ступайте!.. Выдайте меня, мерзавцы!

Истощенный усилием, раненый потерял сознание. Пораженные молодые люди переглянулись в недоумении.

- Ты понимаешь тут что-нибудь?

Кажется. Ведь нашего де Тэ зовут Эдмондом, а этот - Арман. Должно быть, это - два брата, которые не ладят между собой. Вот он теперь лежит смиренно, пойдем за помощью.

- А Изабелла? - спросил Прюнжэ.

- Изабеллу мы найдем, если на это будет Божья воля.

Прюнжэ, казалось, неохотно подчинился такому заключению.

Час спустя, граф Арман де Тэ уже находился в замке Депали. Его сжигала лихорадка, он совершенно потерял всякое сознание окружающего и все время бредил прошлым.

У его кровати задумчиво сидели оба кузена. Они сознавали, что, принимая у себя этого шуана и оказывая ему помощь, они изменяют императору, мундир которого носят.

Когда до них дошли слухи о происшествиях в замке д'Этиоль, они встревожились еще более: если когда-нибудь узнают убежище графа де Тэ, то они окажутся сообщниками и тогда

погибнут, а в таком случае они выдадут и других, и первого - принца, того самого, ради которого они приняли на себя опасную роль, противную их убеждениям того принца, который теперь не хочет больше знать их!.. Вместе с тем их стала еще более угнетать мысль об Изабелле.

Они, как и Бруслар, почувствовали ожесточение против своей трудной задачи, не дававшей им ни славы, ни надежды на успех...

XXI

Между тем в замке д'Этиоль, после трагической ночи, снова начались розыски и допросы.

Граф Форас, его сын и д'Ормансэ отвечали на новый допрос: один - молчанием, другой - пожатием плеч, третий - насмешками. Их отправили вместе с другими, менее важными, пленниками - под хорошим конвоем в компьенскую тюрьму, чтобы потом переслать в Париж.

Раненые были отправлены туда же, в лазарет.

- А что Вы сделаете со мной? - спросила Диана.

- Вам придется побыть еще здесь, - ответил Кантекор, - в качестве хозяйки замка, Вы должны присутствовать при обыске.

- Разве он не кончен?

- Нет.

- А что будет потом?

- Потом я буду ждать распоряжений от Фуше. Пусть решает он. Впрочем император не ведет войны с женщинами: теперь не террор... Может быть, Вас только вышлют в Англию.

- Ах, только? Значит, новое изгнание?

- Кто же в этом виноват? - развел руками Кантекор.

- Подчиняюсь, - сказала Диана, - Вы сильнее! Но если когда-нибудь ветер переменится и придет наша очередь...

- Ну-с, что же Вы сделаете тогда?

- Я непременно прикажу повесит Вас.

Кантекор разразился громким смехом.

- Полноте! Стара штука! Вы думаете, что теперь все еще царствует король Генрих? Надо быть современнее!

Он был весел и шутил: раненое плечо не причиняло теперь ему боли, и доктор сказал, что через неделю оно совсем поправится. Кантекор снова ощущал радость жизни, которая была бы еще полнее, если бы ему удалось поймать Бруслара, но - увы! - полного счастья не бывает на свете! Кроме того его тревожило еще одно обстоятельство: надо было точнее расследовать роль, которую играл принц в этом заговоре шуанов. По-видимому все доказывало, что Гранлис замешан здесь совершенно случайно, но Фуше мог рассудить иначе. Надо было

собрать доказательства, не надеясь на свидетельство людей, которые сами замешаны в том же деле, и не судить по наружности, которая могла быть обманчивой. Не поторопился ли он выпустить главную птицу из своей сети? Ответственность была серьезна.

- Надо собрать доказательства, - повторял себе Кантекор.

Он послал в Ретонд за хозяином гостиницы "Великий Монарх" и его служанкой Бастьенной, предупредившей принца с грозившей ему опасности.

Допрос первого был короток и решителен: он оказался, как и следовало ожидать, горячим роялистом, уже не раз замеченным полицией. Он не дал себе труда запираяться и спокойно отправился к своим товарищам в тюрьму.

При виде вошедшей служанки Кантекор приятно улыбнулся. Это была действительно красивая девушка, хорошенькая милашка. К тому же она спасла его принца и тем уже расположила его в свою пользу.

- Дитя мое, - заговорил Кантекор, крутя свой ус здоровой рукой, - Вы присутствовали в тот вечер на собрании виновных лиц, в гостинице, где Вы служите? Вы знаете это?

- Кажется, что так, но этого я не знала.

- Что они говорили?

- Много чего, но я не особенно поняла... разобрала только одно: что они хотели зла господину Гранлису...

- Откуда Вы знаете это имя?

- Я знаю его давно. Нынче летом я служила в гостинице "Золотой Колокол" в Компьене и при мне был тот завтра, когда еще перебили посуду...

- Ба! - вспомнил Кантекор, - верно, теперь я припоминаю. Так что все эти шуаны - их так зовут, дитя мое - хотели зла господину Гранлису? Что же они хотели сделать с ним?

- Просто зарезать или бросить в воду.

- Ого! Это не дурно!

- Особенно злы были молодые; один старик с большой бородой предложил запереть его в комнате...

- Ну, это ему не зачтется, - сквозь зубы сказал Кантекор.

- Но за что же они хотели убить этого офицера?

- За то, что он служил императору, а они - королю.

- Короля у нас нет, милая девица.

- Я говорю, как говорили они.

- Так! И Вы предупредили Гранлиса, который и скрылся?

- Да, к счастью! Я вздохнула свободнее, когда он переехал мост. За ним погнались...

- Да, я знаю, - остановил ее Кантекор. - Отсюда следует, что Гранлис не знал раньше этих шуанов?

- Нет; он встретил троих из них - этого старика с двумя сыновьями, - когда заблудился в лесу. Они привели его в гостиницу, может быть, именно для того, чтобы убить...

Писарь, сидевший рядом с Кантекором, записывал показания служанки. Кончив допрос, Кантекор попросил его громко прочесть написанное.

- Все это верно? Так? - спросил он у Бастьенны.

- Точно так.

- Отлично! Можете Вы подписать?

- Могу, если постараясь.

- Постарайтесь и подпишите.

Служанка наклонилась над столом, взяла перо и, по-детски высунув кончик языка, с трудом и сопением вывела большие, круглые буквы. Следивший за ее пером агент Фуше дрогнул и выпрямился.

- Бастьенна Кантекор, - подписала девушка.

- Вас зовут Бастьенна Кантекор? - запинаясь спросил агент.

- Да! Некрасивое имя, не правда ли?

- Кантекор де ла Коррез?

- Да.

- Из гостиницы "Повешенного" в Пюи Ма Шевалье?

Бастьенна испуганно отступила.

- Вы - сам дьявол, должно быть!.. Правду говорят про полицию...

- Отвечай, отвечайте!

- Да, мой отец - тоже трактирщик, вот почему я...

Она не успела кончить: Кантекор обнял ее здоровой рукой и поцеловал в обе розовые щеки, причем произнес:

- Я - Жером, твой брат!

Глаза девушки расширились от удивления.

- Это - ты? - наконец спросила она. - Да, в самом деле, хорошую шутку сотворил ты с нами когда удрал!

Оба весело рассмеялись. Потом Кантекор осведомился:

- Что отец? Дети?

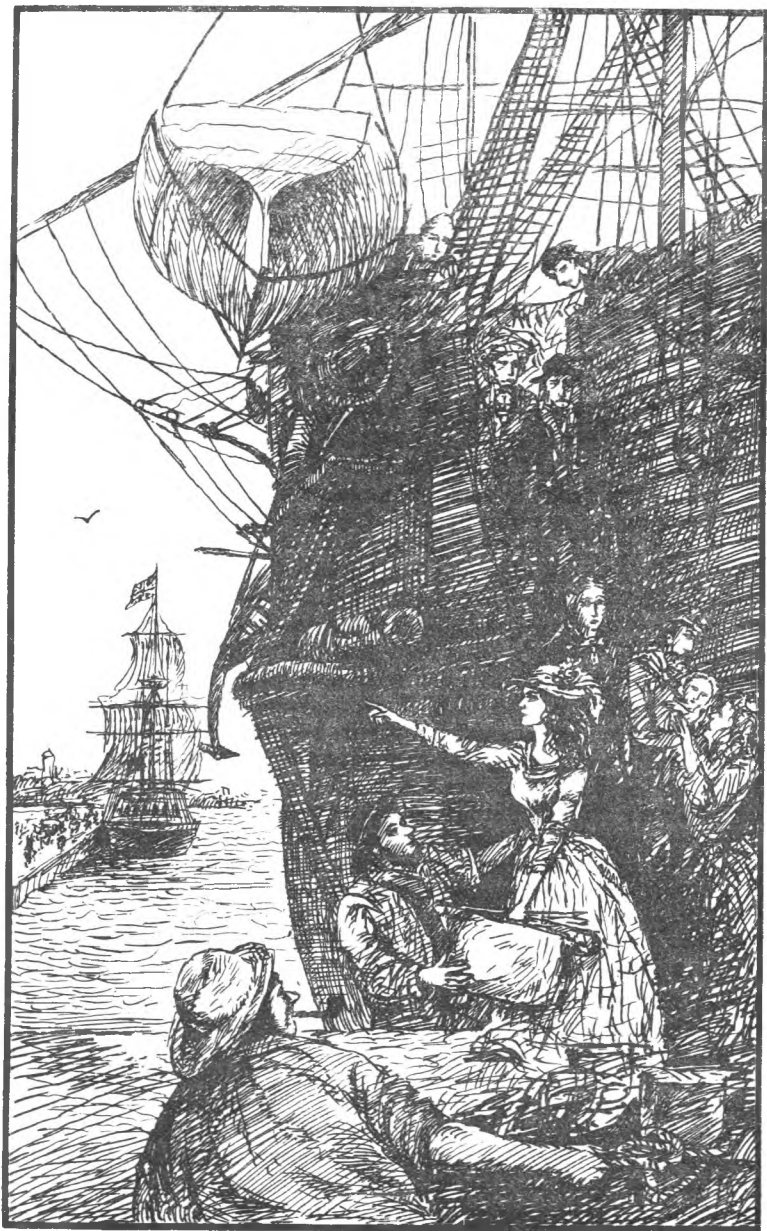
- Не знаю. Я уже четыре года не была дома, ответила Бастьенна.

Один писарь был свидетелем трогательной сцены. Когда волнение прошло, брат и сестра спокойно расстались, даже не сказав друг другу "до свидания". В этой семье не привыкли к чувствительности.

В продолжение дня Кантекор, в присутствии маркизы д'Этиоль, осмотрел все документы, найденные в замке.

Большей частью они состояли из связок любовных писем, писанных все разными почерками. Рассерженная Диана кричала, что это - насилие над правами человека, тем более - женщины. Однако ей пришлось замолчать, когда нашли потай-

ной ящик, где хранились более опасные бумаги: письма из Лондона, Митавы, Курляндии, Германии и Италии, где под вымышленными именами легко было угадать настоящие, под видом анекдотов - найти серьезные указания; словом - здесь оказалась вся переписка принцев со своими партизанами.

Кантекор перебирал эти бумаги с наслаждением и с насмешкой сказал Диане:

- Ну, маркиза, как теперь насчет "прав человека"?

Видя, что попала, маркиза скрестила руки и молча сделала презрительную гримасу.

Компрометирующие документы были опечатаны и обыск закончен.

Наутро прибыл гонец с распоряжениями Фуше: маркизу было приказано отвезти в Булон и отправить в Англию; других же пленников отослать в Париж.

Узнав свою участь, Диана вздохнула свободнее.

Под конвоем четырех жандармов она села в экипаж, а затем, прибыв во французский порт, взошла на первое судно, готовое к отплытию; с этой минуты она считала себя снова свободной.

Сойдя на землю в Фолкестоне, в Англии, она, не теряя времени, перевезла свой багаж на борт английского судна, отплывавшего в Кале, и уже два дня спустя снова въезжала во Францию, справедливо рассуждая, что, чем быстрее будет ее возвращение, тем меньше возбудит она подозрений. Из Кале она в почтовой карете отправилась в Париж, спокойная, веселая, полная надежд и желаний. О Брусларе она не особенно сокрушалась. К тому же до нее дошли бы слухи, если бы он был схвачен.

А между тем старый шуан в обществе Изабеллы испытывал не мало приключений на пути в Суассон.

Прежде всего тележка на повороте дороги наткнулась на первый отряд драгун, обыскивавший окрестности в погоне за шуанами. Они сейчас же принялись допрашивать двух путешественников, несколько подозрительных на взгляд. Усердный бригадир довольно бесцеремонно рассматривал их.

- Кто вы такие? - спросил он.

- Баптист Бонжан и моя дочь - Жанина.

- Куда вы едете?

- В Суассон.

- Зачем?

- Продавать свои овощи, завтра там базар.

Бруслар отвечал спокойно и уверенно, привыкший к такого рода столкновениям. Позади него сидела на мешке с репой Изабелла. Она подняла голову и улыбнулась бригадиру.

Это был молодец лет тридцати, очень много думавший о своей фигуре, осанке и усах, которыми гордился.

Красивая аристократка окинула его своим чарующим взглядом, и тот немедленно произвел свое действие; жандарм оставил свой суровый вид, заметно смягчившись. Ему казалось, что он произвел огромное впечатление на эту деревенскую Венеру, и он сразу стал любезным.

- Хорошо, - милостиво сказал он, - вы - люди мирные, бевредные. Дорога принадлежит вам, как и всякому другому. Проезжайте, но, когда я буду в ваших местах, я сделаю вам визит... по обязанности службы, ради большей верности.

При этих словах он бросил лукавый взгляд на девушку.

- Вы доставите мне большое удовольствие, - поспешил сказать Бруслар.

- И мне тоже! - кокетливо произнесла Жанина.

Бригадир покраснел при этом от удовольствия.

- А пока вернемся в нашим делам, - произнес он: - вы - к своим, мы - к нашим. Где живете вы?

- В Сэн-Жане, - близ гостиницы, - проворно ответила Изабелла.

- Каждый укажет Вам наш дом, бригадир, - поддержал ее Бруслар.

- Хорошо. Так до свидания! Желаю всего хорошего и буду нетерпеливо ждать следующей встречи, мадемуазель!

Бригадир вежливо раскланялся и поехал дальше со своими солдатами .

Позади них шуан подгонял свою белую лошадь.

- Ну-ну, "Коко"! - покрикивал он, а когда жандармы скрылись из вида, обернулся к Изабелле: - Уф! Как часто можно пропасть из-за пустыков! Этот бригадир начал было плохо. Не понимаю, отчего он отстал так скоро?..

- Зато понимаю я, - сказала девушка.

- В самом деле? А почему же?

- Я посмотрела на него, - просто сказала она.

Бруслар улыбнулся и задумался.

- Да, красота - сильное оружие! - сказал он несколько минут спустя.

Еще несколько раз дорогой они встречали затруднения, но, благодаря хладнокровию, благополучно избавлялись от них.

Изабелла наметила себе целью Париж; Бруслар направлялся в Валон, где, как он знал, его охотно, с распростертыми объятиями, должна была встретить мадемуазель д'Отвилль.

Оба без всяких препятствий достигли своей цели.

В это время целая драма, полная отчаяния, слез, женского горя разыгралась при веселом до сих пор дворе, в Рамбулье, когда туда дошло известие о приключениях в замке д'Этиоль и о смерти капитана Кастеле. Император сам сообщил об этом Жозефине, а та пожелала непременно лично сообщить своей любимой придворной даме о постигшем ее несчастье.

Она пришла к Луизе Кастеле в сопровождении дочери Гортензии и Полины Боргезе; последняя до сих пор относилась насмешливо к молодой женщине, красота которой иногда затмевала ее собственную. Но теперь всегда впечатлительная принцесса следовала влечению сердца.

Утром императрица Жозефина, Гортензия и принцесса увели в парк бедную Луизу, удивленную приглашением и их печальными лицами.

- Луиза, - тихо начала Жозефина, - бедное дитя, я должна сообщить тебе печальное известие. Будешь ли ты иметь мужество выслушать его?

Молодая женщина побледнела и всплеснула руками.

- Ваше величество! Что случилось? Франсуа... мой муж? - вырвалось у нее.

- Да, дело идет о нем, - печально продолжала императрица, - ему пришлось столкнуться с шуанами, с Брусларом... Произошла стычка...

- Он ранен? - отчаянно вскрикнула Луиза.

- Да, дело идет о нем, - печально продолжала императрица, - ему пришлось столкнуться с шуанами, с Брусларом... Произошла стычка...

- Он ранен? - отчаянно вскрикнула Луиза.

- Да, и очень опасно, - сказала Гортензия.

Луиза поочередно смотрела на трех дам, ища их взгляда; дыхание остановилось в ее стесненной груди.

- Правду! Ради Бога - скажите правду! - запинаясь произнесла она. - Где он? Я поеду к нему! Я хочу видеть его!

Все трое молчали потупившись.

- Он умер! - раздирающим голосом вскрикнула Луиза, - падая на колени перед императрицей и ломая руки. - Государыня, если Вы любите меня, - не обманывайте меня! Я сильна - я вынесу все... Они убили его!?

- Да, бедное дитя, - вздохнула Жозефина.

Раздался тяжелый стон: Луиза опрокинулась навзничь, закрыв глаза и раскинув руки. Полина и Гортензия бросились поддержать ее; все плакали.

Но вдруг Луиза Кастеле неожиданно освободилась из их рук, шатаясь поднялась на ноги, машинально оправила волосы и пошла нетвердыми шагами по направлению к замку.

- Куда ты, бедное дитя? - спросила Жозефина.
- К императору, - отрывисто ответила Луиза.
- Он ждет Вас, - сказала Полина, - он также очень печален.

Наполеон был на террасе и издали следил за происходившей сценой. Он протянул обе руки и крепко сжал в них руки Луизы. Ему было жаль ее.

Конечно смерть капитана Кастеле была для него вполне ничтожным обстоятельством, но он привык видеть всегда смеющейся красавицу Луизу и ее горе огорчило его.

Он заговорил громко и отрывисто, стараясь скрыть невольное волнение.

- Луиза де Кастеле, Ваш муж храбро умер на своем посту, исполняя свой долг, погиб в борьбе с врагом... Он завещает мне заботу о Вас и я принимаю ее. Не бойтесь будущего: я с Вами.

- Благодарю, государь, - перебила Луиза. - Но я хочу просить у Вас милости.

- Говорите, соглашаюсь заранее.

- Я требую мести... мести Бруслару, шуанам, убийцам!.. Я хочу посвятить всю свою жизнь тому, чтобы найти их, преследовать, унитчожить!.. Да, да!.. Всеми способами! Я буду с ними, вокруг них, повсюду... Я выдам их Вам связанными по рукам и ногам!.. Я уже знаю, подозреваю... Я не успокоюсь до тех пор, пока Бруслар и другие не будут расстреляны нашими пулями на Гренельской площади. Это - мое единственное желание, все мое счастье! Я пуцу в ход все средства ради этой цели. Я - вдова и свободна; я душой и телом отдамся своей ненависти, своей мести, чтобы добиться их гибели... Только так я могу остаться жить!..

Наполеон удивлялся. Он любил энергию повсюду, а кроме того изящная грезовская головка Луизы, плававшей мщением и яростью, была прелестна, и властитель мира любовался ею.

- Да будет так! - сказал он. - Бесплезно быбо бы разувезать Вас... Но знайте, что предстоит не мало опасностей.

- Тем лучше!

- Исполняйте свою волю. Вам будут помогать.

- Благодарю, государь. Обеспечьте мне полное содействие Фушле, Савари, других Ваших помощников.

- Это будет сделано, а пока я назначаю Вам двадцать тысяч годового дохода. Это будет не лишним для Ваших планов. А когда кончится Ваш траур, Ваше горе успокоится и Ваша месть будет удовлетворена, - Вы снова займете свое место около императрицы, которое, к сожалению, опустеет теперь... Ну, а теперь, дитя мое, идите плакать на свободе...

Печально прошел этот день при дворе в Рамбулье: Луиза Кастеле была всеми любима.

Три дня спустя, она явилась к Фуше.

- А, это - Вы? - спросил министр, по привычке равнодушный к горю вдовы (он столько их видел!). - Что Вам угодно?

- Мне нужны сведения, полномочия, если понадобятся - надежные агенты.

- Да, это - безумная затея, и император поощряет ее! Мой совет - обратите наибольшее внимание на Бруслара: он любит дам, а Вы так красивы... Юдиф и Олоферн - старая история. Но будьте осторожны, не действуйте наугад, а то Вы принесете нам больше вреда, чем пользы. Но все это будет стоить дорого.

- Только не Вам, - ответила Луиза. - Мой муж умер, теперь мне деньги не нужны. Все свои средства я посвящаю своему мщению, а это не очень мало.

- Тогда дело иное, - проговорил министр. - Несмотря на все промахи, неудачи, ошибки, которые обязательно последуют, не считая разочарования через какие-нибудь три месяца... Ну, да что говорить!.. Это - желание императора, и я преклоняюсь перед ним. Возьмите Кантекора, Вы знаете его? Это - один из моих лучших агентов; он же был в замке д'Этиоль, где погиб наш бедный капитан, Ваш супруг... Если он упустил Бруслара - это была не его вина. Так я пришлю к Вам Кантекора, это самое лучшее. Сам я всегда к Вашим услугам. Где Вы живете?

- Улица Монблан, шестнадцать, особняк в саду.

- Отлично! Но, повторяю, будьте крайне осторожны. Предусмотрительность - главное достоинство каждого сыщика, профессионала или любителя... все равно. До свидания.

Фуше проводил Луизу до дверей и раскланялся. Она вышла все с той же решимостью, несмотря на холодный прием министра полиции: ее не смущали такие мелочи.

Ее планы были уже обдуманы и несколько подозрительных имен записаны. Она помнила, что говорил в Компьене Наполеон по поводу молодых людей, представленных Жозефиной в кандидаты дворянских полков, как раз в тот вечер, когда Бруслар поднял скандал в гостинице "Золотой Колокол". Хотя они и были уже приняты на службу императора, они все же оставались в глазах Луизы роялистами, готовыми на измену. Ей представлялось много следов: прежде всего этот Гранлис, странная личность, в тайну которой, несмотря на все старания, не могла до сих пор проникнуть сама полиция. Но, конечно, главным надо было считать Бруслара, самого ужасного из шуанов, убийцу ее мужа.

Луиза ждала Кантекора, разбирая свои бумаги, бледная и прекрасная в своем вдовьем трауре. Присланный министром Кантекор явился, но получил предварительно особые инструкции: он должен был по-видимому служить Луизе, однако на самом деле разрушал все ее сумасбродные планы, если ее фан-

тазии направятся случайно против принца. Услышав это, сыщик содрогнулся... Нет, он не даст тронуть своего принца ни кому, ни даже этой молодой, красивой женщине. Он сумеет защитить его. Решив это, он спокойно явился по требованию Луизы, пришел сделать это тем охотнее, что знал, что в этом предприятии не будет недостатка в деньгах.

Его приняли, как старого знакомого, как драгоценного союзника, и он был поражен возбуждением молодой вдовы. Она сразу предложила планов двадцать: обвиняла Бруслара и шуанов в преступных замыслах против императора, обвиняла в то же время придворных лиц, упоминая Иммармона, Прюнье, Тэ, Невонтера, Новара, Гранлиса особенно последнего требуя мщения, желая их гибели

Он не стал спорить с ней, соглашался во всем обращаясь с ней, как с ребенком, ни в чем не противореча

- Да, да! Вы правы, тут что-то есть. все эти люди ненадежны, я уже говорил об этом Фуше. Он тоже нашего мнения. Но император желает привлечь к себе молодежь. Он и привлекает ее.

Луиза внимательно смотрела на него, нервно стуча пальцами по столу.

- Кантекор, Вы понимаете меня? наконец произнесла она. - Будете служить мне?

- Да!

- Хорошо! Я буду надеяться на Вас. Приходите ко мне по утрам, часов в десять для отчета, для получения распоряжений.

Луиза уже распорядилась, отдавала приказания и предстала собой прелестное изображение начальника в юбке капитана - в локнах.

Но Жером Кантекор не сумел отличить, сколько холодно го расчета и здравого смысла было под ее увлекающейся на ружностью. Уже через неделю Луиза знала его насквозь, могла вывернуть его наизнанку, как свою перчатку, она отлично понимала, чего может ждать от него, то есть ровно ничего, поняла, какую роль он хочет играть около нее, то есть двойную, и ценила его по заслугам ровно ни по чем. Однако она не отстранила Кантекора от дела, желая иметь его на своей стороне, но немедленно же обратилась к другим

Савари всегда был очень любезен, особенно с красавицей Луизой; кроме того он был рад чем-нибудь досадить Фуше и потому сейчас же выбрал для нее двух своих лучших людей

Их звали Жироль и Фроамантель, и оба они имели некоторую претензию на изящество и аристократичность. Это были сыщики иного разряда, чем Кантекор, может быть, менее опытные, но более тонкие. Они хорошо одевались и посещали лучшие рестораны и кафе.

Один из них был высокий и белокурый, другой - толстый и темноволосый, тоже хорошего роста. Оба были образованы и знали лучшие времена. Они за недостойную сторону своего ремесла утешали себя тем, что отыскивали в нем поэтические интересы.

Савари отдал их в полное распоряжение Луизы. Они внимательно выслушали молодую женщину, живо принялись за дело и немедленно показали результаты своей деятельности.

Между тем Кантекор убаюкивал свою "патронессу" все возможными рассказами. Она слушала его, но давала ему все меньше денег. Тогда он стал являться к ней реже; на это она по-видимому не обратила внимания. Тогда он вообразил, что сумасбродная женщина уже остыла, отказалась от своих прежних планов, и совершенно перестал ходить к ней, заявив Фуше, что она уже успокоилась и ее нечего бояться. Фуше охотно поверил этому, потому что сам мало обращал внимания на женщин.

С тех пор наоборот сыщики Савари, почувствовав себя на полной свободе, еще более горячо бросились по указанному следу, заинтересовавшись делом. В течение целого месяца они сосредоточили свои наблюдения вокруг замков Деспали и д'Этиоль, а также Вавилонской улицы, около лавки часовщика Борана, около известного приюта Фоли-Бегоньер.

Они знали, что в Компьене, у Иммармонов, скрывается таинственный раненый, имя и звание которого стали известны им через сутки, благодаря сведениям, добытым в замке д'Этиоль. Такое укрывательство шуана компрометировало очень многих.

Сыщики разыскали следы путешествия Бруслара из Суассона в Нормандию, чутьем слышали его присутствие в Валони, знали его роль в замке д'Этиоль, его разговоры с офицером в белом мундире, по-видимому невольно запутавшимся в этом скверном деле.

Тогда они прицепились к этой живой загадке носившей имя Грандис, и стали следить за ним.

Кантекорнискольконеподозревал их: они были еще "новенькие" не "обстреленные", как выражались в полиции. Агент Фуше встречал их в Пале-Рояле, в увеселительных местах, и считал их праздными, легкомысленными людьми.

Фроамантель и Жиролль проникли в лавку часовщика Борана, чуяли там множество прошлых интриг, но видели, что теперь это место пришло в запустение.

Они продолжали свои исследования, тщательно занявшись десятью "кадетами императрицы"

Таким образом они узнали о них следующее.

Во-первых граф Эдмонд де Тэ был младшим братом раненого, скрывшегося в Деспали. Родной брат шуана не зна-

чило ли это, что и он сам принадлежит к ним? (Примечание Луизы Кастеле).

Во-вторых - Жан де Прюнжэ и Жак д'Иммармон виновны в укрывательстве беглого бунтовщика и проводят все свое время около Гранлиса, который не хочет знать их.

В-третьих - маркиз Эрве Невонтер очень честен и не скрывает своих мнений в обществе.

В-четвертых - графу Луи де Новар, озабоченному недостатком денег, нет никакого дела ни до императора, ни до королей.

В-пятых - Поль Рантиньи, высокий, свежий нормандец с голубыми глазами, любит всех женщин на свете.

В-шестых - Бертран Микеле де Марш любит одну единственную женщину в мире - Олимпию Мартенсар, сестру офицера, дочь банкира, но скрывает свою любовь, несмотря на поощрение со стороны своего предмета, не решаясь говорить потому, что у нее около двух миллионов приданого, а у него - одно офицерское жалованье.

В-седьмых - Евгений Мартенсар, брат Олимпии, швыряет деньгами и очень счастлив, что живет в такое славное время и при таком великом императоре.

В-восьмых - шевалье д'Орсимон живет в семье двух старых теток, мадемуазель де Ваденкур, особе древних и добродетельных, наивных, лакомок и богомольных, обожающих своего племянника Пьера и кошку "Фрике", лучше знающих короля Людовика XV, чем Наполеона, которого однако считают избранником Божиим и спасителем отечества. Их племянник - истинный солдат, глубоко преданный своему государю.

- Здесь делать нечего, - единодушно решили сыщики.

Они снова вернулись к Гранлису, этой загадочной личности, все время вертелись около него и видели, что теперь от него не отходит Эдмонд де Тэ, а это возбуждало в них еще больше подозрений. Наконец они уловили тонкий аромат женских интриг, точно золотыми нитями опутавших Гранлиса, этого странного офицера императора, которого постоянно конвоировали самые ярые роялисты.

Сыщики чувствовали, что попали на главный след, что здесь находится самый центр всей драмы.

Луиза побледнела, слушая их, и чутко насторожилась. Имена женщин, соединенные с именем принца, были известны ей: Изабелла Иммармон, аристократка, подозрительная в высшей степени; Диана д'Этиоль, высланная из Франции, вернувшаяся тайком, та самая, в замке которой погиб муж Луизы под кинжалами шуансов.

Третья замешанная здесь женщина оставалась пока невыясненной. Фроамантель называл ее "мадам де ла Бегоньер", а Жироль - "Главной дамой", подозревая, что она играет в

деле важную роль. Однако ни тому, ни другому никак не удалось подойти к ней ближе. Они знали, что она существует, исчезает и появляется, где встречается с ней Гранлис, эта живая тайна, их мучение, их кошмар!

В течение бессонной ночи Луиза Кастеле придумала ловушку, в которую должны были запутаться все эти ночные птицы, порхающие вокруг императора, как вокруг маяка. Женщина сама, она хотела действовать через женщин; жестокая ненависть подсказала ей верный путь. Она послала Савари следующее письмо:

“Прикажете занять мой дом завтра, около полудня. Я выдам Вам живыми на месте преступления партию шуанов и шуанок, виновных уже в том, что собрались вместе. некоторые из них состоят на службе самого императора! Л.К.”.

XXIII

Утром двадцать восьмого августа граф де Форас, его сын Эмери и маркиз д'Ормансэ были расстреляны на Гренельской площади; они умерли героями, с высоко поднятой головой и бесстрашным взглядом.

На рассвете весть об этой казни облетела Париж и взволновала его: устали от убийств; никто не знал имен жертв, никто не возмущался их преступлениями, их почти не считали виновными. Что такое они сделали? Ничего особенного. Неудавшийся заговор? Это - вовсе не такая важная вещь. Форас - никому не известен; его сын, говорят, - еще ребенок; д'Ормансэ - маленький, красивенький маркизик... Шуаны? Конечно, но их так мало и к тому же это, вероятно, последние. Приверженцы императора ссылались на Бруслара. Но большинство сомневалось даже в его существовании. Где же он, этот легендарный герой? Не выдумка ли это полиции, может быть, самого Фуше, чтобы поддерживать в городе страх перед шуанами, чтобы оправдать порой некоторые крутые меры?

- Покажите нам этого Бруслара!

Но его никому не показывали...

Во всяком случае последняя казнь была принята неблагоприятно. Среди народа раздался ропот, а когда полиция рассеяла толпу, слышались свистки и даже было брошено несколько снарядов. Целый день продолжалось это глухое недовольство - правда, не опасное, но кем-то поддерживаемое...

В высших сферах ничего не подозревали или пожимали плечами. Между бывшими эмигрантами замечалось недовольство, но они выражались осторожно, исподтишка: кулак показывали в кармене, гнев не превышал благоразумия.

Все-таки было видно, что умы волновались.

В такое время весть о тайном собрании роялистов, конечно не опасном, но все-таки нежелательном, встретила полное недоверие. Генерал Савари, получив письмо Луизы, приказал расследовать дело. Начальником этой экспедиции был назначен Фроамантель, что очень обрадовало и его, как и Луизу с Жироллем. Все было предусмотрено заранее, и успех, казалось, был обеспечен.

В этот же самый день некоторым лицам были посланы письма, которые произвели на них разнообразное впечатление.

Полина Боргезе первая странным образом получила не подписанное письмо без адреса. Двор уже дня три как переехал из Рамбулье в Париж, по случаю очень важного дипломатического столкновения с Пруссией, предвещавшего мало хорошего. Полина, которую брат-император отсылал обратно в Рим, проводила последние дни своего пребывания в Париже, занимаясь бесчисленными покупками по магазинам. На самом же деле она каждое утро проводила в Фоли-Бегоньере, куда украдкой являлся и Гранлис. Оба предчувствовали близкую разлуку, и последние свидания носили несколько печальный характер.

Наступила война со всеми ее случайностями. Давая случай выказать храбрость, она вместе с тем пугала неизвестностью. Хотя влюбленные тешили себя всякими мечтами о будущем, но оба смутно чувствовали, что перелистывают последние страницы своего увлекательного романа. Может быть, Полина думала уже иное...

В четверг утиром итальянка Мария, проходя по саду, увидела на аллее сложенную бумагу, обернутую вокруг камня, как видно, брошенную через решетку. Она подняла его. На бумаге стояли два слова: "Для дамы". Служанка отнесла письмо к принцессе.

Полина с любопытством развернула письмо. Там стояло: "Ваш друг скомпрометирован (Форас, Ормансэ, Бруслар), ему грозит большая опасность. В три с половиной часа, 16, улица Монблан. Придите, если любите. Верный".

Принцесса нахмурилась: она заподозревала ловушку и обеспокоилась. Значит, принц не придет, когда она его ждала? Сидя на кушетке, она озабоченно считала минуты и часы, держав в руках открытое письмо. По мере того, как шло время, ее лицо все более омрачалось.

Когда пробило полдень, она позвала Марию и, по обыкновению, тщательно закрывшись вуалем, обе они вышли из дома и сели в стоявшую неподалеку карету.

За завтраком в это утро у своей сестры Каролины Мюрат Полина не открывала рта, не скрывая своей озабоченности.

В то же утро и Гранлис получил свое письмо, гласившее:

“Берегитесь, за Вами следят. Оставайтесь дома сегодня утром, иначе Вас накроют. В три с четвертью часа приходите без опасений в улицу Монблан,16; Форас требует мщения. Бруслар скоро будет. Друг”.

Принц был сильно заинтересован. Он так же, как Полина, вертел в руках письмо, не понимая, откуда оно. Почерк несомненно был женский. Может быть, его писала Мария? Но нет, так она не сумела бы написать. Кто же тогда?

Он вспомнил Кантекора. Этот сыщик, очевидно, покровительствовал ему неизвестно с какой - быть может, и с дурной - целью. Может быть, это написал он при посредстве какой-нибудь своей сообщницы. Почему бы не поверить этому предупреждению? Он, конечно, получил от Фуше особые предписания: поберечь пока данное лицо, чтобы потом выгоднее продать его. Пока для этого еще не настало время.

Размышления принца были близки к истине.

Он так и не вышел из дома в это утро, тем более охотно, что был очень расстроен смертью Фораса, его сына и д'Ормансэ.

В таком же настроении были де Тэ, Иммармон и Прюнжэ, когда получили доставленные около полудня такие письма:

“Улица Монблан,16, в три часа. Гранлис в большой опасности: западня. Все узнали. Бруслар уведомен”. Подписи не было.

Все трое сочли это последствием недавней казни: роялисты подверглись, конечно, еще большему преследованию в Париже, последуют новые аресты, военный суд в Венсенне...

Они подумали, что принц, за которым все время следила полиция, умышленно завлечен в западню, и подвергнется опасности, если вздумает защищаться... Они решили немедленно явиться туда, куда их звали, что бы их там ни ожидало, хотя бы верная гибель. Одно только было важно: принц, подвергавшийся опасности. Оба кузена в особенности чувствовали себя ответственными за жизнь своего короля после скандального происшествия в замке Дапали. С того злополучного дня они вместе с доверием и дружбой принца потеряли право быть около него, защищать его, если понадобится хотя бы собственным телом, умереть за него, а потому теперь они с жадностью схватились за представившийся случай.

В это же время маркиза Диана д'Этиоль получила в своем тайном убежище, в улице Прувер, записку, назначавшую ей свидание в тот же час, по тому же адресу, подписанную “Гранлис”, что заставило ее покраснеть от радости. Забывая о собственной безопасности, она своими встречами и постоянными письмами преследовала в Париже принца, в которого успела пламенно влюбиться.

Изабелла д'Иммармон поступила точно так же. Она жила в доме Юржель, улица Лашез, у одной старой родственницы, которая приютила ее, ничего в сущности не понимая. Все помыслы молодой девушки тоже были сосредоточены около Вавилонской улицы, бывшей для нее таким же магнитом, как и для Дианы. Обе они рассчитывали не без основания, что такое постоянство должно, наконец, тронуть принца. Однако до сих пор молодой человек старательно отклонял все поползновения обеих красавиц. Он совсем мало бывал дома, возвращаясь поздно, выходя рано: уловить его там было почти невозможно, а этого-то именно он и желал.

Изабелла получила такое же приглашение, как и Диана, с той же подписью и сейчас же, как и та, приступила к обдумыванию роскошного, волшебного туалета, чтобы явиться на поле битвы во всеоружии.

Итак, из всех таинственно приглашенных в улицу Монблан ни один не колебался принять приглашение.

XXIV

Три часа; улица Монблан, 16.

Близ австрийского посольства стоял маленький двухэтажный домик с узким двором впереди и окруженным стеной садом позади. В глубине находилась маленькая потайная калитка, выходящая в соседний проулок. Через эту калитку, час спустя после полудня, вошли в дом десять агентов Савари, под предводительством Фроамантеля; в числе их был и его приятель Жиролль. Луиза Кастеле провела их в одну из комнат второго этажа. Там стоял зеленый карточный стол, за которым покойный капитан часто играл в карты со своими друзьями. Полицейские агенты, в ожидании начала комедии или драмы последовали примеру хозяина дома и предались увлекательному развлечению, причем выигрывал все время Жиролль. Время для них шло незаметно; между тем вдова Кастеле приготовлялась к приему приглашенных.

Она скрыла под широким чепцом покроя Шарлотты Корде свои золотистые волосы, которые легко могли выдать ее, а сверх него надела еще кружева, падавшие ей на глаза. В своем черном вдовьем платье она походила не то на госпожу, не то на служанку - трудно было решить. Ожидая назначенного часа, она дрожала от нетерпения. Наконец он пробил на соседней колокольне, и ожидаемые посетители стали собираться. Первыми явились Прюнжэ и Иммармон, за ними де Тэ; третьей под густым вуалем вошла в дом Изабелла, четвертой - так же тщательно скрытая вуалем Диана д'Этиоль.

Молодые люди были приняты служанкой, в сущности Луизой Кастеле, и слугой в красном жилете и белом переднике;

его изображал очень удачно Фроамантель. Пришедших провели в большой плохо освещенный зал; обеих дам, но порознь, проводили: одну - в будуар, другую - в столовую, причем извинились, что придется немного подождать. Те и другие были удивлены таким приемом и несколько встревожены.

Молодые люди разговорились.

- Понимаете ли Вы что-нибудь? - спросил Иммармон де Тэ.

- Я получил письмо, - ответил молодой граф. - Там сообщается, что Гранлису грозит большая опасность и указаны этот адрес и час. Вот и все. Я пришел.

- Как и мы, - сказал Прюнжэ. - Мы получили такие же письма и ждем... Что все это может значить?

- Боюсь, не сделал ли принц какой-нибудь неосторожности после вчерашней казни, показавшейся ему ужасной, не сбросил ли своей маски, погубив таким образом и свое дело, и себя самого! Это так похоже на него...

Оба кузена печально поникли головой.

- Однако что же мы будем делать здесь? - нетерпеливо спросил виконт.

- Ждать, - пожав плечами, ответил де Тэ.

- Кажется, письма не солгали, - продолжал Иммармон, - действительно это похоже на ловушку, но не нам ли самим? Послушайте, над нами ходят, и очень тяжелыми шагами, как будто там не мало людей. Смотрите: заперли ворота. Окна здесь с решетками... А у нас даже нет при себе шпаги.

Действительно, из предосторожности, все были одеты в гражданское платье и не имели при себе никакого оружия.

- Шпаги не помогли бы нам, - сказал де Прюнжэ. - Чтобы сделать такую вещь среди бела дня в Париже, надо иметь для этого власть и возможность. Остается только скрестить руки.

- Как вчера Форас?

- Может быть, - ответил де Тэ.

Их разговор был внезапно прерван: из правой двери появилась Диана д'Этиоль, из левой - Изабелла Иммармон, в средней - показался Гранлис. Все вошедшие не могли ничего разглядеть в полутемной комнате после яркого солнечного света вне ее.

Трое бывших там ранее, уже привыкшие к темноте, узнали принца на самом пороге, бросились вперед, и окружили его. Он жестом отстранил их, не зная, с кем имеет дело.

Позади него, в оставшуюся непритворенную дверь, прошла быстрым шагом третья женская фигура, трижды закутанная вуалем; она точно ощупью пробралась вдоль стены и притаилась в глубине комнаты, подальше от окон. Ее появление прошло незамеченным: все старались рассмотреть друг

друга, но это очень плохо удавалось. Наконец Гранлис узнал графа де Тэ.

- Вы, Эдмонд? - сказал он, - значит, я не один в этой западне, как мне сдается.

- Расчитывайте на меня, государь!

- Конечно! Я в этом уверен.

- Мы тоже здесь, принц, мы оба! - проговорил Жак Иммармон, указывая на своего кузена.

- В самом деле? - сказал Гранлис, не подавая руки. - Видно, что мне не был представлен список приглашенных... Отлично, господа: дом принадлежит не мне...

Наконец он различил перед собой две женских фигуры и встревожившись обратился к ним:

- Простите, кто вы?

В один момент Диана и Изабелла сбросили складки своих вуалей. Их узнали и они узнали одна другую.

Глубокое молчание воцарилось между шестью присутствующими лицами; седьмое оставалось молча, неподвижно в глубине комнаты. Все были поражены неожиданностью встречи после тяжелых сцен гнева и всевозможных приключений. На таком маленьком пространстве соединились здесь людские страсти: зависть, ревность, ненависть, злопамятность и, наконец, любовь, счастливая и несчастная, надеющаяся и пришедшая в отчаяние.

Изабелла грозно смотрела на своего брата и бывшего жениха, затем ее взгляд не особенно дружелюбно остановился на Диане.

Та ответила ей пылающим взором. Но глаза обеих женщин принимали нежное, умоляющее выражение, когда обращались к принцу.

Иммармон и Прюнжэ смотрели на принца, как побитые собаки на хозяина, а на Изабеллу бросали печальные, сострадательные взгляды.

Принц спокойно улыбался всеми, удивленный этим сборищем.

Де Тэ бесстрастно держался около него.

- Однако, господа, - заговорил принц, - кто может что-нибудь объяснить мне? Зачем все мы здесь?

В это время разом распахнулись все двери, за ними обрисовались силуэты многих людей, в комнате стало светлее. Из средней двери с шумом выступили вперед Фроамантель и Жироль.

- Именем императора, - произнес первый, - именем закона, милостивые государи и государыни, я арестую вас!

- По какому праву? - спросил Гранлис.

Оба сыщика отступили, пропустив вперед молодую женщину с золотистыми волосами. Бледная, но видимо радостно взволнованная, она медленно вышла вперед и заговорила:

- Отвечать вам буду я, я объясню Вам все, потому что все это сделано мной, вы здесь из-за меня и - клянусь вам! - ради своей гибели...

Она остановилась на минуту перевести дыхание.

Все смотрели на нее с удивлением. Кто могла быть эта очаровательная блондинка, которая, казалось, так ненавидела их всех? Слушая ее, видя множество полицейских, занявших все выходы, все поняли, что грозит опасность.

Слушайте меня и все поймете, - продолжала красавица, несколько успокоившись. - Я - Луиза де Кастеле, вдова капитана, убитого шуанами месяц тому назад в замке д'Этиоль. - Она обратилась к Диане: - у Вас, сударыня.

- Совершенно верно, - кивнула головой та.

- Теперь я, как вы видите, - агент полиции, сыщик, шпион... Но еще недавно я была придворной дамой императрицы, даже ее секретарем и очень многое видела и слышала, Господин Гранлис!

При этом имени все вздрогнули. Луиза говорила наугад, но ее слова так походили на истину... Ей поверили вполне, все были смущены.

- Я дала клятву, - продолжала вдова, - отомстить за своего мужа вам всем... Здесь не хватает одного Бруслара. Но я найду его, это только отложено. Ваше присутствие здесь, ваша поспешность отозваться на приглашение, где упоминалось имя Бруслара, - уже это одно обвиняет и губит вас. Кроме того каждый из вас имеет свой обвинительный акт. Выслушайте. - Она развернула лист бумаги и стала громко читать его, прерывая своими замечаниями. - Господин Гранлис, самый главный, самый уважаемый, не правда ли? Вы обвиняетесь в том, что служите в императорской армии под ложным званием и фальшивым именем; что, будучи высланы из Франции, Вы вернулись сюда, не имея на то права; что Вы носите императорский мундир только для того, чтобы лучше скрывать свою измену и злые замыслы... Все это будет бесспорно доказано, за это я ручаюсь.

- Отлично! - раскланялся принц.

- Кроме того, - продолжала Луиза, - господину Гранлису придется еще объяснить свое присутствие в замке д'Этиоль, присутствие офицера императора среди заговорщиков, под предводительством Бруслара. напрасно будете объяснять это присутствие одним очарованием присутствующей здесь хозяйки замка. Такое объяснение принято не будет, несмотря на прославленную красоту упомянутой дамы.

- Мерси, малютка! - холодно заметила Диана.

- Я не вхожу в споры с женщинами, - возвысил голос принц, - мы подождем судей.

- Вы будете иметь их, - улыбнулась Луиза, - можете рассчитывать на это. Вот что касается сообщников Гранлиса, то виконт Жак д'Иммармон, граф Жан де Прюньжэ - оба бывшие эмигранты, допущенные во Францию. Оба вполне сочувствуют господину Гранлису, помогают ему во всем, разделяют его взгляды и надежды. В Компьене он несколько дней провел у них; в Париже они следуют за ним, как верные телохранители, хотя Изабелла Иммармон и произвела некоторое охлаждение их дружбы: говорят, что ее брат и жених, господин де Прюньжэ, имели полное основание встревожиться...

Женщина, скрытая под кружевами, стоявшая в глубине комнаты, тихо проговорила:

- Слишком много женщин во всем этом!

Никто не слышал этого, так как Иммармон уже отвечал Луизе:

- Мы арестованы, сопротивление бесполезно, мы знаем это. Не возражайте, пожалуйста, и ведите нас, куда следует: в Венсенн или в другое место. Но не берите на себя смелости изображать собой целый судебный трибунал: это Вам вовсе не подходит и удастся плохо. Все Ваши обвинения не действительны: разве преступление - быть другом офицера императора, как мы, принимать его открыто, на глазах всех в своем доме?

Луиза с торжеством перебила его:

- А разве не преступление скрывать в своих стенах, под своей кровлей графа Армана де Тэ князя де Гроа, товарища Бруслара, раненого в деле в замке д'Этиоль, помогать ему бежать и скрыться переодетым за границей? Разве поступать таким образом не преступление для офицеров императора, которыми имеете честь быть Вы?

Она замолкла и ждала. Стояло мертвое молчание, все опустили головы... Положительно эта красивая женщина знала слишком много...

- Вы не отвечаете? - начала она снова, голосом еще более громким и пронзительным. - Тогда я сама скажу вам, как это называется: это - измена, которая кратчайшим путем ведет на Гренельскую площадь.

- Вы - только агент полиции, - заметил Прюньжэ, - сначала Вы изображали судью, а теперь хотите играть роль палача... Это нраво слишком много зараз!.. Мы глубоко обязаны Вам!

- Принимаю Вашу признательность, граф Прюньжэ д'Отрем, - мило улыбнулась Луиза, а затем она обратилась к графу де Тэ: - Ваша очередь, господин де Тэ. Вы - лучший друг Гранлиса и брат того ужасного шуана, ярого врага императора,

которому служите Вы. Родные братья понимают один другого, хотя они и в разных лагерях!..

- Иногда этого и не случается, - тихо сказал бретонский граф. - Ну, на этот раз, ради Вашего удовольствия, пусть будет так! Значит, я - также изменник?

Он говорил спокойно, неторопливо, с ясным, правдивым взором. Луиза была поражена его кроткой красотой и даже пожалела, что он запутан в это дело. Но затем отогнав эти мысли, она повернулась к Диане:

- Вы...

- Нельзя ли поскорее? Мне некогда, а Вы говорите так, что уснуть можно. Лучше уж я сама буду говорить про себя. Я выслана из Франции и все-таки я здесь. Я - подруга Бруслара, дрались в моем замке. Господин Гранлис попал туда случайно и был принят очень дурно. В этом клянусь Богом! Я - роялистка, бунтовщица, инсургентка, шуанка! Такова я была всегда, такова теперь и буду такой впредь! С этим ничего не поделаешь - это в крови. Вы можете арестовать меня, посадить в тюрьму, расстрелять, но запугать меня - никогда! Это такое мешанство - бояться!

- Bravo, Диана! - воскликнула Изабелла.

Диана сделала ей дружеский жест рукой: общая опасность сблизила соперниц, забывших в эту минуту свою вражду.

- Я тоже буду говорить сама, - выступила вперед Изабелла. - К господину Гранлису я питаю безграничную преданность, пламенное уважение - это я заявляю громогласно. Я сопровождала Бруслара в его бегстве; может быть, мое присутствие было ему полезно - тем лучше! У меня шесть степеней дворянства со стороны матери и семь - со стороны отца; мои предки своим оружием служили десяти последним королям, не изменил ни один. В моем семействе гильотина произвела опустошения: мой род принадлежит истории обезглавленных. Я - Изабелла д'Иммармон, из рода герцогов Юржель д'Иммармон, которые пользовались правом быть с покрытой головой в присутствии королей Франции.

- Bravo, Изабелла, - в свою очередь горячо крикнула Диана.

Луиза Кастеле пожала плечами.

- Вероятно в день суда у Вас поубавится гордости! - сказала она, скрестив руки. - Довольно однако! Господа, я уже считаю себя отмщенной. Поймите меня хорошенько! Вы погибли - я предаю Вас. После этого я буду искать и найду Бруслара... Но есть еще одно, неизвестное пока, лицо. Правда, об этой личности я не знаю ничего - даже ее имени. Сударыня, - обратилась она к закутанной женской фигуре в глубине комнаты, прислонившейся к стене, - Ваше присутствие здесь уже говорит против Вас. Кто Вы?

Рука, сверкая бриллиантами, нетерпеливо сорвала с головы черные кружева; показались золотисто-рыжеватые волосы и прекрасное, юное лицо, сияющее красотой, гордостью, сознанием своего могущества. Послышался громкий, смелый голос:

- Полина Бонапарт! Герцогиня Гуасталла, принцесса Боргезе! Довольно этого с Вас?

Мертвое, полное удивления, молчание последовало за этими словами. Затем Гранлис бросился было к Полине, но она отстранила его, и, подойдя к пораженной Луизе, промолвила:

- Ты узнаешь меня, Луиза? Что за игру затеяла ты? Так-то ты отблагодарила императора? Я лично знаю - слышишь! - знаю присутствующих лиц. Я за них отвечаю. Они свободны, я так хочу! - Потом она обернулась к Фроамантелю, Жироллю и другим полицейским. - А вы убирайтесь отсюда! Вон, и как можно скорее: вы ничего не видели, ничего не слышали. Смотрите, будьте осторожны; берегитесь моего гнева: он справедлив и жесток. Ступайте!

Все полицейские моментально скрылись.

Тогда Полина вновь заговорила:

- Луиза, ты не создана для такой роли, тебе придется отказаться от нее. Все это очень печально... - Затем она повернулась к группе обвиняемых заговорщиков и повторила с надменным, высокомерным взглядом: - я - Полина Боргезе!

Все низко поклонились: им было приятно, что их спасла она. Обе женщины побледнели и не сводили с Полины глаз. Она улыбнулась им, так как умела понимать и ценить красоту. Тогда обе, Диана и Изабелла, провти своей воли, в своей величайшей досаде впоследствии, ответили ей также улыбкой и низким, придворным реверансом, как бывало когда-то принято в Версале. Она очаровывала и пленяла невольно, от нее, как от ее брата, точно исходила какая-то могучая, всепокоряющая сила...

Через мгновение Полина величественно и торжественно пошла к выходу. У дверей она остановилась и полуобернувшись громко скомандовала:

- Офицеры - к своим частям! Война объявлена.

Она вышла, оставив всех в полном ошолоблении.

* * *

Некоторое время спустя, Савари узнал об исходе этого дела: открытие прусской кампании принудило его занять свое место адъютанта императора. Его пост наследовал Фуше, соединив в своих руках управление тайной полицией и жандармской частью вместе с общей полицией.

Тогда ему попало на глаза “дело улицы Монблан”. Сначала его изумление, а потом его гнев были беспредельны.

Кантекор получил очень нелестные отзывы за то, что дал себя провести и осмеять таким образом. Ему посоветовали, вернее - просто приказали, снова поступить в военную службу и сопутствовать принцу в армии. Кантекор принял предложение по-неволе, без особенного восторга. Но он решил до своего отправления свести некоторые счета.

В одно прекрасное утро Жиролль был найден мертвым, с ножом между лопатками, а три дня спустя труп Фроамантеля всплыл на поверхность реки под Новым Мостом: обоим сыщикам больше не представилось возможности вмешиваться в чужие дела.

Несколько утешенный Кантекор записался сержантом в полк Тур д’Оверна. Однако, с этих пор он стал меньше любить своего принца и изменил свое мнение о некоторых вещах.

* * *

Действительно война была объявлена. Уже с месяц, как Наполеон поставил прусскому королю категорический вопрос: - Со мной Вы или против меня?

После целого месяца уклончивых переговоров берлинский кабинет сбросил, наконец, маску и одновременно с Россией объявил Франции войну. Принц Людовик, племянник короля, ненавидящий Францию и французов, королеву, знать, армию, весь народ, был заодно с ним.

Обыкновенно спокойная, апатичная германская нация, вдруг точно сошла с ума, охваченная общим порывом ненависти. Население оскорбляло французов на улицах, весь Берлин кричал, угрожал, размахивал кулаками. Наконец дело дошло до того, что жандармы осмелились обнажить свои сабли на пороге французского посольства.

При этом известии Наполеон покраснел от гнева; он схватился за эфес своей шпаги и крикнул задыхаясь:

- Наглецы! Хвастуны! Безумцы! Наше оружие всегда наготове! Мы покажем Вам! Война!

Глухой шум собирающихся полков, топот лошадиных подков, потрясающий землю, звук сигнальных рожков, труб, грохот барабанов...

- Офицеры - на свои места! Вперед, кадеты императрицы!

Плохо обученные, после нескольких дней учений в казармах Курбеуа, они отправились к своим отрядам учить людей! Они ничего не знали, смотрели на других, но смело пошли вперед. Каждый забыл свои личные радости и горести ради общего дела.

Гранлис был уже не принцем, а только поручиком. Ему было тяжело расставаться с Полиной, но она сразу стала равнодушной, холодной, и ему так и не удалось разогреть ее. Но он решил идти на войну; покрыть славой свое имя, там - на поле битвы, тогда, может быть, она простит ему...

Простит ему! Что однако?

Диану д'Этиоль, Изабеллу Иммармон. Она видела их и не могла поверить, чтобы при пламенной любви таких красавиц ее принц остался равнодушен, верен ей одной. Да если даже и так, то это ей тоже не нравилось... Почему? Кто может сказать это? Это - тайна, загадка. Конечно он не виноват: это - просто случай... Очень возможно! Но ведь прежде всего Полина не признает дележа, а кроме того у нее теперь много других забот... Может быть, ей уже кажется слишком долгой шестимесячная связь, может быть, она думает уже теперь о другом? Все ее помыслы заняты войной; она дрожит от нетерпения, как ее брат, пока не будет смыто кровью оскорбление, нанесенное императорскому достоинству.

Война, война! Она разрывает все связи, обрывает идиллии, прекращает элегии.

Рантиньи прощался со всеми своими дамами: цветочницами, белошвейками, модистками, с некоторыми светскими женщинами - со всеми, кого он так пылко любил.

Бертран Микеле де Марш вздыхал глядя последний вечер на Олимпию Мартенсар, опечаленную вдвойне - отъездом брата и слишком застенчивого возлюбленного.

Евгений Мартенсар, подобно Рантиньи, разъезжал по городу в экипаже, спеша в четырех его концах на последнее нежное свидание...

Мадемуазель де Ваденкур, тетки Орсимона, покрывали слезами бонбоньерки, которые украдкой укладывали в погребец так усердно, и столько молились и будут еще молиться... Сам племянник был растроган до слез прощанием.

Зато какая радость была другим - де Тэ, Иммармону, Прюньэ. Можно идти сражаться! Можно идти умирать! Можно, забывая себя, снова служить принцу, защищая его от надвигающейся смерти! Можно сражаться, забыть все на свете - мужчин и женщин, успокоить свои нервы, удовлетворить ненависть, дышать запахом пороха, слушать свист пуль! Вперед!

Де Новар, скептически относившийся ко всему, был доволен общим оживлением страны и народа; он думал, что вероятно, встретит не мало смешного, увидит множество разных гримас, а может быть, удастся подкопить деньжонок.

Маркиз де Невонтер помнил милости к нему Наполеона и под красными отворотами его белого мундира билось восторженное сердце, полное преданности императору.

Все единодушно, забывая другие чувства, интриги, рознь происхождения и мнений, были рады призывному кличу войны и радостно обнажали шпаги.

Империалисты, республиканцы, роялисты - все без различия смешивались в общей массе. Поднималась и шла вперед вся нация, вся Франция!

Война! Война!

Литературно-художественное издание

Л. Мюльбах
ТРАГЕДИЯ КОРОЛЕВЫ

М. Монтегю
КОРОЛЬ БЕЗ ТРОНА

**Отпечатано с готовых диапозитивов,
предоставленных фирмой „Элко-С” Казань.**

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 22.12.93. Формат 84 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,0. Заказ № 7

Издательство и типография „Таврида”

333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

